

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Лион Мзмайлов

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора

Антология

Антология Сатиры

XX века

Антология

XX века

Антология

XX века

Антология

XX века

Антология

Мегапроект «Антология сатиры и юмора России XX века» — первая попытка собрать воедино творения лучших сатириков и юмористов уходящего столетия.

- -
 -
 - [Автобиография](#)
 - [ГЛАВА I](#)
 -
 - [Воспоминания о будущем](#)
 - [Собрание](#)
 - [Телефон доверия](#)
 - [Полночный ковбой из Ярославля](#)
 - [Отклики](#)
 - [Квадратура брака](#)
 - [Америка](#)
 - [Старинный романс](#)
 - [Новое о Мата Хари](#)
 - [В доме отдыха](#)
 - [Мода такая](#)
 - [Пепельница](#)
 - [Земляки](#)
 - [Красавец](#)
 - [Я люблю тебя, Лена](#)
 - [Железная логика](#)
 - [Профессионалы](#)
 - [Кавказская легенда](#)
 - [Киртикуй, Кердыбаев!](#)
 - [Поликлиника](#)
 - [Чума бубонная](#)
 - [Порнуха](#)
 - [Инициатива масс](#)
 - [Как я был предпринимателем](#)
 - [За границей](#)
 - [Людоед](#)
 - [Аферисты](#)
 - [Борьба с коррупцией](#)
 - [Красна девица](#)
 - [Любовь зла](#)
 - [Нет такого слова](#)
 - [Правда-матка](#)
 - [Я должен любить людей](#)

- [Вплоть до отделения](#)
- [Игра воображения](#)
- [Байда](#)
- [Подражая Аверченко](#)
- [Монологи учащегося](#)
 - [Одно место](#)
 - [Частная инициатива](#)
 - [Кулинар](#)
- [ГЛАВА II](#)
 -
 - [Самоубийцы](#)
 - [ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:](#)
 - [I действие](#)
 - [II действие](#)
- [ГЛАВА III](#)
 -
 - [Курочка Ряба](#)
 - [Куриная слепота](#)
 - [Мишка Рябой](#)
 - [Приключения Курочки Рябы, происшедшие](#)
 - [Куриная рябь](#)
 - [Подавитесь!](#)
 - [Чушь курячья](#)
- [ГЛАВА IV](#)
 -
 - [Любовный Бермудский треугольник](#)
 - [Опасное сходство](#)
- [ГЛАВА V](#)
 -
 - [Лягушонок Ливерпуль](#)
 - [Папа и мама](#)
- [ГЛАВА VI](#)
 -
 - [Как выбирали Мухабат](#)
 - [Как проводили](#)
 - [Л. И. Брежнев](#)
- [ГЛАВА VII](#)
 -
 - [Аркадий Арканов](#)
 - [Аркадий Хайт](#)
 - [Михаил Танич](#)
 - [Леонид Дербенев](#)
 - [Иосиф Прут](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 -

■ [Женщины ко мне всегда относились с симпатией](#)

■ [Горжусь, что знаком с этими людьми](#)

■

■

○ [Библиография](#)

○ [INFO](#)

○

● [notes](#)

○ [1](#)

○ [2](#)

Антология Сатиры и Юмора России XX века

А. Кушанов.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ЛИОН ИЗМАЙЛОВ

МОСКВА «ЭКСМО» 2006

*

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Лион Измайлов

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остап»

*

Редколлегия:

Аркадий Арканов, [Никита Богословский], Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог, наук Владимир Новиков.
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта *Юрий Кушак*

Дизайн обложки *Ахмед Мусин*

Фотоматериалы — из личного архива автора.

© Лион Измайлов, 2006

© Ю. Н. Кушак, составление, 2006

© ООО «Издательство «Эксмо», оформление, 2006

Автобиография

А сейчас я хочу представить вам известного писателя-сатирика Лиона Измайлова. Известного потому, что про него многое известно.

Известно, что он отлично учился в школе. Он интересовался только учебной, потому что в это время в Москве было раздельное обучение мальчиков и девочек.

Известно, что после школы он окончил Московский авиационный институт, где получил диплом инженера по специальности художественная самодеятельность.

Известно, что он несколько лет работал инженером, при этом дважды повышался в должности и ни разу в окладе.

Известно, что в 70-м году он наконец понял, что государству будет больше пользы от его литературной деятельности, чем вреда от инженерной. Так он стал профессиональным любителем юмора и сатиры.

Известно, что всю дальнейшую жизнь он повышал свою квалификацию. Он закончил курсы эстрадных режиссеров и получил диплом, дающий ему право ставить на него утюг.

Он закончил Высшие сценарные курсы при Госкино СССР, где обучался отличать хорошие кинофильмы от наших.

Он закончил курсы японского языка и теперь может без переводчика открывать японский зонтик.

Сейчас Лион Измайлов усиленно изучает английский язык, чтобы, по его словам, самому сочинять английские анекдоты, используя наши солдатские.

Известно, что Лион Измайлов выпустил 10 книжек, которые сразу стали библиографической редкостью — так быстро он успел сам скупить весь тираж.

ГЛАВА I

РАССКАЗЫ И МИНИАТЮРЫ

ГЛАВА I

Р

ассказы
и миниатюры

Воспоминания о будущем

(из 1985 года)

И вот наконец наступил он, 2000 год, последний год нашего атомного века. За одиннадцать прошедших лет многое в мире изменилось.

Китай достиг двухмиллиардного населения и ввел новые почетные звания. Женщины, не имеющие ни одного ребенка, получают звание «мать-героиня». А мужчины, которые остаются холостыми на всю жизнь, получают звание «отец-героин».

Монголия сделала большой культурный и экономический шаг вперед. В каждом доме здесь теперь есть водопровод, ванна и стойло для лошади.

Арабы наконец-то согласились признать право Израиля на существование при условии, что столицей Израиля будет город Биробиджан.

Северная Корея объединилась с Южной и помогла ей преодолеть безработицу. Теперь вся промышленность Южной Кореи загружена производством значков Ким Ир Сена.

Франция, используя наш опыт, полностью решила проблему СПИДа. Ни один человек не заболел здесь этой болезнью с тех пор, как во всех публичных заведениях была введена наша госприемка.

В США в целях борьбы с мафией американские коммунисты проголосовали за избрание мэром города Чикаго Бориса Николаевича Ельцина, в ответ на это сицилийская мафия избрала своим почетным крестным отцом недавно вышедшего из тюрьмы бывшего министра Чурбанова. А крестной матерью Галину Брежневу.

В нашей стране за две последние пятилетки снова достигнуты большие успехи.

Все производство у нас в стране автоматизировано. Внедряются передовые методы обработки и станки с программным управлением. Недавно на передовых предприятиях Москвы внедрен новый автоматический станок для обработки двухтонных болванок. Станок сам обрабатывает деталь, а рабочему остается вручную только установить заготовку и снять готовую деталь.

Значительные сдвиги произошли у нас и в сельском хозяйстве. Мы стали производить овощей в два раза больше, чем их могут сгноить наши овощные базы.

И вообще производственная программа выполнена у нас настолько успешно, что недавно Япония закупила у нас большую партию вареной колбасы для производства туалетной бумаги.

Продолжает множиться число совместных предприятий. Самое крупное из них — советско-американское предприятие по построению социализма в одной отдельно взятой стране. Американская сторона предоставила для этого предприятия свое оборудование, рабочую силу, а наша — отдельно взятую страну.

По итогам всенародного обсуждения реформы розничных цен цены на продукты питания не только не возросли, но даже снизились в 1,5–2 раза. Зато втрое выросли цены на талоны на эти продукты.

Выросло число кооперативов, а вот количество желающих заняться индивидуальной трудовой деятельностью несколько уменьшилось несмотря на то, что цена патента на индивидуально-трудовую деятельность снижена и стала теперь несоизмеримо меньше, чем взятка за этот патент.

Наконец-то пришли в норму межнациональные отношения. Верховный Совет Азербайджана согласился, наконец, на присоединение Нагорного Карабаха к Армении при условии, что сама Армения войдет в состав Азербайджана.

Активистам общества «Память» удалось установить, что жидомасонство на Руси берет свое начало от Ивана Грозного, настоящая фамилия которого Грозман. Недавно экстремисты этого общества выдвинули новый лозунг «Забыть всех евреев от Христа до Кагановича!». Начало XXI века боевики «Памяти» отметили крупномасштабной акцией, в один день разгромив в театрах страны жидомасонские ложи, носившие имя Бенуара.

В результате прошедшей реформы среднего и высшего образования в корне изменили взаимоотношения между школой и церковью. В программу изучения общественных наук наряду с научным коммунизмом включена Библия. А ВПШ [\[1\]](#) переименована в Высшую кремлевско-приходскую школу.

С тех пор, как вся страна перешла на полный хозрасчет и всем трудящимся стали платить исключительно по конечному результату, ниже официальной черты бедности стали жить только члены правительства.

Больших успехов достигли мы и в области киноискусства, где полностью перешли на производство совместных с другими странами фильмов. Так, например, скоро на экраны страны выйдет новый татаро-испанский фильм о похождениях казанской сироты на Каннском фестивале.

Популярный когда-то сатирик Михаил Жванецкий сжег второй том своих миниатюр, открыл кооперативный ресторан с публичным домом и не выходит оттуда вот уже два года.

Иосиф Кобзон закончил свою профессиональную деятельность на эстраде и избран председателем Комитета советских женщин.

Произошли выборы Генерального секретаря. Им стал архимандрит Коломенский Питирим. Михаил Сергеевич Горбачев, отработавший свои три срока, направлен послом в Эстонию. На аэродроме его провожала министр культуры Алла Пугачева.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что начатая в 1985 году перестройка завершена успешно и пора начинать новую.

Товарищи, сегодня у нас на повестке дня три вопроса Первое — поездка в субботу за грибами, второе — проводы на пенсию нашего вахтера и третье — перестройка. Давайте, товарищи, поактивнее. Чем быстрее решим эти вопросы, тем быстрее пойдём по домам. Итак, за грибами в субботу поедём?

— Поедём! Поедём!

— Так, первый вопрос решили. Перейдём ко второму вопросу. Предлагаю сдать по рублю вахтеру на подарок. Сдадим?

— Сдадим! Сдадим!

— Товарищи! Перейдём к третьему вопросу. Вопрос такой: ответьте мне, товарищи, что сейчас происходит у нас в стране?

— А что происходит?

— Что случилось?

— Опять что-нибудь?

— Где? Что?

— Ну, что у нас в стране сейчас? Как, по-твоему, Иванов?

— Лето у нас сейчас в стране.

— Ясно, что лето. Я спрашиваю, что у нас сейчас в стране в социальном плане, Петров?

— Неужели уже коммунизм?

— При чем здесь коммунизм? Что у нас сейчас в стране происходит прогрессивное? Сидоров?

— У нас сейчас в стране наступление прогрессивного, передового, отступление старого, отжившего. Мы сейчас все как один и недалек тот час...

— Хватит молоть! Перестройка у нас в стране!

— Так это уже давно. Мы думали, чего еще. А перестройка — это конечно.

— Да, перестройка. Так что включайтесь в обсуждение поактивнее, потому что сегодня по телевизору 13-я серия «Разврата в подворотне». Какие будут предложения, Иванов?

— Ну чего, надо так надо.

— Это вообще, а поконкретнее? Вот ты, Сидоров, что, ты считаешь, нам надо делать?

— Подумать надо.

— А о чем ты раньше думал?

— Раньше я про грибы думал, про вахтера, про разврат, про подворотню.

— Ну, хорошо, ты, Петров, какие у тебя мысли есть по перестройке?

— Да я в принципе не против!

— Ну, молодец. Он не против. Вся страна за, вот и Петров теперь присоединился. Как вам это нравится, Марья Степановна?

— Да мне этот Петров с самого начала не нравился. Прошлый год червонец занял, думала, ухаживать начнет, а он просто не отдал — и все.

— Ну хорошо, товарищи, давайте вопрос по-другому поставим. Давайте выбирать: будем жить по-старому пассивно, ты мне, я тебе, или будем активно внедряться в жизнь, проявлять выдумку, инициативу? Ну что вы все задумались? Ты что набычился, Петров? Будешь жить по-новому?

— Если зарплату повысят, буду.

— Работать надо, тогда и зарплату повысят, вот ты, Иванов, хочешь жить по-новому?

— Интересно, Петрову зарплату повысят, а я живи по-новому!

— Ты, Сидоров, скажи, разве в деньгах дело?

— Нет, конечно, важно жить по-новому.

— Молодец, Сидоров, а что для этого надо, чтобы жить по-новому, чтобы лучше жить, что нужно?

— Нужно зарплату повысить.

— Опять за свое. Марья Степановна, ну вы хоть скажите. Ну, неужели не хотите лучше жить?

— Ну кто ж не хочет лучше жить. Хоть напоследок. Так ведь же не с кем.

— Вот. Все хотят жить лучше. Но ведь для этого перестраиваться нужно. Что такое перестройка? Вот, к примеру, когда все делается с огоньком, с наращиванием темпов, все быстрее и быстрее, как это, Иванов, называется?

— Это называется спешка.

— Не спешка, а ускорение. Ну, а когда люди, невзирая на чины, критикуют, говорят в лицо, что думают, как это называется, Петров?

— Хамство, что ли?

— Да нет, гласность это называется.

— Ну, а ты, Иванов, скажи, когда человек делает предложения, придумывает новое, его не просят, а он все равно вмешивается, как это назвать?

— Наглость.

— Нет, не угадал. Это творческая инициатива. Вот я вас и спрашиваю, что в свете этих трех направлений вы можете сделать? Что, к примеру, ты, Иванов, можешь дать стране?

— Кровь могу дать стране.

— Да кому твоя кровь нужна, алкоголик несчастный! А ты, Петров?

— Ну, могу вовремя на работу прийти.

— А ты, Сидоров?

— Ну, я могу сначала кровь сдать, а потом вовремя на работу прийти.

— Ну, а вы, Марья Степановна? Тоже, что ли, кровь можете сдать?

— Почему кровь, я и другие анализы могу сдать!

— Ну все, граждане, хватит на сегодня. Завтра чтобы все вовремя на работе были. С 9 до 11 опять будем перестройкой заниматься.

Телефон доверия

Во многих городах нашей страны есть сейчас телефоны доверия. Позвонив по такому телефону, человек может получить психологическую помощь, может выговориться, успокоиться. Это очень хорошее начинание. Естественно, по такому телефону должен отвечать вежливый, воспитанный и очень терпеливый человек. Так оно и есть. Но разве не должны быть вежливыми и терпеливыми другие люди, работающие в сфере обслуживания? А представьте себе, что по телефону доверия нам отвечают так же, как нам часто отвечают в обычном магазине. Итак, телефон доверия.

— Да, телефон доверия слушает. В чем дело, гражданка? Успокойтесь. А я говорю, успокойтесь сейчас же, а то повешу трубку. Что случилось? В очереди обозвали? Ну, и как назвали? Неудобно повторять? Ну, давайте я вас по очереди обзывать буду, в нужный момент вы меня остановите. Почему это вы думаете, что я таких слов не знаю? Я что, в школе не училась? Тогда и не звоните сюда. А то я вас так назову, что всю жизнь будете ходить обозванной.

— Да, телефон доверия. Так, муж ушел. Куда? К другой? Она красивая? Нет. Умная? Нет. Ну, хоть стройная? Тоже нет? Тогда не волнуйтесь, скоро назад вернется.

— Да, телефон доверия. Да. Нет. Я говорю, не знаю, где такой магазин, чтобы водку продавали до двух. Нет у нас такого магазина. Где ближайший? В Лейпциге. Нет, не за Черемушками налево, а за Чехословакией направо.

— Да, телефон доверия слушает. Вторую ночь не спите? А что такое? Подруга дубленку купила? Канадскую? С опушкой? И всего за триста? С ума сойти можно. Я теперь сама три ночи спать не буду.

— Да, телефон доверия слушает. Ну, что вы из себя нервничаете? Что случилось? Вам за тридцать, а вы все еще не замужем? Бойтесь остаться старой девой? Не бойтесь. Почему? Потому что вы уже три года как старая дева. Я не хамлю, а успокаиваю. Ну и что ж, что оскорбили, зато вам теперь волноваться не о чем.

— Да, телефон доверия на проводе. Слушаю вас. На что жалуетесь? Одиночество? Тоска? Нет близкого человека? Поговорить не с кем? У вас что, в квартире тараканов нет? Поговорить ему не с кем.

— Да, телефон доверия. Настроение плохое? Вокруг хамство? Видеть никого не можете? Пробовали отравиться? А чем? Так. Ну и что? Не помогло? А потом чем? Тоже не помогло? А затем? Тоже не берет? Ну, даже не знаю, чем вам помочь. Остается одно: пообедать в обычной столовой.

— Але, телефон доверия. Так. Муж сбежал. К кому? К Зинке? Ну и радуйтесь, пусть теперь Зинка с ним помучается. Ах, он с вещами сбежал? И что унес? Ах, весь гардероб! И что именно? Платье, пальто? Ах, он весь шкаф унес! Ну и силен он у вас! Подумаешь, купите себе другой шкаф. Ах, в шкафу Петр Сергеевич сидел! Это уже хуже. А одежда у вас осталась! Ну, умора. Так в чем вопрос! Бойтесь, что Петр Сергеевич за Зинкой начнет ухаживать? Ну, значит, шкаф к вам вернется.

— Да, телефон доверия. Так, настроение плохое. Так, жена грубит. Плохо к вам относится. Хамит вам, не ухаживает за вами, не готовит вам... Вась, это ты, что ли? Ну, чучело гороховое! Я домой приду, устрою тебе светлую жизнь в темном углу. Я тебя утюгом

на всю жизнь успокою.

Полночный ковбой из Ярославля

Значит, дружок мой, Валька Петухов, слесарил себе в славном нашем городе Ярославле и ни о чем таком плохом не думал. А думал он о том, чтобы как следует заработать и купить мотоцикл «Ява» — на работе у нас не разживешься, подработать не дадут. По домам краны чинить тоже не прорвешься, там своих хануриков хватает. Хотел в кооператив наняться, оказалось, в этих кооперативах пирожки пекут, трубочки крутят. Куда нам с гаечным ключом.

А тут как раз в газетах стали про проституток писать. Начитался Петухов про этих проституток, по телевизору на них посмотрелся и говорит:

— Раз где-то есть проститутки, значит, должны быть и проституты. Поеду, — говорит, — на промысел. Займусь, пока другие не спохватились.

Ему ребята из бригады говорят:

— Ты на себя в зеркало посмотри, чучело гороховое. Какой из тебя проститут в сапогах и телогрейке. Кто на тебя позарится?

Он отвечает:

— Не скажи. Тут одну тетку по телевизору показывали, страшна как некрашенный танк, а за ночь сто рублей получает. Да я за такие деньги три ночи подряд вкалывать могу. Нет, поеду, может, кого и подцеплю.

Я ему говорю:

— Ясное дело, чего ты там подцепишь. Да только кто ж тебе за это столик даст? На тебя трояк и то жалко. Да чтоб с тобой за деньги пойти, это вообще надо веру во все хорошее потерять. Ты сам доплачивать должен, да и то вряд ли найдешь.

Всей бригадой его уговаривали, а он:

— Нет! — уперся, и все. — Какую-нибудь тетку найду богатую, прибарахлюсь и куплю мотоцикл «Ява».

Ребята говорят:

— Ладно, давай, чтобы тебе не позориться, мы все скинемся, купим тебе мотоцикл, потом отдашь.

— Нет, — говорит, — хочу заработать сам, честным трудом, вот этими вот мозолистыми руками.

Отступились от него. Хочешь — езжай. Какая на тебя дура найдется? Через год с ребенком вернешься, вот и все.

Вообще-то, он так парень ничего, не страшный. А тут приоделся, джинсы индийские купил, рубашку украинскую с вышивкой и шляпу отхватил с полями, как аэродром. Ну, в общем, вылитый ковбой. Сел в поезд и укатил в Москву. Весь день по Москве бродил, приглядывался. Искал, где у них здесь лежбище. Хотел попасть в Хаммеровский центр, но не пустили. Спросил у каких-то мужиков в очереди:

— А где здесь у вас, мужики, проститутки роятся?

Ну, мужики тут же слупили с него на бутылку сухаря и посоветовали вечером поехать к гостинице «Националь».

Приехал он и увидел — народу видимо-невидимо. Машины подъезжают и отъезжают, мужики какие-то знакомятся с девицами, спариваются, исчезают. А на Петухова охотниц не

находилось. Он уже и левым боком вставал, и правым, и живот выпячивал, и зад отключивал — никого. Подошел какой-то тип, спросил:

— Порошка не надо?

— А от чего? — спросил Петухов.

— От дурости, — сказал тип, плюнул и отошел.

Где-то к 12-ти Петухов перешел к активным действиям. Высмотрел себе девицу посимпатичнее, подошел к ней таким ухарем и говорит:

— Пройтись не желаете?

Девица ему в ответ:

— Желаю, только не с таким чучелом, как ты, придурок.

Петухов как ошпаренный от нее отлетел и долго еще в себя приходил. Было уже поздно, народ разошелся. Петухов стоял и думал:

— Фиг с ней, с «Явой», хоть бы на велосипед заработать.

Но с велосипедом тоже не получалось. Но тут увидел он, как подъехала машина, из нее вышла женщина лет 35, одета прилично. Петухов набрался смелости и пошел к ней, насвистывая позывные радиостанции «Маяк». Женщина глянула на него, поморщилась и спросила:

— А бабки-то у тебя есть?

Петухов не понял, о чем это она, но на всякий случай сказал:

— В Греции все есть.

— Ну, тогда пошли, что ли, грек? — сказала женщина.

Петухов сказал:

— Пошли, гречка.

Приехали. Квартира оказалась богатая.

— В ванную пойдешь? — спросила женщина.

Петухов пошел в ванную. Пустил там воду, помыл руки, почистил зубы, побрызгал себе в рот дезодорантом — готовился к бою. После этого вернулся в комнату.

— Ложись, — сказала, — сейчас приду. — Хотела уйти, но Петухов ее остановил:

— Ты погоди, — говорит, — а цена-то какая?

— Цена известная, — говорит женщина, — сто за ночь, 25 за раз.

Петухов сказал:

— Лучше за ночь.

— За ночь так за ночь, — говорит женщина и снова хочет уйти, но Петухов ее снова остановил.

— А может, лучше 150? — спросил он.

— Да хоть тыщу, — говорит женщина.

Петухов скромно потупился и говорит:

— Ну, тысячу-то многовато будет.

— Ну, значит, 150, — сказала женщина.

— Но деньги вперед, — говорит Петухов.

— Ну хочешь вперед — давай, — говорит женщина.

— Чего давай, — закричал Петухов, — чего давай, я что-то же не пойму, кто здесь кому и чего дает?

— А чего тут понимать? — говорит она. — Сначала я тебе, а потом ты мне.

— Ну так давай деньги! — кричит Петухов.

А женщина ему в ответ:

— Ты куда пришел-то, чучело гороховое, в сберкасса, что ли? Здесь ты платишь, потому что я проститутка, а ты кто такой?

— А я проститут! — гордо сказал и почувствовал, что его ударили лампой по голове.

Через две недели после этого Петухов в синяках и царапинах явился назад на работу в славный город Ярославль. Посмотрели на него ребята и сказали:

— Ты, видать, там с медведицей жил?!

Некоторое время назад в журнале «Крокодил» была опубликована статья В. Витальева «Чума любви», где фельетонист писал о валютных проститутках в Сочи и Туапсе. Появились подобные статьи и в других газетах. Статьи о так называемых путанках.

Отклики на эти публикации поступают со всех концов нашей страны до сих пор. Поток писем от отдельных граждан, семей и трудовых коллективов. Многих эта проблема волнует по-настоящему и давно. Рабочие и колхозники, коллективы заводов и фабрик выражают свое глубокое удовлетворение по поводу этих статей.

Кандидат наук из Новомосковска пишет: «Наконец-то мы узнали о том, что у нас есть то, чего у нас не было, нет и никогда не будет, — о проституции».

Товарищ Сидоров из Калуги пишет: «Интересное дело, за последние два года у нас появились и антисемиты в «Памяти», и наркоманы, и даже проститутки. А раньше ведь ничего не было».

Инженер Загоруйко из Запорожья пишет: «Пусть на Западе знают, что и мы не лыком шиты, и у нас есть проститутки, или, как говорят в простонародье, путанки».

А вот письмо из Челябинска: «Это, конечно, хорошо, что вы написали про путанок в Сочи и Туапсе.

А что же наш Челябинск, хуже, что ли? Мы тоже хотим знать своих путанок в лицо».

А вот письмо из Чугуева: «В наш город иностранцы не приезжают и поэтому нет притока валюты. Может быть, стоит завести у нас штук пять путанок? Глядишь, и иностранцы к нам потянутся».

Жительница города Воркуты пишет: «Что же это такое, мы тоже были молодые, но никогда за это не брали ни копейки. Как не стыдно! Они потеряли за валюту честь, которую теперь ни за какие деньги не купишь».

Что же предлагают наши корреспонденты? Каким образом можно искоренить этот порок, ведь никакой уголовной ответственности путанки за свою деятельность не несут.

Коллектив тракторного завода из Ступина предлагает: «Пришлите их к нам, мы из них быстро людей сделаем. Поживут в трудовом коллективе, мы их научим, чего можем. Поглядим, что они умеют. Глядишь, и поладим».

Гражданин Хочуберидзе из Тбилиси предлагает оформить проституцию как индивидуальную трудовую деятельность, а путанок объединить в кооперативы при райисполкомах. Выдавать им спецодежду, платить за вредность производства.

«У меня подрастает дочь, — пишет нам бухгалтер из Костромы Гусева. — Она, прочтя статью, сказала: «Мама, ведь валюту у нас платят только за самые качественные товары». Она хочет учиться на путанку. Ответьте, где-то ведь должен быть такой техникум или хотя бы профтехучилище».

Мария Константиновна Рожнова из Риги просит: «Расскажите, как живут путанки, чем они питаются. Платят ли они профвзносы, есть ли у них политдень. Каковы их трудовые показатели, получают ли они премию, ездят ли осенью в колхоз собирать картошку?»

Товарищ Стульчак из-под Тамбова требует: «Всех их отправить в колхоз, одеть в телогрейки и резиновые сапоги и выдавать на трудодни».

Товарищ Награльянц из Сухуми прислал телеграмму: «Усыновлю двух-трех путанок не

старше 40 лет. Гарантирую трехразовое питание и койку за 3 руб. в день с видом на море».

А вот письмо от одной из пуганок, которая просит не называть ее имени. В этом письме Надежда Сизова пишет: «Я не собиралась заниматься проституцией, но со мной никто не хотел встречаться просто так. Пришлось брать деньги. А я бы, честно говоря, с удовольствием бы вышла замуж за какого-нибудь простого рабочего парня с Мадагаскара».

А вот письмо с золотого прииска из-под Читы: «У нас совсем нет женщин. Одна повариха. Но она уже так обнаглела, что вашим пуганкам не снилось. Пришлите хоть одну. Оформим ее поварихой. Валюта по перечислению».

Одним словом, зло выявлено, и теперь надо бороться за его искоренение.

Сейчас пуганки повсеместно привлекаются к административной ответственности. А общественность в своих письмах требует, чтобы при повторном занятии пуганки приговаривались к пяти годам супружеской жизни.

Квадратура брака

Глупо, конечно, четыре раза жениться на своей собственной жене и в конце концов жить с ней в разводе.

Мы с ней учились в одном классе. Жили в соседних домах. Само собой получилось, что и в школу, и домой мы ходили вместе.

Классе в шестом мы мечтали пожениться. Она сказала, что, пока у меня будет хоть одна тройка, ее мужем мне не быть. Я исправил все тройки, но мечта могла быть осуществлена только после десятого класса.

До этого все были против. Как только мы получили аттестаты, мы поженились. Она была самой красивой в классе, по мнению наших мальчиков. Самой красивой в школе, по мнению ребят из соседней школы. И самой красивой в мире — по моему личному мнению. И мне это мнение никто не навязывал.

Мне было восемнадцать, ей — семнадцать. Мы поступали в институт. Я провалился, она попала на филологический.

Мы прожили вместе два месяца. Квартиры собственной не было. Жили то у ее, то у моих родителей.

Осенью я ушел в армию. Там, в казахских степях, я вспоминал ее непрерывно. Я вспоминал мои проводы. Она, тоненькая, в светлом, почти прозрачном платье стоит в проеме двери, и силуэт ее четко очерчен под этим платьем.

Я писал ей письма каждый день. Она отвечала раз в неделю. Два года тянулись, как путь черепахи. Но когда я оглянулся, этот путь показался мне очень коротким. Черепаха моей жизни прошла совсем немного.

За две недели до демобилизации я вдруг перестал получать письма.

— Ничего, — успокаивал я сам себя. — Осталось совсем немного, зачем писать. Уж лучше мы поговорим без писем.

Не снимая формы, я пошел к ней домой. Тани не было. Мать ее, которая знала меня с семи лет, не смотрела мне в глаза, умолкала и, наконец, не выдержав, сказала, что Таня теперь мне не жена.

Я расхохотался, я вынул паспорт и показал штамп. Мы были расписаны перед депутатом и свидетелями.

— Она мне жена! — закричал я.

— Ну, значит, ты ей не муж, — сказал Танин отец. — Не дождалась она тебя, Витек, не дождалась. Ты уж нас извини.

Я пошел домой. Я лежал несколько дней, уставясь в стену. Я не мог спать, я не мог есть. Если я засыпал в три, то в пять меня будили кошмары. Я видел, как он, этот ее институтский преподаватель, обнимает ее. Да нет, даже не обнимает, просто она улыбается ему. Обнимает — это уже из запретной области. Из той области, откуда можно не вернуться.

Она пришла через неделю. Я к ней даже не повернулся.

— Прости, Витек, — сказала она. — Так получилось.

Ответ был исчерпывающим, она села на диван и стала гладить меня по волосам. Ей было жалко меня. Нет, меня не оскорбляла ее жалость. Нет, не оскорбляла. Я сам себя жалел, вот это ненавистное чувство, а то, что она меня жалела, я бы перенес.

Я лег на спину. Мне хотелось спросить — он лучше? Он умнее? Он сильнее? Но я ни о чем не спрашивал. Она разделась и легла рядом со мной. Я понимал, что это плата за то, что она не дождалась. Она обняла меня, и соленая водичка потекла из ее глаз по моим губам. Но я не мог ее погладить.

Я так мечтал об этом диване и о том, что она будет рядом.

Ну вот и сбылась мечта идиота. Я заставил себя спросить:

— Когда пойдем на развод?

Она разозлилась, встала, оделась и сказала:

— Хоть сейчас.

Мы пошли разводиться. Мы молчали. А что было говорить. Перед загсом она сказала мне, видно, это было обдумано заранее:

— Напишем причину — психологическая несовместимость.

Я кивнул головой и написал: «Разлюбил».

Она поморщилась. Я соврал. Я не разлюбил. Я хотел разлюбить. Я делал все, чтобы разлюбить. Я встречался... С кем я только не встречался. Я встречался с ее подругой. Таня не выдержала. Она прибежала ко мне. Плакала, говорила, что больше не может. Не дождалась меня, потому что было тоскливо одной. Я не удержался. Сбылась мечта долгих солдатских ночей. Мы лежали на диване. И честно вам скажу, не одна она плакала.

Мы пошли в загс.

Мы сразу пошли в загс. Она с тем даже не успела расписаться. Мы порвали их заявления и написали свои.

Я поступил в политехнический заочный. Надо было кормить жену. «Маленькая, но семья».

Работал автослесарем. Не зря я в армии мерз в танке и умирал от жары в нем же.

Мы прожили два года. Она закончила институт. В школе ей работать не хотелось. Устроилась редактором на телевидении. Виделись мы редко. Я вечерами ходил в институт. Четыре раза в неделю.

Два вечера она ходила на теннис и только в воскресенье у нас была семья. Эта семья лежала до двенадцати в постели. Потом семья шла в соседний лес. На пять часов в кино. В девять мы ужинали и снова лежали на моем стареньком диване.

Именно он ее больше всего и раздражал. Можно было купить другой диван, но дело было не в нем. Ей было двадцать три, мне — двадцать четыре. Времени мне на чтение не хватало. Да ни на что времени не было. У нее своя жизнь, свои знакомые, друзья. Свой круг. Я их видел только на дне ее рождения. Что там говорить. Я был рядом с ними валенком. Тупым, серым, войлочным. И долго так продолжаться не могло. Однажды я не пошел в институт и явился к ней на тренировку. Я смотрел на нее издали из-за сетки.

На ней была коротенькая юбочка. Стройные, загорелые, сильные ноги стремительно переносили ее тело по площадке, она должна была нравиться. Кроме того, она и играла лучше всех.

После игры седой стройный красавец взял ее под руку, и они пошли, весело болтая. Наверное, они хорошо смотрелись. Мерзко они смотрелись. Может, поэтому все на нее оглядывались.

А я в своих джинсах фирмы «Чебурашка» шел за ними и понимал, что жизнь наша кончилась.

Я пошел домой, собрал вещи. Написал ей бумажку, что согласен на развод, и уехал в

Москву.

Я перевелся с потерей курса в авиационный институт. Стал учиться на дневном, работал на кафедре. Чинил доцентам машины. Денег хватало. Я ей не написал ни одного письма. Она мне тоже. Конечно, она могла найти мой адрес. Если б хотела. Мы были разведены.

Я закончил институт, женился на москвичке, хорошо работал, писал кандидатскую. Встретил Таню на конференции. Что-то по технической эстетике. Я ее едва узнал. Нас познакомили. Она была от какой-то газеты. Сказала — Татьяна Алексеевна.

Я — Виктор Семенович.

Лицо было до боли родное. Наконец я не выдержал, сказал:

— Таня.

Она бросилась мне на шею.

Мы вспомнили давние времена. Она теперь тоже москвичка. Была замужем, развелась, разменялась. Мы пошли к ней. Чаевничали. Она рассказывала. Была уверена, что ее тогда оклеветали, навели на нее поклеп. Я не возражал. Сказал, что ей тогда нужен был другой, я ее не понимал.

Она ответила, что, только будучи замужем за другим, узнала, что никто ее так не понимал, как я.

Все шло к тому, что мне надо остаться, но я ушел. Мы стали видеться, сначала просто так — как земляки. Она даже пришла к нам в гости. Жене Таня активно не понравилась, и она запретила мне с ней встречаться. У женщин какое-то особое чутье на опасность. Пришлось обманывать и встречаться тайно.

Она проявляла инициативу. Приезжала, звонила. Я раздваивался и, извините за каламбур, даже расстраивался. Но только сейчас я понял, что всегда любил эту первую свою женщину и вспоминал ту ее семнадцатилетнюю в проеме двери, и ту двадцатичетырехлетнюю на теннисном корте, и потом — как ведет ее под руку этот седой.

Продолжаться долго так не могло. Врать не хотелось. Дома я стал мрачным, раздражительным.

А с ней мы читали стихи. Это были стихи нашей юности.

Я не мерил высоты,
чуть видна земля была...
но увидел вдруг: вошла
в самолет летящий ты!
В ботах, в стареньком пальто
и сказала: «Знаешь что?
Можешь не убегать!
Все равно у тебя из этого
ничего не получится...»

Эти слова были написаны про нас.

Я честно сказал обо всем своей жене. Она плакала, говорила, что я ей изменял и она это чувствовала.

Но я ей не изменял. Я просто любил другую. И любил ее всегда. Так мне тогда казалось. Мы с Таней поженились. Она настояла на расписке. Хотя зачем эта расписка была

нужна — непонятно. На этот раз мы прожили с ней три года. У нас родился мальчик. Приехала Танина мама сидеть с ребенком. За ней потянулся и мой тесть. Обмен им произвести не удалось. Так и жили в нашей двухкомнатной. Это Танина однокомнатная и моя комната объединились в квартиру. Я защитил кандидатскую. Стал делать докторшею. Быт заедал. Не было возможности работать дома. Сидел в библиотеке, ночами на кухне.

Таня выбивалась из сил. Бросить начатую работу я не мог. Ей тоже нельзя было уйти из газеты. Каждое место на вес золота. Мы стали ругаться. Теща и тесть подливали масло в огонь. Я, естественно, был никудышный. «Другие вон как, а этот вот так».

В один прекрасный вечер меня, неумеху, растяпу и слабака, выгнали из дому.

А я этого и не заметил. У меня как раз начал получаться эксперимент.

Развод понадобился через полгода. Ей, Тане. Даже не помню почему. Может быть, снова хотела сойтись со мной и решила проверить мое отношение этой лакмусовой бумажкой.

А я в это время был поглощен своей работой. Потом пошла эта тяжба. Моя докторская была на основе изобретения. Экономия получалась огромная. Некоторые примазывались... Да я бы и не против, не в деньгах дело. Но если бы они все стали моими соавторами, как бы я мог защитить свою докторскую.

Мы с Таней развелись. Я вообще заметил, когда расхожусь с Татьяной, у меня начинают лучше идти дела. И на этот раз я выиграл тяжбу, защитил диссертацию и получил огромную сумму денег.

На эти деньги купили большую кооперативную квартиру. Теперь мне как доктору еще полагалась дополнительная площадь и как изобретателю тоже.

Иногда, и я бы даже сказал довольно часто, я встречался со своим сыном. Его приводила теща ко мне, или я приезжал на детскую площадку.

Но все мои тяжбы не прошли даром. Я слег. И Татьяна сама пришла ко мне. Она выглядела прекрасно. К тем двум картинам, ну, вы, наверное, помните — она в проеме двери, и она же на теннисном корте, прибавилась еще одна — Татьяна держит на руках моего ребенка.

Она выхаживала меня, несмотря на занятость. Дом, ребенок, газета. Теперь она работала в международном отделе. Нечасто, но все же ездила за границу. Хороша была — лучше прежнего. Через два месяца я поправился. Пригласил ее к себе в гости.

Я так привязался к ней за эти два месяца. Я вдруг снова увидел ее. Где были раньше мои глаза. Но тогда сошлось все: докторская, отсутствие своего угла, изобретение, ругань дома — в общем, все, все. Теперь я мог спокойно разобраться, спокойно осмотреться. А что, собственно, смотреть-то. Одни в огромной квартире.

Мы поженились. Она продолжала ухаживать за мной, родители ее жили у Тани, мы здесь — у меня. Ребенок то здесь, то там.

Для закрепления лечения я поехал в санаторий. Все думал, почему мы опять поженились. Ну, с моей стороны это могло быть чувство благодарности, а она, ей-то это все зачем. Любовь у нее? Боязнь одиночества? Мы все друг про друга знаем. Ничего нового. Каждый живет своей жизнью. Чужие и родные одновременно. Может, ищем друг у друга поддержки?

Всем этим мыслям очень способствовала молоденькая, хотя уже и не очень, медсестра санатория.

А что, думал я, плюнуть на все, влюбиться в это нежное создание, и гори оно все огнем.

Так оно и получилось. Я влюбился. Солнце, море, воздух, какие-то экзотические запахи тропических растений. Она для меня воплощение юности и красоты. Я для нее, понятия не имею, воплощение чего. Солидный дядя ученый, не очень еще старый, не совсем еще большой. Могу чего-то там порассказать. Живу в столице. Лично знаком со знаменитыми артистами.

Эх, гуляй, Витек! И загулял Виктор Семенович от радости, что жить остался. Но день возвращения приближался, и небо над головою становилось все мрачнее и мрачнее.

— Вот все вы так, — говорила медсестра. — Сначала веселые, говорливые, а потом, как ближе к отъезду... Не возьмете меня теперь с собой!

Милая моя.

Взял бы я тебя...

Но там в краю далеком...

и так далее.

Нет. Я сказал, что приеду в Москву, приведу свои дела в порядок и тогда уж вызову ее к себе.

Но когда я вернулся, привести дела в порядок оказалось не так просто. Татьяне одного взгляда было достаточно, чтобы сказать: «Разводимся».

Ну, это был развод так развод. Всем разводам развод. Делили все: книги, посуду, квартиру. Нет, не по суду, а так вроде как мирно, во всяком случае, так могло показаться со стороны.

Я уже и прощения просил, она была непреклонна. И только повторяла: ни одно доброе дело не должно оставаться безнаказанным. Вот дура старая и получила. Разделили все. Мне однокомнатную с доплатой, им с сыном двухкомнатную. А остальное — я сказал, бери, что хочешь. Но она скрупулезно делила чашки, блюда, книги и тряпки.

— И не думай, — сказала она на прощание, — что я тут сидела и ждала, когда ты наставишь мне рога. Не волнуйся, я одна не останусь.

Ну, это уже был запрещенный прием.

— Это удар ниже пояса, — сказал я.

— У тебя пояс на шее, — сказала она. — Если не бить по лицу, то обязательно попадешь ниже пояса. А бить человека по лицу я с детства не могу.

Она еще ж шутила.

Граждане, я понял, что люблю ее и любил всю свою сознательную жизнь. А особенно я понял это тогда, когда она не разрешила мне встречаться с сыном.

— Ты нас предал, — сказала она. — Ты нас обоих предал.

Я понял, что ее не только люблю, но и ненавижу.

А тут как раз и Надюшка с юга прикатила. Вот уж подарочек был к новоселью. Где море? Где солнце? Где обаяние юности? Слушайте, куда это все девается здесь, в Москве? Но в чем она виновата, если я мерзавец?

Нет, абсолютно точно, я всю жизнь любил одну Татьяну.

«Тоскливо жизнь моя текла». И совсем уж плохо стало мне, когда я увидел ее с этим полковником. Извините, не я следил за ними. Он провожал ее до дома. Она уходила. Он закуривал, я подходил к нему. Мы разговаривали. Он заявил, что любит Татьяну Алексееву.

Я ответил ему тем же. Мы поклялись сделать все зависящее от нас, чтобы соперник остался с носом.

В общем-то у меня нос небольшой. Вот я с этим небольшим носом и остался. А полковник женился на моей бывшей жене. Их счастье длилось долго. Месяца четыре.

Я не отступал. Я приходил к ней в газету, я флиртовал с ее подругами. Когда она возвращалась из-за границы, мы оба встречали ее в аэропорту. Полковник брал ее под руку, и они уходили, а потом уезжали в серой «Волге». Я купил машину и теперь мог ехать позади них. Другими словами, я всячески отравлял им жизнь своим присутствием. Но что поделаешь. Такова се ля ви. Извините за шутку. Когда уже нет никаких надежд, начинаешь шутить, причем плохо.

Полковник сказал мне, что пристрелит меня.

Через три месяца я перестал их преследовать. А через месяц они разошлись. Я больше не звонил Гане, не приходил к ней. Толика, сынишку, я видел все время. Но даже у него я не спрашивал о маме.

В один прекрасный, самый прекрасный в моей жизни вечер они пришли вдвоем.

— Знаешь, — сказала она, — я подумала, что мы с тобой уже немолодые люди. Если мне есть что вспомнить, то только то, что было связано с тобой, я помню все. И парту, за которой мы сидели, и как я тебя провожала в армию, помню, как ты лежал лицом к стене на твоём старом диване. Я даже помню мелодию пластинки, это был Эллингтон.

И я тоже помнил все: силуэт ее в проеме двери, сильные, загорелые ее ноги на теннисном корте, и она — мать моего сына — с ним на руках.

— Знаешь что, если ты не против, я хотела бы все продолжить.

— Папа, — закричал Толик, — вы теперь снова в загс пойдете?

— Нет, — сказала Таня. — В загс мы больше не пойдём. Уже неудобно выходить в пятый раз за собственного мужа.

Вот так и живем. И можем разойтись в любое время. И никогда уже не разведемся, поскольку не расписаны.

Мы тут с Вадиком Дабужским ездили в Америку. Выступали перед ихней публикой. Вернее, перед бывшей нашей.

Америка мне понравилась, я и раньше о ней много читал. Помните, как у нас в газетах писали, что это страна контрастов. Дескать, там небоскребы и рядом трущобы.

Я приехал и сразу убедился, что это действительно так и есть. Огромные такие небоскребы, а рядом такие двухэтажные дома на одну семью с садом. Вот, видно, это и есть те самые трущобы.

Отели у них замечательные. Они, вы знаете, различаются по звездочкам. Если со своими парниками, теннисным кортом и бассейном, то пять звездочек, чуть похуже, четыре и так далее. Я думаю, по этой шкале наши гостиницы, в которых мы живем, должны быть минус две звездочки, минус четыре. А недавно мы в Одессе в одной гостинице жили. Ну там ни корта, ни бассейна, ни ванной, ни туалета. Я думаю, она так тянет на минус восемнадцать звездочек, и то, если перед входом в нее влить в себя стакан коньяку в пять звездочек.

Купить там в Америке можно практически все. Свободно можно достать гречку, перловку, сахар без талонов. Водку дают больше двух бутылок в одни руки. Проблема не как купить, а как продать. Там один из наших туристов привез в Чикаго восемь электрических утюгов, ну, кто-то ему сказал, что там в провинции с утюгами плохо. А, оказывается, там с дураками плохо. А тот американец, который все же купил у него два утюга, оказался нашим туристом из Караганды.

Вот у меня было раньше представление, что Америка — это страна разврата. А, однако, у них по телевидению ничего такого не увидишь. Никакой Веры, ни маленькой, ни большой. Нет, там есть, конечно, специальные кварталы, где есть секс-шопы, ну, там резные принадлежности продаются. наших здесь тоже легко узнать, он, если увидит в киоске на обложке голую женщину, так сразу же и кричит: «Мужики, ко мне!» А уж если на секс-фильм пойдет, то вцепится в кресло с такой силой, что подлокотники трещат. Зато когда выйдет из кино, скажет: «Наши комедии все равно смешнее».

Ну, я там видел в Атлантик-Сити, стоят эти женщины, мужики подъезжают, разбирают. наших-то предупреждают, что может эта мадам подойти и надо дать ей отпор, если она посягнет на наше бывшее социалистическое целомудрие. К одному нашему туристу подошла одна гражданочка, и он не смог дать ей с вечера отпор. Он попытался дать ей отпор утром, когда она потребовала денег. Но не тут-то было. Она его в полицию сдала. Стали разбираться. Он говорит: мол, она сама же меня спросила, как будем, а я ей честно сказал, будем по-нашему, по-советски, а она спросила, как это — по-советски? Я ей ответил, это значит, ты мне еще бутылку поставишь.

Ну, что еще. Наши эмигранты нас хорошо принимали. Смеются. Я им голосом Горбачева говорю: перестройка — это необратимый процесс. Вот как только перестройка победит у нас, она тут же перекинется к вам. И вы тогда будете жить так же хорошо, как мы. Смеются. Думают, что я шучу. А я так прикинул.

Если, допустим, у них наша перестройка начнется, то мы им быстро Белый дом переоборудуем в красный уголок. Мы им устроим Чикагский горсовет и Бруклинский райком партии демократов. Республиканскую партию отправим в техасские степи или на

иллинойсский лесоповал. Тогда обхохочешься.

Ну, что еще? Они, американцы, приветливые, улыбочивые, очень аккуратные. Нет, есть там, конечно, и нищие. Ко мне как-то в метро подошел один нищий. Одет он был в замшевую куртку, блестящие брюки и на толстой подошве ботинки. На шее золотая цепь. У нас все это можно увидеть только в коммерческих магазинах по сумасшедшим ценам. Подошел, видно, просил милостыню. Я говорю: «Ай эм фром Раша». Он, видно, понял, потому что сказал: «Горбачев! Перестройка» — и протянул мне доллар.

Нашего человека за рубежом всегда узнают. Даже если одет во все заграничное. Некоторых нельзя не узнать. Я в отеле в холле видел группу наших туристов. Они чай пили. Там в Америке чай в пакетиках и на ниточке квадратик такой, чтобы размешивать. У нас тоже есть в пакетиках, но без ниточки. У нас пальцем опустил и размешиваешь. Так вот, одна наша гражданочка, профсоюзный лидер, додумалась — она пакетик в рот взяла и кипятком заливает. А за ней вся группа сидит, и изо рта квадратики на ниточках.

Есть такой анекдот. Американских шпионов у нас все время вылавливали. Тогда разведшкола подготовила супершпиона. Он знал все наши обычаи, владел прекрасно русским языком и всеми диалектами, говорил на всех жаргонах и наречиях. В общем, заслали. Спустился на парашюте. Уничтожил все следы. Пришел в деревню, подошел к колодцу. «Бабуся, — говорит, — дозвожь водицы испить». Бабуся дала ему воды. Он пьет. Она смотрит на него и говорит: «Сынок, а ты, часом, не шпион?» Он руки поднял. «Сдаюсь! — говорит. — Но только скажи мне бабуся, как ты догадалась?» Бабуся говорит: «Так ты же все-таки негр!»

Вот так и мы, где бы мы ни были — все равно совок виден. Один во Францию поехал, нарядился по нашей последней моде: костюмчик отечественный спортивного типа без лацканов с клапанами. Как в собор Парижской Богоматери зашел — все на колени попадали. А священник, из наших видать, из эмигрантов, даже монетку ему в шляпу бросил и сказал: «Русский сирота».

Один меня спрашивает: слушай, скажи, почему все узнают, что я русский? Я уж и причесался, и помылся, и пробор сделал, и брюки нагладил, и галстук на мне американский, и рубашка английская, и туфли французские. Я говорю: «А ты еще попробуй ширинку застегнуть».

Старинный романс

Эта мысль появилась сразу, как только он положил телефонную трубку. Сразу после разговора с Еленой Сергеевной. Она позвонила просто так. Пообщаться. Поскольку летом в санатории они двадцать четыре дня сидели за одним столом, общались три раза в день. А если встречались на улице или в здании санатория, то могли перекинуться ничего не значащими фразами.

— Вы, конечно, пойдете в кино?

— Нет-нет, — несколько напыщенно отвечала она, — ведь сегодня по телевидению вечер, посвященный Анне Герман. Я так люблю ее пение!

Она так и говорила все время на искусственном языке — «люблю ее пение».

Ничего удивительного в этом не было. Елена Сергеевна когда-то работала актрисой в театре, потом певицей в Москонцерте, сейчас уже была на пенсии. Муж умер семь лет назад, она его все время вспоминала:

— Его так любили все артисты, он приезжал на все мои концерты. Они мне говорили: «Зачем вы его мучаете — ответственный работник должен везти вас на концерт, сидеть и ждать». А он сам хотел этого. Я его не заставляла. Наоборот, я его просила не ездить. Но что вы, он все равно меня сопровождал.

Как и все актеры, она любила вспоминать театры, в которых работала, любила вспоминать, как она была примой в одном из театров.

А потом, когда пела в Москонцерте, ездила с самим Арнольдовым. Кто это такой, Платинский понятия не имел, но понимал, что Арнольдov — это величина и с кем попало работать бы не стал.

— А какая тогда была потрясающая поездка в Германию! Ну что вам говорить. У меня до сих пор стоит тот еще мейсенский сервис. Я ведь из-за этой поездки из театра ушла. Повод был, конечно, другой. Я на что-то обиделась, но я бы не ушла, если бы не эта поездка. Четыре месяца по Германии — это на всю жизнь!

Иногда над Еленой Сергеевной подтрунивали за столом. Однажды она вдруг сказала:

— Я читала книгу про волков. Вы не представляете, волки, оказывается, культурнее людей.

— Это интересно, — сказал Платинский, — меня давно уже интересовала культура их поведения.

Они переглянулись с отставным полковником и его женой.

— Да, они намного культурнее. Они, например, в качестве ухаживания дерутся за самку.

— Будем считать это первыми шагами на пути освоения культуры, — иронизировал полковник.

— Они бегают за едой с утра до вечера, пока волчица сидит с волчатами.

— Волчица в берлоге, а волк носится за питанием по молочным кухням, — невпопад сострил Платинский. Хотел смутиться от собственного остроумия, но все почему-то засмеялись, и смущаться не было нужды.

Как-то близко к вечеру Платинский проходил мимо кинозала, оттуда неслись звуки, отдаленно напоминающие пение. Платинский подошел ближе: Елена Сергеевна пела. Время было неконцертное — до ужина. В зрительном зале было человек пятьдесят, наверное,

знакомые Елены Сергеевны или знакомые знакомых. Платинскому показалось, что поет она чудовищно. Голос был все еще сильный, но опять же, по мнению Платинского, достаточно неприятный. С таким металлическим оттенком. Репертуар стандартный: «Калитка», что-то из «Сильвы». Платинский не стал входить в зал, потом пришлось бы хвалить пение. Он постоял у двери, скрытый за портьерой. Концерт быстро закончился. Зрители бурно аплодировали.

«Как немного надо для успеха, — подумал Платинский, — петь хорошо известные песни, и как можно громче».

А может быть, они специально аплодируют, поскольку они ее знакомые и хотят сделать ей приятное. Не могут же им всерьез нравиться эти телодвижения немолодой уже женщины, играющей юную Сильву. Но выражения лиц были искренние, люди поздравляли Елену Сергеевну, говорили ей хорошие слова. И Платинский решил, что они ничего, просто ничего не смыслят в пении. «Пипл», — подумал Платинский и пошел ужинать.

За ужином Елена Сергеевна сообщила Платинскому о своем концерте, и Платинский «искренне» огорчился, что не был в зале.

— Что же вы меня не позвали? — говорил он сокрушаясь. — Если бы я только знал! А вы больше не будете выступать? Жаль, жаль!

Она была возбуждена успехом. Говорила много.

— Меня попросили вон те знакомые. Они меня видели еще в театре. Вы знаете, здесь много людей, которые видели меня еще в театре.

— Простите, а когда вы ушли из театра?

— Вы имеете в виду драматический или оперетту?

— Вообще театр.

— Ну, это было лет двадцать восемь назад. Да, точно, двадцать восемь лет назад. Но некоторые помнят меня до сих пор.

«Незабываемое, видно, было зрелище», — подумал Платинский, но вслух сказал:

— Конечно, конечно.

Отношения у них с Еленой Сергеевной складывались взаимоприятные. Он был врач, и она, естественно, задавала ему массу вопросов о здоровье.

— Неужели подсолнечное масло помогает? Подумать только! — восхищалась она и даже обещала Платинскому приглашать его на просмотры в ВТО.

Как будто он сам, врач, у которого лечилось с десятков народных, не смог бы туда попасть. Он соглашался, они, как водится, обменялись телефонами и разъехались.

Она позвонила, когда он уже и думать о ней забыл, что-то говорила о каких-то фильмах, потом спросила, где он встречает Новый год. Затем они мило распрощались.

Эта мысль появилась сразу, как только он положил трубку. Сначала она ему не понравилась, эта мысль, но потом стала преследовать его. Новый год он встречал, как всегда, в своей компании. И как всегда, каждый час новогодней ночи был у них тщательно расписан.

Все они должны были принести к столу что-нибудь особенное и, кроме того, приготовить какой-нибудь сюрприз.

К столу в этот раз он решил принести два килограмма фейхоа, а сюрприз пока что не вытанцовывался. Можно было написать на каждого гороскоп. Можно было всем подарить какие-нибудь безделушки, можно было подложить хлопушки. Но все это уже было. Однажды он принес авторучку, привезенную из-за рубежа. Из этой авторучки он облил чернилами

белую сорочку самого именитого гостя. Чернила должны были пропасть минут через пять. Эти пять минут пострадавший должен был расстраиваться напрасно. Об этом знали все, кроме именитого гостя. Гость на самом деле расстроился. На четвертой минуте ему, умирая со смеху, раскрыли секрет. Но через пять минут чернила не исчезли. И тогда Платинский сказал:

— Ой, извините, я перепутал авторучки, — и тогда у всех началась истерика. У всех, кроме гостя.

Через десять минут чернила все же сошли. Шутка удалась. Такой у них в компании был стиль.

Вот и в этом году надо было что-то придумывать. Фейхоа должен был привезти приятель из Баку. А с сюрпризом пока не получалось. И вдруг она напомнила о себе. Она сама навела его на мысль своим вопросом о Новом годе. Платинский позвонил ей 20 декабря и пригласил встретить праздник с ними.

— Компания достаточно интеллигентная. Думаю, вам понравится.

Она не заставила себя долго уговаривать. Конечно, ее звали в разные места, поскольку она еще и поет.

— Да нет, петь совсем необязательно, — говорил Платинский. — Петь совсем необязательно. Если вам самой захочется, если будет настроение, но заставлять никто не станет. Да, рояль там есть. Да, кто-то вроде играет. Но повторяю, это совсем необязательно.

Числа двадцать пятого она позвонила и попросила разрешения взять с собой кавалера. Она так и сказала: «кавалера».

Он понял, что «кавалер» — аккомпаниатор.

— Конечно, конечно, — сказал он. — Ведь все будут парами.

Платинский положил трубку и задумался: «Это ж надо было разыскать такого аккомпаниатора, который согласился в новогоднюю ночь пойти к совершенно чужим людям».

То, что «кавалер» был действительно аккомпаниатором, стало ясно уже через минуту после двенадцати. Все, выпив шампанского, поцеловались, и лишь Елена Сергеевна в вишневом панбархатном платье и «кавалер» в блестящем от времени смокинге посмотрели в глаза друг другу долгим взглядом, а потом отводили глаза от целующихся пар.

Фейхоа понравилось всем. Что ни говорите, а пахнущие земляникой плоды среди зимы все же приятны. Но после фейхоа были еще какие-то мудреные фрукты, привезенные дипломатом, как раз на это время приехавшим в отпуск. Старинный приятель Платинского. Плоды напоминали картошку, но вкуснее их были сыры, которыми удивил всех француз, непонятно как попавший на праздник. Ну, попал и попал. Кто-то, видно, его привел. Потом с трех часов после танцев и подарков пошли сюрпризы.

Елена Сергеевна смотрела на «живые картинки» и шарады серьезно, была сосредоточенна и, слыша общий смех, только улыбалась улыбкой дамы, которая знает, как себя вести в «светском обществе». Платинский понимал, что она ждет своего выхода. Еще он видел, как она следит за «кавалером», не давая ему напиться раньше времени. «Кавалер» ее побаивался и все время половинил рюмки, видно, ему было обещано, что потом все компенсируется.

На три тридцать был назначен «музыкальный антракт». Все знали, что будет смешно. Не зря же Платинский говорил, что это «конец света». И ему, Платинскому, очень хотелось, чтобы номер прошел, поскольку фейхоа в списке ценностей было все же на третьем месте, а

Елена Сергеевна шла на первое. Этот номер мог быть шлягером. Сюрпризом ночи, шуткой года. Пока что первенство держал Дашаянц. В прошлом году он привез с гор своего дальнего родственника, долгожителя, который всерьез танцевал лезгинку и пел. Компания просто икала от смеха, так это было уморительно.

В три тридцать «кавалер» сел за рояль и заиграл какую-то пьесу. Наигрывал что-то непонятно-грустное. Народ собрался. Кто сел напротив, кто стоял.

Елена Сергеевна подошла к роялю и хорошо поставленным голосом объявила:

— Старинный романс.

Платинский увидел, как «поплыли» гости. Кто-то, опустив голову, прыснул в руку, делая вид, что чихает. Платинский не выдержал. Он понял, что при его смешливости он не сможет слушать спокойно и начнет смеяться в голос. Он вышел на кухню и там корчился от смеха, понимая, что сейчас сюда на кухню, если не смогут смеяться в лицо певице, будут выбегать его друзья.

Елена Сергеевна пела не так громко, как тогда в санатории. Она чувствовала объем помещения и приспособлялась к нему силу звука. Платинский перестал смеяться, и, как в детстве, вдруг после сильного смеха захотелось плакать. Непонятно почему. Ведь все было хорошо. Но почему-то жутко не хотелось, чтобы эта певица с ее нелепым кавалером вызывала смех. И еще не хотелось идти в комнату, не хотелось видеть эти смеющиеся лица. Никто в кухню не выбегал. Елена Сергеевна пела романс за романсом. А там, в комнате, было тихо. Певица звук не форсировала, пела спокойно, немножечко играя. Иногда было едва слышно, что она поет. Пела она, конечно, странно. По-старому. Несовременно. Совсем не так, как тогда в санатории, где Платинского поразила ее аффектация. Но все же что-то нелепое было в этом пении. Платинскому захотелось взглянуть, как она поет. Он тихонько вернулся в комнату.

«Кавалер» наяривал на рояле, Елена Сергеевна делала неестественные, по мнению Платинского, движения. Громкости в ее голосе прибавилось.

«Какая-то провинциальная филармония», — подумал Платинский, хотя ни разу не был на концерте в провинциальной филармонии.

Он слушал «Калитку» и удивился тому, что никто не смеется. В сущности, они ничего не понимают ни в пении, ни в музыке. А может быть, что-то все-таки было в этом пении?

Неестественность вокала, соединившись с неестественностью движений, дали общую естественность исполнения. Представлялись какие-то картинки: калитка, беседка, шаль, ветки во тьме, светлый силуэт.

Друзья сидели тихо, хотя их трудно было обвинить в отсутствии здорового цинизма.

«Возраст, — подумал Платинский, — стареем».

Елена Сергеевна закончила свою «Калитку», и все стали аплодировать и благодарить ее. Платинский с облегчением вздохнул. Дрожащими руками достал сигарету и с наслаждением затянулся.

— Слушай, — сказала жена, — она просто здорово поет, хорошо, что ты ее позвал.

— Отстань, — ни с того ни с сего наругал Платинский.

Потом он долго не мог подойти к Елене Сергеевне, прятался то в кухне, то в другой комнате, но она все-таки нашла его:

— Вам не понравилось?

— Ну что вы, — сказал он. — Замечательно, вы пели замечательно.

Она обняла его, сказала:

— Мне у вас хорошо, очень хорошо. У вас такие милые друзья. Я уже давно так не веселилась.

Потом подошел Дашаянц и сказал:

— Знаешь, я иногда думаю, что ты лучше нас. Вот и сегодня ты всех нас е...

— И сам умылся, — сказал Платинский. Когда все разъехались, Платинский предложил Елене Сергеевне отвезти ее домой. Пытались поднять «кавалера», но разбудить Арнольдова было невозможно.

Новое о Мата Хари

В ненастный день 1876 года в бедной деревенской усадьбе родилась никому не известная девочка Мотя Харитонова. На нее никто не обратил внимания. Подрастая, она часто смотрела на далекие звезды и мечтала о будущем. Девочку заметил известный в то время купец по прозвищу Афанасий.

Однажды он собрался поехать за три моря. Тайком он захватил с собой Мотю. До Индии купец не доехал: его арестовали во Франции, а Мотю Харитонову выслали как немецкую шпионку. Голод гулял по Франции. Надо было работать, а у девушки не было никакой специальности. В детстве она много читала и по самоучителю, без музыки разучила индийские ритуальные танцы. Теперь это пригодилось. Так она стала танцовщицей Мата Хари. Слава ее загремела по всей Западной Европе. К ее ногам были положены громкие титулы и имена. Великие люди говорили о ней в кулуарах и частных беседах. Станиславский, узнав о ней, тепло улыбнулся. Немирович-Данченко, услышав о ее танцах, молча огляделся вокруг себя.

Она была в зените славы, когда началась Первая мировая война. По ночам ее тянуло домой. Но судьба распорядилась иначе. Ее арестовали. Единственное, что могли ей инкриминировать, — это неразборчивость в связях. Но судьи были глухи и обвинили ее в шпионаже. Умерла Мотя Харитонова 15 октября 1916 года, не дожив всего восьми лет до появления стриптиза.

Вечер. Он и она сидят на лавке.

— Как вам не стыдно, вы только вчера целовались с другой, а сегодня уже лезете ко мне.

— Кто, я лезу?

— Ну а кто же еще?

— Ну я лезу, ну и что? Я к вам не лезу, я к вам тянусь.

— Да как же вы можете так, вы же еще вчера целовали другую.

— Кто, я целовал?

— А кто же еще-то? Там, кроме вас, никого и не было.

— Кого же я тогда целовал?

— Да девушку вы целовали. У нее еще платье было такое немодное. Вы с ней обнимались.

— Я обнимался? Да вы что, у меня и привычки такой нет — обниматься. Вы меня с кем-то спутали.

— Как же спутала, вот же ваш нос, я видела, это вы были.

— Ну, знаете, это уж слишком, у вас какие-то галлюцинации. Вам всюду кажется, что кто-то целуется.

— Да я же сама видела. Вы глаза еще закрыли и губами вот так, шлеп-шлеп. А теперь ко мне лезете.

— Никуда я не лезу. Я к вам тянусь, а вы меня отталкиваете. Почему вы меня отталкиваете? Вы меня просто отпихиваете. Дайте мне, в конце концов, спокойно поцеловать вас. Что же это за издевательство? Что же, человеку уже и поцеловать вас нельзя?

— Как вам не стыдно, вы же вчера уже целовались. Причем с другой.

— Ну и что? Я вам ничего плохого не делал.

— Вот и целуйтесь с ней.

— А я хочу поцеловать вас. В конце концов, это мое личное дело. Бьюсь уже целый час как муха об лед, и никакого толка. Я уже весь иссяк.

— Это пошло.

— Что же тут пошло? В конце концов, у меня тоже есть терпение, и его уже нет.

— Это пошло, то, что вы человеческие отношения сравниваете с мухой.

— Значит, я вам просто не нравлюсь. Я это понял уже полчаса назад. Я хотел вас поцеловать, и все. Мне от вас больше ничего не нужно. Если я вам не нравлюсь, скажите мне об этом прямо в лицо.

— Да, я вам скажу, а вы опять начнете целоваться.

— Но я же вам совсем-совсем не нравлюсь! Зачем же тогда мне морочить вам голову?

— Если бы вы мне совсем не нравились, я бы здесь не сидела. Но я не могу так, раз вы вчера целовались с другой...

— Да я всего-то два раза с ней целовался, к тому же мне и не понравилось.

— А я все равно не могу, чтобы вы после всего, что у вас с ней было, целовали меня.

— Хорошо, тогда вы меня поцелуйте.

— Ни за что на свете.
— Тогда я вас поцелую.
— Никогда в жизни.
— И даже завтра?
— Ни завтра, ни послезавтра.
— Тогда сегодня. Иначе я не знаю, что с собой наделаю.
— Что вы наделаете?
— Поцелую вас, и все.
— Не имеете права.
— Ну и пожалуйста. Вообще могу никого не целовать... А вас все же поцелую.
— Если вы позволите себе это, я... я дам вам пощечину.
— Ну и пожалуйста.
— Думаете, не дам?
— Не дадите.
— А вот и дам.
— А вот и не дадите.
Она размахивается и дает ему пощечину. Он падает с лавки.
— За что? Я же вас не трогал.
Встает, отряхивается.
— Ой, простите, я не знала, что так получится.
Он обнимает и целует ее.

Мода такая

(Рассказ девушки)

Последнее время у некоторых молодых людей мода такая пошла: если с девушкой познакомиться хотят, то обязательно себя за кинорежиссера выдают, как будто все мы только и мечтаем. чтобы в кино сняться.

Вот еду я как-то в метро. Подходит ко мне парень. Симпатичный такой, одет хорошо.

— Простите. — говорит. — девушка, я кинорежиссер. Не хотите ли в кино сниматься?

Я говорю:

— Не на ту попали. На эту удочку семнадцатилетних дурочек ловите, а мне уже восемнадцать стукнуло, — и вышла из вагона.

Он за мной:

— Девушка, стойте.

Хотела я его как следует шугануть, да неудобно как-то, вроде парень вежливый. Нахальный, конечно, но не наглый. Симпатичный такой, одет хорошо.

— Молодой человек, — говорю, — что же вы к девушкам с такими глупостями подходите? Неужели ничего лучше придумать не смогли?

— Нет, — говорит, — я серьезно режиссер. Конечно, ему от своей затеи неудобно отступить.

— Вы мне, — говорит, — только телефон оставьте, вы только попробуйте, потом сами убедитесь.

— Ну да, — говорю, — одна в Бразилии попробовала...

— А вы что, в Бразилии были?

— В Люберцах, — говорю, — была. И вообще, не о чем нам с вами разговаривать. Если б вы чего поостроумнее придумали, а так у меня любимый человек есть. Если надо, он сам меня в кино снимет.

— А он что, режиссер у вас?

— Какой он, — говорю, — режиссер! Такой же проходимец, как вы, да только лучше вас знакомиться умеет.

А он опять свое:

— Оставьте мне телефон, и все.

Зло меня тут взяло. Ну, думаю, устрою я тебе кинокомедию. Сказала ему номер. Звонит. Так и так, мол, приезжайте на киностудию. Ладно, думаю, посмотрим, до чего тебя эта затея доведет. Приезжаю на киностудию. Не знаю, уж как он это устроил, но только через проходную пропустили. Пришли в какую-то комнату. Парень какой-то с киноаппаратом, приятель, наверное, а может, заплатил ему. Короче, снимали меня. Ну, думаю, сейчас он меня в ресторан пригласит, и тут уж я ему выдам. Нет, проводил до дома. Ручку пожал — и «адью». Все по дороге рассказывал, как он во ВГИК поступал. Ну точно, за дурочку меня принимает.

Проходит несколько дней. Звонит.

— Мне, — говорит, — с вами встретиться надо.

Хорошо, думаю, сейчас ты мне и раскроешься. Приезжаю на студию. Заводит меня в

пустую комнату и начинает мне про фильм заливаться. Да складно так. Списал, наверное, где-нибудь и выучил. Я сижу, головой киваю. Хорошо поешь, а где-то сядешь.

— Ну что, — спрашивает, — согласны роль Марьи играть?

А мне что Марьи, что Ивана, все равно. Мне главное — проучить его.

— Согласна, — говорю.

— Ну что ж, на роль вас утвердили. Теперь с работой уладить надо. Вы увольняйтесь или отпуск за свой счет берите.

Я просто растерялась от такой наглости. А парень ничего, симпатичный такой, одет хорошо.

Вот, думаю, пройдемце. Нет чтобы в ресторан пригласить или, если денег нет, в кино хотя бы. А он такой огород городит. Ну да ладно, ты так, и я так.

— А вы, — говорю, — если уж вы такой режиссер, то сами у меня на работе и договаривайтесь.

Вот, думаю, начальница моя устроит тебе кино. Она у нас такая, что ее даже буфетчица боится. На другой день вызывает меня директор.

— Пиши, — говорит, — за свой счет.

Уж не знаю, как это ему удалось. Какие такие он бумаги подделал, но никуда не денешься, пишу заявление. Еду на студию. Начинают снимать. Чего-то я там учу, чего-то я там играю. И все думаю, ну когда же он свою линию гнуть начнет. Даже зло меня берет. Ну, влюбился — скажи. Что так голову морочить? А он — ноль внимания.

Один раз только оступился. Партнер мне бестолковый попался. Там у нас сцена такая: он меня от роковой своей любви целовать начинает. И все как-то не так целует.

И вот этот режиссер разозлился и кричит:

— Кто же так целует? Вот как целовать надо! — и поцеловал меня.

Это ж надо, сколько времени прошло, в какую он меня историю втянул и, на тебе, только решился. Я говорю:

— Ни с кем другим, кроме вас, целоваться не буду. Только с вами, и все.

Он говорит:

— Не могу же я за артиста роль играть.

— Не можете, — говорю, — как хотите, а только с тем обалдуем я целоваться не согласна.

Короче, сняли все это без поцелуев.

Ну, думаю, теперь-то можно о чувствах поговорить, в кино там сходить или просто погулять.

А он нет, стесняется. А у меня тоже гордость своя заиграла. И что вы думаете, так весь фильм сняли, а он никуда меня и не пригласил. И с парнем я со своим разругалась, и с этим ничего не вышло. Но самое интересное уже потом, на премьере, было. Когда поздравляли все меня, руки пожимали, аплодировали. Подошел ко мне тип один, симпатичный такой, одет хорошо.

— Очень вы мне, — говорит, — понравились. Я, — говорит, — режиссер и хочу вас в своем фильме снимать.

И тут я ему выдала:

— Дудки, — говорю, — хватит. Все вы, — говорю, — одинаковые. Так же, как этот, обманете. Вы на эту удочку семнадцатилетних дурочек ловите. А я этим вашим кино сыта.

Пепельница

Я помню, Чехов кому-то сказал вроде того, что вот, дескать, пепельница на столе стоит, а я про нее могу к завтрашнему дню шикарный рассказ написать.

Я, конечно, не Чехов, упаси бог, я и на Сахалине-то ни разу не был, но вот пепельница у меня такая, что удержаться не могу.

Обрисовать эту пепельницу трудно. Ее видеть надо, причем днем. Потому что если ее вечером в темноте увидишь, можно испугаться навсегда. Медведь чугунный, килограммов на восемь. Стоит этот медведь на задних лапах. Передние когтями на тебя нацелены. И пасть раскрыта. В эту пасть пепел стряхиваешь, и жуть берет, потому что этот хищник чугунный вот-вот полруки отхватит.

Досталась пепельница мне совершенно случайно. В архангельской гостинице один тип мне его в чемодан сунул. Он мне трешку должен был, а отдавать нечем, так он мне это чудовище чугунное предложил. Я отказался.

Приезжаю в Москву, раскрываю чемодан. Лежит красавец, пасть открыл, когти выпустил, того и гляди, на жену набросится. Но не выкидывать же. Поставили на стол. Стали туда пепел стряхивать.

Гости как-то собрались. Сели ужинать. Смотрю, кусок в горло никому не идет. Все стараются эту образину пастью к соседу повернуть. Чувствую, на нервы он людям действует. Снял медведя со стола, на тумбочку к кровати поставил.

Ночью просыпаюсь от крика. Жена кричит. Думал, воры забрались. Нет. Оказывается, жена случайно проснулась и вместо моей физиономии с медвежьей столкнулась.

— Духу, — кричит, — чтобы его здесь не было!

Отнес в кладовку и забыл совсем. Через месяц приблизительно жена пошла в кладовку за тазом. И вдруг этот хищник на нее в полутьме набросился. Жена бежать, он за ней. Она об порог вместе с тазом грохнулась, ногу вывихнула.

Конечно, никуда он за ней не гнался. Стоял себе и зевал, но ей со страху померещилось, будто он ее по пятам преследовал да еще рычал что-то неприличное.

Короче, был у моего приятеля день рождения. Взял я Михал Михалыча и подарил.

Приятель, естественно, обрадовался, но через неделю назад его приносит и говорит:

— Спасибо тебе, медведь, конечно, прекрасный и лично меня он абсолютно не трогает, потому что я курить сразу бросил, как ты только мне эту пепельницу подарил, но вот домочадцы не хотят при электрическом свете спать, а без света им страшно, потому что он якобы к ним подкрадывается.

А тут он еще со стола упал, лично я не испугался, но вот соседям снизу это не понравилось. И не в том дело, что у них люстра оборвалась в кастрюлю с борщом. И даже те двое, которые борщом ошпарились, тоже не против этого медведя. Но люстра, понимаешь, дорогая, и, пока я за нее выплачивать буду, пусть этот медведь у тебя постоит.

И больше я этого приятеля не видел. Он меня с тех пор стороной обходит.

Пробовал я медведя того и на свадьбы дарить, и на дни рождения. Чего только не придумывал. И цветочками украшал, и шарик от пинг-понга в пасть вставлял, но все равно он ко мне назад возвращался. А тут смотрю, нас как-то друзья сторониться начали уже и не приглашают никуда.

Вскоре к нам родственник из тайги приехал. На три дня приехал. Живет уже две недели. В Третьяковку ходит. Жена за него и уцепилась.

— Возьми, — говорит, — себе на добрую память. Будешь нас в тайге вспоминать добрым словом.

А родственник — человек скромный, хоть и не уезжает уже две недели.

— Как я, — говорит, — могу такой подарок взять. Вещь, наверное, ценная.

— А как же, — говорю, — конечно, ценная. Редкая, — говорю, — вещь. Я тебе прямо скажу, от души отрываю. Но для тебя не жалко. Потому что ты мне как-то сразу понравился, еще когда сказал, что всего на три дня приехал. И хоть ты у нас уже две недели живешь, я не обижаюсь. По мне, хоть месяц живи, только забери этого медведя.

Родственник после этих слов от медведя наотрез отказался, обиделся и стал в свою тайгу собираться.

Тут жена и сообразила.

— Сунь, — говорит, — ему медведя в чемодан, и пусть он с ним сам в тайге разбирается.

И уехал наш Михал Михалыч в Сибирь, поближе к родственникам. А через некоторое время приносят его нам обратно в посылке с письмом от родственника. Дескать, извините. Сам не знаю, как получилось, сроду ничего чужого не брал. А тут на тебе, получилось.

Ну что ты будешь делать? Я просто похудел. А выбросить не могу. Ну как его выбросишь? Бывало, ночью с женой проснемся, смотрим на него, слезами обливаемся. Просто ноль. Будто в окружение попали и наши уже никогда не придут.

Но наконец придумал я. Что это, думаю, хорошим людям страдать от этого хищника. Подарю-ка я его Бричкину. Бричкин всему нашему отделу поперек горла. Работает у нас недавно, но уже к начальству в доверие втерся. Уже на повышение пошел. Квартиру себе выбил. Ну кому понравится, когда кто-то вперед вырывается?

Короче, вручили мы ему этого медведя на день рождения от всего отдела. Вручили и сразу поняли, что в точку попали. Он даже в лице изменился.

— Я, — говорит, — знал, что вы меня не любите, но не думал, что вы меня так ненавидите.

Проходит месяц. На Бричкине лица нет. Вот-вот повесится или с работы уйдет. Потом, смотрим, повеселел, шутить начал, жизни радоваться. Мы ничего не понимаем, но и не спрашиваем.

А вскоре он приезжает на работу на новеньких «Жигулях», и все выясняется. Отнес Бричкин моего медведя в музей, и оказалось, что медведь этот уникальный. Его в XVIII веке где-то на Урале сделали. Их, таких медведей, во всем мире всего два экземпляра. Один в Белом доме. Другой у Бричкина.

Короче, стоит этот медведь сейчас в музее. Иной раз мы с женой придем и смотрим на него. Я потом не выдерживаю и кулак ему к носу сую. Но не очень близко подношу, потому что он хоть и чугунный, а, того и гляди, полруки отхватит. А уж когда мы из музея выходим, жена обязательно скажет:

— Говорила тебе, не надо его никому отдавать. Так мне этот медведь нравился. Нет, не послушался, ирод проклятый.

23 января 1983 года я стоял у шестого источника города Карловы Вары и пил минеральную воду. К источнику подошла группа советских туристов. Экскурсовод начал рассказывать о местных достопримечательностях. Понять его ломаный русский язык было практически невозможно. Может, поэтому, а может, по природному любопытству группа вместо достопримечательностей стала разглядывать меня. Вообще-то я внешне, как вы, наверное, уже успели заметить, ничего особенного не представляю. Но это сейчас, а тогда на голове моей была огромная песцовая шапка, которую я купил у одного популярного композитора. То есть он раньше меня понял, что нормальный человек в такой шапке ходить не должен, и уступил мне ее за 120 рублей. Шапка впоследствии оказалась совсем из другого, очень засекреченного животного, но кто теперь считает? И вот стою я, сам маленький, но в большой грязно-белой шапке, якобы песцовой, а на меня с любопытством смотрят туристы, приехавшие из моей родной страны. И вот они смотрят, смотрят, и вдруг один из туристов говорит другому:

— Во, гляди, видал, у них мода какая?

— Ага, — говорит второй, — сам, гля-кось, маленький, а шапка, как у большого.

— Ну прям головастик. — добавляет женщина.

— Чего же это он такую шапку-то напялил? — спрашивает первый. — У них и холодов-то здесь таких нет. Того и гляди, уторит.

— Для красоты, — отвечает второй, — сказано же тебе, мода такая. Хоть удар тепловой, лишь бы по моде.

— Ну уж и мода, — говорит женщина. — Какую достал, такую и носит.

— Давай поговорим с ним, — предложил первый.

— А что ты думал, возьму и поговорю.

Он подошел ко мне и сказал по-чешски «добры ден».

— Здравствуйте, — ответил я на чистом русском.

— Вы что ж, — подошел второй, — по-русски, что ли, говорите?

— Говорю, — ответил я.

— Мужики, он по-русски говорит! — крикнул мой собеседник.

Мужики подошли ближе.

— Ну как тут у вас? — спросил первый.

— Нормально, — ответил я.

— Погода хорошая.

— Неплохая, — ответил я.

— Вы где русский-то учили, в школе?

— В школе, — ответил я.

— Хорошо у вас по-русски получается, небось в школе отличником были?

— Был, — не соврал я.

— А шапка у вас такая, это что ж, мода такая, что ли?

— Да нет, — сказал я, — просто по случаю купил.

— Ну что я говорила, — обрадовалась женщина, — у них тоже все по знакомству.

— Ну, а вообще-то как у вас жизнь, не дорогая?

— Да не очень, — говорю я.

— Ну так, на шмотки, я вижу, хватает?

— Хватает, — не соврал я.

— Дубленочка-то чешская?

— Нет, — говорю, — болгарская.

— Видал, — обрадовался кто-то, — и им Болгария помогает.

— Скажите, — спросила женщина, — а жены у вас работают?

— Еще как!

— Видал, — огорчилась женщина, — тоже вкальвают. Ну а если, допустим, не хотят работать, тогда не работают.

— Это верно, — сказал я, — если не хотят, ничем их не заставишь.

— Тогда муж кормит, верно?

— Верно, — говорю, — кого муж, кого любовник.

— Это что же, — изумилась женщина, — и любовники у вас тоже есть?

— А как же, — говорю, — любовников у нас просто пруд пруди.

— Да погодите вы с любовниками, — зашикали на женщину, — вы лучше скажите, соцстрах у вас есть?

— Есть.

— А бюллетень оплаченный?

— Оплаченный.

— И образование бесплатное?

— Бесплатное.

— Ты гляди, все как у нас.

— А у нас, — сказал полный мужчина, — пиво чешское любят.

— Правильно, чешское пиво самое вкусное.

— Зато водка у нас самая лучшая.

— Это верно, — подтвердил я. Вдруг один из них негромко сказал:

— Не купите водку, а то у меня бутылка осталась, уезжать уже, а все никак не продадим.

— Да что вы, — говорю, — у меня самого две, тоже сюда привез.

— Оттуда привез?

— Из Москвы, откуда же еще?

— Так вы что, наш, что ли?

— А чей же еще-то?

— Так что же вы нам голову морочите? — закричали они.

— Тоже мне турист, — припечатала на прощание женщина, — шапку напялил и выпендривается. Бюллетень у них оплаченный. Тьфу, бессовестный!

И они побежали за экскурсоводом.

Я часто думаю: почему меня женщины так любят? Ну, правда, красивый я. Этого у меня не отнимешь. Глаза — как бездонная пропасть. Профиль — как у древнеримских греков. Стан — как у горного козла. Иной раз на улице гляну на какую-нибудь и вижу: мороз у нее по коже. Иная с мужем даже идет. И не дай бог ей метра на три от него отдалиться. Все — моя! Два метра еще ничего. Еще успеет он ее за рукав схватить. А если на три, то уже все — с концами, как в воду. Пропала. Бежит ко мне. Вещи бросит и бежит. А если пальцем поманю, трактором не удержишь. Некоторые, как посмотрят на меня на улице, на другую сторону перебегают. Страшно становится.

Что делать, просто не знаю. Одеваться пробовал похуже. Галстук неброский, из японского кимоно. Очки на пол-лица, одни уши торчат. И все равно все женщины без ума. Чуть-чуть со мной повстречаются — на всю жизнь зарубка.

С одной два раза в жизни виделась. Замуж она тут же вышла за инженера. И я ее по-человечески понимаю. Спокойнее так. Хозяйство, дети. А со мной всю жизнь терзайся, как бы не отбил кто. И что характерно, я же знаю: с ним живет, обо мне думает. Позвонил ей через год.

— Помнишь. — говорю. — меня?

— Никогда, — отвечает. — не забуду.

И я ее понимаю. Фотографию ей свою послал. Гак и вижу: вечером в ванную зайдет, из ридикюля вынет, поплачет надо мной, поубивается и опять к постылому.

А на работе что творится!

У меня начальник — женщина. Влюблена по уши. Как на меня глянет — все у нее из рук валится.

На днях вызвала к себе, говорит:

— Не доводите до греха. Уйдите лучше. Зарплату повысим, только уйдите.

И тут, конечно, дело не только в красоте. Разговор поддержать могу. Про любую киноактрису сутками рассказываю. Они ведь сами не знают, что у них в жизни творится.

Или такой случай был. Познакомился с одной. Тридцать пять лет. Штангистка. Нецелованная. Пару слов сказал — чувствую, пропала. Сжалился. Дай, думаю, поцелую. Такие страсти в ней проснулись? Задрожала вся. А как же не дрожать, пода-рок-то какой на голову свалился! Схватила меня в объятия. Дальше не помню ничего. Помню, раму выбил и лечу.

Нет, мне что-нибудь попроще. Поспокойнее. В больницу даже не пришла. С такой физподготовкой до пенсии замуж не выйдет. Вот ведь до чего моя красота людей доводит. Ну, просто не знаю, что с собой делать, изуродовать себя, что ли? Чтобы уж никому не достался. Так ведь не поможет. Истинную красоту не задрапируешь. Интеллект все равно не спрячешь. Его за версту видать.

Я люблю тебя, Лена

Вот говорят, что сейчас любви настоящей нет. Что, дескать, раньше из-за любви чего только не делали, а теперь все лишь бы как. В связи с этим я вам расскажу одну грустную историю.

Значит, один молодой человек — имени называть не буду, чтобы вы ни о чем не догадались, — влюбился в одну девушку. Красивенькая такая девушка. Ну и он парень тоже ничего. И так он в нее влюбился, что сил никаких нет. А она вроде на него ноль внимания, фунт презрения. Он уж и цветы носил, и письма посылал. И чего только не делал! И с работы встретит, и на работу проводит. До того дошел, что прямо на асфальте у ее дома написал: «Я люблю тебя, Лена». Чтобы она каждый день эту надпись видела.

Вода камень точит, и он потихоньку своего добился. Стала она на него внимание обращать. И начали они встречаться. Повстречались так некоторое время. Ну, что между ними было, этого я рассказывать не буду. Не наше это дело — о том рассуждать. Меня это не касается и вас тоже, но только дело уже к женитьбе шло.

И вот так получилось, что из-за чего-то они поссорились. То ли настроение у нее плохое было, то ли у него что случилось, но только слово за слово, и поругались.

Знаете, как бывает? Просто кто-нибудь скажет: «Глупый ты» — и ничего. А как от любимого человека такое услышишь — нет сил терпеть. Ну, в общем, он ей говорит: «Раз так, я тебе докажу, какой я» — и ушел. И вот началась у них не жизнь, а мука. Каждый боится гордость свою уронить, и каждый молчит. Ей бы подойти к нему, сказать: хватит тебе, дескать, и все, или ему то же самое. А они нет. Вот он около ее дома походит, походит, а зайти не может. Он утром на работу идет, а там на асфальте надпись: люблю тебя, дескать, и все. Был, значит, да весь вышел.

И она так же. Допустим, день рождения у него случился. Она ему открытку в ящик — и ходу.

Время идет, а он ей все доказывает. И вот ведь человек какой: на одни тройки учился, а тут взял и институт с отличием окончил. Ему бы подойти, показать диплом да и помириться. А он нет — гордый. Другой бы на его месте уж с пятой познакомился, ту бы из головы выкинул. А он и этого не может.

А тут еще так случилось. В метро он ехал. Вдруг смотрит, она в вагон входит с молодым человеком. Так он не то чтобы поздороваться — его как будто кто ударил. Остолбенел аж. И у нее тоже. Смотрят друг на друга, глаз оторвать не могут. Она чуть в обморок не падает. Еле до остановки доехали. Он выскочил тут же и неизвестно с чего в другую сторону поехал. Вот дела какие.

После этого им бы созвониться, поговорить бы, выяснить все. А он, видишь, думал, что она сидит дома и ждет его. А она девушка молодая, красивая. Ухажеров разных полно. Разве дома усидишь? Тем более ей уже казаться начало, что возраст поджимает. Ей к тому времени двадцать два стукнуло. А тут подружки замуж все повыходили. Ну вот, она так подождала, подождала да и вышла за кого-то замуж. А добрые люди, они всегда найдутся. Конечно, ему об этом и донесли. Тут он света божьего невзвидел. Пролежал на диване неделю, не ел, не спал, мучился. Потом взял и диссертацию по какой-то научной теме защитил.

И вот защитил он диссертацию, денег прикупил, купил машину и на этой машине к ее дому подкатил. Давно об этом мечтал.

Глядь, она с ребенком гуляет. И вот стали они друг против друга. Шагах в двадцати. Он рядом с машиной, она с ребенком. Смотрят друг на друга. Глаз отвести не могут, да подойти боятся. Взял он тут осколок кирпича и написал на асфальте: «Я люблю тебя, Лена». Сел в машину и укатил. Она стоит и плачет. Может, хоть тут бы ей плюнуть на все, позвонить бы ему и объясниться. А она опять нет. Может, ей и не нужно это было. А тогда чего плакать? А он прождал ее звонка-то, сел и какое-то такое открытие сделал, что ему через год доктора дали безо всякой защиты. И тут ему совсем плохо стало. И начал он по телевизору выступать, ему бы жениться на ком другом, а он нет, не может. И все свое доказывает. И вот уж он совсем знаменитым стал, вся грудь в премиях. Да все вы его, может, знаете, почему я его имени и не называю.

И вот умирать ему уже время пришло. И приехал он в ее двор. Взял осколок кирпичный и пишет на асфальте: «Я люблю тебя, Лена». А тут и Лена вышла, с внуками уже. Смотрит, как он пишет это. Он глаза на нее поднял, а уж самому подняться трудновато. Помогла она ему и говорит:

— Доказал? Доволен теперь?

А он ей отвечает:

— Ничего мне не надо. Мне бы видеть только тебя, разговаривать бы только с тобой.

А она ему только волосы погладила, а они уже все седые. Вот так вот.

— Глупый ты, — говорит.

А он-то всю жизнь доказывал ей, что это не так, а теперь взял да сразу с этим и согласился. Сели на лавочку, и он ей говорит:

— Все бы премии отдал, только бы эти внуки моими были.

А она вообще двух слов связать не может. Слезы ручьем.

Он после этого, конечно, и умирать совсем передумал. Так вот каждый день на лавке этой и сидят. Говорят все между собой, как будто и не расставались никогда. А чего говорить-то! Раньше говорить надо было.

Железная логика

— Ты меня любишь?

— Люблю.

— Сильно?

— Сильно.

— Тогда давай поженимся.

— Ну, я в общем-то не против.

— Что же нам мешает?

— Мне ничего не мешает.

— Тогда пойдем и поженимся.

— Пойдем... А где мы будем жить?

— Ну... На первое время комнату снимем.

— Да, пожалуй. А на какие финансы мы ее снимем?

— Перейдем на вечернее и начнем работать.

— Это хорошо. А кто будет готовить?

— Моя мама хорошо готовит и твоя бабушка будет приходить.

— Так. А для чего нам, собственно, жениться?

— Ребенка заведем, воспитывать будем.

— А он кричать будет, с ним сидеть надо, кормить. В кино не сходить, а в театр и подавно.

— Ну, тогда не будем ребенка заводить. Будем в кино ходить, в театры и собаку заведем.

— С собакой в театр не пустят.

— Тогда не будем заводить собаку, а будем просто ходить в кино и театры.

— Но ведь мы и сейчас ходим в кино и театры.

— Ходим.

— Ну?

— А тогда будем все время вместе.

— А ты хочешь, чтобы мы были все время вместе?

— Ну, все время, пожалуй, надоест... Если мы будем работать, то получится, что не все время.

— Значит, нам нужно работать, чтобы не быть все время вместе, ведь так?

— Ну, тогда не будем работать...

— Тогда жить вместе будет не на что.

— Ну, тогда не будем жить вместе...

— Тогда и комнату не надо будет снимать.

— А не будет своей комнаты, тогда моя мама будет у меня дома готовить.

— А моя бабушка — у меня дома.

— Но тогда и жениться незачем.

— А я что говорил!

— Вообще-то, конечно, какое имеет значение, женаты мы или нет. Главное, что мы любим друг друга. Ведь ты меня любишь?

— Люблю.

— Сильно?

— Сильно.

— Тогда давай поженимся...

Профессионалы

Я одного инженера знаю: он где бы ни находился, чем бы ни занимался, а все равно о своей работе думает. Он на отдыхе в лесу вынимает такую маленькую книжечку и чего-то там обязательно рисует и придумывает. Потому что он настоящий профессионал.

Или другой человек — бухгалтер. Он трехзначные цифры в уме перемножает и всегда помнит дни полочки и аванса. Среди ночи разбуди его, и он тут же скажет — восьмого и двадцать третьего. Конечно, в этом смысле мы все профессионалы, но вот трехзначные цифры только этот бухгалтер и умеет перемножать.

Значит, речь о профессионалах пойдет. И еще о том, что, если не можешь обманывать, и не пытайся. Не можешь мухлевать — и не берись.

А то так вот получилось, что один мужик — фамилии его называть не буду, потому что ему еще жить и жить, — поехал в Одессу в командировку. А у него там родственник был, Володька. В возрасте тридцати четырех лет. Он, этот Володька, дядю своего любил, и в связи с этим дядя решил в гостинице не останавливаться, а пожить эти дни у племянника, потом вернуться в Москву и получить квартирные по семьдесят копеек в день. Значит, за неделю он бы выгадал четыре рубля девяносто копеек. Я намеренно называю эту сумму, чтобы понятно было, из-за какой ерунды человек решил обмануть государство.

И вот он, дядя, приехал к Володьке, не зная, что его родственник Володька, вообще-то говоря, личность темная и даже сидел один раз в тюрьме. Чтобы скрыть это дело, Володькина жена написала дяде, что ее муж уехал работать на Север. Причем она и не соврала ничего: он действительно ездил на Север и работал там три года. А потом вернулся, с темным прошлым завязал и оставался для дяди просто Володькой.

И вот Володька встретил дядю и стал принимать его у себя как ближайшего родственника. Тем более что дядя был человек обеспеченный, а обеспеченных родственников вообще приятнее принимать, тем более из Москвы.

И может быть, ничего бы такого не случилось, не скажи дядя, что его жена в Москве отсутствует и находится сейчас на излечении в городе Трускавце.

И вот когда дядя раскрыл, можно сказать, свои карты, у Володьки даже дух захватило. Но он эти мысли гнал от себя прочь. И гнал их успешно до того момента, когда дядя не сказал, что он устал с дороги и хочет прилечь.

И не только сказал, но и сделал: улегся поживать в девять часов вечера.

И тут Володька стал бороться с собой всерьез. Он минут шесть боролся, а на седьмой положил себя на лопатки, потом встал, подошел к дядиному пиджаку. вынул из него ключи от квартиры, где деньги лежат, и побежал на улицу. На улице он поймал такси и на этом самом такси приехал в аэропорт. И так получилось, что именно в эту пору пассажиров в аэропорту было немного и билеты на самолет продавались свободно.

Была бы нехватка мест, то Володька ни с чем бы домой и воротился, а так он билет купил и в Москву полетел. Вот некоторые жалуются, что на самолет билеты трудно взять. А я так скажу: хорошо, что трудно, сколько из-за этого плохих дел не совершается, и еще подумать надо, стоит ли вообще улучшать обслуживание или, может, наоборот.

Но не в этом дело. Прилетел племянник в Москву, взял такси и поехал по известному адресу. Приехал, надел на лестничной площадке белые перчатки, открыл ключом дверь и

давай все в чемоданы складывать.

Он и раньше в этой квартире бывал и очень хорошо знал расположение денежных мест. Поэтому он брал только дефицитные вещи, а именно деньги. А кроме того, он не брезговал кольцами, мехами и облигациями.

Единственное, что он из ценных вещей не взял, — это столовое серебро и китайский сервиз. Ему очень нравилось, будучи в гостях у дяди, есть из китайского сервиза этим самым столовым серебром. И он не хотел себе отказывать в этом маленьком удовольствии. Ведь он не собирался ссориться с дядей, а, наоборот, намеревался и в дальнейшем приезжать в гости и дружить. Больше того, он даже хотел впоследствии, когда дядю постигнет удар в смысле пропажи ценных вещей, помочь ему деньгами.

И вот взял Володька все это в два чемодана, которые здесь же в квартире и нашел. Один чемодан черный, а другой коричневый. Я давно о таком мечтаю, но не знаю, где его купить. А вот дядя знал и купил себе.

Ну вот, уложил Володька все в чемоданы, посыпал квартиру дешевым табаком, а потом позвонил по телефону 225-00-00 и вызвал такси.

А пока такси не подъехало, Володька вынул из холодильника бутылку вермута и немножечко выпил. Потом надел на нос очки, приклеил себе усики и вышел из дома с двумя чемоданами.

Сел в такси и поехал на Казанский вокзал. По пути он снял с себя ботинки и незаметно выбросил их в окно. Естественно, потом надел на ноги другие туфли, потому что в одних носках ходить неудобно и бросается в глаза.

Приехал, значит, Володька на Казанский вокзал, расплатился с таксистом, дал ему на чай — немного дал, чтобы в глаза не бросалось.

А то некоторые своруют что-нибудь и начинают деньгами швыряться — тут их и накрывают. А Володька, он же профессионалом себя считал, ему это ни к чему — деньгами швыряться, поэтому он тридцать копеек отстегнул, так сказать, ни нашим ни вашим.

Вышел он из такси, подождал, когда машина уедет, и тут же в другое такси сел, на котором он и покатил в аэропорт. По пути он рассказывал таксисту, что приехал из города Казани и едет по бесплатной тридцатипроцентной путевке в Крым отдыхать. Вот такой нахал. Ему государство бесплатную путевку дает, а он, понимаешь, квартиры грабит.

Но не в этом дело. А в том, что приехал Володька в аэропорт, а билетов на Одессу нет. Вот такая метаморфоза. Из Одессы — пожалуйста, а в Одессу — извините-подвиньтесь.

Но он же профессионал, он сразу к кассирше. То, се, третье, десятое, дескать, за нами не пропадет, — короче, дала она ему билет, а он ей за это шоколадку «Аленка» подарил за рубль двадцать копеек. Надо бы, конечно, рубля за два, а он, видишь, и здесь решил, что так сойдет.

Короче, прилетел он в Одессу в пять утра, а в семь уже в постели лежал.

Утром просыпаются они с дядей, и дядя, что характерно, рассказывает Володьке, что он плохо спал, какие-то кошмары ему снились из жизни древних греков, а Володька, наоборот, говорит, что спал отлично и снилось ему всю ночь Черное море.

А дальше дядя начинает обделывать свои дела в городе Одессе, а по вечерам Володька водит дядю по ресторанам и всюду платит за него, потому что по-своему его любит и ничего плохого ему не желает. Просто он профессионал и не удержался от такого прекрасного дела.

Но он, в свою очередь, хочет, чтобы дядя надолго запомнил эту поездку в Одессу, хотя дядя и так никогда потом в жизни этой поездки не забывал.

Короче, кончается срок дядиной командировки, возвращается он домой и видит, что творится в его квартире. Он, конечно, тут же падает в обморок, нет, сначала звонит в милицию, а уже потом падает в обморок.

Милиция приезжает и не находит никаких следов. Нет следов, и все. И никто этого вора не видел. И все бы так и закончилось, но Володька не учел, что есть на свете профессионалы почище, чем он, а именно следователь, который занялся этим делом.

Володьке и в голову не пришло, что этот следователь обойдет все таксомоторные парки и опросит там всех на предмет этих двух чемоданов. И надо сказать, что среди шоферов были как раз те двое, которые везли Володьку.

Причем что знаменательно. Первый, который вез Володьку на вокзал, ничего вспомнить не мог, кроме тридцати копеек. А второй, который вез Володьку от Казанского вокзала в аэропорт, вспомнил оба чемодана, и особенно тот, коричневый.

Он еще сказал, что сам мечтал о таком чемодане, но не знал, где он продается. И заметьте, что значит профессиональная память. Шофер через два месяца не только чемоданы вспомнил, но и усы вспомнил, и очки, и даже то, что от Володьки пахло итальянским вермутом.

Вот что значит профессионал.

А дальше следователь нашел и кассиршу, которая Володьке билет выписывала. Она тоже профессионалкой оказалась. Вспомнила человека, который ей «Аленку» подарил. Потому что за такую услугу, если хотите знать, ей в прошлом году один артист бутылку коньяка поставил, а этот, понимаешь, «Аленкой» ограничился. Короче, запомнила она и Володьку, и «Аленку», и Одессу.

Ну а там уж дело совсем простое было. Подняли корешки билетов и разыскали родственничка.

Надо сказать, что дядя очень удивился, когда вором Володька оказался. А Володька тоже расстроился, потому что не мог уже дяде очки втереть, не мог он ему сказать, что едет на Север работать.

И к неприятности с кражей добавилось еще огорчение, связанное с родственными чувствами, а именно с тем, что не смог Володька скрыть от дяди свое неэтичное поведение.

Потому что Володька по-своему очень любил своего дядю, о чем свидетельствует и его последнее слово на суде. Он так прямо и сказал в нем:

«Дядя, прошу вас, не обижайтесь на меня. Потому что я все равно люблю вас как родного, но ничего с собой поделаться не мог. Не обижайтесь на меня, дорогой мой дядя. Я больше не буду».

Кавказская легенда

Быль

(Подражание Ф. Искандеру)

Черная, как вакса дяди Арбо, ночь опустилась на селение Чермет. Тучи заволокли луну и звезды. Но у юного абрека Кургуза была своя путеводная звезда. Она ярко освещала его непроходимый путь вот уже полмесяца. С тех пор как увидел он княгиню Ольгу Сурмилову в окружении блестящих офицеров преклонного возраста. Он увидел княгиню вдалеке у источника, слез с любимого коня и лег на землю. Кургуз пролежал в канаве до тех пор, пока не погас полдень, а у него не начался насморк. Потом Кургуз вскочил на коня и понесся в родной аул за носовым платком. Два дня он не выходил из покосившейся сакли, а когда вышел, в руках его темнел плоский булыжник. На булыжнике был выцарапан портрет незнакомки работы Крамского.

Его любимый конь, увидев портрет, громко заржал. Это был быстрый и умный конь. Полгода охотился за ним Кургуз, да так бы и остался ни с чем, если бы казаки не напились и не отдали коня в обмен за племянницу Кургуза и чемодан в придачу. С племянницей Кургуз расстался спокойно, все равно ее никто не брал замуж вот уже сорок два года, а чемодан было жалко. Чемодану не было и тридцати.

Его подарил дядя Арбо на рождение Кургуза, и чемодан был совершенно новый, деревянный, с коваными углами. Сундук, а не чемодан. Кургуз не успокоился до тех пор, пока не обменял чемодан на вторую племянницу, которую тоже никто не хотел брать замуж, но это совсем другая история. И вспоминать ее не хотелось.

Кургуз затосковал и два дня пил самодельное вино. Вино Кургуза славилось во всей округе своим плохим качеством. От него в жилах стыла кровь и волосы вставали дыбом.

Родственники собрались в сакле Кургуза и уговаривали его бросить это дело с княгиней. Но Кургуз был непреклонен и продолжал пить.

Тогда дядя Арбо стукнул сапожной щеткой по столу.

Эту щетку он вывез лет двадцать назад из Турции, когда возвращался из очередного набега на Индию.

Он стукнул щеткой по столу, и стол развалился на мелкие кусочки. Вот такая это была щетка. Стол развалился, а дядя Арбо сказал: «Надо обменять княгиню на третью племянницу».

Кургуз посмотрел на племянницу и покачал головой. Последней, самой красивой племяннице было шестьдесят два года, и обмен вряд ли мог состояться. А кроме того, неизвестно, согласится ли на это муж племянницы — дядя Кургуза. Муж тут же согласился, но Кургуз сказал:

— Нет, любимую племянницу не отдам, она мне дорога как память о ее сестрах и чемодане.

После этих слов Кургуз скинул с себя одежду, взял брюки дяди Арбо, старую шапку-ушанку, надел все это на себя. И поскакал к источнику. Оставив коня в укромном месте. Кургуз на карачках про-брался в поселок и сел на самом людном месте.

Мимо него проходили люди в нарядных платьях. Одни смеялись и разговаривали,

другие только смеялись. Некоторые бросали в шапку Кургуза медяки величиной с пятак.

И наконец Кургуз дождался. Она появилась все в том же блестящем окружении. Правая рука Кургуза невольно потянулась к пистолету, спрятанному в лохмотьях, но Кургуз левой рукой схватил себя за правую и так сидел, стиснув руки, пока незнакомка не подошла к его шапке.

— Бедный, — сказала княгиня и бросила в шапку пятак. — Бедный, — повторила она, — такой красивый, такой молодой и уже нищий. Наверное, у него что-нибудь прострелено.

Офицеры, проходя мимо, тоже швыряли в шапку мелочь, а последний даже сказал тихо: — Чтоб ты подавился моими трудовыми, бандюга.

Суставы Кургузовых рук хрустнули так, что офицер в испуге отскочил метра на два и побежал догонять остальных. Когда все они скрылись, Кургуз встал, выгреб из шапки мелочь и с презрением швырнул ее в карман, а заветный пятак сунул в рот. Уходя из поселка, он знал о своей мечте все: и то, что она богата, и то, что ей тридцать шесть лет, и то, что все ее три мужа умерли от тоски по ней. Кургуз ушел, унося с собой эти бесценные сведения, груды денег и заветный пятак, любовался его приглушенным ржавчиной блеском. На ночь он целовал пятак и засовывал его снова в рот.

На третье утро, когда Кургуз чуть не подавился во сне пятаком, он решил действовать. И вот теперь, после недельной подготовки, он сидел в засаде и ждал появления княгини. Два его верных кунака лежали поодаль, замаскированные под грязь.

Княгиня появилась у источника, и снова пропало дыхание у Кургуза. Вот уж сколько дней он смотрел на княгиню, а действие ее было неизменным. Сердце Кургуза замирало, не хватало воздуха, пульс не прощупывается, ноги отнимались.

Вот скрылась она в строении над источником. Кургуз пополз вперед быстро и тихо, как шакал. Лежа у источника, Кургуз дождался ее выхода. Он был не очень метким стрелком и поэтому стал целиться в княгиню. Это был единственный способ не попасть в нее.

Прицелившись, Кургуз руками нажал на курок.

Раздался оглушительный выстрел. От этого выстрела развалилось ветхое строение над источником, в горах начались обвалы и проснулись два верных кунака, замаскированных под грязь. Началась паника.

Быстрее орла-стервятника набросился Кургуз на свою возлюбленную. С двух сторон послышались выстрелы кунаков, прикрывающих отход, и Кургуз, волоча княгиню, понесся в гору.

Сзади раздались выстрелы офицеров, но Кургуз прикрывал свое тело княгиней. Она была тяжела, но Кургуз все равно ухитрился делать под ней обманные движения. Конь стоял наготове. Кургуз с княгиней на руках прыгнул в седло. Конь мчался, как лошадь, и не прошло и часа, как Кургуз догнал своих верных кунаков. Еле-еле ушли они от погони. Кургуз был ранен в шапку, но крови не было, ранение оказалось легким, и он был счастлив.

Он привез княгиню в свою саклю и бережно сложил ее в углу. Весь аул сбегался посмотреть на возлюбленную Кургуза, но Кургуз никого не впускал в саклю. Народ стал расходиться. Оставшимся, очень любопытным, Кургуз разрешил за небольшую плату посмотреть на княгиню в окошко. Но так как в сакле было темно, пришлось деньги вернуть.

Два дня княгиня провела на лежанке. Ничего не ела, не пила и не выходила во двор.

Кургуз подходил к ней, приносил то вино, то баранью тушу, но княгиня все это гордо отвергала и только грустно улыбалась каким-то своим потаенным замыслом. Кургуз уносил

еду и сам тоже ничего не ел из солидарности. Спал Кургуз на пороге сакли под одной простыней, не раздеваясь.

На третий день, совершенно оголодав, Кургуз принес в саклю шашлык, вино, зелень и стал все это поедать на глазах у помрачневшей княгини. Кургуз съел первую порцию шашлыка, княгиня сидела молча и лишь старалась не делать глотательных движений головой.

Кургуз съел вторую порцию, княгиня отвернулась к стене и продолжала голодовку. Кургуз съел предпоследнюю порцию, запивая шашлык вином и неестественно чавкая. Княгиня незаметно скосила глаза на последние восемь кусочков шашлыка. Кургуз икнул, но снова взялся за шашлык. Когда оставалось всего три кусочка. Кургуз остановился, вытащил из-за пазухи плоский камень и протянул его княгине. Княгиня увидела свое изображение и замерла. Глаза ее заблестели.

— Кто это? — спросила она.

Кургуз не понимал по-русски ни слова. Он показал пальцем на княгиню и сказал на чистом русском языке:

— Это вы, княгиня.

— Я здесь немного старше выгляну, — ответила княгиня, и Кургуз радостно закивал. Он не понимал, что она говорит, но радовался ее четкому произношению.

Княгиня повернулась к шашлыку, оттопырив мизинец, взяла кусочек и вонзила в мясо свои золотые зубы.

Кургуз вскочил и стал танцевать лезгинку, во все горло распевая «Гаудеамус игитур».

Княгиня съела все мясо, выпила кувшин вина и начала было подпевать Кургузу, но вдруг замолчала, легла на лежанку и отвернулась всем телом к стене. Кургуз сел на пол и зарыдал. Рыдал он долго, часа два. По истечении двух часов он обнаружил на своем плече руку княгини. Кургуз с трудом повернул заплаканное лицо. Княгиня приложила палец к губам. Кургуз догадался, о чем она просит, перестал выть и вывел княгиню во двор.

Наутро они сыграли свадьбу. Свадьба длилась неделю. Первые три дня дядя Арбо говорил тост. Остальные дни гости радовались, что тост кончился, пили вино и не давали дяде Арбо говорить второй тост.

Женившись на княгине, Кургуз автоматически стал потомственным князем, и его семейная жизнь начала входить в обычное княжеское русло. К княгине все быстро привыкли, а когда она научила всех различным французским словам, то и полюбили. Единственный, кто терпеть не мог княгиню, — это был верный конь Кургуза. Когда княгиня подходила к нему, он начинал ржать до слез. Пришлось отдать его назад казакам в обмен на двух племянниц Кургуза.

Через пять месяцев после свадьбы княгиня подарила Кургузу сына. Он был очень похож на княгиню, высеченную когда-то Кургузом на камне.

За первые два года совместной жизни Сурмилова родила Кургузу двух девочек и трех мальчиков, один из которых оказался негритенком, а другой японцем.

Ни негров, ни японцев в ауле никогда не видели, поэтому считали, что жена Кургуза вне подозрений. А дядя Арбо объяснил эти необычные явления странностями генетики.

В дальнейшем княгиня стала рожать детей еще чаще. Они с Кургузом прожили долгую и счастливую жизнь, живы до сих пор, а совсем недавно съездили в ЗАГС и официально оформили свои отношения.

После этого к Кургузу вернулся его верный конь, но это уже совсем другая история,

которая тянет на большой роман.

Киртикуй, Кердыбаев!

Давай, Кердыбаев, киртикуй меня, не бойся. Сейчас новое время. Кердыбаев. И в нашем драматическом театре имени оперы и балета сейчас полная свобода критики.

Давай киртикуй, Кердыбаев, киртикуй, а мы тебе за это «спасибо» скажем. Давай начинай. Так, молодец, Кердыбаев. Понял тебя. Ты спрашиваешь, почему моя жена, заслуженная артистка всех республик, играет все главные роли: Джульетты, Зухры, великий русский ученый Тимирязев? Это очень интересный факт, нам совсем неизвестный. Скажи, Кердыбаев, а чей жена должен играть все главные роли? Может быть, твой, Кердыбаев? Вот когда ты будешь главный, хотя бы режиссер, тогда твоя бездарная жена станет талантливым. Она будет все роли играть. А пока ты киртикуй, а мой жена будет дальше играть.

Давай киртикуй, Кердыбаев. Ты только смело киртикуй, ты ничего не бойся, раз я тебе разрешаю. Так. Ты хочешь знать, Кердыбаев, почему я старинный мебель из театра перевез к себе домой? Отвечаю. Потому что это старинный мебель очень дорогой. Скажи, где мне взять так много денег, чтобы такой мебель купить? Ты знаешь, главный режиссер как мало денег получает? Еще меньше, чем министр культуры.

Давай дальше киртикуй, Кердыбаев. Давай не стесняйся, показывай, какой змея мы пригтели на свой волосатый грудь. Киртика нам сейчас нужна, как тебе деньги.

Так, вопрос понимаю, не понимаю, как такой вопрос может задавать порядочный человек. Почему мой мама работает в кассе театра, а моя папа в буфете театра торгует? Отвечаю, Кердыбаев. Потому что родителей надо уважать. Чтобы у них был обеспеченный старость. Ты о своем мама, папа не заботишься. Они у тебя нигде не работают. Они у тебя сидят ждут, когда им Бог пошлет кусочек сыра. Моя мама-папа не ждут милости от природы, они сами у нее сыр берут. Родителей, Кердыбаев, надо уважать, тогда у тебя дома будет много сыра.

Давай дальше киртикуй, Кердыбаев, мы тебя потом не забудем, если вспомним. Так. Ты спрашиваешь, почему в санаторий «Актёр» из всего театра ездю только я. Ай, зачем неправду говоришь! Почему только я ездю?! И дочь моя ездит, и муж дочери, и его мама-папа оттуда не вылезают. Мой жена ездит, заслуженная артистка, только что роль Чапаева сыграла. Очень хорошо сыграла, ей даже усы приклеивать не надо. Все ездим. Ты, Кердыбаев, киртикуй, только объективно. Субъективно и подло мы сами умеем киртиковать.

Киртикуй, Кердыбаев. Если хорошо будешь киртиковать, премию дадим. Государственную. Если найдем такое государство, которое согласится дать тебе премию. Так ты, Кердыбаев, спрашиваешь, почему я встречаюсь с молодой, красивой артисткой Шмелевой? Ай, молодец, Кердыбаев, настоящий юный следопыт. Отвечу тебе, Кердыбаев: потому что со старой и некрасивой мне встречаться неинтересно. Сам не понимаю почему.

Ну, давай еще киртикуй, Кердыбаев. Так. Ты, Кердыбаев, спрашиваешь, почему у меня нет театрального образования, а я главный режиссер? Отвечу тебе прямо и откровенно, так, чтобы ты, Кердыбаев, понял. Отвечаю: потому что это не твое дело! Понял? Все!

Теперь я тебя буду киртиковать, Кердыбаев. В самую суть тебя буду поразить. Ты подлый человек, Кердыбаев! Учись, Кердыбаев, киртиковать. У нас здоровый коллектив, а ты мерзавец. Ты успеваешь следить, как я тебя киртикую? Я тебя принял в театр. Не взял с тебя почти ни копейки. Роль тебе дали второго верблюда. Подавай, Кердыбаев, заявление о

самовольном уходе. Все. Иди и завтра опять приходи.
Только в другой театр.

Нет, что ни говорите, но, чтобы болеть, надо иметь лошадиное здоровье.

Я иной раз в поликлинике гляну — больные в очереди стоят в регистратуру, и думаю: это какое же надо иметь здоровье, чтобы эту очередь выстоять! Доберешься наконец до окошка регистратуры, а оттуда:

— Что у вас?

— Болит, — говоришь.

— У всех болит.

— Мне бы талон на сегодня.

— Только на завтра.

— Помру я до завтра.

— Ну, тогда и талон вам ни к чему.

Подходишь к кабинету врача, а там народу опять — жуть.

Опять думаешь: это же какие силы надо иметь, это же как надо любить жизнь, чтобы такую очередь выстоять! Пока бюллетень получишь, чего только не насмотришься, чего не наслушаешься.

Зашел однажды в кабинет врача. Там двое в белых халатах и шапочках.

— Раздевайся, — говорят.

Я, ничего не подозревая, разделся. Они осматривали меня, осматривали, потом говорят:

— Плохо твое дело, запустил ты себя.

Я говорю:

— А что такое?

Они отвечают:

— А это ты у врача спроси.

Я спрашиваю:

— А вы кто?

— А мы маляры. Потолки здесь белим.

И что интересно, они ведь до меня уже человек десять осмотрели, и никто не жаловался.

Но зато если тебе бюллетень не нужен, каждый врач тебя вылечить норовит. К какому ни зайди, каждый свою болезнь найдет. Я ходил, специально проверял. А чего терять? Мне бюллетень все равно не дают. Зашел к «ухо-горло-носу».

— Чего-то, — говорю, — у меня в боку екает.

Он говорит:

— Это все от носа. Перегородка в носу кривая, воздух не туда идет, легкое раздувается, давит на печенку, печенка екает.

Ладно, думаю, пойду к хирургу. Говорю:

— Чего-то у меня глаза болят.

Он говорит:

— Это все от ног.

Я говорю:

— Как же так?

— А так, — говорит, — вот вы, когда идете, на ноги наступаете?

Я говорю:

— Ну, вообще-то бывает.

— Ну вот, земля на них давит, глаза и болят.

Я спрашиваю:

— Какая связь? Ноги вон где, а глаза вон где.

Он говорит:

— Связь самая прямая. Вот вы молотком себе по ноге стукните — глаза на лоб полезут.

Ладно, иду к глазнику и говорю:

— Что-то у меня живот болит.

Он говорит:

— Это все от глаз.

— Как же, — говорю, — от глаз? Я что, глазами ем, что ли?

Он говорит:

— Вы глазами на еду смотрите, рефлекс срабатывает, сок выделяется, язва получается.

Я говорю:

— Вот те на. Значит, если я на женщин смотрю, что у меня получается?

Он говорит:

— Правильно. Если много смотрите, потом уже ничего не получается.

Ну, думаю, схожу с ума. Пошел к психиатру. Рот открыть не успел, как он мне заявляет:

— Все болезни от нервов.

Я говорю:

— Да я вроде нормальный.

Он говорит:

— Считать себя нормальным — уже сумасшествие. Вот у вас бывает такое ощущение, будто у вас что-то есть, но все время пропадает?

— Да, — говорю, — деньги. Особенно когда лечусь.

Нет, что ни говори, но, чтобы в нашей поликлинике бюллетень получить, надо иметь лошадиное здоровье.

Чума бубонная

Платинский и Дашаянц рассказали мне массу историй из своей медицинской юности. Вот одна из них.

Было это в начале шестидесятых годов. Дашаянц ночами подрабатывал в больнице. Ездил на вызовы в Раменское. Было такое село в черте Москвы. Сейчас это район на юго-западе.

В те времена там стояли бараки, народ жил полугородской-полудеревенский. Однажды вызвали Дашаянца к козлу. Позвонил какой-то дед и сказал, что «заболел унук». Дашаянц приехал и вместо «унука» увидел бородатого козла. Дашаянц сначала хотел устроить скандал и уехать, но дед взмолился. Козел — кормилец. Дед дает козла всей округе покрывать коз. «Что я буду делать, если он сдохнет?» — причитал дед. «Сам будешь покрывать», — в сердцах сказал Дашаянц и стал осматривать козла. Для начала посмотрел козлу прямо в глаза. Козел не отворачивался, а смело смотрел в глаза Дашаянца. Дашаянца это удивило. Он считал, что животные должны отводить взгляд, когда человек, особенно такой умный, как он, Дашаянц, смотрит ему в глаза. Но козел не знал, что Дашаянц такой умный, и упрямо взгляда не отводил, а главное, не говорил, что у него болит. Упорно молчал, не отвечая на вопросы Дашаянца, то есть абсолютно игнорировал доктора. Дашаянц ощупывал несчастное животное и в конце концов выписал ему наугад аспирин и касторку. А в рецепте написал фамилию Козлов.

Дня через три к Дашаянцу пришел дед и поставил ему бутылку. Козла долго несло, но потом кормилец ожил. Кроме коньяка дед принес Дашаянцу банку козьего молока. Но Дашаянц от молока отказался наотрез, поскольку хорошо помнил, что его пациентом был именно козел.

Вот так жизнь шутила с Дашаянцем, но бывало, что Дашаянц сам шутил в этой жизни.

Так он однажды от скуки под утро, когда сдавал дежурство, записал в книге вызовов: «чума бубонная» и адрес наугад — улица Строительная, дом 3, квартира 8.

Утром составляли сводку и бездумно переписали: «Чума бубонная — одна штука». Сводка по своим каналам поступила на Соколиную Горю. Там начался переполох. Стали звонить на место происшествия. В больнице по книге подтвердили — чума бубонная.

На Соколиной Горе началась паника. В последний раз здесь о такой болезни слышали в тридцать втором году. Никто не знал, что делать. Барак по адресу: Строительная, дом 3, был оцеплен. Срочно вызвали войска и сделали наружное оцепление. Проезд и проход через Раменское был запрещен. С баграми наперевес, в плащах и противогазах медики вошли в барак. Выбежавшая в коридор тетка увидела страшилищ и грохнулась об пол. Другая заголосила: «Граблют!»

В одной из каморок в полутьме обнаружили какого-то мужика, лежащего в углу на кровати. На все вопросы мужик отвечал мычанием.

«Видно, доходит», — решили медики и приступили к делу.

— Фамилия! — кричали медики из коридора, боясь войти в комнату.

В ответ слышалось мычание.

— Что чувствуете? — кричали медики. В ответ опять мычание.

Наконец минут через пятнадцать расспросов с кровати послышались довольно

отчетливые матерные слова. «Бредит», — решили медики. Баграми стащили мужика с кровати и, завернув в брезент, погрузили в машину. Машина с воем унеслась. Всех остальных срочно эвакуировали, а барак спалили армейскими огнеметами.

Мужика привезли на Соколиную Гору и, поскольку уже забыли, что делать с бубонной чумой, запихнули его в изолятор, а сами стали листать учебники. Кроме того, послали за профессором, который в двадцать втором году написал статью по чуме и мирно доживал свой век на даче в Быкове. Пока старичка везли, мужик в изоляторе протрезвел, стал буянить и кричать, что разнесет весь вытрезвитель к такой-то матери, если его не соединят со всем остальным коллективом алкашей.

Старичок профессор, услышав из-за двери эти крики, сказал, что поставит диагноз, не входя в изолятор, что и сделал, определив, что это точно не чума бубонная, а, судя по запаху перегара, обычная «Московская» за два двенадцать. Была такая цена на водку.

Причем специалист оказался такого высокого класса, что взялся даже определить характер закуски, но этого уже не требовалось.

На всякий случай мужика продержали в изоляторе дня три, давая ему каждый день опохмеляться.

После чего выпустили, но он уже привык к чистому изолятору и в барак возвращаться ни за что не хотел. Тогда его перевели в общую палату, где он благополучно заразился дизентерией и еще месяц провалялся на Соколиной Горе, после чего намертво завязал с пьянством.

Но это было потом, а пока что стали разыскивать Дашаянца. Нашли его к следующему дежурству, когда он наконец вышел на работу и сознался в своей проделке. Его, естественно, лишили диплома, правда, всего на три месяца. Но он эти три месяца жил припеваючи, поскольку к нему с бутылками приходили бывшие жители барака, получившие ни с того ни с сего новые квартиры. Дарили ему подарки, называли благодетелем, а одна женщина даже попыталась поцеловать ему руку, но Дашаянц не дал, сказав, что именно она немытая.

Приходили к нему жители и других барачков, предлагали большие деньги, просили написать холеру, оспу или хотя бы проказу, но Дашаянц ни на какие взятки не соглашался и говорил, что шутит только ради чистого искусства. Сейчас Дашаянц кандидат наук, получает сто восемьдесят рублей в месяц и жутко жалеет, что не взял тогда деньги. Такого успеха в медицине он уже никогда больше не имел и иметь уже не будет. Поскольку работает он в реанимации и со своих пациентов не может получить ни копейки. Как только они приходят в себя, их тут же переводят в другие палаты, к другим врачам.

Порнуха

Борис Иванович приехал в Москву к Капитоновым в самый праздник. Когда-то Капитоновы жили в Великих Луках, были соседями Бориса Ивановича. Володя окончил институт, женился на Гале и переехал сначала в Московскую область, а потом в Москву.

Жили они в приличной трехкомнатной квартире. И Борис Иванович, когда приезжал в Москву, останавливался у них. Борису Ивановичу недавно исполнилось пятьдесят пять лет, да и Володя с Галей были уже не первой молодости — сыну Юрке стукнуло двадцать.

Володя с Галей были всегда гостеприимны, не походили на тех москвичей, которые давали провинциалам телефон на отдыхе, а потом прятались в Москве от наехавших гостей. Нет, они встречали Бориса Ивановича радушно. А летом сами приезжали в Великие Луки, и здесь уж Борис Иванович поселял их в лесу на заводской турбазе и устраивал им разные шашлыки и рыбалки.

Итак, приехал Борис Иванович 7 ноября и попал прямо с поезда на бал. Капитоновы ждали гостей. Галя хлопотала над закусками. Володя, обливаясь слезами, натирал хрен, а сынишка их. Юрка, оседлал телефон и ездил на нем уже часа полтора, время от времени приговаривая: «Иди ты! Не может быть! Ну гад!»

После первых охов и ахов, после «Как вы там?», «А как вы здесь?» стало ясно, что заниматься с гостем некогда, надо готовить закуски. Борис Иванович сказал, чтобы не обращали на него внимания, но Галя дала по затылку Юрке, оторвала его от телефона и приказала:

— Ну-ка, включи дяде Боре видешик. Поставь ему чего-нибудь повеселее.

Юрка нехотя пошел в соседнюю комнату, дядя Боря последовал за ним. Борис Иванович знал, что существует видео, и в Великих Луках тоже есть видеотека, но никогда этот видешик не смотрел и потому, с удовольствием потирая руки, уселся в кресло напротив телевизора.

Юрка выбрал кассету, вставил ее в магнитофон и включил телевизор, потом, сказав загадочно:

— Вот теперь повеселитесь, — удалился.

Дядя Боря уставился в экран. Играла веселая музыка. Пара бракосочеталась где-то на Западе. Перевода не было, артисты говорили на неизвестном Борису Ивановичу языке. Молодая пара вышла из ратуши. Невеста в фате и белом платье, жених в смокинге с «бабочкой». Друзья, родственники.

Пара поехала на автомобиле, за ними ехали друзья. Молодые приехали в роскошный замок, прошли в комнату, сели на диван, а напротив них уселся с двумя девушками друг. Парень стал целовать девушек, а жених обнимался с невестой, попивая шампанское. Вдруг жених бросил невесту и тоже стал целовать девушек, а друг подскочил к невесте и принялся ее обнимать.

Борис Иванович удивился такому началу, но, поскольку ни слова не было понятно, подумал, что так и должно быть.

Но дальше пошло уже что-то невообразимое, такое, о чем Борис Иванович у себя в Великих Луках и не мечтал. Эти две девицы стали раздевать жениха, но ходу целуя его в разные места. А другой задрал у невесты платье и стал нагло сожительствовать на глазах у

обалдевшего Бориса Ивановича.

Лоб дяди Бори покрылся испариной. Он не понимал, что происходит. И от стыда отвернулся от экрана. Но сидеть так с повернутой влево головой в глубоком кресле было неудобно, поэтому он встал. Во рту у него пересохло от волнения. Он походил по комнате и снова украдкой глянул на экран, но там разгорелось целое мамаево побоище. Дружок остервенело сожительствовал с невестой, а девицы вытворяли с женихом такое, что у дяди Бори потемнело в глазах. Он не знал, что делать. Выключить видешиник он не мог, не знал, как это делается. Выдернуть штепсель? Вдруг нельзя, вдруг заклинит обесточенный магнитофон? Выйти из комнаты Борис Иванович тоже стеснялся. Подумают, что темный провинциал. Стыдно. Может, у них сейчас это принято — гостей угощать этой порнографией. Борис Иванович вдруг вспомнил это слово — «порнуха». Вот это, видно, она и есть. А с экрана неслись непонятная речь и звуки, не оставляющие никакого сомнения в том, что там происходит.

Борис Иванович собрал всю волю и взял с полки книгу. В книге описывалась жизнь Ивана Грозного, и Борис Иванович попытался вчитаться в эту позорную страницу русской истории. Речь шла о том, что Иван Грозный любил топтать конем мирных жителей. «Небось не до порнухи было», — подумал Борис Иванович и попытался опять вчитаться в слова. Буквы прыгали перед глазами, сливаясь в размытое пятно, а в пятне появилась картинка, как этот дружок из фильма нагло задирает юбку у невесты.

Борис Иванович отогнал дурные мысли и взял другую книгу. Пролистал несколько страниц, остановился на репродукции «Старая Москва. Трубная площадь», и прямо на Трубной площади дореволюционной Москвы, рядом с теперешней аптекой, две девицы, раздев жениха, вытворяли с ним такое, что Борис Иванович захлопнул книгу и положил ее на место.

Послышались шаги из соседней комнаты. Борис Иванович кинулся в кресло. На экране все пятеро действующих лиц плавали в бассейне, время от времени сожительствуя друг с другом прямо в воде, а на берегу появился негр с таким телосложением, какого Борис Иванович не видел даже в бане.

В комнату вошла Галя и спросила:

— Не скучно?

Борис Иванович поперхнулся и невольно ответил:

— Нет, даже весело.

Галя взглянула на экран и закричала:

— Юрка, ты чего, негодяй, поставил!

— А чего? — сказал Юрка, входя в комнату.

— Ты же, гад, порнуху поставил!

— Ну и чего? — сказал Юрка.

— Я тебе дам — «чего». Ты что меня перед дядей Борей позоришь?

— А чего — позоришь, — сказал Юрка, — что он, маленький, что ли? Сидит, смотрит, млеет.

Галя повернулась к Борису Ивановичу и спросила:

— Дядя Боря, ничего, что он эту гадость поставил?

— «Гадость», — передразнил Юрка, — сама эту гадость смотришь, а ему нельзя? Да?

— Нет, если вы не против, то я тоже, — сказала Галя.

Борис Иванович не знал, что отвечать. Сказать: «Выключите» — неудобно, подумают,

что он тюфяк какой-то. Выразить возмущение — тем более нельзя, люди развлечь хотели. И он сказал добро:

— А чего, пусть крутится.

Галя посмотрела на него с интересом, а тут пришел еще и Володька:

— Ну, как вы тут?

— Да вот дядя Боря порнуху смотрит, — сказал Юрка, — говорит, что у них в Великих Луках все это вчерашний день.

Дядя Боря вскинулся, хотел что-то ответить, но опять постеснялся и почему-то сказал:

— А у нас в соседнем дворе корова отелилась.

— Ну и что? — спросил Володька.

— Да ничего, орала больно, а так ничего.

Володя и Галя сели рядом и тоже стали смотреть на экран. А там негр, расправив все, что только можно расправить, молотил направо и налево, не пропуская ничего, что двигалось. Володя сказал:

— Пойду одеваться, — и ушел.

Галя крикнула Юрке:

— Нечего глаза лупить, когда взрослые порнуху смотрят! — И Юрка тоже ушел.

Борис Иванович с Галей остались одни. Дядя Боря готов был провалиться сквозь пол: там на экране три девицы одновременно ублажали негра, но так, что Борису Ивановичу стало жарко. А Галя спросила:

— Ну как там у вас, Настька замуж не вышла?

— Нет, — сказал Борис Иванович, — или вышла. В общем, она как бы вышла, а потом, значит, назад вернулась.

— Газ-то провели вам? — равнодушно спросила Галя. Было ясно, что газ ее совсем не интересует, но она хочет поддержать непринужденную беседу. В это время негр, раскалившись до невероятности, перепутав мужчину с женщиной, пытался задействовать официанта. Который случайно подвернулся ему под руку.

Дядя Боря сказал:

— Газ провели. И водопровод тоже, скоро воду пустят.

Он закрыл глаза, но с экрана неслись стоны, вопли и уже ненавистная Борису Ивановичу иностранная речь. «За что же это мне такое? — думал Борис Иванович. — Тьфу ты, пропасть нечистая», — клял он телевизор.

Тут в комнату вошел Володя и, посмотрев на экран, спросил:

— Ну что, наслаждаетесь?

— Угу, — сказал Борис Иванович.

Зазвенел звонок. Галя побежала открывать. Володя сказал, указывая на экран:

— Живут же люди!

— Да, — сказал Борис Иванович, чтобы хоть что-то сказать, — красиво жить не запретишь.

— Смотри, чего творит, — сказал Володька. Борис Иванович посмотрел на экран. Негр вытворял такое, что Борис Иванович уже не мог понять, что он делает. Весь его жизненный опыт и вся его фантазия не могли подсказать ему такого варианта сексуального наслаждения. Борис Иванович снова закрыл глаза.

— Наслаждаешься? — спросил Володька.

— Угу, — ответил Борис Иванович, не испытывая ни малейшего наслаждения, а

переживая чуть ли не тошноту от того, что происходило на экране.

— Тебе бы сейчас телку, — сказал Володька. — Ты как, еще действующий?

Борис Иванович представил себе телку, но настоящую, пегую, как у соседа Егора, и ему совсем стало нехорошо.

В комнату вошла Галя и гости — супружеская пара.

— Это дядя Боря, — сказала Галя. — А это Зина с Сашей.

Борис Иванович с облегчением встал, думая, что настал конец его мучениям, но Галя сказала:

— Не будем портить настроение дяде Боре, он с таким интересом смотрел порнуху, что просто жалко его отрывать.

Все сели в кресло, и даже Юрка пришел, и никто не прогонял его, чтобы не мешать Борису Ивановичу смотреть кино.

А там на экране продолжалось буйство сексуальных фантазий: все жили со всеми. «Здоровые люди, — подумал Борис Иванович. — Как их только хватает, уже, считай, полтора часа, и хоть бы кто притомился». Он стал вспоминать свою жизнь, как сватался к Нюрке, как они один раз до свадьбы все же умудрились согрешить. Но только один раз. Как жили они сначала в одной избе с ее родителями. И как невозможно было что-либо себе позволить, потому что стыдно. Вспомнил он, как построили наконец свой дом и получили возможность жить нормально, никого не стесняясь. Вспомнил он дочку свою, Танюшку, и подумал: неужели ей теперь вот среди этого надо будет жить — и чуть не закричал от боли. Стал утешать и уговаривать себя, что, наверное, это все не так, а только на экране и пока еще там, у них, а не у нас, и, бог даст, пронесет нас мимо этого несчастья. Вспомнил он также, как на юге однажды изменил он своей Нюрке и как нехорошо ему было, потому как подумал, что и она теперь вправе изменить ему. И тут же представил Борис Иванович этого негра со своей Нюркой, но не теперешней, а той, молодой, и уже совсем хотел было вскочить и закричать: «Хватит!» — но фильм закончился, и все пошли в столовую, сели за стол, весело говорили, поднимали бокалы за праздник и друг за друга.

А Борис Иванович не мог поднять глаза, и не находил себе места, и думал, как же они после этого разговаривают, смеются и веселятся. Ведь это же прямо стыд и срам. А никто стыда не испытывал, как будто никакого фильма и не было.

Инициатива масс

Секретарь парткома НИИ машиностроения зашел в кабинет директора и сказал:

— Иваныч, отстаем мы от народа.

Семен Иваныч от испуга стал таращить глаза так, будто хотел увидеть тот самый народ, от которого отставал.

— Так ведь же повесили в цехах лозунги: «Даешь гласность!», «Берешь демократию!».

— Мало, — сказал Селезнев.

— Вахтеру выговор объявили за отсутствие самокритики.

— За что, за что?

— Ну, в его дежурство, пока он спал, из столовой два мешка сахара вынесли, с него кепку сняли и штаны.

— Ерунда это все. Демократия — это инициатива масс. Посмотри, на соседнем заводе люди сами директора выбрали.

У Семена Иваныча глаза снова полезли на лоб.

— Ты что же, от меня избавиться хочешь?

— Я хочу, чтобы люди пар выпустили, кипят люди-то. Вон позавчера скандал устроили, кричали, почему столовая в обед не работает, — обнаглели вконец. Короче, — сказал Селезнев, — надо нам кого-нибудь из завотделами переизбрать. Ну, к примеру, Ивана Сергеевича Загоруйко.

— Да ты что, — возмущился директор, — он же приличный человек, не пьет, знания, опыт...

— Вот и хорошо, — сказал Селезнев. — Головой работать надо, а не другим местом. Пораскинешь мозгами, поговори с Загоруйко, потом позвони в отдел, намекни: мол, молодым дорогу, пора развивать инициативу масс.

Директор набрал номер отдела. К телефону подошел Поляков, инженер довольно склочный. «Как раз то, что надо», — подумал директор и стал намекать со свойственной ему изобретательностью:

— Слышь, Поляков, ты завотделом хочешь стать?

— Ну, — сказал Поляков.

— Баранки гну, — остроумно ответил директор. — Это тебе не при старом прижиме. Сейчас народ сам тебя выбрать должен. Бери народ и дуй к секретарю парткома. Так, мол, и так, хотим выбрать нового завотделом.

Через десять минут в кабинет секретаря парткома ворвались пятеро под предводительством Полякова. Это были Тимофеев Сергей Васильевич, человек скромный, неразговорчивый, Мария Степановна, женщина полная и болтливая, Аркашка, так его все называют — Аркашка, есть такие люди, им уже под пятьдесят, а они все Аркашка да Аркашка, Галька Зеленова — наша отечественная секс-бомба, вот уже сколько лет не может найти себе бомбоубежище, и Поляков. Вот он, Поляков, и начал:

— Всюду люди перестраиваются, начальников себе выбирают, а мы что, космополиты, что ли, какие?

Секретарь парткома Селезнев говорит:

— Вот они, первые ростки нашей демократии. Давайте собирать собрание.

На следующий день собрались. Директор пришел, председатель месткома. Селезнев говорит:

— Мы собрались сегодня здесь по просьбе трудящихся. Иван Сергеевич Загоруйко, который успешно руководил отделом, оказался неперспективным работником. Как считаешь, Иван Сергеевич?

Загоруйко говорит:

— Я давно уже за собой стал замечать, что я неперспективный. Чувствовал, что надо меня переизбрать, а сказать стеснялся.

— Вот, — сказал Селезнев, — Иван Сергеевич это вовремя понял, с первого раза. Два раза объяснять не пришлось. Так что давайте выбирать. Какие будут предложения?

Тимофеев тихо так, скромно встает и говорит:

— Я предлагаю Тимофеева. У него опыт, связи, трезвый взгляд на дело.

Народ заволновался. Все думали, что он Полякова выдвинет. А тут он сам выдвинулся. Тогда Мария Степановна говорит:

— А я чем хуже? Я себя тоже предлагаю. У меня тоже связи. Два раза замужем была.

Галька Зеленова вскочила, кричит:

— Как вам не стыдно? Это нескромно. Я тоже в начальники хочу. Я молодая, активная.

Аркашка говорит:

— А я что, рыжий, что ли?

Поляков, который всю эту кашу заварил, кричит:

— Товарищи, что же это такое?! Что же вы все без очереди лезете? Каждый себя предлагает, а меня кто же предложит? Я должен быть начальником. У меня и поддержка сверху.

Он посмотрел на директора, но тот сделал вид, что в первый раз его видит. Селезнев говорит:

— Молодцы, дружно взялись за дело. Смелее, товарищи, резче. Давайте обсуждать кандидатуры. Кто предложил Тимофеева?

Сергей Васильевич говорит:

— Я предложил Тимофеева. Он человек непьющий, негулящий. Знания его вам известны. Да чего там, вы меня все знаете.

Мария Степановна говорит:

— Знаем, знаем, снега зимой не допросишься.

Галька Зеленова говорит:

— А позавчера в лифте ехали. Народу много было. Он ко мне прижался так, будто холостой. Я ему на пятом этаже говорю: «Сергей Васильевич, что же вы ко мне прижались-то так, ведь мы с вами в лифте уже одни остались», а он мне говорит: «Ой, извините, я вас не заметил».

Поляков говорит:

— А чего его в начальники выбирать, его, того и гляди, ногами вперед понесут, а туда же — в начальники.

В общем, четверо проголосовали против одного. Мария Степановна встает и говорит:

— Голубчики вы мои, всем за свой счет давать буду, отпуск всем летом дам, тебе, Аркаша, безвозмездную ссуду выбью, вам, товарищ Поляков, квартиру будем хлопотать.

Сергей Васильевич говорит:

— А мне чего?

— А вас в начальники выберем, но в следующий раз.

Сергей Васильевич говорит:

— И вас в следующий раз. А сейчас я против. Она два часа по телефону треплется, в обед по магазинам бегает, а потом ест два часа и чавкает, как устрица.

Мария Степановна покраснела и говорит:

— А устрица, между прочим, не чавкает.

Сергей Васильевич говорит:

— Вот видите, даже устрицы не чавкают, а вы чавкаете.

Галька Зеленова говорит:

— Да, Мария Степановна, вы столько едите, что у вас вся кровь к желудку приливает, голове ничего не остается, поэтому вы ничего не соображаете.

Четверо проголосовали против, одна воздержалась.

Аркашка стал говорить:

— Ребята, вы меня знаете, за отдел буду глотку драть. В обиду вас не дам.

— Ты сначала мне десятку отдай, — сказал Сергей Васильевич.

— Да возьмите вы свою десятку. — говорит Аркашка и сует Сергею Васильевичу в руку треплу.

Пока тот бумажку рассматривал, Галька Зеленова опять вскочила:

— А что ты мне говорил?

— А что? — побледнел Аркашка.

— Жить, говорит, без тебя не могу. Потом пожил и говорит: жить с тобой не могу. Так можешь или не можешь? Скажи при всех.

Аркашка говорит:

— Да что же это такое, я с женой еле-еле живу, а тут еще одна пристаёт.

Мария Степановна опомнилась и говорит:

— Аркашка, как же вы можете быть начальником отдела, если вы постоянно портите в комнате воздух... Своим гнусным одеколоном по шестьдесят копеек литр. Я вас все спросить хотела: вы им брызгаетесь или внутрь употребляете?

Судьба Аркашки была решена. Видно, он настолько сам себе стал противен, что все пятеро проголосовали против.

— Вот это активность масс, — сказал, потирая руки, секретарь парткома. — Смелее, товарищи, жестче. Всю правду в глаза. Это по-нашему, по-советски.

Тут Гальки Зеленовой очередь подошла. Она говорит:

— Товарищи, сегодня, когда весь наш советский народ в едином порыве сплотился для великих свершений, я, как и весь наш народ...

Сергей Васильевич говорит:

— Какой «наш народ», если у нее по первому мужу фамилия Цукерман?

Галька так и села с открытым ртом. Мария Степановна говорит:

— Да уж, Галочка, какой уж тут народ, если вы, извиняюсь, с Аркашкой жили. А чтобы с Аркашкой жить, это вообще надо веру в коммунизм потерять.

Аркашка вскочил:

— Какое вы имеете право оскорблять светлое будущее всего человечества! Я здесь вообще ни при чем. Это она со мной жила, а я об этом понятия не имею. Я женатый человек.

Короче, против Гальки проголосовали. Полякова очередь настала. Все приготвилились. Поляков встает ни жив ни мертв.

— Я, — говорит, — свою кандидатуру снимаю. Лучше жить рядовым, чем облитым грязью.

Все говорят:

— Нет уж, извините, всем так всем.

Сергей Васильевич говорит:

— Стукач вы, вот вы кто.

Поляков говорит:

— Почему стукач?

— А потому, что, когда вы после обеда спите, все время головой об стол стучите.

Секретарь парткома говорит:

— Ну что ж, я считаю, что выборы проходят в поистине демократической атмосфере.

Активность масс достигла предела. И поскольку других кандидатур нет, я предлагаю на пост начальника отдела Ивана Сергеевича Загоруйко. А что, он человек надежный: с Галькой Зеленовой не жил, ест мало, головой не стучит. Думаю, с отделом справится. Одним словом, кто за то, чтобы начальником был он?

Все подняли руки. На том собрание и кончилось. Уходя, Селезнев сказал директору:

— Вот так надо с народом работать.

А на другой день в газете появилась заметка, в которой сообщалось, что в институте в обстановке принципиального обсуждения и инициативы масс единогласно был выбран новый заведом Иван Сергеевич Загоруйко.

Как я был предпринимателем

Сейчас все богатые предприниматели: татары, армяне, евреи — все они называются «новые русские». Я думаю: дай-ка я тоже стану этим «новым русским». Куплю чего-нибудь подешевле, продам подороже и разбогатею.

Один приятель мне говорит:

— Не связывайся, от этого бизнеса одна головная боль!

Ничего, думаю, главное — начальный капитал добыть. Прихожу к другу, говорю:

— Дай денег на начальный капитал!

Он говорит:

— Не дам, не хочу друга терять.

Я говорю:

— Как же ты меня потеряешь?

Он говорит:

— А вот как деньги дам, так сразу и потеряю.

Ладно, думаю, мы пойдем другим путем. Собрал дома все шмотки: два костюма тренировочных, пальто ратиновое, пуховую перину и бюстгальтер жены девятого размера. Поехал на вещевой рынок, развесил все, стою, жду, когда разбогатею. Уже минут десять жду, а все никак.

Подошел мужик с бородой, говорит:

— Ты за место платить собираешься?

Я говорю:

— Как разбогатею, так сразу, а пока у меня всего три монетки на метро.

Весь день простоял — ничего. К концу дня опять этот с бородой подходит, говорит:

— Хочешь, я у тебя все это барахло за сто тысяч куплю?

Я думаю: ну, не тащить же мне все это назад...

— Бери, — говорю.

Положил сто тысяч в карман, только уйти хотел, как этот с бородой говорит:

— Ну что, разбогател?

Я говорю:

— Ну, так, чуть-чуть.

— Ну, — говорит, — плати за место.

Я говорю:

— Сколько?

— Двести тысяч.

Я говорю:

— Знаешь, ты кто после этого? Козел бородатый!

И тут же рядом с ним амбал появляется и говорит:

— А за козла ответишь!

Я сразу сто тысяч и отдал.

Бородатый говорит:

— Обыщи его, Коля!

Коля взял меня за ноги и поднял. Потом как тряхнет: из меня все три монетки и

высыпались.

Я кричу:

— Отпусти!

Бородатый говорит:

— Ну, раз просит...

Коля и отпустил. Я с высоты прямо на голову и пришел. Приехал домой, думаю: верно говорят, от этого бизнеса одна головная боль.

Но я на достигнутом не остановился. Я решил в Турцию поехать, чтобы там стать «новым русским». Денег занял и заделался «челноком». В Турции мне понравилось. Номер у нас в Стамбуле был трехместный, то есть с двумя узбеками на одной кровати. Потом меня на турецком базаре чуть в гарем не продали. Но это не важно, главное, что я там обувь нашел прямо на фабрике-изготовителе и по дешевке. Классная обувь! Хозяин клялся, что еще ни один клиент не жаловался. Купил целых 800 пар. Привез в Москву. Притащил в магазин, говорю директору:

— Вот обувь — суперлюкс, ни один клиент еще на качество не жаловался.

Директор посмотрел обувь и говорит:

— А как же они пожалуются, если это туфли для покойников? Вот, гляди, подошва картонная.

Я сначала дар речи потерял, а потом в себя пришел, говорю:

— Что ж, по-вашему, покойники босиком, что ли, должны ходить?

Он говорит:

— Ну, вообще-то покойники обычно мало ходят, они в основном, как правило, лежат.

Я говорю:

— Правильно, но они обычно лежат в обуви, и в хорошей обуви им лежать будет приятнее.

Он говорит:

— Где же я тебе столько покойников возьму, здесь же у тебя обуви на два кладбища вперед.

Что ж, думаю, делать? Думал, думал и придумал.

Продам-ка я их у метро, пока-то народ до дома дойдет, пока разберется, а я уже у другого метро. Сел у метро, продаю по дешевке. Идут нарасхват. Но я же не думал, что они так быстро... Минут через пятнадцать, смотрю, они меня уже окружают с туфлями на руках.

— Ты, — говорят, — гад, почему нам туфли для покойников всучил?

Я говорю:

— Мужики, вы чего, все равно рано или поздно все там будем.

Они говорят:

— Но ты значительно раньше.

И давай меня этими туфлями лупить. Деньги отобрали, туфли не вернули. Пошел я в бюро ритуальных услуг, сдал им остатки по дешевке.

Они говорят:

— Вот если бы ты нам гробы из Америки поставлял, ты бы сразу миллионером сделался. Такие гробы есть американские — с ручками, с бахромой, с кондиционером.

Я думаю: чего мне в Америку ездить, лучше здесь налажу выпуск наших отечественных американских гробов. И тогда уж точно этим «новым» стану, а заодно и «русским». Заложил в банке свою квартиру, продал все, что в доме оставалось, снял сарай, нашел двоих столяров,

говоря:

— Мужики, обогатиться хотите?

Они говорят:

— А бутылку поставишь?

Я им две поставил.

Они говорят:

— Считай, обогатились.

Короче, начали работать. Они гробы строгают, я бегаю материалы достаю. Они такой первый гроб сделали, сам бы лежал, да некогда. Ну просто настоящая палехская шкатулка. Потом этот гроб первое место получил в Монреале на выставке нескораемых шкафов.

Стали мы гробы в бюро поставлять за большие деньги. Нарасхват пошли. Многие богатые люди их при жизни покупали. Одни в них деньги хранили, другие спали прямо в офисах. Но недолго музыка играла. Где-то месяца через два приходят два амбала. Говорят:

— Ты, что ли, «новый русский»?

Я говорю:

— Новый, но пока не совсем.

Они говорят:

— У тебя крыша есть?

Я наверх показываю, говорю, да вроде вот она. Они говорят:

— Да, видать, у тебя эта крыша поехала, мы тебя про другую крышу спрашиваем.

Я говорю:

— Мужики, вы чего, крыши, что ли, ремонтируете? Говорите прямо, чего хотите.

Они говорят:

— Охранять тебя хотим, пока на тебя не наехали.

Я говорю:

— Я вроде по улицам осторожно хожу, никто вроде не наезжает.

Они говорят:

— Дома наехать могут.

Я говорю:

— Да вы что, у меня квартира маленькая, там даже не развернешься, кто ж туда заедет?

Один говорит:

— Вот я сейчас развернусь и заеду. Хочешь, охранять тебя будем, тогда плати!

Короче, плачу им тридцать процентов. И они меня от себя охраняют. Месяц проходит — меня в налоговую инспекцию вызывают.

— Плати, — говорят, — новый налог ввели.

Я говорю:

— На что налог?

Они говорят:

— На «новых русских». Ты в прошлом месяце шесть миллионов заработал?

— Да, — говорю, — вот у меня и документы есть.

Они говорят:

— Ну вот, плати теперь налог семь миллионов.

Пришел к своим мужикам, говорю:

— Мужики, сделайте мне гроб получше.

Они мне такой сделали, с инкрустацией, и на борту золотыми буквами вывели: «Слава

КПСС!» Выпили мы с мужиками, лег я в гроб, и понесли меня хоронить. Несут меня, впереди оркестр, сзади народ толпой валит. Слышу, одна тетка объясняет:

— Генерала хоронят, который Белый дом два раза защищал.

Я мимо ракетиров своих проезжаю, сел в гробу, говорю:

— Хрен вам, а не тридцать процентов!

Они говорят:

— Это почему?

— А потому, — говорю, — что я дуба дал и коньки отбросил, так что вы свои тридцать процентов можете получить на том свете угольками.

Мимо налогового управления проезжаю, встал во весь рост и кричу:

— Эй вы, наложники, хрен вам, а не семь миллионов, в гробу вы меня все видали!

Они кричат:

— А налог на наследство?

Я кричу:

— Кому я должен, всем прощаю. А кому это не нравится, могут все мои деньги получить с моего наследника, «нового русского» — Сергея Мавроди.

За границей

Один раз русские войска дошли до Парижа, второй раз до Берлина, а сейчас «новые русские» завоевали весь мир без единого выстрела.

Русскую речь сегодня можно услышать на любом континенте, в любой стране, в любом магазине.

— Леня, мене это платье не налазит ни на одну грудь!

Это наши люди оккупировали Брюссель. Во Франции в солидном магазине сам слышал, как одна дама говорила другой:

— Нинка, бери что подороже, пока Ашотик тебя любит, за все заплатит.

А «новый русский» Ашотик, маленький, щупленький, но с большим достоинством, стоит у зеркала в сером советском макинтоше, ковбойской шляпе, ковбойских сапогах по пояс и смущенно говорит:

— И во всем этом надо еще прыгать на лошадь?

«Новые русские» сейчас везде: на горном курорте в Австрии, на пляже в Анталии, в Сингапуре и Бразилии. На неприступной скале Сейшельских островов, так что видно только с самолета, по-русски написано: «Гадом буду, не забуду этих островов».

Мы не устаем удивлять мир. Нас уже всюду знают и ждут. Мы хотели силой заставить весь мир учить русский язык. Не вышло. А теперь сами учат как миленькие: деньги наши получить хотят.

В Турции только и слышишь:

— Кожа, кожа! Наташка, заходи!

То ли действительно кожу хочет продать, то ли Наташку купить!

В Египте на базаре:

— Ваня, Ваня, давай, давай, давай!

Нет чтобы «возьми» — «давай» кричат! В Австрии на горных курортах самая дефицитная профессия — инструктор со знанием русского, там и чехи, и поляки — все под русских теперь «косят». В Америке на одном магазине видел объявление: «У нас продается черный хлеб с красным икром!» В иностранных путеводителях наконец-то появились тексты на русском. Нас знают, нас узнают всюду. Вот хоть как вырядись и ни слова по-русски не говори — все равно узнают. Один мой знакомый «новый русский» все удивляется:

— Слушай, как они узнают, что я русский? Пиджак на мне американский, туфли немецкие, рубашка голландская, брюки английские. У меня одни трусы российские, а они все равно узнают.

Я ему говорю:

— А ты не пробовал «молнию» на брюках застегнуть?

Нам, конечно, многое непривычно, непонятно, особенно язык. То и дело слышишь в магазинах и на улице: «Ну козлы, ни шиша по-нашему не волокут. Слушай, сколько мы уже к ним ездим, а они все никак русский выучить не могут».

Некоторые из нас, конечно, учили иностранный язык, но то ли не так учили, то ли не тот язык.

Один «новый русский» мне рассказывал:

— Ты представляешь, я в Англии десять дней жил. Они, англичане, тупые. Десять дней

с ними по-английски разговаривал, хоть бы кто понял!

Да, теперь, чтобы ездить за границу, надо знать язык, ну, хоть пол-языка. Иначе чего только не случается. Один наш «новый русский», здоровенный мужик, решил в Карловых Варах в бар сходить, разбавить карловарскую слабительную чешским пивком. Заходит в бар, а там сплошные немцы. Он пива взял у стойки и по пути, пока к столу шел, один хлебок сделал. А у него хлебок как раз полкружки. И он оставшиеся полкружки поставил и пошел селедочку искать. А уборщица увидела полкружки беспризорные и убрала. Мужик назад возвращается, а на его месте уже немец сидит и свое пиво пьет. Мужик нахмурился и говорит:

— Ты, что ли, мое пиво взял?

А немец, радостный такой, говорит:

— Я, я, я!

Мужик говорит:

— Ты взял, а заплатил-то я!

Тот опять радостно:

— Я, я, я!

Мужик совсем озверел и говорит:

— А кто в глаз хочет получить?

Ну, это и было его последним «Я». Все остальное он видел уже с пола и одним глазом.

Другой «новый русский» возмущался ихними обычаями дурацкими. «Представляешь, — говорил он мне, — у них, оказывается, в Германии принято спать с женой в определенный день. Вот назначает субботу, и все — только в субботу. А если я в понедельник захотел, значит, сиди и жди. Вторник жди, среду, четверг, пятницу. Суббота приходит, а я уже не помню, чего я в понедельник хотел».

Американцы — тоже чудные мужики. У них перед Рождеством ставят Санта-Клауса с гномиками перед домом, и никто их не трогает. А представь себе, что ты этого деда-мороза у нас поставил возле подъезда нашей хрущобы. Вот как думаешь, долго он простоит? Отвечу: пока ты двери не закроешь. А как закроешь, можешь сразу и открывать. Его уже нет. Ни деда-мороза, ни гномиков, ни двери.

Не можем мы также категорически понять, как это они, французы, едят лягушек. Мы с одним русским попробовали. Заказали эту жабу. Взяли бутылку для храбрости. Выпили ее всю.

Я говорю:

— Ну, теперь, Вася, давай!

Он говорит:

— Не могу!

Я говорю:

— Надо, Федя, надо. Ешь, они, говорят, лягушки, по вкусу очень напоминают цыплят.

Он говорит:

— А нельзя нам съесть цыпленка, и пусть он нам по вкусу напоминает лягушку?

Узнают нас там и по одежде, и по языку, но главное — по манерам.

Вот рассказывал один:

— Были мы в Германии. Решил я кофейку попить. Сел. заказал, пью.

Официант говорит:

— Вы русский.

— Как догадался?

— А вы, — говорит, — русские, когда кофе пьете, ложечку из чашки не вынимаете да еще глаза прищуриваете, чтобы ложечка в глаз не попала.

На другой день привожу друга, приличный человек. Предупредил: ложечку вынь. Он вынул. А официант говорит:

— Вы русский.

Я из засады выскакиваю, спрашиваю, как догадался, он же ложечку вынул.

— Да, — говорит, — вынул, а глаз все равно прищуривает, чтобы ложечка в глаз не попала.

Взяли профессора, предупредили. Он все сделал: и ложечку вынул, и глаз не прищуривает. А этот все равно:

— Вы русский.

— Как догадался? Он ложечку вынул!

— Вынул и в карман положил!

Конечно, у нас многие воруют, практически все, есть человек триста, которые не воруют, — они уже сидят. Пьем. Многие пьют. Практически все до одного. Не пьет только тот, кто лечится. Но не надо думать, что мы хуже всех. Бывает, конечно, что мы держим нож в левой руке, а бифштекс в правой, но все же, извините, если за границей в ресторане сидит компания и все они не смеются, а ржут, то это не русские, а немцы; если человек кладет ботинки на стол, то это тоже не русский, а американец; если человек на ходу чешет при женщинах все, что попало под руку, то это не русский, а араб; если лежит прямо на газоне, а потом встанет и писает прямо на улице, то это не русский, а индеец. А если вообще ничего не понимает и по сто раз переспрашивает на чудовищном английском языке, то это точно японец. Про «новых русских» много анекдотов рассказывают. Мне особенно один понравился. «Крутой» такой мужик пришел в турбюро и говорит:

— Куда бы поехать отдохнуть, обстановку сменить?

Сотрудница говорит:

— Вот в Кению можно поехать, поохотиться, козлов пострелять!

Он говорит:

— Ты чего, ваще, что ли, я тебе говорю, обстановку сменить, а ты опять — пострелять козлов!

Но все это ерунда, мы, конечно, научимся и вести себя там, и языкам, и обычаям. Лягушек, может, и не станем есть, а вот устриц уже наворачиваем килограммами. И как бы там к нам ни относились, а я лично испытываю чувство морального удовлетворения оттого, что наши люди, пусть «новые», но русские, заставили всех относиться к нам с уважением. Мы теперь там водку с «Зенитами» не продаем и матрешек с кипятильниками не обмениваем. Мы теперь людьми себя за границей чувствуем, потому что он, этот «новый русский», теперь с деньгами туда едет, а это их, иностранцев, более всего убеждает. И правильно сказал когда-то поэт: «Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог!»

Людоед

(Письмо зрителя Г. Хазанову)

Уважаемый господин Хазанов!

Так получилось, что живу я в маленьком городке довольно средней полосы России. Вы никогда в нашем городе не были, о чем, я думаю, ни капли не жалеете. И напрасно, потому что в нашем городе бывает порой случаются события, достойные пера Николая Васильевича Гоголя.

Но последним писателем, посетившим наш город, был Радищев проездом из Петербурга в Москву, так что придется мне, вашему покорному слуге, попробовать описать необыкновенное происшествие, случившееся не так давно в нашем замечательном Климовске.

Артисты у нас, как и писатели, — редкие гости. Предпоследний концерт был у нас в рамках предвыборной кампании в пятую Госдуму, и приезжала к нам тогда от «Вашего дома — Россия» Людмила Зыкина с хором. Концерт ее проходил на главной площади, где по-прежнему стоит, ожидая возвращения большевиков, вождь мирового пролетариата Ленин и указывает рукой на морг, будто говорит: «Верной дорогой идете, товарищи».

Вот как раз посреди площади между Лениным и моргом построили сцену, на которой и пела Людмила Георгиевна с хором. Причем в хоре вначале народу было больше, чем зрителей на площади. Потом, конечно, набежали, а вначале никто не верил, что Зыкина настоящая. Поговаривали, что это двойник Зыкиной под фонограмму рот открывает. У нас уже было так — двойники приезжали Горбачева, Киркорова, Ельцина и Лайзы Миннелли. Народ перепутал и пошел к Ельцину с прошениями, причем понесли вместе с прошениями яйца, кур, самогон, а тот все взял и сказал, что все вопросы решит, а ответ пришлет через Черномырдина. Тогда и остальные двойники — Горбачев, Киркоров и Лайза Миннелли — тоже стали говорить, что все выполнят, если им принесут еду. Ну, Лайзе ничего не дали, потому что не знали, на кого она похожа, а те, кто знал, никаких особых просьб к Биллу Клинтону не имели. Один только мальчик-отличник попросил Лайзу передать привет Шварценеггеру, на что она ответила: «Щас, подпрыгни».

Киркорову преподнесли бутылку водки. У нас поговаривали, что Киркоров капли в рот не берет, вот и решили проверить. Может, сам Киркоров и не пьет, но двойник наклюкался так, что даже Муромову не снилось. Что касается Горбачева, то ему в качестве подарка два раза дали в глаз: один раз за гласность и второй — за перестройку. Ну а потом, когда разобрались, что это двойники, народ подарки отобрал, а поскольку у Горбачева отбирать было нечего, то ему дали во второй глаз — за Раису Максимовну. У нас в городе до сих пор считают, что если бы не она, то Горбачев вывел бы нас к победе коммунизма.

Да, так вот по аналогии с предыдущим случаем население нашего города твердо было убеждено, что и вместо Зыкиной поет двойник. Кто-то даже утверждал в публике, что двойник Зыкиной не женщина, а мужик, потому что женщин-двойников такого размера не бывает. И тут же после первой песни на сцену полез местный хулиган Сидорчук, чтобы лично в этом удостовериться. Он приблизился к великой певице и хотел было уже дотронуться до нее собственной рукой, но Людмила Георгиевна, не прерывая творческого процесса, так сама его тронула, что он слетел со сцены и так ударился головой об землю —

хотели даже «скорую» вызвать. Но тут Зыкина своим неповторимым голосом запела: «Я Земля, я Земля, я своих посылаю питомцев...».

После этих слов Сидорчук очнулся и сказал:

— Гадам буду — Зыкина, мужик бы в жизни так не послал.

И было это все где-то в ноябре. А уж в конце марта к нам в рамках президентской кампании привезли зарубежного гастролера. Хотя бы почаще эти выборы были, все-таки и о нас вспоминают как о живых, а не о мертвых душах. Где-то числа 9 марта, как раз когда мужики протерли зенки после женских праздников, появились у нас в городе афиши. Написано было: всего один показ проездом из Африки в Улан-Удэ, навстречу президентским выборам, и, дескать, спонсирует эту гастроль независимый кандидат Зарубин Степан Андреевич, и представляет он знаменитого на весь мир людоеда Асафа Мугамбу, который уже съел там у себя в Африке восемнадцать человек, причем не в голодный год. И видели его уже в разных странах, и даже в одной стране под названием Бенилюкс он сбежал из клетки и сожрал еще троих бенилюксовцев. В общем, везде от него были в восторге, кроме Израиля, где он не стал никого жрать из чисто религиозных соображений.

И вот если этот людоед произведет на нас благоприятное впечатление, то мы должны будем проголосовать за Зарубина Степана Андреевича. Весь город, конечно, всполошился. Людоедов у нас не видели со времен Гражданской войны, да и тех практически никто уже не помнил. Город забурлил. Мы ведь люди не совсем темные, телевизор смотрим, помним, как в декабре прошлого года «Наш дом — Россия», чтобы помочь неокрепшей российской демократии, приглашал в Москву Клавдию Шиффер. У нас тогда еще слух прошел, что эту Шиффер к нам завезут по пути в Санкт-Петербург. Народ сбежался, думали, что под выборы шифер бесплатно давать будут, номерки уже на руках писать начали, но не то что шифера, а даже и рубероида паршивого никому не обломилось. А тут вдруг людоед. Все гадали, что он делать будет и кого у нас сожрет, если убежит из клетки. Надеялись, что кого-нибудь из местного рэкета, уж больно они всем на нервы действуют. А тут плакаты вывесили с физиономией не то людоеда, не то самого кандидата. Скорее все же людоеда, поскольку у нас вряд ли может быть кандидатом в президенты темнокожий и голый по пояс тип с кольцом в носу. Хотя, правда, сейчас чего хочешь уже можно ожидать. Но физиономия у него была препротивная и жутко напоминала одного нашего местного жителя, лет пятнадцать назад сбежавшего от Прасковьи Тарасовны Бегиной и с которого она безуспешно все эти пятнадцать лет пыталась получить алименты на сына, который, правда, был не от него, а от предыдущего ее мужа, который эти алименты исправно платил, не подозревая, что его преемник чадо усыновил.

А надо вам сказать, уважаемый Геннадий Викторович, что от этой Прасковьи кто только не сбегал. Она сама почище любого людоеда была. Да вы бы и сами, приведись вам, не дай бог, сойтись с ней, сбежали бы от нее на третий день, несмотря на все ваши возможности. Здоровая, горластая, всю жизнь в пивном ларьке проработала, пьяных шоферов без милиции скручивала. Весь город у нее в прошлые времена в долгу был: кто за водку, кто за пиво. Хорошо, перестройка пришла. Народ подождал, когда цены на водку подскочили. И уж когда водка по пять тысяч была, стали ей возвращать, кто десять рублей, кто двадцать. Ох уж она лютовала, скольких же она тогда людей покалечила! Муж ее теперешний тогда к ней в кабалу и попал. Парень безответный, золотые руки, в оборонке работал. А когда оборонка развалилась, из него ни коммерсант, ни бандит не получился, ну он и пошел к ней в подсобники, а там по пьянке и в постель к ней попал и должен ей был

немало, так и втянулся. Как он с ней живет, никто понять не может. Она же, если он домой поддатый придет, так лупит его прямо батогом, колошматит его, а он только приговаривает: «Хорошо, что не война, а то бы всех выдал».

И вот, представляете, этот людоед в наш обойденный прогрессом город приезжает. Народ, конечно, в назначенный день на площадь хлынул, а площадь уже огорожена веревками, на входе у всех подписи собирают за будущего президента. Тут тебе уже не двойники, не Зыкина, тут уже гастролер зарубежный. На помосте клетка стоит, вся материей затянутая. Сначала девочки под музыку фигурами вертели, потом певец спел: «Выбери меня, выбери меня». А потом уже эта «птица счастья завтрашнего дня» появилась. То есть кандидат вышел и начал излагать свои мысли вслух:

— Свободные граждане свободной России! Наконец-то вы можете проявить свою волю и выбрать того, кого вы хотите выбрать. Смотрите сами. Вы, конечно, можете выбрать Зюганова. Но спрашиваю я вас: привезет вам Зюганов в ваш замечательный город выдающегося людоеда современности? Я вижу, что печать задумчивости легла на ваши прекрасные и одухотворенные лица. Потому что вы знаете: шиш он вам привезет. Они, коммуняки, всегда втихаря лопали свои пайки из распределителей. Сами смотрели всяких заграничных людоедов, а нам показывали Савелия Крамарова и шиш с маслом Верно я говорю?

Мои земляки согноли задумчивость со всех прекрасных лиц и дружно заорали:

— Верно!

— Ну хорошо, — сказал кандидат, — пойдём дальше. Вы, конечно, можете выбрать Ельцина. И что же он вам привезет сюда — людоеда? Шиш он вам привезет. Он вам Чубайса привезет в лучшем случае. А что вам этот Чубайс? Ну вот если бы в этой клетке сидел Чубайс, сбежались бы вы на него смотреть?

Все дружно заорали:

— Да!

— То-то, — сказал кандидат. — А если бы он Шумейко сюда привез? Хрен бы вы сюда сбежались. Так вот Чубайса он вам не привезет, да и Шумейко тоже, я уже не говорю о людоеде. Тогда зачем он вам сдался? Верно я говорю?

— Верно! — заорали все. — Пушай сам приезжает вместо людоеда!

— Ну хорошо, — продолжал кандидат, — а если вы выберете Жириновского, то вместо людоеда он сам сюда прискачет и будет вам орать, что поведет вас всех мыть сапоги в Индийском океане. А зачем вам их там мыть? Пока вы вернетесь, сапоги опять будут грязные. Так я вас спрашиваю? Нужно вам это Жири-жири, Хари-хари?

— Нет! — заорали все.

— Так, — сказал кандидат, — а теперь скажите мне: нужен вам людоед?

— Нужен! — заорали все.

— Хотите вы посмотреть, как он будет есть все что ни попадя?

Толпа заревела:

— Хотим!

— Вот, — сказал депутат, — и если вы меня выберете, то будете весь мой президентский срок тоже есть все что ни попадя.

Все заорали: «Ура!» Включилась музыка, затрещал барабан, материю с клетки сдернули, и нашим изумленным взорам предстал жутко страшный, заросший волосами, с темным лицом, в одной набедренной повязке людоед — Асаф Мугамба. Геннадий

Викторович, он как глянул на толпу, так все в ужасе замерли. Тишина стояла над площадью кладбищенская. И вдруг он с диким ревом бросился на решетку. Народ прямо так и шарахнулся от сцены. Людоед зарычал еще сильнее, а кандидат пояснил:

— Есть хочет, — и швырнул ему курицу.

Людоед моментально эту курицу разорвал и слопал. Причем чавкал так, что у всех на площади слюнки текли. Потом он оглядел долгим взглядом толпу и так рыгнул в ее сторону, что несколько женщин упали в обморок, а мужики стали быстро разливать и пить не закусывая.

Депутат швырнул ему утку. И людоед даже не дал ей приземлиться, пожирал ее урча и все время зыркал глазами в сторону Прасковьи. Та аж затряслась и спросила у кандидата:

— А решетка-то у вас хоть крепкая?

Кандидат говорит:

— Почти ни разу не подводила. — Но на всякий случай швырнул людоеду еще гуся. Так людоед его, этого гуся, минут за пять до костей обглодал и остатки швырнул в толпу.

Народ аж взвыл от удовольствия.

— Нравится вам? Хотите так питаться? — крикнул кандидат.

Ну, все, конечно, издали возгласы одобрения. Поди плохо в один день куру, утку и гуся!

— А теперь, — говорит кандидат, — может, кто-то из вас хочет войти в клетку к знаменитому людоеду?

Все, конечно, притихли.

— Все же понимаете, — продолжал кандидат, — что из соображений гуманности мы не можем поставлять ему человечину, но если кто-то хочет сам, то, пожалуйста, милости прошу! Есть желающие? Ставлю миллион рублей на своего людоеда!

Желающих, конечно, не было. И уже хотели было закончить представление и начать отмечать это небывалое для нашего города событие, как муж Прасковьи, Николай, которому она уже на сегодня пообещала, вдруг говорит:

— Я желающий.

А ему уже, видать, все равно. Он уже поддатый был, и батога ему было не миновать к вечеру. Ну, он и решил, видно, таким способом закончить свое брренное существование. А может, подумал, что миллион его спасет от экономической зависимости. В общем, шагнул он вперед и заявил:

— Я желающий!

Кандидат говорит:

— А вы подумали, на что вы решились?!

Колюня говорит:

— Подумал!

— Вы понимаете, что идете на верную гибель?

— Понимаю, — твердит свое Колюня.

И тут раздается голос Прасковьи:

— Я тебе дам «понимаю»! — И она, засучив рукава, стала пробираться сквозь толпу.

Но толпа сомкнулась перед нею и заорала:

— А ну, не трожь, пушай идет!

Прасковья кричит:

— А что же вы своих-то к людоеду не посылаете?

А ей в ответ:

— А наши не рвутся!

— Ах так, — сказала Прасковья, — тогда я сама желающая!

Народ аж взвыл от радости.

— Давай! — заорали все. — Давай, Прасковья, покажи ему козью морду!

Прасковья ринулась к клетке. Кандидат закричал:

— Вы понимаете, на что вы идете? — и не пускает ее.

Туг толпа как заорет:

— А ну, пусти ее к людоеду, а то голосовать за тебя не будем и людоеду и тебе задницу надерем.

— Ну и черт с вами, — сказал депутат, — жри ее! — и открыл клетку.

Прасковья рванула на себе рубаху и решительно ворвалась в клетку. И тут произошло самое неожиданное. Людоед упал на колени и закричал:

— Прасковья, прости, черт попутал!

Прасковья накинулась на него так, что от этого людоеда перья полетели. Людоед визжал так, будто его резали. Депутат попытался было войти в клетку, но Прасковья так ему заехала, что он заверещал еще сильнее своего людоеда. А тут и толпа нахлынула, клетку разнесла, так что депутат со своим людоедом еле ноги унесли. В общем, концерт этот с милицией заканчивали. На этом представление зарубежного гастролера и закончилось. А с тех пор никаких артистов к нам и не привозили. А жаль, хочется насладиться настоящим искусством. Так что приезжайте, Геннадий Викторович, вы ли или какой-нибудь другой Петросян. А то про нас вспоминают, только когда выборы, когда наши голоса нужны. А ведь мы еще не только голоса, ведь мы люди живые, у нас еще и души есть. И слава богу, пока не мертвые.

Аферисты

Сколько же у нас, граждане, аферистов развелось, просто можно экспортировать в другие страны. Иду по улице, никого не трогаю. Остановился возле телефонной будки. Мужик какой-то звонит. Жду. Мужик позвонил и пошел. Я в будку, глядь, а там бумажник. Я бумажник схватил и за мужиком кинулся. Тут какой-то парень мне дорогу преградил.

— Стой, — говорит.

Я стою.

— Ты чего? — говорю.

Он говорит:

— Я видел, как ты бумажник нашел.

Я говорю:

— Ну и что, я его вернуть хочу.

Он говорит;

— Стой с бумажником здесь, я его сейчас догоню.

Я как дурак стою. Парень возвращается.

— Не догнал, — говорит, — ну-ка посмотри, что там. Открываю бумажник, там пачка денег.

Парень говорит;

— Ну, что будем делать? — Взял бумажник, пересчитал. — Здесь, — говорит, — полмиллиона.

Я бумажник у него забрал.

— Пойду, — говорю, — отдам в милицию.

Он говорит:

— Ты что, сдурел, они же деньги себе возьмут.

Я думаю: а вдруг действительно возьмут?

Парень говорит:

— Слушай, мы ведь не украли, мы ведь нашли. Давай делить.

И я, представляете, соглашаюсь. Ну а что, мужик пропал, а в милицию идти просто глупо. Заходим мы в подворотню, начинаем делить, и тут этот мужик возвращается.

— Бумажник с деньгами не находили? — спрашивает.

Только я хотел сказать «вот он», как парень мне говорит:

— Заткнись, а то тебя посадят.

И я, представляете, молчу.

Парень говорит:

— Нет, ничего не видели.

Мужик отходит, а парень тихо так, с опаской, говорит:

— Он наверняка за нами следит. Здесь в бумажнике пятьсот тысяч, давай в темпе двести пятьдесят, держи бумажник и разбежались.

И я как дурак вынимаю свои кровные двести пятьдесят тысяч, сую ему и с бумажником ухожу. И только в метро, раскрыв бумажник этот потрепанный, вижу, что там нарезанная бумага и никаких денег. Я назад, а их уже и след простыл. Ну, думаю, убью! А потом поостыл и решил: на кого злиться? На себя. Сам же не отдал бумажник. Сам себя и наказал.

Ладно, думаю, в следующий раз буду умнее.

Месяц приблизительно проходит, и на том же самом месте прохожу возле той самой будки, а там тот же самый мужик звонит, и бумажник такой же самый задрипанный рядом лежит. Сначала хотел в рожу сразу заехать, а потом думаю: нет, погодите, я вам сейчас устрою козью морду. Мужик из будки выбегает, я беру бумажник, тут же подбегает тот же парень, меня, конечно, не узнает и сразу говорит:

— Раз нашли — делим.

Я говорю:

— Делим.

Зашли в подворотню. Он говорит:

— Здесь пятьсот тысяч, — при мне считает. Тут вбегает мужик и говорит:

— Ребята, бумажник с деньгами не находили?

И не успевает парень ничего сказать, как я говорю:

— Как же не находили, вот он, — и отдаю ему бумажник.

Мужик обнимает меня.

— Родной, — говорит, — спасибо.

Я говорю:

— Вы пересчитайте, там пятьсот тысяч.

Он говорит:

— Да что там считать, я вам верю, вижу, вы честный человек.

А тот парень стоит, вы бы лицо его видели, не лицо, а козья морда.

Я говорю:

— Нет, вы пересчитайте.

Мужик говорит:

— Да чего там считать, — а сам открывает и считает и говорит; — А здесь только двести тысяч, а где же еще триста?

Парень говорит:

— Я бумажник вообще в руках не держал, значит, он спер, — и на меня показывает, — я свидетель.

Туг у меня лицо становится козьей мордой. Мужик говорит:

— Сам отдашь или в милицию тащить?

И я как миленький, возмущаясь, отдаю свои кровные триста тысяч и говорю:

— Ну, я вам устрою!

Злой домой еду, сил нет. Дурак дураком!

Полгода забыть не мог, но этих аферистов нигде не встречал. Наверное, в другой район перешли.

А тут где-то через полгода иду и на том же месте, в той же будке стоит мужик, я лица-то его не вижу, а вот бумажник тот же драный рядом лежит. Я к будке. Мужик позвонил, ушел. Бумажник, естественно, остался. Я из будки с бумажником выхожу и, пока тот второй не подбежал, хватаю первого попавшегося парня и говорю:

— Слышь, друг, помоги, будь свидетелем, мужик оставил, там полмиллиона, сейчас аферюга за ним прибежит.

И такой парень отзывчивый оказался.

— Ладно, — говорит, — помогу.

И тут этот самый мужик возвращается и говорит:

— Вы здесь бумажник не находили?

Я говорю:

— Еще как находили, а где же второй?

Он говорит:

— Какой еще второй, у меня только один бумажник.

Я говорю свидетелю:

— А ну, тащим его в милицию, а второго они сами найдут.

И вот приволакиваем мы этого мужика в милицию.

— Вот, — говорю, — товарищ капитан, поймали аферюгу, который бумажники оставляет с пятьюстами тысячами, а потом честных людей грабит.

Мужик говорит:

— Чего это я граблю, я бумажник в будке оставил, а эти меня сюда привели.

Капитан открывает бумажник, вынимает оттуда паспорт и говорит:

— Смирнов Валентин Николаевич.

— Я, — говорит мужик.

Капитан говорит:

— А где же пятьсот тысяч?

Мужик говорит:

— А это пусть он скажет, — и на меня показывает.

Капитан смотрит на свидетеля и говорит:

— А это кто?

Парень говорит:

— Свидетель.

Капитан говорит:

— Ну, рассказывайте, свидетель. Парень говорит:

— Стою я у будки, и вдруг этот мужик говорит, будь свидетелем, в этом бумажнике пятьсот тысяч. А тут этот возвращается и говорит: «Мой бумажник».

Капитан поворачивается ко мне и спрашивает:

— А где пятьсот тысяч?

Я не знаю, что сказать, начинаю лепетать, что в прошлый раз они у меня взяли триста тысяч. Мужик говорит:

— Да я его первый раз в жизни вижу.

Капитан говорит;

— Ага! Давно я вашу шайку поймать хотел, наконец-то попались, голубчики. Вы, Смирнов Валентин Николаевич, все опишите и свободны, а с вами мы сейчас разберемся.

И два часа я этому капитану доказывал, что я не верблюд, хорошо еще, этот мужик порядочным оказался, сказал, что у него там денег не было, а то бы сидеть мне, да и свидетелю тоже.

С тех пор думаю, ну их на фиг, ни за что ни с какими аферюгами связываться не стану... А тут три дня назад иду в совершенно другом месте, и опять этот тип, мужик тот самый, роняет прямо передо мной бумажник, тот самый, потрепанный, и дальше идет. И тут же подскакивает второй тот же самый тип, поднимает бумажник и говорит:

— Видал?

Я говорю:

— Нет, не видал.

Он говорит:

— Ну вот же, бумажник.

Я говорю:

— Какой бумажник, никакого бумажника не вижу.

Он говорит:

— Да вот же, мужик шел, бумажник обронил, а в нем пятьсот тысяч.

Я говорю:

— Ни мужика не видел, ни бумажника, ни тем более пятьсот тысяч.

Парень говорит:

— Сейчас будем делить.

Я говорю:

— Ничего не видел, ничего не слышал, вы делите, я пошел.

Тут мужик возвращается:

— Ребята, бумажник не находили?

Я говорю:

— Вот этот тип нашел, а я нет, я ничего не видел, ничего не слышал и сейчас ничего не вижу и не слышу.

Мужик смотрит на свой бумажник и говорит:

— Где же я бумажник потерял?

Я говорю:

— Вон он нашел, а я пошел.

А те тоже как глухие. Один говорит:

— Где же мой бумажник?

А второй ходит за мной и говорит:

— Давай деньги делить.

Я говорю:

— Ни за что!

Мужик говорит:

— Ребята, у вас, что ли, мой бумажник?

Парень говорит:

— Я с ним поделиться хочу, а он не соглашается.

Мужик мне говорит:

— Зря ты не соглашаешься, он очень приличный человек. Ты давай бери деньги и делись, а то мы тебе темную устроим и все твои деньги заберем.

Я как заору:

— Милиция! Грабят!

Они бумажник бросили на землю, а тут милиционер подходит и говорит:

— Это ваш бумажник?

Я говорю:

— Нет.

А эти из-за угла:

— Это его, его, он делиться не хочет.

Милиционер говорит:

— А чего ты не делишься, они приличные люди, я их хорошо знаю, бери бумажник-то!

И тут я как заору:

— Караул! Милиция грабит! — да как дам деру, да так, что меня ни милиция, ни эти двое в жизни не догнали.

Борьба с коррупцией

Созывает нас недавно президент нашего закрытого акционерного общества открытого типа Егорыч на собрание. Созывает нас в бывший наш Дом культуры. Теперь этот дом какой-то бизнесмен арендует, а ежели мы там собираемся, он нам это помещение сдает, то есть требует оплаты. Он ее, конечно, может требовать, но президент наш Егорыч — бывший наш председатель — на это отвечает своей любимой поговоркой: «Хрен тебе в грызло!» И все. Может еще добавить: «Скажи спасибо, что вообще еще этот Дом культуры не спалили. Вот это и есть наша плата, что не спалили».

В общем, собрали нас всех. В президиуме президент наш, потом председатель сельсовета Будашкин, бывший наш парторг. И мент с «маузером». Бывшие коммунисты, а ныне демократы. Мент, кстати, трезвый как стеклышко, с «маузером» еще с революции. Обычно-то он пьян в доску. Поэтому если какой инцидент у нас в деревне случается, его, мента, будят, опохмеляют, под руки к инциденту подводят и отпускают, а уж тут он и начинает «маузером» размахивать и орать: «Всех пересажаю!» Егорыч объявил собрание открытым и что на повестке дня следующие вопросы.

— Таперича, значит, все как один будем предъявлять декларацию о доходах. Вот я первый самолично вслед за любимым нашим президентом предъявляю всему народу свою декларацию. Месячная зарплата, помноженная на двенадцать. И никаких книжек в Германии не издавал, и никаких гонореев не получал. Вот он, мой годовой доход, и я теперь честно могу смотреть народу в глаза. — И он устремил в зал свой мутный взор, а народ стал дружно отводить свои глаза от его упорного, честного и нахального взгляда. — А таперича, — продолжал председатель, — пущай наш фермер Иващенко подаст свою декларацию, и мы тогда поглядим, как у нас будет развиваться фермерское хозяйство на селе.

А надо сказать, когда у нас объявили фермерство, народ, конечно, в это дело хлынул, но не весь. Всего трое их хлынуло — Степанов, Горохов и Иващенко. Пришли они к председателю и потребовали землю и свою долю колхозного имущества.

Председатель сказал:

— Точно, положено вам три участка за лесом до болота. А что касается колхозного имущества, то оно вам, конечно, тоже положено в размере одного хрена на одно грызло. А ежели права качать начнете, то народ меня тут же поддержит и может привести аргументы. Не верите?

Фермеры сразу поверили, но народ аргументы все равно привел. Одному фермеру сразу дом спалили, другой не стал дожидаться аргументов, взял ссуду и ударился в бег. А Иващенко, самый упорный, купил ружье помповое, собаку завел, помесь волкодава с горлохватом, и стал бычков разводить, оставаясь бельмом на глазу у всей деревни. Не любили его шибко. И не потому, что он плохой, а потому, что не любили, и все. Однако побаивались. Однажды полезли к нему двое наших. Просто так, «на вшивость проверить». Так он их обоих поймал и под дулом ружья заставил одного сечь другого. И что вы думаете, один портки снял, а другой его выпорол, потом поменялись. А затем втроем выпивать сели. Правда, сидел фермер один, остальные стоя пили. И заявлять потом ни на кого не стали, а на кого заявишь, сами же себя выпороли. Вся деревня потом со смеху помирала.

— А второй вопрос, — продолжал Егорыч, — это то, что наш дорогой президент объявил беспощадную войну коррупции в высших эшелонах власти, чем мы и будем с вами сегодня заниматься. Вот что, оказывается, уважаемые граждане-господа, мешало нам здесь жить по-человечески. И мы на этот призыв откликнемся, а затем вместе с генеральным прокурором Скуратовым пойдем к нашим базарно-рыночным отношениям светлого будущего капитализма с человеческим лицом. А кто поведет себя, как на выборах в Думу, тому я устрою козью морду без человеческого лица!

А надо вам сказать, что перед выборами в Думу появились у нас в деревне подозрительные личности, которые призывали голосовать за Жириновского, а не то грозились всех отправить в Израиль и сделать там не то обрезание, не то харакири. Народ, конечно, перепугался, и в день выборов напились все так, что вообще голосовали только за закуску. Егорычу тогда, конечно, попало, и он теперь старался вовсю.

— Какие, — спрашивает, — будут предложения по поводу борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти?

В зале повисла гробовая тишина.

— Ну, может, вопросы есть? — спросил Будашкин.

Прасковья-скотница спросила на всякий случай:

— Вот это, в эшелонах, это что же, опять в эвакуацию, что ли?

— Какая эвакуация? — психанул Егорыч. — Никакой эвакуации. Высшие эшелоны власти — это начальство. То есть надо бороться с коррупцией, невзирая на должности. Вот в газете пропечатано: «привлечены к уголовной ответственности замминистра, еще два замминистра уже сидят». В общем, теперь даже начальство сажают за коррупцию в высших эшелонах власти.

— А у нас-то в деревне, я извиняюсь, кто в этих эшелонах катается? — спросил конюх Семенов.

— А то ты не знаешь, кто у нас начальство. Вот Егорыч, вот я председатель, таперича мент наш Кузьмич тоже начальство.

— И что же, — продолжал Семенов, — вас теперь, что ли, сажать за это?

— Ну, если ты меня уличишь в коррупции — сажай! Давай, уличай меня, гнида! — сказал Будашкин.

Опять нависла гнетущая тишина, в которой раздался голос доярки Насти;

— Вы меня, конечно, извините, но я хочу узнать, что такое коррупция. Я ведь в этих ваших эшелонах не шибко разбираюсь.

Сторож поддержал:

— Вот она что такое, эта коррупция, чтобы за нее сажать?

— Ну, коррупция, — сказал Егорыч, — это, понимаешь, взятки. Я дал, ты взял, — сказал он сторожу.

— Чего-то я не помню, чтобы ты мне дал, а я чего взял.

— Значит, у нас с тобой нет коррупции, — сказал Егорыч.

— А наоборот было, — продолжил сторож.

— А вот этого я не помню, — сказал Егорыч.

— Ну, это к примеру, — вступил Будашкин, обращаясь к Насте. — Вот мне, допустим, что-то от тебя нужно. Чего у тебя есть. А у меня нет. Я говорю: дай! А ты говоришь: подпрыгни! Тогда я тебе чего-то даю. Ты берешь. После чего и ты мне уже даешь, поняла?

— Поняла, — сказала Настя, — только все равно я тебе не дам, стар ты для меня.

Все засмеялись.

— Нужна ты мне больно, — сказал Будашкин, — это я тебе объясняю, что такое коррупция. Поняли теперь, мужики?

Мужики почесали головы, а один сказал:

— Вот это то, что ты у Настьки просил, раньше это по-другому называлось.

Все опять засмеялись.

— Ладно зубы скалить, — сказал Егорыч, — коррупция — это взятка. Ты мне, я тебе. Не подмажешь — не поедешь. И вот пришла бумага, чтобы мы боролись с теми должностными лицами, кто эту коррупцию насаждает. Иначе урожая нам не видать, а вам от меня кормов.

— Ну хорошо, — сказал конюх Митрич, — а вот, допустим, прихожу я к Будашкину...

— Только без конкретики, говори — к должностному лицу.

— Ну хорошо, к должностному, неудобно даже эту будку так называть. И говорю: мне бы справку насчет стажу, пенсию оформить. А он говорит: «Ты чего, козел, с пустыми руками пришел?» Я тогда на стол бутылку самогона, шмат сала. Он мне справку выписывает. Это как, значит, коррупция или взятка?

— Это магарыч, — сказал Будашкин.

— А магарыч — это не взятка?

Будашкин почесал в затылке и сказал:

— Магарыч — это магарыч.

— Ладно, — встала самая скандальная в нашей деревне тетя Маруся, — а когда я в прошлом году участок у деревни просила под сено, ты чего мне, гад, сказал?

— Кто гад? — возмутился Егорыч.

— Ну, не гад, а должностное лицо гадское. Что оно мне, граждане, сказало, это должностное рыло? Оно мне сказало: что, с пустыми руками хочешь лучший участок получить? И я тогда этой должностной роже огурцов соленых банку поставила, помидоров маринованных, капусты квашеной и три бутылки самогона. Это коррупция или чего?

Сзади крикнули:

— Это закуска!

Все опять засмеялись.

— Ну хорошо, — сказала продавщица наша Галя. — А когда некоторые должностные лица приходят ко мне в магазин, пьют чего хотят, едят чего хотят, а потом еще говорят: ложись, Галька, жить будем, а иначе житья тебе не будет. Это коррупция или разврат?

— Ну и чего, легла? — спросил кто-то.

— Шиш им!

— Ну, тогда это не коррупция, а разврат, — сказал кто-то.

И опять покатались.

— А когда мент наш по домам в субботу ходит, «наганом» трясет и всех опивает и обирает, это чего? — спросила доярка Настя.

— Чего у тебя обирать-то! — возмутился мент. — В прошлый раз, мужики, щей налила, а стакан пожалела, всего только рюмашку и поставила.

Зал возмущенно загудел. Всем стало противно, все-то менту обычно стакан ставили.

— А мешок картошки с меня содрали, когда машину давали за мебелью съездить, — завопила Дарья Кузьминична, — это чего за коррупция?

— Хочу, между прочим, сказать, — встал Будашкин, — что в даче взятки обычно

участвуют два лица. Один — кто берет, второй — кто дает, а сроки получают оба. Какие еще есть предложения по коррупции?

Все затихли, и надолго. И тут на свою шею встал фермер Иващенко:

— А я не боюсь обвинений в коррупции, потому что есть еще вымогательство взятки. И когда вы с меня за самую последнюю землю содрали такие деньги, это уж точно называется коррупцией.

— А свидетели есть? — спросил Егорыч.

— Свидетелей нет, — сказал Будашкин.

— Так и запишем. Все слышали, что фермер Иващенко предлагал должностному лицу взятку?

Конечно, всем были глубоко противны и Будашкин, и Егорыч, но ненависть к свободному фермеру все же перетянула, и все закричали;

— Все!

— А кто видел, что мы эту взятку взяли?

— Никто, — сказал Будашкин. — Вот это и есть коррупция. И с нею мы сейчас будем бороться.

В решении собрания так и написали, что абсолютно согласны с борьбой против коррупции в верхних эшелонах власти и полностью поддерживают в этом и президента, и генерального прокурора, и в качестве почина в этой борьбе просим компетентные органы разобраться с фермером Иващенко, при всех признавшегося в нанесении взятки должностным лицам. А в конце добавили: «Чтобы больше не выпендривался». И все расписались.

На следующий день фермер Иващенко притащил Будашкину и Егорычу огромную бутылку самогона и закуски человек на десять. Сели все вместе, позвали мента, продавщицу и Настьку для красоты да напились так, что разорвали старый протокол собрания и написали новый, в котором клялись в любви как к товарищу Ельцину, так и к генеральному прокурору. Обещали все силы бросить на борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти. Но просили при этом не путать коррупцию в высших эшелонах власти с магарычом в низших. Потому что магарыч — это дело святое, и если его отменить, то жизнь в стране просто остановится!

Красна девица

В некотором царстве, в некотором государстве один мужик полюбил одну красну девицу и сделал ей предложение. Прямо так подошел и сказал:

— Выходи за меня замуж.

А та не будь душой и говорит:

— А какой ты мне оклад положишь?

Мужик даже обалдел от неожиданности.

— Какой, — говорит. — оклад?

— А такой. Работать я на тебя буду? Значит, клади оклад.

Другой бы, конечно, после этих слов озверел и плюнул, а этот мужик то ли действительно влюбился, то ли просто пришибленный был.

— Хорошо, — говорит, — шестьдесят рублей тебя устроят?

— Нет, — отвечает, — я с высшим образованием.

— А, это другое дело, тогда восемьдесят, — говорит мужик.

— За знание языков накинь десятку.

— Девяносто, и ни копейки боле.

— Нет, замуж не пойду. Ты посуди сам, хозяин. Я тебе и постирай, и по магазинам побегай, и обед свари на кухне в тяжелых условиях. А потом, я ведь тебе еще и петь буду.

— Ах, ты еще и поешь? — удивился мужик.

— А как же, семь лет музыкалки. Десятку накинь.

— Без пения обойдемся.

— Хорошо, а как ты сам петь надумаешь?

— У меня слуха нет.

— Тем более, слушать тебя сплошная мука. Нет, сотню, не меньше.

— Ну хорошо, сто, и все.

— Так. Теперь, если детишки пойдут — надбавку. Каждый ребенок — тридцатку накинь.

— Ну, это уж слишком.

— Не скупись, хозяин. Не на день берешь, на цельную жизнь.

— Ну хорошо. Все?

— Не, хозяин. Спецодежда твоя, ну, там бельишко разное, вечерняя спецовка для театра, бюллетень, отпуск оплаченный.

— А рази ж мы в отпуск не вместе будем ездить?

— А как хошь. Хошь вместе, хошь отдельно, а деньги все равно гони.

— Да где ж я столько денег возьму?

— Нет денег — не женись.

— Не любый я тебе.

— Был бы не любый, не торговалась. Вон в за-прошло лето мужик сватался, прогрессивку обещал, не пошла. Как он убивался, волосы на себе клочьями рвал! А за тебя — с большим удовольствием.

— Слушай, а может, ты работать пойдешь?

— А по магазинам кто?

— А мы вместе.

— А полы мыть?

— А мы по очереди.

— А варить?

— Ты варишь, я стираю, подметаю, убираю.

— Ну, вот так я согласна.

— Ласточка моя прибрежная!

— Ласточка ласточкой, а трудовое соглашение все равно составим. Все вы, мужики, одинаковые.

Любовь зла

Зовут меня, предположим, Александр, а отчество, допустим, Севастьянович, хотя, конечно, не в этом дело.

А она, предположим, красавица была. Венера. Только в одежде, и руки не отбиты.

И каждый вечер эта самая Венера с работы мимо нашего местожительства ходила. А мы с брательником на нее издали глазели.

Но ведь к ней не подойдешь, потому что она красивая, а это у них хуже всего. Но я все-таки сообразил. Брат у меня хороший парень. Только с придурью. В театральное училище два раза поступал, летом снова будет. А пока он драмкружок ведет при городском ипподроме.

Я с ним, с братом, обо всем и договорился. И вот когда эта Венера опять мимо нашего дома шла, он вылетает к ней в парике и давай приставать. Дескать, как вас зовут и так далее. Она в крик. Я на помощь. Брательника через бедро и об землю. Мы этот бросок три дня репетировали. Но не все получилось. Он на спину упасть должен был, а получилось на голову. Но не в этом дело, главное — разговор начать.

— Здесь, — говорю, — хулиганов пруд пруди, а я самбист, боксер, разрядник по прыжкам вперед. Разрешите до дома проводить.

Слово за слово. Пока до ее дома дошли, договорились завтра в ресторан пойти.

Назавтра я в ресторан пораньше забежал, со всеми договорился. Вечером с Венерой приходим. Швейцар двери распахивает:

— Здравствуйте, Александр Севастьянович. Вас уже ждут.

Метрдотель подбежал:

— Прощу за этот столик, Севастьян Александрович.

Перепутал все-таки. Плохо, значит, я с ним договорился. Зато официантка все по высшему разряду оформила. Венера удивляется, но ест с аппетитом. Поужинали мы с ней, официантка подходит.

— Спасибо, — говорит, — Николай Афанасьевич, что зашли.

Я встаю и, не расплачиваясь, к выходу собираюсь. Венера вспыхнула.

— Вы же, — говорит, — расплатиться забыли!

Официантка тут же закудахтала:

— Что за мелочи! Да кто же считается! Почетный гость. Ждем вас всегда с нетерпением.

Еще бы ей не ждать, я бы на ее месте тоже ждал.

Венера говорит:

— Кто же вы такой? Где на работе оформлены?

— Да так, — отвечаю, — подрабатываю в одной артели по космической части.

На улице к Венере, конечно, «хулиган» пристал. Я его, конечно, через бедро швырнул. Парик с него слетел. Он отстал. Венера, правда, посмотрела на него как-то подозрительно и даже спросила потом:

— Где-то я его видела?

— Да, наверное, в кино снимается, бандюга. В передаче «Человек и закон».

Дня через три в театр с ней ходили. Из театра вышли, и тут же к нам «Чайка»

подкатила. Как брательник шофера уговорил, не знаю, только сели мы в нее как в мою персональную. Там, правда, человек еще какой-то сидел, ни слова по-русски не знал, но я сказал, что это мой телохранитель и ему говорить не разрешается. До дома ее добрались. В подъезде опять к ней «хулиган» пристал. Настырный такой оказался. Пришлось его в подъезде опять отметелить.

Через неделю Венера ко мне в гости пришла. Родню я, конечно, всю в кино сплавил на двухсерийный фильм. Сидим с Венерой в «моей» квартире, сухое вино попиваем, танцуем под радиостанцию «Маяк».

Вдруг в определенный момент музыка прекращается, и брательник мой голосом Левитана произносит:

— Герасимову Александру Севастьяновичу за важное научное открытие в области космического пространства присудить премию в размере годового оклада.

С годовым окладом брательник, конечно, переборщил, но все равно эффект был потрясающий. Венера даже загрустила от моей знаменитости.

Чувствую, созрела девчушка для серьезного предложения, но не тороплюсь. Пусть, думаю, для верности в одиночестве созреет.

Неделю к ней не появлялся. Сама не выдержала, позвонила.

— Здравствуй, — говорит, — это я. — Голос грустный. Влюбилась окончательно. — Знаешь, этот тип опять ко мне приставал.

Я возмущаюсь:

— Псих какой-то, давно пора его в милицию отправить.

Она говорит:

— Нет, он не псих. Он такой несчастный. Я, наверное, за него замуж пойду.

Я кричу:

— Как это замуж, а я как же?

Она говорит:

— У тебя и премия, и машина, и квартира, а у него только синяки. Ты не сердись, но раз он столько из-за меня вытерпел, значит, любит по-настоящему.

И все. Кончился роман. Вот и разбери, что этим самым женщинам надо. Ведь все у человека было, а она к другому ушла. Верно про них, про женщин, в народе говорят: «Как волка ни корми, он все равно в лес смотрит».

Нет такого слова

Главный режиссер театра Ступкин очень волновался. И было отчего. Телепередача на всю страну. Творческий отчет театра. Хотелось, чтобы прошел он как можно более ярко и празднично.

Передачу долго готовили. Сам Ступкин писал сценарий, помогал телережиссеру. Репетировал, бегал, волновался. И вот наконец запись. Ступкин давал своим актерам последние наставления перед выходом на сцену.

— Не волнуйтесь, — убеждал он, хотя сам дрожал как осиновый лист. — И еще очень прошу вас всех... Это у нас общее, актерское... Пожалуйста, не говорите этого омерзительного слова «волнительно». Нет такого слова в русском языке. А раз нет в русском, значит, нет его и ни в каком другом языке. Сам вчера словарь смотрел. Нет такого слова «волнительно». Вы поняли?

— Поняли, поняли, — успокоили его артисты. — Вы только не волнуйтесь. Ну нет такого слова, и не надо. Что волноваться-то?

— Да! — кричал Ступкин. — Нет такого слова, а почему-то все говорят! Есть слово «волную», «волнение», «волнующе», в конце концов, а «волнительно» — нет!

— Все будет хорошо, дорогой мой, — сказала Вельская многозначительно и погладила Ступкина по плечу.

— Ну все, — сказал Ступкин, — пошли!

И все пошли на сцену. Ведущим был, естественно, Ступкин. Он долго рассказывал о становлении театра вообще и его театра в частности. Говорил о верности традиции, о финансовом плане, о классике и современности, а потом передал слово старейшему актеру театра Невзорову.

Невзоров оглушительно откашлялся и хорошо поставленным голосом сказал:

— Товарищи, нам, артистам, всегда волнительно...

И дальше пошел как по-писаному. Ступкин сморщился так, будто узнал о хорошей прессе на спектакль соседнего театра.

— Старый индюк, — прошептал он, имея в виду не соседний театр, а Невзорова, вспоминавшего в это время о своих встречах поочередно со Станиславским, Щепкиным и Фонвизиным. — Мог бы, между прочим, у него русскому языку поучиться. Небось у Фонвизина не услышал бы «волнительно». Ну ничего, получишь ты у меня роль. Всю жизнь будешь у меня воспоминания писать.

Выступление Невзорова благополучно подошло к концу. Артисты театра с умильными улыбками поаплодировали старейшему актеру, и Ступкин объявил следующее выступление. Следующей выступала актриса Алевтина Боряева, тянувшая на себе две трети репертуара последние пятьдесят лет.

— Не подведите, голубушка, — прошептал Ступкин.

Боряева долго и обаятельно улыбалась в камеру, а затем сказала:

— Товарищи, нам, актерам, всегда волнительно...

— Уволю, — процедил Ступкин и сделал такое лицо, будто узнал, что соседний театр поехал играть на родину Шекспира. — Уволю! — шипел Ступкин. — Бездарь!

Но актриса Боряева уже читала отрывок из «Грозы», в котором она поочередно играла

Катерину, Кулигина и разбушевавшуюся стихию.

Ступкин за спиной Боряевой говорил артисту Силуэтову:

— Учти, Вася, сейчас тебе идти. Я скоро «Лес» ставить буду. Тебе сразу три роли дам. Но если я от тебя «волнительно» услышу, выгоню, и устроишься только во Владивостоке. Там меня еще не знают.

— Как можно, Коля! — сказал Вася и пошел выступать. — Товарищи... — обратился он к телезрителям и сделал большую паузу. — Нам, артистам... — сказал он и сделал еще более длинную паузу, — всегда радостно выступать перед вами, зрителями. — Силуэтов перевел дух и победно глянул на Ступкина. И дальше пошел как по-писаному: — Нам, артистам, всегда волнительно... — В ужасе остановился, потом махнул рукой и стал рассказывать об образе современника, воплощенном им в незабываемых им же ролях.

— Зарезал, — сказал Ступкин, — уволю! Всех уволю, а тебе пробью голову. Сам поеду во Владивосток, чтобы ты вообще нигде устроиться не мог, когда выйдешь из больницы.

Ступкин проклинал все: ГИТИС, который окончил двадцать лет назад, восемнадцать театров, в которых он за эти годы работал, и всех актеров, каких только знал на свете, — от первобытных до народных.

— Ну что ж ты так убиваешься, — вдруг услышал он тихий голос Вельской. — Я сейчас выйду и все исправлю.

И она действительно вышла и действительно все исправила. Нежным голосом, в котором слышались стальные нотки, придыхая и пришептывая для большей прелести, она радостно сказала:

— Товарищи, вот тут мои друзья актеры говорили, что им выступать перед вами волнительно. Ну что говорить, товарищи, действительно волнительно.

Дальше Ступкин не слышал, он стонал:

— Ни за что, никогда в жизни не оскверню себя ее поцелуем. Никогда!

Последним было слово Ступкина. Он поблагодарил зрителей, пообещал им множество творческих успехов, пожелал всего хорошего и попрощался. К нему бросились все, кто был в студии, поздравляли, говорили, что давно не было такой телепередачи. Ступкин стоял удивленный, радостный, счастливый, и на душе у него было волнительно.

Правда-матка

Один мой знакомый, по профессии писатель, напечатал рассказ, в котором в доступной форме изложил мысль, что правду надо говорить прямо в глаза и, дескать, дружба от этого только укрепляется. Мне эта мысль так понравилась, что я, как только его встретил, сразу и начал:

— Знаешь, правильно ты в своем рассказе написал, что надо все в глаза говорить.

Он обрадовался:

— Значит, тебе рассказ понравился?

— А как же, — говорю, — еще как понравился, я давно не читал таких правильных рассказов. И пусть он написан корявым языком, пусть создается впечатление, что автор этого рассказа ни в институте, ни в школе никогда не учился, но мысль в этом рассказе правильная, а это самое главное.

Он после этих слов на меня посмотрел как-то странно, а я дальше продолжаю:

— Это верная мысль — правду в глаза говорить, потому что это дружбу укрепляет. Вот я тебе сейчас всю правду и скажу. Понимаешь, когда этот рассказ читаешь, невольно думаешь, что автору лучше не рассказы писать, а заняться, пока не поздно, чем-нибудь другим. Но это кто-нибудь другой может так подумать, кто тебя не знает, а я тебя знаю и поэтому понимаю, что чем-нибудь другим тебе заниматься уже поздно. Может быть, тебе, конечно, лучше кому-нибудь платить, чтобы за тебя кто-нибудь другой рассказы писал, но ведь ты наверняка редактору платишь, чтобы тебя печатали, так что денег тебе и так мало остается, поэтому ты сам рассказы и пишешь. И за это я тебе благодарен.

Туг я дыхание перевел, а он весь бледный стоит:

— Я не думал, что ты ко мне так плохо относишься.

— Что ты, если бы я к тебе плохо относился, я бы этого всего не говорил, а так как я тебя люблю, я тебе все как есть выложу и про тебя, и про твою жену.

— А при чем здесь жена? — говорит он и за сердце хватается.

— Вот то-то и оно, что она здесь ни при чем, а при ком. Ты-то думаешь, что она при тебе, а она вообще неизвестно при ком. Я не знаю, почему это происходит. Может, потому, что ты одеваешься так плохо, что с тобой выйти стыдно, то ли потому, что пишешь так, что тебе руки и ноги пообрывать хочется. Но ты все равно пиши, потому что не важно, что ты там пишешь, все равно этого никто не читает. Главное, что ты человек хороший, жадный, правда, но не это в тебе самое плохое, а то, что ты можешь любого друга предать в одну минуту, поэтому и друзей у тебя нет.

— За что ты меня так ненавидишь? Что я тебе плохого сделал?

— Ничего ты мне плохого не сделал. Ты написал, что надо правду говорить, вот я и говорю.

— Мало ли что я там написал! Нельзя же так буквально понимать.

— А, тогда другое дело. Тогда рассказ твой плохой, а писатель ты замечательный и человек очень симпатичный. И жена твоя хорошая и ни в чем сомнительном не замешана. И друзей ты никогда не предашь, за это мы тебя и любим, а не за то, что ты читателей обманываешь.

Он обрадовался:

— Это правда?

— Конечно, правда. А если ты еще писать бросишь, я тебе этой правды столько наговорю — всю жизнь будешь радоваться.

Я должен любить людей

Я должен. Я должен. Я должен любить людей. Каждое утро я просыпаюсь и говорю себе эти слова.

И каждый вечер пытаюсь вспомнить, кого я за этот день полюбил, но никого, кроме себя, любимого, вспомнить не могу. Я стелю постель, ложусь, стараюсь расслабиться и вспомнить всех тех, кого я почему-то должен любить.

Жена моя, дай ей бог здоровья. Она хорошая женщина, но полюбить ее как своего ближнего вот так просто, без доплаты? Нет, ни за что. Женился я на ней довольно поздно. Особого выбора у меня уже не было. Я и сейчас не Ален Делон, а тогда и подавно хорош был в костюмчике из Караганды и туфлях «Бакинская саламандра».

Прожили мы с ней лет пятнадцать, и все эти годы я пытался найти ей замену, но, как говорится, не обломилось. Нет, я, конечно, люблю есть то, что она приготовит, люблю чистоту, которую она соблюдает. Но ее саму? Нет, это выше моих сил. Я пробовал. Нет, не могу. Конечно, я к ней привык и не мыслю уже никого на ее месте. Нет, она не страшная. Многие даже считают ее привлекательной. Те, кто не видел ее с утра в бигуди и с утюгом наперевес. К тому же она молчаливая. Говорит редко. Практически один раз в день. Но с утра до вечера. Кроме того, она меня еще и ревнует. Я смотрю телевизор, она подходит и говорит:

— Ты чего уставился на эту певицу? Что у тебя с ней было?

А что у меня могло быть с Львом Лещенко, кроме нашей общей любви к песням советских композиторов?

Теперь мой начальник. Его трудно назвать мыслителем. Нет, он, конечно, соображает, но туго. Когда он думает, слышно, как вращаются в его голове шестерни, издавая душераздирающий скрежет. Я не уверен, что у него есть высшее образование. Он утверждает, что окончил институт. Наверное, это какой-нибудь особый институт, куда принимают только выпускников спецкол для дефективных детей с техническим уклоном.

Но вы бы видели его лицо в момент распределения премии! Радостное лицо людоеда, встретившего в джунглях на голодный желудок родную маму своей первой жены.

Теперь мои товарищи по работе, которых я тоже должен любить. Марья Степановна. Полдня она красится. Хороша после этого, как матрешка. Вторые полдня говорит по телефону:

— Ах, Мастроянни — мой кумир! Ах, Челентано — мой кумир!

Пуговкин ваш кумир вместе с Моргуновым! Степанов. Занял у меня десятку и вот уже полгода не отдает. При встрече говорит:

— Ты помнишь, я тебе десятку должен?

Я-то помню, как мне ее забыть, родную. Красненькая такая. Бумажненькая. Он, Степанов, изобрел хороший способ. Занимает сто рублей до пятницы. В пятницу точно в срок приносит девяносто и говорит:

— Извини, старик, десятку отдам позже.

Ну ты, конечно, рад, что хоть девяносто получил. О десятке и не вспоминаешь. А он, видишь, помнит.

Галка Малышева. Наша красотка. Пришла недавно: юбка с разрезом до плеча. Блузка в

косую линейку, будто крашеным забором по спине огрели. И на голове прическа под названием «барсучья нора». Очень нравится холостым барсукам.

— Ну, как я вам в таком виде?

Я говорю:

— Вам в таком виде лучше всего в безлунную ночь от людей под одеялом прятаться!

Она говорит:

— Вы оттого злитесь, что я на вас внимания не обращаю, петух вы общипанный!

А друзей взять. Скворцов Василий Витальевич. И всего-то ведь начальник лаборатории, а послушать его, так Хлестаков рядом с ним — сирота.

— Вчера министр приезжал, выручай, говорит, Скворцов, — дай трешку до получки.

Пить на работе нельзя, так он приезжает ко мне, надирается так, что в двенадцать ночи говорит мне:

— Ну, мужик, давай езжай домой, мне завтра рано вставать.

После этого наливает в ванну теплой воды и ложится туда в пальто.

А соседа моего взять. Просто в милицию на меня жаловаться ходил: что он с собакой каждый вечер под кустики ходит! А там, между прочим, под этими кустиками, в день получки трудящиеся люди отдыхают.

Вот и полюби их. Я должен любить людей. Да почему я их должен любить? За что? День рождения скоро, просто не знаю, кого звать. Начальника не позовешь — обидится, потом отпуск летом не даст. Он, конечно, сундук, помощи никакой, да хоть не мешает, и то спасибо.

Марью Степановну не позвать — тоже неудобно. Когда болел, приходила, печенье приносила. Хорошее печенье, крепкое. До сих пор под ножки стола подкладываю. Пусть сидит, не пообедем.

Степанова не позвать — подумает, из-за десятки. Влип он с садовым участком. Никак осушить свое болото не может. Я ему говорю: «Плюнь ты, не осушай, посади на этом участке клюкву, через три года дачу готовую купишь».

Галку не позвать тоже нельзя. Хоть одна красивая за столом будет. Тем более что я на нее действительно когда-то виды имел, но и она меня, как говорится, имела в виду.

Вот соседа не позову. Хотя и его понять можно. Песик его как-то из кустов поднял и гнал, как зайца, километра два. Вот он забыть и не может.

Что касается жены, то готовить все ей придется и убирать за гостями тоже. Вообще-то она только с утра такая нелюбимая, а чем ближе к вечеру, тем она все ближе и родней. И если она сама на кого-нибудь глянет, я не знаю, что я с собой сделаю.

А вдруг она тоже все эти пятнадцать лет кого-нибудь искала? Да никому мы не нужны, кроме друг друга.

Вот так полежишь, отдохнешь, подумаешь, и вроде не самые плохие люди вокруг. И полюбить их вроде можно.

Я засыпаю и твержу про себя: «Я должен любить людей, я должен любить людей, я должен, я должен...».

Вплоть до отделения

— Ты слыхал, Вась, деревня Семеновка отделилась?

— Куда это она отделилась? В другую, что ли, область передали?

— Да нет, вовсе отделилась, начисто. Мужики вчерась в магазине говорили, Семеновна, дескать, отделилась — и все.

— Может, спьяну?

— Почему? Это тебе не Первое мая, не Седьмое ноября, когда вся деревня спьяну, это же обычный день, что ж спьяну-то?

— Да мужики, — говорю, — спьяну сбрехнули, а ты уши-то и развесил.

— Ну мужики-то, ясное дело, спьяну. Но я-то сходил, проверил. Точно отделилась.

— Ну дела! Ну а чего ж у них это отделилось-то? Это чего?

— А то. Шлагбаумы с двух сторон поставили и таперича, значица, ездить через них не моги.

— Ну а как же ежели тудыть к родичам надо?

— Все накрылось. Одним местом. Хочешь туда попасть — выписывай в сельсовете заграничный паспорт. А может, в городе Москве выписывай.

— Ну а чего ж дале-то, чего же они, отделившись, делать-то будут?

— Жить будут.

— И с кем же они, отделившись, жить будут?

— Ну, у кого с кем есть, с тем и будут.

— Ну и в чем же теперь разница-то?

— Ну в чем... Они таперича сами по себе, а мы, значит, сами.

— Ну а в чем они сами?

— Ну, язык у них, значит, свой.

— Свой. А раньше у них какой, чужой, что ли, был?

— Ну, раньше обчий был с нами, а таперича свой государственный. Ты, я вижу, темный, как валенок. В Прибалтике свой язык, значить, прибалтийский. А у них, значит, свой.

— Семеновский, что ли?

— Ну да.

— Ну а какой он, семеновский? У них же, как и у нас, — через слово мат. Так они чего оставлять-то будут, нормальные или матерные?

— Ну уж не знаю. Знаю только, что у них таперича свой государственный семеновский язык. И герб у них таперича ихний деревенский.

— И герб у них таперича есть? И что же они на этом гербе — свинью нарисуют и кучу навоза?

— Это почему ж такое безобразие?

— А что у них еще-то есть? Свиньи да навоз, и боле ничего.

— Ну не скажи. Они две оглобли могут нарисовать. Быка с коровой.

— Быка? Да у них отродясь быка не было. Они за быком-то к нам всегда прибегали.

— Все, теперь не прибегут. Теперь за быка валюту надо платить.

— Каку ишшо валюту?

— Каку... Таку! У них же таперича и деньги свои — валюта называется. У нас рубли, а у

них валюта.

— Ну и как это — у нас рубли, а у них валюта?

— Ну как, значица, сто наших рублей на сто ихней валюты. Понял?

— А тады конечно. Это че же, керенки, что ли, или, может, доллары и тугрики?

— Да не тугрики, а валюта, понял? Валюта обеспечивается золотом.

— А у них чем обеспечивается? Навозом, что ли?.. А ежели, допустим, к ним корова из-за бугра перейдет?

— Не перейдет. Они плетнем все огородили и пограничников ночных с берданками выставили.

— Ну а хлеб им откуда возить будут?

— Ниоткуда, сами сеять будут, сами печь, сами самогонку гнать. Значит, у них на самогонку будет государственная монополия.

— А что же, партия-то у них одна будет али две?

— Ну уж не знаю, думаю, что две-то они навряд ли прокормят.

— А сельсовет-то у них останется?

— А хрен их знает. Может, у них какой рейхстаг с президентом, а может, вождь какой, как в Африке. Их теперь не разберешь. Одно дело — по-своему, и все.

— Ну а где же они трактора возьмут, комбайны, это ж им не под силу?

— Ну, это они, значица, на валюту покупать будут.

— А валюту-то где возьмут?

— Ну вишь, они контракт хотят заключить. Свиной в Америку продавать, а навоз в Швейцарию.

— Да кому там в Швейцарии их навоз сдался?

— Не скажи, столько охотников набирается. Канада запросила. Там украинцев полно. У них тоска по родине.

— А мы, значит, к ним по турпутевкам, что ли, ездить будем?

— Точно. Захотел Ньюрку Косую повидать — плати пятьсот рублей и тебе ее экскурсовод покажет от начала до конца.

— Я так и думаю, хрен с ней, с Семеновкой, а нам в сельсовет бечь надоть.

— Это ж зачем?

— А кто ж его знает, а вдруг наше сельпо тоже надумает отделиться и в Америку водку продавать.

— Не, Вась, я за это не беспокоюсь. Это Семенов-ка без нас может обойтись. А сельпо никак. И мы свое сельпо никому не отдадим.

Игра воображения

Оказывается, что все в жизни зависит от того, как на это все посмотреть. Есть такой анекдот. Три священнослужителя стали рассказывать друг другу, как им Господь Бог помог в трудную минуту. Католический священник говорит: «Еду я на машине по Австрии со скоростью 120 километров в час, вдруг камень попадает под колесо, машина в воздух. Завертело-закрутило, чувствую, пропал, взмолился Господу: «Спаси, Боже». Вдруг машина встает на четыре колеса, и ни одной царапины. Вот так Господь Бог помог мне в трудную минуту». Православный священник говорит: «А я иду по полю под Ярославлем, вдруг смерч закрутил-за-вертел, поднял меня в воздух, я понял, что погиб, взмолился Господу Богу: «Спаси, Боже, меня», смерч стих, я стою на дороге, все в порядке. Так Господь Бог помог мне в трудную минуту». Раввин говорит: «А я в субботу иду по Иерусалиму и вижу — лежит огромная пачка денег, но ведь суббота, я не имею права ни нагнуться за ней, ни поднять ее. И тогда я взмолился: «Господи, помоги». И вы представляете, вокруг суббота, а у меня четверг».

В общем, жизнь прекрасна и удивительна. Но не всегда. Раньше я, например, был пессимистом. Расстраивался по любому поводу. Вот, бывало, приду домой, гляну на жену, послушаю, что она говорит, да как представлю, что это теперь до конца жизни, то такая тоска... Расстраиваюсь.

Раньше я рекламу посмотрю, а там зубы людям делают по 1000 долларов за штуку, печи электрические продают за две штуки, телевизоры «Самсунг» с биоэффектом, так что на экране пощечкуют, а тебе смешно, коттеджи по 200 штук — и все это на мои полторы тысячи деревянных, — просто плачу солеными слезами, каждая из которых величиной с грецкий орех.

Поеду летом в отпуск в дом отдыха, а там как после войны — разруха, тараканы из щелей пальцами на меня показывают, со смеху помирают, в столовой диета такая, что вместо Гербалайфа можно употреблять, слушай, расстраиваюсь.

На улице хулигана встречу — перехожу на другую сторону. А их, хулиганов, сейчас столько, что я так и бегаю туда-сюда по синусоиде. А кто их знает, что им в головы их бритые придет. Смотреть в их сторону боюсь, так и бегаю с закрытыми глазами. По синусоиде.

И так было до тех пор, пока я с одним психом не познакомился. Он не только псих, но еще и терапевт. Но не из этих, которые руками по телевизору размахивают, а настоящий такой псих, хотя одновременно и терапевт. Он мне так сказал: «Не можешь изменить обстоятельства — измени свое отношение к ним». Слушай, как здорово сказано. Как он до этого дошел? Он сказал, будто ему это какой-то еврей сообщил по имени Фрейд.

— Короче, — говорит, — займись самовнушением, и никаких проблем, вокруг суббота, а у тебя четверг, понял?

Я говорю:

— Понял, только не понял, где та пачка денег лежит.

Он говорит:

— Включи воображение. Вот тебе сейчас холодно?

— Нежарко, — говорю.

— А ты представь, что тебе тепло, представь себе, расслабься и представь, что у тебя ноги в теплой ванночке. Расслабься, сядь поудобнее, представь себе, рукам тепло, ногам тепло.

И вдруг я чувствую — действительно тепло.

— Ты, — говорит, — есть хочешь? А я, надо сказать, всегда есть хочу.

— Ну вот, — говорит, — представь себе, что ты сейчас ешь осетрину.

Ну я и представил. У меня в животе как заурчит, он аж отпрыгнул. Вот такое у моего желудка воображение, сильнее, чем мое соображение.

Он говорит:

— А сейчас осетринка с хренком.

Я чуть слюной не захлебнулся, так живо себе представил.

— А сейчас, — говорит, — с лимончиком, с лимончиком, перед горяченьким.

Я говорю:

— А выпить можно перед горяченьким?

Он говорит:

— А как же, обязательно. Водочки холодненькой из графинчика запотевшего.

Я тут же махнул и забалдел. Лежу кирной, теплый. Только в животе урчит. И все.

С того дня, хотите верьте, хотите нет, другая жизнь началась. Вот, к примеру, домой вечером прихожу, салюсь за стол, а там картошка вчерашняя с рыбой позавчерашней. Так я глаза закрываю, расслабляюсь, пару рюмок коньяка «Хеннеси» приму. В жизни я его только на витрине видел, но приспособился — врежу минералки, закрыв глаза и вообразив, ну и тебе скажу, хорошо бывает, прямо шибает. Закусываю семгой с лимончиком. И все с закрытыми глазами, потому что если глаза открыть, то видна эта пристибома, костлявая как смерть. А с закрытыми — так она розовенькая и посола пряного. А для усиления впечатления и ускорения процесса ставлю под стол таз горячей воды с горчицей, ноги туда сую и, как говорится, наслаждаюсь теплой ванночкой. А на второе осетринку на вертеле с авокадой, фрукт такой, помесь апельсина с картошкой.

И после такого обильного и калорийного экзотического ужина, податый и сытый, ложусь в постель со своей женой Люсей, закрываю глаза, расслабляюсь и овладеваю Клавдией Шиффер. Слушай, какая она, оказывается, ласковая тетка, эта Клава, и такой у меня, знаете, прилив, второе, можно сказать, сексуальное дыхание... А не дай бог, представлю, что виагры принял, «скорую» ей, Клавке, вызывать надо.

Раньше-то я раз в месяц ничего с собой поделать не мог, а сейчас такой Шварценеггер, на прошлой неделе с Джинной Лоллобриджидой такое вытворяли, ну с той, которая в «Фанфане-Тюльпане». Аделина, я с детства о ней мечтал. А мне что: хоть Джина, хоть Аделина, да если поднапрягусь в воображении, так и с самой Екатериной Второй могу первым быть. И у меня этот Потемкин в очереди за дверями стоять будет вместе с Распутиным. Да я их теперь меняю каждую неделю. На прошлой неделе с этой был, которую Ричард Гир бросил, ну как ее, Синди Кроуфорд. Я ее так приласкал, обнял чисто по-человечески, она этого Гира даже не вспомнила, только уже под утро проснулась и голосом жены моей Люськи заорала:

— Какая я тебе Синди, я тебе дам Синди! Ты у меня быстро засиндивеешь!

Тогда я и жену свою Люську научил этой расслабухе, и она теперь не со мной живет, а с Пуговкиным, она в него тоже с детства влюбленная, еще со «Свадьбы в Малиновке».

Вот такая вот новая жизнь пошла. Зарплату получать иду, дают мне этих несчастных

полторы шгуки, а я расслаблюсь, глаза закрою, глядь, а это все в долларах. Я тут поднакопил, виллу себе отгрохал и расположил ее на шести сотках, потому что никаким воображением не удалось отодвинуть подальше от себя соседей по садово-огородному вражеству. Вы бы их лица видели, их же трактором не сдвинешь. Я их, правда, тоже научил расслабляться, и они теперь где-то по соседству с Эдди Мэрфи живут в Беверли-Хиллз. Им кажется, что я негр и жутко веселый, а с другой стороны от них почему-то Бурбулис живет, но тоже веселый. И наша хрущоба где-то посередине Манхэттена оказалась, рядом с президентским домом на улице Осенней, где Задорнов проживает и каждое утро шутит нам бесплатно. Вот такая жизнь. Вот вы за кого голосовали? Кто за кого. Кто за Путина, кто за Зюганова, кто за Жирика. А я голосовал за такого президента: красивый, как Немцов, умный, как Лихачев, богатый, как Брынцалов, нахальный, как Жириновский, чмокает, как Гайдар, на саксофоне играет, как Клинтон, и поддает так, что нашему прошлому и не снилось.

А недавно шел по улице вечером, и ко мне какой-то хулиган пристал. Ну, я глаза закрыл, расслабился, представил себя Сталлоне да как звезданул ему по башке. Слушай, он тут же расслабился, не знаю кем, наверное, Шварценеггером себя представил и так меня отделал, что лежу я сейчас, граждане, в гипсе в травматологическом отделении и представляю себе, что я здоровый и рука у меня не в гипсе, но ничего не могу себе представить, кроме Юрия Никулина в «Бриллиантовой руке», и потому рассказываю всем анекдоты из «Белого попугая» и пою «А нам все равно, а нам все равно».

Встретил я соседского парнишку Ваню Сидорова, и у нас с ним произошел такой разговор. Я говорю:

— Ваня, как дела?

Он говорит:

— Дела — отпад. Ваще. Туг два корешка встретились, один чмо, другой чукча, но оба такие фуфлогоны. Замастырили какую-то марцифаль, слегка отъехали и давай друг друга грузить с понтом под зонтом. Оба забалдели, этот ему в бубен, тот ему по тыкве, такая махаловка пошла, чуть не до мочиловки. Один чуть жмура не схватил. Чума. Ну ваще улет!

Я говорю:

— Погоди, он что, летал?

— Кто?

— Ну этот, который чмо?

— Да нет, чмо базарил с чукчей.

— А чего он базарил?

— Ну, они заторчали, вот он и забазарил, стали грузить друг друга, махаловка и началась. Вот такая байда.

— А кому они махали?

— Да никому. Один другому дал по балде, тот ему в репу, этот ему в хлеборезку.

— Он что, репу сунул в хлеборезку?

— Да нет, просто врезал по тыкве.

— Там еще и тыквы росли?

— Какие, на фиг, тыквы, вы, дядь Лень, совсем не сечете. Они пошабили, отъехали, помахались, отключились, и полный Кобзон.

— Там что, еще и Кобзон оказался, он что, там пел?

— Кобзон — это абзац. Полный абзац. Другими словами, бильдым. Поняли?

— Я понял, что ты совершенно забыл русский язык.

— Как это так?

— А вот так, представляешь, что бы было, если бы все говорили на этом твоём бильдыме?

— А что?

— Помнишь, у Шекспира пьеса «Гамлет»? Фильм еще был «Гамлет»?

— Помню, принц датый.

— А теперь послушай, как это на твоём языке звучит. Значит, этот мазурик фуфлогон, кликуха Гамлет. Его пахану мамин хахиль марцифаль какую-то в ухо влил, он кегли и откинул. А тень его Гамлету и настучала. Гамлет оборзел, взял черепушку шута и говорит: «Бедный жмурик». Да призадумался.

Торчать иль не торчать?

Вот в чем байда.

Что круче, марцифаль иль просто травка?

Как забалдеть, а после не грузить?

Как замастырить с понтом, но без зонта?
Базар не фильтровать иль фильтровать?
А если репу сунуть в хлебрезку.
То как потом по тыкве не схватить?
Пошабить, помахаться, отключиться,
Ваще отъехать, не схватив жмура.
И заторчать,
пока шумит балда.
Торчать иль не торчать?
Вот в чем байда.

— Сечешь? Сказал и ласты склеил. Ну. в общем, там все вляпались по самые помидоры.
Одним словом, полный Кобзон. Или абзац.

Он посмотрел на меня просветленными глазами и сказал:

— Ну, чума кино. Пойду по видуку полукаю. — И побежал, выкрикивая: — Полный бильдым!

Подражая Аверченко

Пройдут годы, десять, двадцать лет, подойдет ко мне мой внук, рыженький мальчуган, с моей книжкой, изданной в 1990 году, и скажет:

— Дедушка, я вот твою книжку прочитал и ничего не понял.

— Что ж тебе там непонятно? — спрошу я, поглаживая по головке конопатенького внука.

— А все непонятно, — ответит он мне. — Вот и заглавие этой книжки непонятно. Написано «Учащийся кулинарного и др.». Кто этот учащийся? Его что, все знали?

— Еще как знали, — скажу я, — был у нашего знаменитого артиста Хазанова такой персонаж, который появился в 1974 году. А я для него писал монологи. Очень были смешные истории.

— Про что?

— Ну была, например, история, как он, этот учащийся, ходил в военкомат.

— Военкомат — это что?

— Это военный комиссариат.

— А это что?

«Да, — подумаю я, — это ж теперь и не объяснишь, что это».

— Ну были, — скажу, — такие пункты, где людей раздевали и смотрели, годятся они в армию или нет.

— Ой, дедушка, — скажет внук, — это же было еще в прошлом веке.

«И точно, — подумаю я, — в прошлом». Для него, для моего внука, вся моя жизнь — это прошлый век.

— А вот, дедушка, — продолжит внук, — у тебя еще рассказ, называется «Очередь». Что это — очередь?

— О-о-о, — встрепенусь я. — очередь — это замечательная примета прошлого века. Без очереди жизнь наша была бы просто невозможна. Это значит, люди стояли за чем-нибудь, стояли один за другим и смотрели в затылок друг другу.

— А зачем они смотрели в затылок? Они там что-нибудь интересное видели?

— Да как тебе сказать... Что они там видели... Кепки, шляпы, лысины, у некоторых женщин начес был, или «бабетта», или даже «хала».

— Хала — это же хлеб. — удивится внук.

Пойму я, что не смогу толком объяснить, и только скажу:

— Вот так, с хлебом, и ходили, и стояли. Иногда даже номерки на руках писали: 1, 10, 120, чтобы не перепутать, кто за кем.

— Номерки писали, — удивится внук, — а что же вы в этой очереди без компьютеров стояли?

— Да, вот так получалось, что без компьютеров обходились. Даже, бывало, в ГУМ с ночи очередь стояла, и все равно без компьютеров.

— Ну а зачем же стояли?

— А за всем, что выбросят, за тем и стояли. Бывало, сыр выбросят или сапоги, а то, к примеру, колбасу, а уж если сосиски выбрасывали, до драки дело доходило.

— Странный ты какой-то, дед. Пишешь какие-то глупости. Одни стоят в затылок

смотрят, другие чего-то выбрасывают, а третьи дерутся. Непонятные вы какие-то были. А вот у тебя в одном рассказе написано: «коммунист, а еще проворовался». Кто такой этот коммунист?

— Ну, это уж совсем просто. Коммунист — это член партии.

— Член? — удивится внучек. — Член — это же рука или нога, в общем, конечность.

— Это, милый мой, и была такая конечность, которая являлась одновременно умом, честью и совестью нашей эпохи, одним словом, партия.

— И что это такое — партия?

— Э-э-э... — скажу я, — партия, брат, это была наш рулевой. Как говорил поэт, «партия и Ленин близнецы-братья, вот что такое партия».

— Нет, — скажет внучек, — ничего я не понимаю, — какая-то партия, она же рулевой, и она же была братом какого-то Ленина. И почему вдруг этот коммунист проворовался?

— Ну, бывало такое, проворуется, и придется ему класть партбилет на стол.

— Это что же, так страшно?

— Это, внучек, для коммуниста было просто как конец света, партбилет на стол положить.

— А если не на стол, а на подоконник?

— Ну, это так говорилось — «на стол», а на самом деле это означало вылететь из партии.

— А они, значит, еще и летали, эти коммунисты?

— Еще как летали, как вылетит, так уж и отовсюду, и с работы тоже.

— Нет, ничего не понятно. Или вот еще: «вперед к победе коммунизма». Что это?

— Ну как тебе объяснить, это такое светлое будущее, как горизонт: чем ты к нему ближе, тем оно от тебя дальше.

— И вы все к нему шли вперед, да?

— Шли. топали под руководством Политбюро. Это такие люди были, которых выбирали, чтобы они нас вели.

— Они были самые умные, да? Умнее академиков?

«Эх, — подумал я, — видел бы ты лица этих академиков», а вслух сказал:

— Ну вроде бы, а во главе этого Политбюро стоял генсек. Это вроде самый заслуженный. Одно время Брежнев был.

— Он был самый хороший, да? У него никаких недостатков не было?

— Да, пожалуй, был один недостаток: в последние годы не узнавал никого, а так вроде ничего мужик был.

— А еще кто был?

— Да много их было. А на Горбачеве все это и закончилось. Ну, сказка эта, с коммунизмом. А Горбачев и был самый главный сказочник.

— Он вам сказки рассказывал?

— Да, знаешь, бывало, усадит всю страну у телевизоров и давай часов по пять подряд и про курочку рябу с золотыми яйцами, и про колобка из теста будущего урожая, в общем, такая сказка про перестройку. Про то, как нам будет хорошо, если не будет плохо, — задумался я, вспоминая то бурное время.

— А потом, деда, не спи, потом-то что было?

— А потом такая чехарда началась! Страна наша развалилась, и стали мы вместо коммунизма строить капитализм, но тем же способом.

— Ну и что, построили?

— Построить не построили, но всему миру показали, как строить надо. — Тут я совсем отключился и стал вспоминать прошлые годы. Жизнь свою.

Ведь целая жизнь пролетела. Закрыл я глаза и вспомнил парткомы, райкомы, реперткомы, собрания, демонстрации, забастовки. И институт свой авиационный вспомнил, и любовь вспомнил, вся жизнь моя передо мной пролетела. Жизнь моя единственная и неповторимая, счастливая и несчастная.

— Уснул, — сказал внук и отошел от меня.

Не понять ему наших книг, не понять нашей жизни, как никто ее в мире не понимает, а он-то и тем более, потому что у него она совсем-совсем другая.

Монологи учащегося кулинарного техникума

Одно место

Я раньше, когда в кулинарном техникуме учился, совсем здоровым был. Меня даже на медосмотрах в пример ставили. Поставят к стенке и говорят: «Это пример». А уж потом, когда я в ресторане стал работать, у меня такой хороший аппетит появился, что мне от него даже плохо стало. Я съел что-то не то, ну, не из своей кастрюльки, а из общего котла, и у меня... как бы это попримечнее сказать... в общем, у меня одно место заболело. Чего ты хихикаешь, как будто у тебя никогда не было...

И я в поликлинику пошел. Я там в регистратуру два часа в очереди стоял, потому что я постою, постою... и убегу. А назад возвращаюсь — а они говорят: вы здесь не стояли. Потому что я уже по-другому выгляжу. У меня лицо счастливое. И вот я с этим счастливым лицом опять в конце очереди встаю. Потом наконец к окошку регистратуры подошел, она оттуда говорит:

— Вам чего?

Я говорю:

— Мне бы талон на сегодня.

Она говорит:

— Только на завтра.

Я говорю:

— Помру я до завтра.

Она говорит:

— Тогда вам и талон ни к чему.

Но потом сжалилась надо мной.

— Раз вы, — говорит, — такой пришибленный, идите в шестнадцатый кабинет.

Зашел я в кабинет, а там два мужика в белых шапочках и халатах.

— Раздевайся, — говорят.

Ну, я, ничего не подозревая, и разделся. Они смотрели на меня, смотрели, осматривали, осматривали, потом говорят:

— Ой, жить тебе до понедельника осталось.

Я говорю:

— А что у меня такое?

Они говорят:

— А это ты у врача спроси.

Я говорю:

— А вы кто?

— А мы маляры, потолки здесь белим.

Я говорю:

— Что же мне, все теперь назад надо надевать?

Они говорят:

— А это ты как хочешь, хочешь — назад, а хочешь — наперед. А хочешь, так пойди погуляй.

И тут вдруг доктор входит и говорит:

— Это что за безобразие, вон все отсюда!

Ну, я, в чем был, в коридор выскочил. А там очередь.

Старушка говорит:

— Вот тебе и бесплатная медицина, среди бела дня человека до нитки обобрали.

Я назад. Маляров выгнали, а меня на кушетку положили.

Доктор спрашивает:

— Ну, что у нас болит?

Я говорю:

— Что у вас, не знаю, а у меня... тут медсестра, я стесняюсь.

Он говорит:

— Отвечайте, что у вас болит.

Я говорю:

— Ну, у меня одно место болит.

Он говорит:

— Ну, показывайте ваше место.

Я говорю:

— Так вот же оно — перед вами.

Он говорит:

— Ну, тогда рассказывайте, с кем и когда и что у вас произошло?

Я говорю:

— У меня происходит одно и то же каждые полчаса.

Он говорит:

— Ну, это прямо патология какая-то. Ничего удивительного, что у вас так болит. У вас когда болит, когда вы это совершаете или потом?

Я говорю:

— Нет, сначала болит, а потом уже совершаю.

Он говорит:

— Это что же, у вас сигнал такой?

Я говорю:

— Да, такой сигнал, что даже удержаться не могу.

Он говорит:

— И что же вы делаете?

Я говорю:

— У нас там в ресторане такая маленькая комнатка есть, я сразу туда и бегу.

Он говорит:

— А она вас там уже ждет?

Я говорю:

— Да не она, а он меня там уже ждет.

Он говорит:

— Так вы что же, из этих, что ли, из голубых?

— Нет, — говорю я, — я из красных.

Он кричит:

— Говорите сейчас, кто вас ждет?

— Ну, черный такой, с белой ручкой.

Он говорит:

— Негр, что ли?

Я говорю:

— Почему негр?

Он кричит:

— Не знаю почему! Идите отсюда вон!

И пошел я как миленький на работу. Но ничего, этот доктор тоже к нам когда-нибудь в ресторан придет. Я ему такое блюдо пропишу, всю жизнь будет принимать больных в маленькой комнате.

Частная инициатива

Я как кулинарный техникум окончил, так с тех пор в столовой и работал. А как перестройка началась, так продукты и кончились. У нас в столовой как было. Если клиент у нас поел и на завтра снова пришел, значит, повара хорошие, а если уже больше не смог прийти никогда, значит, продукты плохие. При Брежневке продукты хорошие были, при Андропове они портиться начали, а при Горбачеве совсем исчезли.

И тогда нашу столовую купил один предприниматель с большими деньгами и с лицом кавказской национальности. Он шторы на окна повесил и сделал из столовой ночной ресторан. И даже название сам придумал: «Русский сакля».

Хороший ресторан, только мне там работать долго не пришлось. Однажды поздно ночью, когда в ресторане уже никого не было, вошли трое мужиков. Смурные какие-то, ищут чего-то, за стол не садятся.

Я говорю:

— Может, присядете?

Они говорят:

— Еще чего, мы свое уже отсидели. Где бабки?

Я говорю:

— Бабки уже все домой ушли.

Они говорят:

— Не придуривайся.

И пистолет вынимают.

Я говорю:

— Вы что, пистолет мне хотите продать?

Они говорят:

— Ну да, только не весь, а одну пулю из него.

Я говорю:

— А мне пуля не нужна.

Тогда один говорит:

— Слушай, ты, придунок, ты вот эту дырочку в пистолете видишь?

Я говорю:

— Вот эту кругленькую? Вижу.

Они говорят:

— Бабки не принесешь — оттуда птичка вылетит.

Я думаю: «На фига мне эта птичка?» — и вынул им все, что у меня было — 218 рублей.

Они говорят:

— И это все?

Я говорю:

— Нет, вот еще 34 копейки.

Тут один как закричит:

— Хватит фуфло гнать, тащи зелень!

Я испугался и притащил им пять пучков петрушки.

Тут другой как закричит:

— Тебе сказали — капусту тащи, а ты чего принес?

Я говорю:

— А капуста вам не понравится, она у нас сегодня кислая.

Он говорит:

— Если у тебя капуста кислая, то ты у нас сейчас будешь моченый. Мочи его, Федя!

Я говорю:

— Не надо, лучше я сам, — и пошел в туалет. И тут как они начали во все стороны стрелять, что я даже до туалета не дошел.

На этом наш ресторан и закончился, остался я без работы и думаю, что же мне делать. И решил, что буду работать сам на себя. Стану предпринимателем, буду ходить по богатым домам и готовить там шикарные обеды. Вот я и дал объявление в газету: «Кулинар, мужчина с большим мастерством, полностью организует и обслуживает любых желающих на дому». Но я же не знал, что они там в газете все слова сокращают. Это я только потом узнал, что они напечатали: «Кул. муж. с бол. м. пол. орг. обл. любых ж. на дому».

И буквально на другой день звонок. Женщина приятным голосом говорит:

— Это все правда, что в объявлении напечатано?

Я говорю:

— Конечно. У меня даже книга отзывов есть.

Она говорит:

— Это интересно, и что же там пишут?

Я говорю:

— Вот одна женщина пишет: «Никогда в жизни не пробовала ничего подобного. Сама занимаюсь этим с 16 лет, но не думала, что мужчина может доставить такое удовольствие».

Она говорит:

— Понятно, а сколько это будет стоить?

Я говорю:

— Не волнуйтесь, цена приемлемая. Ветеранам и участникам войны скидка.

Она говорит:

— Мне пока скидка не нужна, приезжайте.

Я собрался и приехал. Смотрю, женщина такая меня встречает симпатичная, полная такая, думаю, значит, любит поесть. Сажает меня в кресло и говорит:

— Может, мы сначала выпьем?

Я говорю:

— Нет, сначала надо дело сделать.

Она говорит:

— Ну что ж, тогда давайте начинайте, — и садится на диван.

Я говорю:

— Здесь неудобно, я привык это делать на кухне.

Она говорит:

— Оригинально. А где именно на кухне?

Я говорю:

— Ну, сначала на столе, потом на плите, а уж потом только в комнате.

Она говорит:

— Потрясающе, я согласна.

Я говорю:

— Ну, тогда вы здесь немного подождите. Можете пока тут все приготовить, — и пошел на кухню.

Минут через пятнадцать она мне кричит:

— Я уже готова.

Я говорю:

— А я еще нет.

Она говорит:

— А что вы там делаете?

Я говорю:

— Я яйца в салат кладу.

Она кричит:

— Вы большой оригинал!

Я говорю:

— На том стоим. Все-таки профессионалы.

Минут через десять она опять кричит:

— Сколько можно ждать! Что вы там делаете?

Я говорю:

— Что я делаю? Сейчас как раз хрен тру.

Она кричит:

— Все, больше ждать не могу, идите!

Я думаю, надо же, бедная женщина как изголодалась.

Поставил на поднос салат, сковороду с котлетами и пошел. Вхожу в комнату, а там темно.

Я говорю:

— Зачем же вы свет выключили? Я же так не найду ничего.

Она говорит:

— Идите, идите, я сама все найду.

Ну я и пошел на голос. Чувствую, уперся в кровать. Чувствую, она меня одной рукой за шею обняла, а другой рукой за сковородку и говорит:

— О, какой ты горячий, — и как потянет меня к себе.

Ну я на нее и рухнул вместе с подносом. Она кричит:

— Что это?

Я говорю:

— Извините, не удержался.

Она свет включила, вся в салате, на груди котлеты, кричит:

— Ты что, жрать пришел? Вон отсюда!

Я говорю:

— Вы же даже не попробовали ничего, а уже меня гоните.

В общем, она обиделась, денег не заплатила. Я тогда все понял, и, когда на другой день какая-то женщина опять меня к себе пригласила, я сразу безо всякой готовки на кухне разделся и в одних носках в комнату вошел, а там целая компания сидит и как начнут хохотать, а один дядька сказал:

— Кушать подано!

Кулинар

Вызывают меня в кабинет директора. Там уже и заместитель его, и метрдотель и говорят:

— Завтра к нам президент обедать приезжает.

Я говорю:

— Какой президент?

Они говорят:

— Наш президент — самый главный. Он после обеда любит с простыми людьми поговорить. Может поговорить с первым попавшимся. Вот ты и будешь этим первым попавшимся.

Я говорю:

— А почему я, других, что ли, нет?

Они говорят:

— А другие еще хуже тебя.

Я говорю:

— Учтите, я врать ничего не собираюсь.

Они говорят:

— А врать тебя никто не заставляет, а вот правду сказать мы тебе поможем. Допустим, спросит тебя президент, откуда продукты, что ты скажешь?

— Откуда я знаю, наверное, с рынка.

— Вот так и говори, с рынка.

— А на самом деле откуда?

— А на самом деле это не твое дело.

— А-а-а, — говорю, — то-то я из них ничего хорошего сделать не могу.

— Поехали дальше, — они говорят, — допустим, спросит тебя президент: а какая у тебя зарплата?

— Ну и что мне говорить?

— Говори, хорошая.

— Ничего себе хорошая.

Они говорят:

— Будешь много говорить, и такой не будет. Понял?

— Понял.

— Теперь, допустим, спросит тебя президент: а каковы условия вашей работы? Что ты скажешь?

— Что есть: жара, душа нет. Оборудование старое. Я врать не буду.

— А ты не ври. Говори, на кухне не холодно, тепло, мол. Оборудование отлаженное, руководство подчиненных в баню возит раз в неделю.

— Ага, — говорю, — возит, только почему-то одну Зинку-буфетчицу.

— А ты хочешь, чтобы мы вместо Зинки тебя возили?

— Нет уж, — говорю, — спасибо.

— Ну вот мы тебя и не возим. А вот, допустим, спросит он: как посетители, довольны?

Что ты скажешь, если честно?

— Скажу — очень довольны. Особенно один такой довольный был, что на «скорой» отсюда уехал с отравлением.

— Вот так скажешь, сразу перейдешь на другую работу на кладбище.

Я говорю:

— Сторожем, что ли?

— Нет, — говорят, — покойником. Говори, посетители жутко довольные, цветы дарят, в книгу отзывов благодарности пишут. Учти, благодарности мы уже в книгу написали. Все понял?

— Все.

— Ну иди, готовься. И не забудь: если что не так скажешь, будешь потом всю ночь в котле с супом цыпленка изображать.

На другой день в ресторане переполох. Действительно, большие люди приехали. Официанты все туда-сюда бегают. Продукты хорошие завезли. Ну и я, конечно, постарался, все как следует приготовил. Часа два у них обед шел, потом приходят за мной.

— Иди, — говорят, — президент с тобой на десерт разговаривать будет. Жить хочешь — лишнего не болтай.

Подхожу к столу, там их человек десять сидит. В центре президент. Поблагодарил за хороший обед и говорит:

— Расскажите, как живется-можется?

Я говорю:

— А мы про как можется не договаривались. Вы должны спросить, откуда продукты.

Президент посмеялся и говорит:

— Ну что ж, расскажите, откуда продукты.

Я говорю:

— Известное дело, продукты все с рынка, раз вы приехали.

— А обычно?

Я говорю:

— А обычно из магазина.

Директор такую мину скорчил, будто губу прикусил.

Я говорю:

— Там на рынке магазин есть, оттуда и берем.

Директор только в улыбке расплылся, как я дальше:

— Хорошее мясо частникам продают, а остатки в этот магазин.

Директор аж за голову схватился.

— Так что, — говорю, — все с рынка, как договаривались.

— Ну что ж, — говорит президент, — это интересно, а зарплата у вас какая?

Я говорю:

— Зарплата у нас хорошая, — директор расплылся, — хорошая, — говорю, — но

маленькая.

Президент говорит:

— А что же вы не уходите?

Я говорю:

— Погодите, вы еще должны про условия работы спросить.

— Ну что ж, — он говорит, — и каковы же ваши условия работы?

Я говорю:

— Условия хорошие, у плиты не холодно, тепло, как в Африке. Оборудование отлаженное. Вот как его отладили в восемьдесят пятом году, так оно и работает. Душа нет, поэтому начальство кого выберет, того и везет в баню.

Президент говорит:

— И кого же оно выберет?

— А все время почему-то выбирают Зинку-буфетчицу.

— Да, — говорит президент, — а как же посетители ресторана, довольны ли обслуживанием?

— Еще как довольны. Один клиент даже, когда из больницы выписался, приезжал, благодарил. Спасибо, говорит, что отравили не насмерть.

— Да, — говорит президент, — хороший ресторанчик. Что же это здесь такое творится, придется разбираться.

Я говорю:

— Пока вы с ними разбираться будете, они из меня цыпленка табака сделают и в супе плавать заставят.

— Нет, — говорит президент, — разбираться будем прямо сейчас, а вас переведем на другую работу.

— Ага, — говорю, — я знаю, покойником на кладбище.

— Нет, — говорит президент, — вы нам еще в ресторане нужны.

Вот так и стал я директором ресторана. И оборудование нам поменяли. И мясо мы берем теперь на рынке. Душа, правда, пока что у нас нет, и поэтому в баню буфетчицу Зинку я теперь сам вожу.

ГЛАВА II

ДРАМАТУРГИЯ

ГЛАВА II

Д

рама тургия

Самоубийцы

(Пьеса)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

А. — Актер

Б. — Бухгалтер

I действие

На сцене четырнадцатый этаж жилого дома. Вечер. Видим два окна и карниз между ними. Оба окна открыты и освещены. В левом свет неярок. Правое сияет. Из правого окна слышны шум, музыка, голоса женщин и мужчин.

На подоконник левого окна взбирается человек лет тридцати. Его нельзя назвать красивым. Но и некрасивым тоже назвать трудно. Он обычный. И костюм на нем обычный. Аккуратно выглаженные брюки. Светлая рубашка с широким воротом. Мимо такого человека пройдешь на улице, и не возникнет желания оглянуться и рассмотреть его внимательней. Человек стоит на подоконнике, зажмурил глаза, и вот-вот бросится вниз. Но, видно, не решается это сделать, открывает глаза и, держась за раму, продвигается по карнизу. Прижался спиной к стене и отпустил руку. Вероятно, ему трудно броситься сразу, но в то же время он всерьез решил покончить с собой и боится смалодушничать, поэтому и перешел на карниз. Оттуда дорога назад, в комнату, будет труднее.

Б. — Вот и все, — сказал, будто подумал про себя человек. — Теперь будем прощаться. Прощай, моя комната, прощай, окно, прощайте, ночь, ветер, огни, улицы и дома. Солнце, прощай, я больше никогда не увижу тебя. Какое чудовищное слово «никогда». Мы его часто употребляем и, как правило, неверно. Но теперь оно, кажется, на своем месте. Прощайте, дорогой начальник. Я редко вас подводил, а теперь придется подвести. Я не смогу хорошо сделать свой годовой отчет. И плохо не смогу. Потому что не смогу его сделать никак. Если бы вы были в состоянии прислать мне данные туда, я, может быть, нашел способ выслать вам отчет в срок. Но для этого вам нужно найти специального курьера. Где его сейчас найдешь? Кому сегодня нужно работать курьером? Тем более на такие расстояния. Вам будет легче найти другого бухгалтера. И вы его найдете.

Прощайте, занавески, милые прозрачные занавески. Вы дали мне образ неуловимый и расплывчатый. Вы были экраном моей любимой кинокартины. А она прекрасной киноактрисой. Героиней моего романа. Несбывшегося, неп прочитанного романа. Не романа, а предисловия.

Человек замолчал от переполнившей его грусти и стоял так, неподвижно, до тех

пор. пока из соседнего окна не высунулся второй человек. Движения его решительны. Одет он ярко. Лицо его можно назвать красивым и в равной степени можно считать его некрасивым. Но оно привлекательно своей необычностью. И его трудно не заметить. Человек, воровато оглядываясь назад, выбрался на карниз и, не замечая присутствия первого, начинает с пафосом произносить свой монолог.

А. — Наконец-то я освобожусь от вас. Я рассчитаюсь за все. Прощайте, любившие меня. Я отрекаюсь от вас. Вы все остались чужими. Я столько времени завоевывал тебя, проклятый город. А ты все равно остался вне меня. И радость, которую ты дарил мне, оказалась выданной напрокат. Я уйду, а она достанется кому-то другому. Ничего нельзя взять навсегда в этом мире. Как же я ошибался, думая, что я завоеватель. Я — пленник. Я сам не принадлежу себе. Но теперь я заберу с собой все, что есть во мне. Не имея ничего, я теперь получу все.

А. так вдохновенно произнес свой монолог, что **Б.** не удержался и зааплодировал. Правда, из-за этих аплодисментов **Б.** чуть не свалился вниз, но все-таки удержался, схватившись за стену.

А. — Что вам от меня нужно? Оставьте меня в покое! Почему вы преследуете меня?

Б. — Я и не собирался вас преследовать.

А. — Тогда зачем вы здесь?!

Б. — Мало ли зачем. Дышу свежим воздухом. Гуляю.

А. — Идите себе на улицу и там гуляйте!

Б. — Я и так на улице. Где хочу, там и гуляю.

А. — Тогда нечего аплодировать!

Б. — Имею право. Может быть, мне понравилось. Как в театре. Будто написали и выучили. Вы не могли бы все это повторить на бис?

А. — Ну вот что, берите автограф и тут же уходите.

Б. — Не нужен мне никакой автограф, тем более ваш. Там, куда я собираюсь, автографы не нужны.

А. — Тогда что вы здесь делаете?

Б. — Стою.

А. — И все?

Б. — Нет.

А. — Что еще?

Б. — Это вас не касается. У меня здесь дело. Может, я здесь свидание назначил.

А. — Но почему именно здесь, у моего окна?

Б. — Я у своего окна. Я здесь живу.

А. — Ах, вы мой сосед?

Б. — Это вы мой сосед, а не я.

А. — Послушайте, сосед, неужели вы не могли найти другого места и времени, чтобы взять автограф?

Б. — Что вы ко мне пристали со своим автографом? Кто вы такой, чтобы я брал у вас автограф?

А. — А вы меня, конечно, не знаете, да?

Б. — Первый раз вижу.

А. — Вы что, ненормальный?

Б. — Это вы ненормальный. У вас мания величия.

А. — Вы что, действительно никогда меня не видели?

Б. — А где я вас мог видеть? Утром я ухожу рано, никого на лестнице нет. Вечером, когда я возвращаюсь, у вас уже играет музыка, и на лестнице опять никого нет. Не буду же я вам звонить в дверь, чтобы посмотреть на вас.

А. — Да вы что, телевизор не смотрите?

Б. — Терпеть не могу телевизора. В нем все маленькое и противное. У меня нет телевизора.

А. — В театр вы тоже не ходите?

Б. — Иногда хожу, но я не обращаю внимания на швейцаров и гардеробщиков. Может, я вас и видел, но не обратил внимания.

А. — Вы — просто ископаемое.

Б. — Если вы будете меня оскорблять, я обижусь и никогда в жизни не буду с вами разговаривать.

Пауза

А. — Извините.

Б. — Пожалуйста. Вы меня тоже извините за швейцара.

А. — Пожалуйста.

Б. — И за гардеробщика — тоже.

А. — Ничего, ничего.

Пауза

А. — В кино вы меня тоже не видели?

Б. — Я давно не был в кино.

А. — Почему?

Б. — Потому что в кино все ходят парами: с женой, с девушкой. А у меня нет ни того, ни другого. А стоять в фойе одному — неудобно. Все смотрят и думают: «Вот у него нет ни жены, ни девушки».

А. — Тогда приходили бы к самому началу фильма, когда в фойе никого нет.

Б. — Это мне не приходило в голову.

А. — А завести девушку вам в голову не приходило?

Б. — Это не так просто.

А. — А что же тут сложного? В магазинах, на улице столько красивых девушек. В конце концов, можно познакомиться с некрасивой, чтобы ходить в кино. Подошли бы к какой-нибудь и познакомились.

Б. — Легко сказать, подошли бы... Ну подойду я, а дальше что?

А. — А дальше я не знаю. Сказали бы что-нибудь... Например, «здравствуйте» или что-то другое, что само должно получаться.

Б. — У меня само не получается. Я, конечно, могу подойти. Скажу ей «здравствуйте». А она скажет: «Не приставайте ко мне». И что дальше?

А. — Подойдите к другой.

Б. — Что вы, я уже после первой сквозь землю провалюсь от стыда.

А. — Ну, хорошо, в кино вы не ходите, а в теат-ре-то вы должны были меня видеть. Я ведь все главные роли играю.

Б. — Да я и в театр не хожу по той же причине. Вернее, раньше много ходил, когда жил в другом городе.

А. — В конце концов, могли бы с приятелем пойти.

Б. — У меня нет приятелей.

А. — Как нет, вы же учились в школе. У вас друзья в детстве были?

Б. — Были, но они все остались в другом городе.

А. — Так здесь бы завели. На работе хотя бы. Работа у вас есть?

Б. — Есть.

А. — Вы на работе с кем-нибудь разговариваете?

Б. — Нет.

А. — Как это нет? Вы кем работаете?

Б. — Я — бухгалтер. Сажу в отдельной комнате и считаю.

А. — Кто-нибудь к вам входит?

Б. — Курьер. Приносит мне бумаги. Я считаю, потом отношу начальнику.

А. — Вот и прекрасно. Начальник — живой человек?

Б. — Начальник не может быть приятелем.

А. — Почему? Пригласите его в гости.

Б. — Не могу. Он это неправильно поймет. Он подумает, что я перед ним заискиваю.

А. — Тогда пусть он вас пригласит.

Б. — Пусть. Но он ведь не приглашает.

А. — Ну и компания! Вы, наверное, неправильно с ним себя ведете. Надо войти к нему в кабинет, хлопнуть по плечу, рассказать пару смешных анекдотов.

Б. — Я пробовал. Выучил из журнала несколько анекдотов. Зашел. Рассказал один. Он не засмеялся. Спросил, что я имею в виду? Я больше не стал рассказывать.

А. — Да, крепкий орешек. Ну, а с другими людьми вам разговаривать приходится?

Б. — Конечно. В метро, если кто-нибудь спрашивает: «Вы выходите?» Или в магазине. Сам спрашиваю: «Сколько стоит?» Еще в газетном киоске говорю: «Привет».

А. — А в остальное время вы абсолютно один?

Б. — Один.

А. — Никому ни слова?

Б. — Никому.

А. — Счастливчик!

Б. — Да, редкое везение. Я сам иногда поражаюсь, что мне так везет в жизни. У меня этого везения столько накопилось, что просто девать некуда.

А. — Теперь понятно, почему вы меня не знаете. Но это же прекрасно, что вы меня никогда не видели.

Б. — Почему?

А. — Потому что вы — единственный. Единственный в этом городе, а может быть, и во всей стране. Послушайте, единственный, а что вы здесь делаете?

Б. — То же, что и вы. Прощаюсь.

А. — С кем вы прощаетесь?

Б. — Со всеми.

А. — Вы что, тоже туда? *(Показывает вниз.)*

Б. — Ну, не оттуда же.

А. — Вам-то чего не хватает?

Б. — Всего не хватает. Я же вам рассказал. Мне все это надоело. У меня никого нет. Жалеть будет некому. И для меня все это потеряло всякий смысл. Для чего я живу? Кому от моей жизни радость, кроме моего начальника? Да и он скоро утешится. Возьмет кого-нибудь на мое место.

А. — По-моему, вы просто с жиру беситесь.

Б. — Нет, вы не представляете, как мне тоскливо.

А. — Вам бы в моей шкуре оказаться. Посмотрел бы я на вас.

Б. — Вы тоже одиноки?

А. — Не то слово. Послушайте, у вас закурить не найдется? Я забыл захватить сигареты.

Б. — Найдется.

А. — Давайте по одной выкурим, а потом вы меня проводите.

Б. — Куда?

А. — Туда. *(Показывает вниз.)*

Б. — Давайте выкурим. Но только я первый туда. Я раньше вышел и очень не люблю смотреть, как кто-то летает.

А. — Давайте сигареты.

Б. — Вы поймаете?

А. — Нет, могу промахнуться. Лучше идите сюда.

Б. — Хорошенькое дело, а если я свалюсь?

А. — Вы же того и хотите.

Б. — Да, но тогда вы не покурите.

А. — Верно.

Б. — Идите лучше вы ко мне.

А. — Тогда вам придется курить одному.

Б. — Тоже верно. Давайте тогда двигаться друг к другу. Потихонечку.

А. — Пошли.

Медленно, переставляя ноги по карнизу, двигаются навстречу.

А. — Только вниз не смотрите, а то голова закружится.

Б. — А спички у вас есть? А то у меня только сигареты.

А. — Стойте, если нет спичек, мы напрасно рискуем. *(Шарит по карманам).* Есть. Зажигалка.

Подходят друг к другу. Первый осторожно вынимает сигареты, второй — зажигалку. Закуривают.

А. — Давно я не курил такую дрянь.

Б. — Надо же, какая красивая зажигалка.

(Затягивается. А. закашлялся.)

Б. — Постучать по спине?

(Оба смеются).

А. — Зажигалку можете оставить себе.

Б. — Зачем она мне, все равно ведь...

А. — Тогда можете выбросить?

Б. — Жалко.

А. — Будем считать это генеральной репетицией.

(Разжимает пальцы. Зажигалка падает вниз).

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. *(Слышен стук упавшей на мостовую зажигалки).* Аут. Как долго падать с четырнадцатого этажа.

Б. — Вы забываете о сопротивлении воздуха. У нас же площадь больше, значит, нам дольше лететь.

А. — Я когда-то читал в журнале рассказ. Там одного человека вешали на мосту, веревка оборвалась, он прыгнул вниз, выплыл на берег, добрался до какой-то избушки и тут умер.

Б. — Как умер?

А. — Его повесили.

Б. — Но ведь веревка оборвалась.

А. — Нет, все это он представил себе в те две секунды, когда из-под него выбили доску.

Б. — Ничего себе рассказик.

А. — А нам ведь дальше лететь. Представляете, сколько нам придется продумать за эти 15 секунд.

Б. — А вдруг на десятой секунде назад захочется? Вот обидно будет!

А. — Мне не захочется.

Б. — Довели человека.

А. — Вы просто не представляете, до чего довели. Я — жертва коммуникабельности. Утром я просыпаюсь от телефонного звонка, туда приезжайте, сюда приходите, здесь выступите, там отснямитесь. У меня к тебе дело, а мне необходимо видеть тебя. Как дела? Что слышно? Куда же ты пропал? Вы не поверите, я не могу дойти до туалета, столько звонков.

Б. — А вы не берите трубку.

А. — Попробуй не возьми, а вдруг нужный звонок, а вдруг мне этот человек самому нужен. Дел-то ведь уйма, там выступить, здесь отсняться. Вдруг что-нибудь важное.

Б. — Что же вы, так и не ходите в туалет?

А. — Нет, я телефон с собой беру. Потом моюсь с трубкой, ем — с трубкой, бреюсь — с трубкой. Доходит до того, что говорю в электробритву, а телефонной трубкой вожу по лицу. Потом — репетиции. Господа актеры. Со всеми надо поговорить, никого не забыть, иначе — обиды. Я уже не говорю о том, что на улице на меня показывают пальцами, подходят, заговаривают, просят автографы.

Б. — А зачем им это все надо?

А. — Как зачем? Я же популярный.

Б. — Ну и что?

А. — Вот всем и хочется со мной поговорить, познакомиться, похлопать по плечу.

Б. — Зачем?

А. — Как зачем? Наверное, затем, чтобы потом рассказывать знакомым, что видели меня, говорили со мной.

Б. — А это зачем?

А. — Я же вам объясняю, популярный я, известный, а значит — любимый. Вам что, неинтересно поговорить с человеком, который всем известен? Ну, например, с президентом.

Б. — С президентом? Пожалуй, интересно. У него можно спросить, что нас ждет дальше. Он может помочь продвинуться, он может изменить мою судьбу. А о чем с вами говорить?

А. — Что же, со мной не о чем поговорить? Вам что, со мной неинтересно?

Б. — Мне с вами интересно. Но у нас особые обстоятельства. Вы же не станете первому встречному все это рассказывать. Поэтому я и не понимаю, о чем они с вами говорят. Подходит к вам человек, и что он вам говорит?

А. — «Привет», — говорит.

Б. — А дальше что говорит?

А. — «Как живешь?» — говорит.

Б. — И что же, вы ему рассказываете, как вы живете?

А. — Нет. «Нормально», — говорю.

Б. — И все?

А. — И все.

Б. — И что же тут интересного?

А. — Откуда я знаю? Я же вам говорю, популярный я — вот и все. Вам неинтересно, мне неинтересно, а они неделю потом обсуждать будут, что в жизни я не так красив, как в кино, и рост у меня меньше, чем на сцене. Да и сами вы теперь обо мне рассказывать будете.

Б. — Вы думаете, что и там вы популярный? *(Показывает на небо)*.

А. — Извините, на чем я остановился?

Б. — На том, что вы популярный.

А. — Нуда, потом телевидение, режиссеры, ассистенты, кордебалет, сами понимаете. Вечером — спектакль. Цветы, аплодисменты. Знаете, какая моя любимая роль?

Б. — Не знаю.

А. — Глухонемой. Из пьесы «Глухонемой в пустыне». Три часа молчания.

Б. — Но ведь главные герои в основном говорят.

А. — Конечно, вот и я говорю, общаюсь. После спектакля тоже общаюсь. Возбуждение, коньяк, поклонники, поклонницы или, того хуже, жена.

Б. — Счастливый, у вас и поклонницы, и жена.

А. — Да, везунок такой, что дальше некуда. В рубашке родился. Домой возвращаюсь, здесь бы и расслабиться. Куда там — полон дом гостей. А если нет гостей, жена говорит за всех гостей. Но в основном гости, шум, веселье, разговоры. Одному побыть невозможно.

Б. — Но ведь гости-то уходят.

А. — Но ведь жена-то остается.

Б. — А вы ложитесь спать и гасите свет.

А. — Вы что думаете, она в темноте не умеет говорить? Тут-то и начинается настоящее общение.

Б. — Тогда бросьте ее.

А. — Как бросьте?

Б. — Очень просто. Если она вам так ненавистна, бросьте ее, снимите квартиру. Живите там один, и никто вас не будет трогать.

А. — Дорогой вы мой, вы не знаете мою жену. Как это не будет трогать? Она тут же явится ко мне. Устроит скандал, будет плакать, смеяться, биться головой об стенку, соберет всех друзей и родственников.

Б. — А вы все равно не возвращайтесь.

А. — Как это не возвращайтесь? Я же ее люблю.

Б. — Ах, вот в чем дело. Тогда закройте в другой комнате и сидите там молча.

А. — Не получится. Она начнет кричать: «Не для того я выходила замуж, чтобы играть в молчанку». Будет кричать, что в ней гибнет индивидуальность.

Б. — Она покричит, покричит и успокоится.

А. — Ничего подобного. Она просто хлопнет дверью и уйдет.

Б. — И прекрасно. Вы наконец побудете в одиночестве.

А. — Да вы что! Она тут же вернется!

Б. — Да, положение тяжелое.

А. — Безвыходное.

Б. — А разве вы не бываете на гастролях, на съемках?

А. — Не говорите мне об этом. Это вообще кошмар! Это — цыганский табор во время землетрясения. Это — сумасшедший дом, а врач в этом доме — моя жена.

Б. — Приезжает на съемки?

А. — Она и не уезжает с них. Она ведь ко всему и ревнивая.

Б. — Может быть, еще по одной выкурим?

А. — Хорошо бы. Да ведь зажигалку-то мы выбросили.

Б. — Значит, не судьба.

А. — Выходит, не судьба.

Б. — Получается, что мы еще и исповедались друг перед другом.

А. — Облегчили душу.

Б. — Может быть, вместе? А? Вместе веселее.

А. — Нет, мне так надоели компании.

Б. — Ну, тогда я.

А. — Как хотите. Хотя я считаю, что зря вы это затеяли. У вас спокойная жизнь, без нервотрепки.

Б. — Но тоскливая.

А. — Но есть же у вас и положительные эмоции. Возможно, вы любите свою работу. Все эти цифры, сложения, вычитания.

Б. — Конечно, люблю. Вот эти самые цифры. Они ведь для меня, как живые. У каждой из них свой характер. Вы замечали, какая непреклонная единица? Пряма и негибаема. А какая красавица двойка! Красивая и очень гордая. Один раз я поставил ее не на то место, и она неделю не разговаривала со мной. Пятерка — хулиганка. Быстрая, как на коньках по льду. Восемерка — полненькая брюнетка. Она солидная, серьезная дама. Четверка несколько прямолинейна, суха и неосмотрительна. Она — солдат в юбке и с ружьем на плече. У меня с ними случаются разные забавные происшествия. И с каждой из них свои, особые отношения.

А. — Да вы — просто поэт! Причем влюбленный поэт.

Б. — Да, действительно, я влюблен. Странно, что вы догадались. Я влюблен безнадежно, безответно.

А. — И кто же она, эта несчастная?

Б. — Она там, в том доме напротив. Видите то окно, прикрытое прозрачными занавесками? Она живет за этими занавесками.

А. — У вас с ней роман?

Б. — Что вы, она даже не знает о моем существовании. Вот уже год я смотрю на нее по вечерам. Но никогда она не узнает о моей любви. И в этом еще одна причина моего падения.

А. — Она красивая?

Б. — Она — десятка.

А. — Понятно. Она замужем?

Б. — Нет, она живет одна.

А. — А вы не пробовали к ней подойти?

Б. — Да что вы, я бы в жизни не решился!

А. — Ну да, теперь уж и ни к чему. Я подумал...

Б. — О чем вы подумали?

А. — Да нет, теперь это не имеет никакого смысла.

Б. — И все-таки интересно.

А. — Я подумал, что вы могли бы позвонить ей по телефону. Сказать ей, что вы живете напротив. Возможно, она тоже одинока и захочет поговорить с вами.

Б. — Но у меня даже телефона ее нет.

А. — Это не проблема. Можно вычислить квартиру, где она живет, и по адресу узнать номер телефона.

Б. — Нет, я никогда бы не решился позвонить ей и поговорить.

А. — Я бы мог поговорить с ней за вас, если вы такой стеснительный. Нет на свете такой женщины, которую не тронуло бы то, что кто-то безмолвно и безнадежно любит ее целый год. Она не бросит трубку, она обязательно заинтересуется. Не надо сразу назначать ей свидания, можно звонить ей изредка, пока она не привыкнет к вам, потом пригласить ее в гости.

Б. — Ну, конечно. И когда она, в чем я глубоко сомневаюсь, наконец придет, заговорить с ней совсем другим голосом.

А. — Это уж совсем ерунда. Ведь я артист, могу говорить и вашим голосом.

(Подражает голосу первого).

Алло. Здравствуйте. С вами говорит человек, которого вы не знаете, но который смотрит на вас вот уже год каждый день с восхищением. *(Перестает имитировать.)* Ничего начало?

Б. — Прекрасное начало.

А. — А дальше, чтобы она убедилась в правоте ваших слов, можно выключить и включить свет. Тогда она поймет, что вы ее не разыгрываете. Она, конечно, спросит, в чем дело, что вам от нее нужно. А вы ответите, что вам ничего не нужно, только видеть ее, а теперь еще и слышать. Нет, больше вы не будете звонить, чтобы не беспокоить. Вы послушали ее голос. Он так же прекрасен, как и все остальное, и вы с ней прощаетесь. Это

вы ей все говорите и вешаете трубку. Теперь она у вас на крючке. Теперь она думает, что же это за идиот, год смотрел, любит, узнал телефон и больше не звонит. Она начинает каждый день украдкой поглядывать на ваше окно. А у вас — темно. Неделю вы сидите в темноте. И ей уже неприятно, что она не видит вас и не услышит вашего признания в любви. Через неделю вы ей звоните, долго, сбивчиво извиняетесь за повторный звонок и просите только об одном — о возможности звонить ей по праздникам и поздравлять. Ничтожная, пустяковая просьба. Ни одна женщина не сможет в ней отказать. Где еще найдешь в наше время такого чудака, который год просто смотрел, а еще год будет поздравлять с праздниками? Что вы, об этом можно подружкам рассказать. Вы звоните ей ровно через три дня. И говорите, что для вас увидеть ее в окне — праздник, поэтому вы не стали ждать других праздников. Вы говорите ей «с добрым утром», «спокойной ночи» и так далее. И тут она начинает кокетничать. Проходя мимо окна, она будет красиво откидывать волосы, вставать к вам в профиль, потому что в профиль она лучше выглядит, так ей кажется. Кокетничать она начнет обязательно. Она ведь знает, что вы на нее смотрите. А вы ей звоните все чаще и чаще. До тех пор, пока не назначаете встречу. В кино, в кафе, а лучше всего — пригласить ее к себе на день рождения.

Б. — Но день рождения у меня не скоро.

А. — Какое это имеет значение? Когда вы назначите, тогда и будет. Скажете, что у вас никого нет и вы приглашаете только ее. Она не сможет отказать. Ведь ей хочется посмотреть, кто этот таинственный влюбленный. Ну, вот и все. А дальше ей деваться некуда. Даже если вы ей не очень понравитесь — она вас не бросит. Ей будет жалко расставаться с таким красивым началом.

Б. — Как вы это все здорово рассказали. Представляете, если бы мы вышли сюда месяца три назад, может быть, я был бы уже женат.

А. — Или уже три месяца были там *(показывает вниз)*.

Б. — Да нет, если бы вы все это придумали раньше, не было бы нужды...

А. — Вы чувствуете, как затекли ноги?

Б. — Да, здесь ужасно неудобно стоять. Может быть, мы зайдем ко мне и позвоним ей сейчас?

А. — Какой смысл, если второго звонка не будет?

Б. — Как не будет?

А. — Очень просто. Меня просто не будет к вашему второму звонку.

Б. — Перестаньте, вы же можете мне помочь.

А. — А мне кто поможет? Я-то остаюсь при своих интересах.

Б. — Да что вы, у вас прекрасная жизнь! Вы знаменитый, популярный. Вас все любят: жена, поклонницы, зрители. Вы же талантливый артист, так мне кажется. В вас все нуждаются, звонят, приглашают.

А. — Поэтому я и оказался здесь, с вами, на карнизе. У меня так затекли ноги, что хочется сесть. А так как сесть некуда, то остается только лечь.

Б. — Куда лечь?

А. — Туда, на мостовую.

Б. — Не надо, я прошу вас. Мы сейчас что-нибудь придумаем. Ведь вот, ну допустим, когда они все говорят, веселятся, кричат и шумят, можно отключиться, помолчать и побыть наедине с самим собой.

А. — Нет, ничего не получится. Они приходят, чтобы побыть со мной. Они задают мне вопросы, хотят услышать мое мнение, тормозят меня. Отключиться, побыть наедине с собой — это роскошь, мне не позволяют.

Б. — Послушайте, мы с вами здесь уже полчаса, а там у вас все так же кричат, смеются и танцуют, и никто не вспомнил про вас. А знаете почему?

А. — Почему?

Б. — Потому что они прекрасно обходятся без вас. Главное, что они веселятся у вас в гостях.

А. — Пожалуй, вы правы.

Б. — У меня тоже затекли ноги. Здесь ужасно неудобно стоять. Вот если бы вы ушли из квартиры в дверь, обязательно кто-нибудь это заметил. Это выглядело бы демонстрацией, получился бы скандал. А так никому до вас нет дела. Мало ли где вы можете быть. А вдруг вы в туалете. Имеет право популярный артист пойти в туалет?

А. — Имеет.

Б. — А просидеть там полчаса?

А. — Тоже имеет.

Б. — И теперь вы можете каждый вечер потихонечку исчезать в окно, пробираться по карнизу ко мне — и сидите себе спокойно. Со мной разговаривать не обязательно. Я месяцами могу молчать. Или мы можем оба выходить на карниз и дышать свежим воздухом. Верно?

А. — Верно. Вообще-то, я вам честно скажу, вы мне нравитесь. Вы меня не знаете, не видели меня ни в кино, ни в театре, вы не преследуете меня, вам не нужны мои автографы и контрамарки, вы не набиваетесь в гости. Знаете, я впервые за много лет чувствую себя хорошо, если не считать того, что у меня устали ноги... Но есть еще одно, о чем я вам не сказал. Я боюсь.

Б. — Чего вы боитесь? Мы здесь веревку протянем из вашего окна в мое, и все будет в порядке.

А. — Нет, я боюсь другого. Я боюсь, что все это кончится.

Б. — Что кончится?

А. — Ну, вся эта популярность. Первые роли, радио, телевидение, поклонницы.

Б. — Послушайте, я ничего не понимаю. Вы же сами страдаете от всего этого.

А. — И в то же время боюсь остаться без этого. Ведь первые роли — это многолетняя работа над собой, борьба с соперниками. Популярность и известность — это непрерывные звонки, налаживание знакомств и связей. Мне не нравится, что ко мне пристают на улице, но, если меня перестанут узнавать, мне будет еще хуже. Мне не нужна мишура, шум вокруг меня, но признание мне нужно. Я боюсь, что придут более молодые, талантливые, напористые, и я потеряю свои позиции. Не лучше ли мне уйти сейчас, на пике, чем потом, когда меня начнут забывать?

Б. — Ну, это уж совсем ерунда. В этом и состоит счастье жизни, чтобы бороться, совершенствоваться, преодолевать препятствия.

А. — Мне очень нравится, что это говорите мне вы, человек, который... ну, вы понимаете, что я хочу сказать.

Б. — Я понимаю, но ведь я хочу бороться, и потом, я такой, а вы — другой. Посмотрите, какой вы сильный, красивый. Вы талантливый, это же видно даже здесь, на карнизе.

А. — Спасибо вам, я так благодарен вам за эти слова.

Б. — И я вам благодарен. А теперь пойдете. Теперь у вас будет все, о чем вы мечтали.

Вы сможете отдыхать, собираться с мыслями, а остальное — в ваших руках.

А. — Стойте. Дайте вашу руку.

Б. — Что такое?

А. — Я посмотрел вниз, и мне стало страшно. У меня закружилась голова.

Б. — Успокойтесь.

А. — У меня подгибаются ноги.

Б. — Перестаньте! Замолчите! Я тоже взглянул вниз.

А. — Мне плохо. Жуткая слабость.

Б. — Да замолчите же вы!

А. — Дайте руку, я сейчас упаду!

Б. — Никакой руки, вы потащите меня за собой!

А. — Ах, так?

Б. — Ничего не так. Суньте пальцы в расщелины между кирпичами. Чувствуете?

А. — Чувствую, но углубление такое маленькое, что я не могу зацепиться.

Б. — Ну, хоть чуть-чуть.

А. — Чуть-чуть могу.

Б. — Теперь смотрите вверх.

А. — Смотрю.

Б. — Теперь давайте успокоимся.

А. — Какой, к черту, успокоимся, если у меня дрожат ноги!

Б. — Умоляю вас, не думайте об этом! Вы своим страхом заражаете меня. А если кто-то из нас начнет падать, обязательно потащит вниз другого.

А. — Постараюсь.

Б. — Вот и прекрасно. И не прижимайтесь спиной к стене — это опасно, малейший толчок, и мы — там.

А. — Вот ведь ерунда какая. Всего десять минут назад мы спокойно стояли и разговаривали и не боялись свалиться. А теперь дрожим.

Б. — Десять минут назад мы с вами шли в другую сторону.

А. — Кажется, я немного пришел в себя. Но ноги еще дрожат.

Б. — Хорошо, что пришли в себя. Теперь пойдём.

А. — Куда пойдём?

Б. — Ко мне.

А. — Да вы что, с ума сошли! К вам же дальше.

Б. — Подумаешь, какой-то метр.

А. — Этот метр может оказаться роковым.

Б. — А что же делать? Неужели вы мне не поможете?

А. — Если я сейчас пойду к вам, я уже не смогу вернуться по этому карнизу назад.

Б. — Выйдете через дверь.

А. — Тогда вся наша затея лопнет раз и навсегда.

Б. — Что же вы предлагаете?

А. — Сейчас разойтись по домам, а завтра с новыми силами встретиться здесь снова.

Б. — В конце концов, мы протянем веревку из окна в окно, и вы будете двигаться по веревке.

А. — Конечно.

Б. — Ну, поползли.

(Пытаются двигаться каждый к своему окну).

А. — Дернул меня черт вылезти на этот карниз!

Б. — Господи, только бы не свалиться!

А. — Пусть они берут автографы, интервью. В конце концов, я люблю свою жену, свою работу.

Б. — Одиночество, одиночество, можно подумать, что там меня ждет веселая компания.

А. — Только бы до окна добраться, я бы уж выдержал свою популярность.

Б. — А смотреть на нее из окна, разве это не радость? Уйти из жизни, не завершив годовой отчет. Никакой ответственности. Позор!

А. — Покончить с собой! Как такое в голову может прийти? А завтра — съемка на телевидении, распределение ролей в театре. Отдать Гамлета этому нахалу? Как бы не так! Ради одного этого стоит жить.

(Добираются до своих окон. Облегченно вздыхают).

Б. — До свидания.

А. — До завтра.

Б. — Здесь же.

А. — В это же время.

II действие

Фасад многоэтажного дома. На карниз четырнадцатого этажа из окна вылезает Бухгалтер. Стоит. Молчит.

Б. — Вот теперь — все! Теперь моя жизнь точно закончена. Теперь мне осталось одно — туда! Как все глупо получилось! Как мог я так довериться? И кому? Этому фигляру, этому болтуну. Пустой, никчемный и... подлый человек! Обидно. Ведь все так хорошо начиналось. И вот какая-то глупость, оказывается, может испортить все. А ведь меня когда-то ждали мои родители. Мои мама и папа. Мама рожала меня в муках. Они с папой тратили свое время, силы и, наконец, деньги для того, чтобы вырастить меня. Они надеялись, что я стану замечательным человеком. Они хотели, чтобы я сделал то, что не удалось сделать им. А я учился в школе, я сдавал экзамены, я с таким трудом каждый божий день вставал по утрам, чтобы не опоздать в школу. Я так насиловал себя, чтобы разобраться во всех этих науках. А сколько нервов я истратил, чтобы поступить в институт! А эти экзамены, каждые полгода! Мне до сих пор снится сон, что преподаватель задает мне вопрос, а я не могу на него ответить. Самое интересное, что утром я не могу вспомнить вопрос. Если бы я его вспомнил и ответил, этот сон ушел бы от меня навсегда. Но вспомнить вопрос я не могу и не могу на

него ответить во сне. Я столько всего выучил, я столько всего узнал. И все это зря. Все это теперь никому не нужно.

Из-за какой-то глупости. Из-за того, что я доверился этому прыщю. Как замечательно было сказано в той пьесе: «Вот моя рука. Стоит только подумать, и мои пальцы шевелятся».

Как здорово устроен человек! Как гениально я устроен! Стоит только подумать, и я делаю шаг. Я поднимаю руку. Я говорю слова. Я запомнил десятки тысяч слов и понимаю их значение. Я расставляю их в определенном порядке и могу делать это с огромной скоростью. Я могу решать уравнения, могу складывать и вычитать. У меня в голове — компьютер, который может создавать самые высокоразвитые компьютеры.

Удивительно, как гениально создал нас господь бог! Я ем, и пища проходит в мой желудок по пищеводу. Почему-то она должна медленно по нему продвигаться. Она попадает в желудок, и сразу же выделяется желудочный сок, чтобы обработать ее. Пища превращается в полезные вещества, которые необходимы моему организму, это же целый перерабатывающий завод. Вещества попадают в кровь. Мне становится теплее, я могу двигаться, могу бегать, могу говорить. Как много во мне всего интересного и совершенного! Как хорошо устроен человек!

И как плохо он устроен, если все это — беззащитно перед какой-то подлостью. Какая-то мерзость заставляет меня, со всеми моими заводами и компьютерами внутри, захотеть все это уничтожить.

Все это — мои руки, мое тело, мои глаза и все, что я вижу, перестанет через минуту существовать!

Нет! Нет! Я лучше убью тебя! Негодяй! Выходи! Выходи сюда! Что ты не выходишь? Ты, трус! Ты, подлец! Выходи! Ответь мне!

Скажи, по какому праву ты убиваешь меня? Меня создал бог. Бог меня создал! Какое ты имеешь право уничтожать меня? Я — божье произведение и, уничтожая меня, делаю мне подлость, ты идешь против бога! Нет, я не ропщу! Нет, я не виню никого, кроме себя. Мне было дано все для счастливой жизни. И если я такой хрупкий и беспомощный, значит, я виноват сам, что не умею себя защитить. И что же? Если я не могу себя защитить, он имеет право бить меня?

Нет! Негодяй! Трус! Иди сюда! Ты слышишь меня? Иди сюда! Я требую! Это мое последнее желание!

Артист выглядывает в окно.

А. — Вы меня звали?

Б. — Я давно зову тебя! Ты все слышишь! Ты — трус!

А. — А почему вы мне «тыкаете»? Мы ведь с вами на брудершафт не пили.

Б. — Ты, ты, ты! Вы — это знак уважения! А я не уважаю тебя. Я тебя — презираю! Иди сюда, если ты не трус!

А. — Вы меня хотите убить?

Б. — Я хочу услышать, что вы скажете в свое оправдание. Хотя какая разница, что ты скажешь? Ты соврешь, тебе же ничего не стоит соврать мне. Да и кому угодно. Ты — человек без совести.

А. — Так, все, это переходит всякие границы приличия. Я не позволю себя оскорблять. Я иду к вам, вернее, вылезая. Я хочу понять, почему вы так кричите? Зачем вы так

буйствуете? Что я вам сделал такого, что вы меня так невзлюбили?

Б. — Давай, давай, иди сюда!

А. — Вот он я. У вас теперь есть возможность вывалить на меня все, что вы думаете. Только без рук, а то мы оба полетим вниз.

Б. — А я этого и хочу. Я вас и позвал сюда для того, чтобы схватить вас. И вместе, слышите вы, вместе, полететь туда. А так было бы очень просто. Вы мне нагадили, а я один отправился туда. Нет, теперь и я убью вас, я вместе с вами туда полечу.

(Хватает Артиста за руку).

И посмотрим, кому будет хуже. Я-то лечу добровольно, а вы не по своей воле.

А. — Слушайте, вы, сумасшедший, вам что, больше нечего делать? Вы же меня сейчас столкнете! Погодите, дайте хоть слово сказать. Дайте хоть оправдаться, не знаю, правда, за что. Даже в суде человек имеет право на защиту, на последнее слово. Это что, самосуд? Суд Линча? Вы что, расист? Но я же не цветной. Я наш — белый.

Б. — Я вижу, что вы от страха побелели.

А. — Да будет вам, я и до страха был светлым. Давайте, изложите, в чем вы меня обвиняете?

Б. — Вы сами все отлично знаете. Вы только что хотели оправдаться. Значит, вам есть в чем оправдываться. Но говорить сейчас буду я.

А. — Да говорите, говорите, только не дергайтесь, а то не успеете все сказать, и в полете вам будет не до разговоров!

Б. — Говорю: вы — подлец!

А. — Это вы уже говорили.

Б. — Вы — негодяй!

А. — Все?

Б. — Нет. Вы — подлый человек!

А. — Подлец и подлый человек — это одно и то же. Вы снова повторяетесь.

Б. — У вас нет совести!

А. — Естественно, если я подлец и негодяй, то какая уж тут совесть. Мы снова пошли по тому же кругу. Как слепая лошадь.

Б. — Вы согласны с тем, что вы — подлец и негодяй?

А. — Ни в коем случае! С тем же успехом я могу вам сказать то же самое. Вы — подлец и негодяй. Но я же этого не говорю. Хотя уже появляется желание так сказать. Аргументируйте. Подтвердите свое высказывание хоть какими-то аргументами. В конце концов, вы оскорбляете меня. Еще чуть, и я обижусь на вас и перестану с вами разговаривать.

Б. — Вы и сейчас ерничаете. Ирония в вашем положении неуместна. Я повторяю, вы — негодяй и подлец. А теперь объясню почему. Потому что у вас, у «звезд», двойная мораль. Одна мораль — для вас, а вторая — для окружающих. Вас нельзя обижать ни в коем случае. Ведь вы такие чувствительные, такие ранимые! У вас тонкая, чувствительная душа. Так вам кажется.

А. — Так всем кажется. А насчет двойной морали — это голословное утверждение.

Б. — Нет. Когда я однажды сказал вам, что вы не совсем справились с ролью, вы со

мною поссорились и неделю не разговаривали. Да что там, когда я сказал, что вы слишком кричите в пьесе «Лето и дым», что вы начинаете на высоких тонах и дальше вам просто некуда повышать голос, что вы мне устроили?

А. — Что я вам устроил?

Б. — Вы просто стали мне хамить!

А. — Я? Хамить?

Б. — Да, вы при всех стали меня спрашивать, почему я так плохо выгляжу. Вы елейным голосом спрашивали, уж не заболел ли я. Попробовал бы я вас спросить, почему вы так плохо выглядите. Да что там я, кто угодно. Отвечаю теперь. Я чувствовал себя прекрасно. Выгляжу я сегодня так же, как выглядел тогда. И попробуйте мне сейчас сказать, что я плохо выгляжу — тут же полетите вниз!

А. — Вы прекрасно выглядите. Просто не припомню, чтобы вы так хорошо когда-либо выглядели. Вы, наверное, хорошо выспались сегодня.

Б. — Я не спал всю ночь, и чувствую я себя прескверно. Но вы сейчас будете чувствовать себя еще хуже.

А. — Тихо, тихо, не делайте резких движений! Это все, что вы имеете против меня? Я имею в виду то, что вы, как мне показалось, плохо выглядели?

Б. — Полноте, я не сказал еще и сотой доли того, что я хочу вам сказать. И вы отлично знаете, почему я так взбешен. Я просто пытаюсь объяснить, откуда это все берется. Вы были единственным ребенком в семье. Над вами всегда тряслись родители. А еще бог подарил вам яркую внешность. Девочки любили вас еще в школе.

А. — Ну, убейте меня за то, что вас в школе не любили девочки. Послушайте, это же примитивная зависть!

Б. — Я думаю, что именно вы, актеры, лучше всех знаете, что такое зависть.

А. — Да, однако самое точное определение дал математик Лейбниц. Слушайте и сравнивайте с вашим состоянием. «Зависть — это неудовольствие по поводу того, что какие-то блага принадлежат кому-то, кто, по вашему мнению, менее этого достоин, чем вы». А? Как сказано!

Б. — У меня нет неудовольствия по поводу благ, принадлежащих вам. Я отлично понимаю, что скромный бухгалтер не может иметь тех благ, которые имеет известный артист. Я просто пытаюсь вскрыть причины вашего эгоизма. И то, что вы в школе нравились девочкам, это только начало. Да, и у вас есть талант. Но одного таланта мало. И, кроме того, ваш талант перекашивает вашу душу. Дав вам больше в одном, бог недодал вам в другом. Вы — талантливый артист и жадный, болезненно самолюбивый и тщеславный человек. Вот она, эта четверка лошадей, которая вывезла вас к успеху: талант, жадность, непомерное честолюбие и большое самолюбие. Вы хотели богатства, славы и власти над людьми больше, чем другие, тоже, между прочим, талантливые. Вы этого и добились. А потом — всеобщее поклонение. Ах, какой вы талантливый, ах какой вы красивый, какой вы великолепный! И вы сами начали верить в то, что вы великолепный, в то, что вы очень талантливы.

А. — А на самом деле?

Б. — И на самом деле талантливый, но не очень. На самом деле есть еще с десятков не менее талантливых. А когда вы всерьез поверили в собственное величие, вы уже просто не в состоянии слышать правду, слышать критику. Малейшее критическое замечание вызывает ваше раздражение. Вы начинаете думать, что это зависть, происки врагов и соперников. То,

что вы думаете о себе, и то, что думают о вас окружающие, сильно отличается.

А. — И что же окружающие думают обо мне?

Б. — Нет, сначала я вам расскажу, что вы о себе думаете. А думаете вы о себе, любимом, почти все время. Вы любите полюбоваться собой в зеркале. Вы любите читать о себе хвалебные рецензии. А если рецензии отрицательные, то это враги подкупили критиков, и те измазали вас черной краской.

Они, эти критики, становятся вашими врагами. Но стоит им похвалить вас, и они снова ваши лучшие друзья. Они снова становятся умными и объективными. Один умный человек сказал: «Слишком серьезное отношение к себе — верный признак деградации». Вы давно очень серьезно относитесь к себе.

И еще один умный человек, а именно Лев Толстой, сказал: «Человек — это дробь. В числителе то, что он из себя представляет, а в знаменателе то, что он о себе думает». У вас, не скрою, большой числитель, но знаменатель значительно больше. И, как следствие, изменение отношений с окружающими. Они вам слова неосторожного не могут сказать, а вы им можете походя произнести: «Как вы сегодня плохо выглядите!» Или того лучше: «Где, на какой барахолке ты нашел этот костюм?»

Казалось бы, кому надо все это терпеть. А многие и не терпят, давно уже вас бросили. Другие почему-то рядом с вами. Близость к знаменитости льстит их самолюбию. Кому-то вы нужны для каких-то дел, и они терпят. Но вы ведь не всем хамите! С теми, кто выше вас, вы — само обаяние. Название этому — рабская психология.

А вы замечали, как у вас портится настроение, когда в компании кто-то «тянет на себя одеяло» сильнее, чем вы? А вы замечали, как вы просто наливаетесь агрессией, когда у кого-то берут больше автографов, чем у вас? Нет, внешне все обстоит благопристойно. но я-то уже научился различать ваши настроения. Ах, вы — гений?! И поэтому вы можете не прийти на назначенное вами же деловое свидание. Вы можете опоздать на чужой день рождения на час и на два. Посидите полчаса и уедете дальше, будто у вас еще столько деловых свиданий в этот день! Нет никаких свиданий, просто вам что-то не понравилось, и вы ушли. Вы можете даже наорать на свою жену. Не говоря уже о зависящих от вас людях. Все должны терпеть ваши капризы, ваше раздражение. вашу грубость, обаяшка вы наш! Вы не представляете, как часто я заставлял вашу жену в слезах. Вы могли довести ее до слез только оттого, что встали в этот день не с той ноги. Если вам плохо, то и всем должно быть плохо. Ах, это обаяние, ах, эта слава, ах, это величие! Почему вас все не посылают к чертовой матери? Почему я вас не послал до того, как вы мне подложили эту подлость?

А. — Ну хорошо. Да, я спал с ней.

Б. — Вот вы наконец и признались. Я ждал этого... Зачем вы это сделали? Я полюбил вас, как брата. У меня в жизни и были-то вы и она. И вы отняли у меня все. Будьте вы прокляты!

А. — Погодите, дайте мне сказать. Разрешите мне объяснить, почему я это сделал.

Б. — Я заранее знаю почему. Еще один способ самоутвердиться.

А. — В вас сейчас говорит обида, и вы видите во мне только плохое, но прошу вас, выслушайте меня.

Б. — Я представляю заранее все эти ваши рассуждения о грехе вообще и человеческой слабости, да идите вы...

А. — Я мысленно уже в пути, но выслушайте меня.

Б. — Да, я послушаю, как вы будете врать, только требую, чтобы вы смотрели мне в

глаза. И предупреждаю, что врать вам осталось минут пять. Ну, давайте, врите.

А. — Вы помните, как вы мне рассказывали о женщине, которую ежедневно видели в окне?

Б. — А о ком еще может идти речь?

А. — Вы помните, вы рассказывали мне, что боялись ей звонить, боялись познакомиться с ней. вы не хотели разрушать образ, созданный вашим воображением.

Б. — Я все помню, но при чем здесь все это? Какое все это имеет отношение к вашему преступлению?

А. — Самое прямое, я снова спрашиваю, вы помните это?

Б. — Я помню, помню, дальше-то что?

А. — А дальше, с вашего согласия, ей звонил я.

Б. — Да, вы звонили.

А. — И говорил вашим голосом. Я имитировал вас, причем очень похоже, и вам тогда не казалось, что я один из десяти, не правда ли?

Б. — Имитация — это то, чем овладевают студенты театральных вузов еще на втором курсе, не правда ли?

А. — Да, конечно. На втором овладевают, а к четвертому забывают. Итак, я звонил и говорил вашим голосом. После нескольких разговоров я назначил ей свидание. Вы не хотели встречаться с ней, вы боялись остаться с ней наедине. И мы пригласили ее к вам в гости.

Б. — Да, вы пригласили ее от меня, от моего имени, дальше что, дальше, дальше?

А. — Мы прекрасно посидели. Я делал вид, что моя — маленькая, скромная квартира, а эта, большая и шикарная, ваша. Я старался молчать, тупо изображая идиота, а вы старались говорить. И все происходило в моей шикарной квартире.

Б. — Это была ваша идея. Полнейшая глупость, но вы меня уговорили, вы меня убедили, что лучше сделать так. Вы сказали, что моя квартира слишком скромна, а обстановка ее квартиры довольно богатая, значит, она — женщина обеспеченная.

А. — Правильно. План был такой: она влюбится в вас, а там, дальше, уж будет неважно, какая у вас квартира.

Б. — Итак, что дальше?

А. — Итак, в следующий раз вы с ней встретились уже без меня.

Б. — Да, мы гуляли с ней по городу. Мы зашли в кафе. Она говорила, что я заинтриговал ее своими разговорами по телефону.

А. — Вот, вот, все правильно, мы с вами на это и рассчитывали.

Б. — Конечно, вы опытный ловелас, вы говорили с ней от моего лица и сумели ее заинтересовать.

А. — Так, так, и до чего же вы там дошли, в этом вашем кафе?

Б. — Ни до чего. Я пальцем до нее не дотронулся.

А. — Ничего, это даже хорошо. А потом вы ведь были у нее дома. Вы, кажется, ужинали у нее?

Б. — Да, ужинали.

А. — И тоже пальцем до нее не дотронулись?

Б. — После ужина мы сидели рядом, я держал ее за руку, я читал ей стихи, у меня пересохло во рту. Я смотрел на это небесное создание...

А. — Этому небесному созданию сколько лет?

Б. — Двадцать пять.

А. — Двадцать пять лет. Как вы думаете, она девица?

Б. — Я не задумывался над этим.

А. — Сейчас-то хоть задумайтесь. Как вы считаете, ей двадцать пять лет, она довольно красивая женщина, как вы думаете, на нее были охотники? Она нравилась кому-нибудь?

Б. — Конечно.

А. — А ей кто-нибудь нравился за последние десять лет? Или она ждала, когда такое счастье, как вы, свалится ей на голову?

Б. — Нет, я думаю, она не ждала меня.

А. — Скажите, а вы что, ждали этой неземной любви? У вас что, до нее никого никогда не было?

Б. — Да, у меня были женщины, но это было давно, и это было совсем не то. Вы поймите, я влюбился по-настоящему!

А. — Ну, естественно, раз давно не было женщин. то, конечно, влюбился.

Б. — Нет, не влюбился. Я полюбил. Я не мог слова молвить рядом с ней. Мне все, что я скажу, заранее казалось глупым, я робел, находясь рядом с ней.

А. — Вот в том-то и дело, что вы робели. А женщины любят, когда мы делаем вид, что робеем, когда мы играем в эту игру, но в то же время уверенно и настойчиво идем к намеченной цели.

Б. — У нас с вами разные цели.

А. — Цель у нас одна, но разные пути ее достижения и разные объяснения.

Б. — Зачем вам нужна была эта цель, ведь у вас и так этих «ненужных целей» хватает. Вы же — однолюб.

А. — В каком смысле?

Б. — В прямом. Вы любите одного себя.

А. — Отлично сказано. Но я еще верю в дружбу. И друзей своих я люблю. А вас я считал своим другом.

Б. — Не любите вы никого. И друзей у вас никаких нет. Это я наивно считал вас своим другом.

А. — Одиночество объединило нас. Мое, публичное, и ваше — натуральное. Мне было приятно видеть вас. Я встречался с человеком, которому было еще хуже, чем мне. Мне хотелось заботиться о вас.

Б. — Вот вы и позаботились.

А. — Да, как ни странно, я о вас позаботился.

Б. — И что было дальше?

А. — Она пришла и позвонила в мою квартиру. Она же считала, что там живете вы.

Б. — Ну и...

А. — Как вы думаете, она узнала меня?

Б. — В каком смысле?

А. — Ну, она поняла в первую нашу встречу, что я — тот самый известный артист, несмотря на то, что я гримировался?

Б. — Наверное, раз вас знает вся страна.

А. — Наверняка, потому что она видела мой портрет на стене. Я думаю, она узнала меня по голосу и по портрету, но не подала вида.

Б. — Наверное.

А. — Значит, она не такая простая, как нам с вами вначале показалось.

Б. — Пожалуй, но какое это для меня имеет значение? Узнала она вас — не узнала? Я люблю ее такой, какая она есть. Пусть она будет хитрая или глупая. Мне дела до этого нет.

А. — А если она оказалась легкодоступной, вам есть до этого дело?

Б. — Я понимаю, что, попав к вам в квартиру, она уже не смогла выйти оттуда. Вы просто изнасиловали ее.

А. — Да будет вам! Какой там изнасиловал. Мне не пришлось прикладывать особых усилий для соблазнения ее. И готова была... Мы поняли друг друга. Я думаю, что она просто весь наш с вами обман поняла еще в первую встречу и делала все сознательно.

Б. — Зачем же она встречалась со мной?

А. — Но ведь я за ней не ухаживал, а дальше — думайте сами.

Б. — Вы делаете мне больно.

А. — Я делаю это сознательно. Лучше я вам все скажу прямо, чем вы будете и дальше тонуть в своих иллюзиях.

Б. — Вам она понравилась?

А. — Вы что, мазохист?

Б. — Отвечайте.

А. — Ничего особенного. Такая... техничная.

Б. — Она вам сразу отдалась? Вам даже не пришлось уговаривать ее?

А. — Нет, не пришлось. Вначале мы посидели, выпили. Очень мило поболтали.

Б. — А потом?

А. — Потом? Потом она пошла в ванную, а я разделся и лег в постель ждать ее.

Б. — Все так прозаично?

А. — Да, именно так.

Б. — И зачем же вам все это было нужно? Это что? Утоление вашей похоти? Желание победить? Желание возвыситься надо мною? Что это для вас? А для меня это возвышенное, единственное чувство. Зачем вы так сделали?

А. — Вы попробуйте понять, на моем месте мог оказаться кто-то другой. Уж лучше я, чем кто-то.

Б. — Почему лучше? Я бы тогда не знал ничего. Я бы ничего этого не знал. Она бы оставалась для меня такой же прекрасной.

А. — Ну да, вы бы еще, не дай бог, женились на ней и жили бы в большом и дружном коллективе.

Б. — Вам не понять, что такое любовь.

А. — Да, это клинический случай. Я думал, что из моего рассказа вы хоть что-нибудь поймете, а вы так ничего и не поняли.

Б. — Что я должен был понять?

А. — Да то, что она — проститутка. Проститутка она, я потом заплатил ей, и, скажу вам, такса у нее довольно большая.

Б. — Вы лжете!

А. — Послушайте, да зачем же мне лгать вам! Вы сами подумайте, вы же видели ее квартиру. Там стоят довольно дорогие вещи. У нее хорошая мебель, она хорошо одевается. Она не замужем. И богатых родителей у нее нет. Она — проститутка, но не из тех, что стоят

на улице или ловят клиентов в гостиницах. Она работает по вызову и только с состоятельными клиентами.

Б. — Это ужасно.

А. — Да уж, чего хорошего.

Б. — И все равно, я задаю вам тот же вопрос: «Вам-то для чего это все нужно было? Вам что, так хотелось переспать с проституткой?»

А. — Опять вы ничего не поняли. Да если бы я с ней не переспал, вы бы и дальше ее любили и боготворили. А так помучаетесь, и пройдет.

Б. — Ошибаетесь. Я и сейчас ее люблю. И вы не можете испачкать мою любовь. Вы и понять меня не можете, потому что сами никого в жизни не любили. Вы — нарцисс.

А. — Не преувеличивайте мое значение для человечества. Я такой же, как все, только чуть-чуть ярче.

Б. — Нет, вы не такой, как все. Получается, по вашим словам, что вы сделали свое грязное дело для меня. Но ведь ваше объяснение — ложь. Вам просто и в этом случае хотелось быть победителем. Вы со всеми боретесь за первенство: со своими коллегами-актерами в актерстве, со своими друзьями-одноclubниками, во что вы там с ними играете, в гольф или бильярд? Вам обязательно надо выиграть. Вы ночь спать не будете, если проиграте. А если бы вы не переспали с ней, и я когда-нибудь узнал, что она — проститутка. Я ведь люблю ее. Если она попадет под машину, я не перестану ее любить. Если она от бедности стала проституткой, я не перестану ее любить. Вы хотели сказать, что я беден и потому ей неинтересен. Я стану богатым. Я ведь не только бухгалтер, но еще и финансист. Ас нами, финансистами, такое случается. Я могу стать богатым очень быстро. А если я обеспечу ее как следует, значит, она перестанет заниматься проституцией. Я женюсь на ней, и вы мне не сможете помешать.

А. — Вы совсем глупый. В XIX веке в России было такое поветрие: передовые дворяне-демократы, прогрессивно мыслящие, женились на проститутках, чтобы вытащить их со дна жизни. Знаете, что из этого вышло?

Б. — Что вышло?

А. — А то, что бывшие проститутки изменяли своим мужьям-дворянам с мастеровыми. Вот и все.

Б. — А мне моя жена не будет изменять. Она встречалась со мной. Ей было со мной интересно. Я добьюсь, чтобы она была счастлива со мной. Я добьюсь ее любви. И не имеет значения, с кем она мне будет изменять. Если ей это необходимо, пусть изменяет, только ей это не будет нужно, когда она полюбит меня.

А. — Ах, ах! Вы силой своей любви заставите ее забыть обо всех мужчинах на свете! Дорогой мой, в проститутки идут не только от бедности. Некоторые просто любят эту работу.

Б. — Вы — циник. Вам меня не понять. Для вас ничего не значит история Манон Леско.

А. — Тоже мне, кавалер де Грие! Да вы на себя в зеркало посмотрите! Вы что, красавец, ради которого она бросит всех? Вы что, сексуальный гигант, который отобьет ей охоту к сексу с другими? И пока вы разбогатеете, она состарится. Да нет, вы поймите меня правильно, я не ханжа. Пусть женщина живет, с кем она хочет. Если мы им изменяем, значит, и они могут нам изменять. Моя жена свободна, мне главное, чтобы она любила меня,

а если ей так угодно, пусть найдет себе кого угодно. Мне будет проще. Но вы-то не стройте иллюзий! У вас не тот случай. Она не Манон Леско, и вы не будете ее любить всю жизнь. Извините, но ваша маниакальная влюбленность основана на вашем воздержании. Послушайте, а давайте я ей заплачу, и вы с ней переспите. Мужчина — животное похотливое. Знаете, как победить искушение? Надо уступить ему.

Б. — Вы, вы, вы, мерзкий, грязный развратник! Вы оскорбляете меня, и я отвечу вам тем же. Вы давно уже устарели! Вы не в первой десятке актеров, а в третьей, и то, думаю, не долго в ней удержитесь! Вся ваша слава накачена телевидением и теми самыми журналистами, которых вы так ругаете. Вы, вы... Импотент, творческий импотент! Вы только делаете вид, что бегаєте от славы. Она от вас уже бегаєт.

А. — Все? Вам не удалось меня обидеть. Что вы, человек из толпы, вообще знаете о славе и нас. ее носителях? Вы говорили мне, что я не выношу критических замечаний, что я люблю только похвалу.

Да вы даже не представляете себе, насколько вы банальны, когда говорите, что я — плохой актер! Вы, обыватели, только и стремитесь унижить нас, чтобы почувствовать себя на одном уровне с вами. Вы будете наслаждаться падением любого из нас! А в основе этого наслаждения — зависть. Вы себе и представить не можете, как часто ко мне подходят именно с этим: «Ну, ты, актер, устарел, пора на пенсию!» В любой компании, где я только могу оказаться, почти всегда находится человек, который всю старается быть более остроумным, чем я, чтобы потом всюду рассказывать, что он меня «уделал». На любой тусовке кто-нибудь подходит и говорит: «Надо же, а по телевизору вы такой высокий и красивый!»

Редкий день ко мне на улице не подходит человек, который говорит: «Что-то вас давно не видно?»

Ну, не буду же я ему объяснять, что только на прошлой неделе меня два раза показывали по телевидению и напечатано три интервью со мной. Кстати, о журналистах. Я, дорогой мой завистник, лучшим из них просто плачу, а остальные пишут уже из стадного чувства. Я им плачу, чтобы они писали обо мне хорошее. Но вы, конечно, не поверите мне, и все же, скажу вам, я плачу и за то, чтобы они обо мне писали плохое. Потому что вы, обыватели, падки на нашу грязь. Вам обязательно надо скинуть нас с пьедестала. Вы хотите убедиться, что мы — такие же мелкие, как вы. Но, как сказал один очень умный человек: «Врете, мы не такие, мы даже в плохом больше, чем вы. У нас даже недостатки крупнее, чем у вас». Да, конечно, мы расстраиваемся, когда нас ругают. А еще больше расстраиваемся, когда хвалят других. Но, поверьте, мой суд над собой куда более строгий, чем ваш. Я лучше вас знаю, где я плохо сыграл. Просто я каждый раз думаю, наивно думаю, что вы, зрители, этого не заметили. Так что, если вы хотите обидеть меня, придумайте что-нибудь поинтереснее. Мне кажется, я вас задел сильнее.

Б. — Вы бьете ниже пояса.

А. — А у вас сейчас пояс на шее, куда ни ударь, все будет ниже,

Б. — Не надо вам было говорить эту фразу.

А. — А что такое? Попал по больному?

Б. — Ну что ж, вы сами этого захотели. Вы жили с женщиной, которую я люблю.

А. — Жил, мой дорогой, жил, и не жалею, потому что спасал вас.

Б. — А кто вам дал право решать мою судьбу?

А. — Да повторяю, вас же спасал, потом спасибо скажете.

Б. — Ну, так я вас тоже спасал, когда выезжали на гастроли, может, вы тоже меня поблагодарите?

А. — Интересно, как же вы меня спасали?

Б. — А знаете, обычным народным способом. **А.** — Не понял?

Б. — Я спал с вашей женой.

Пауза.

Да, да, когда вы в последний раз устроили ей скандал и уехали, она хотела развестись с вами. У нее была истерика, я ее успокаивал. Ну вот... и успокоил.

А. — Да быть этого не может!

Б. — Послушайте, актер актерыч, вы пять минут назад утверждали, что не против, чтобы ваша жена завела себе любовника.

А. — Не моя жена, а вообще — жена.

Б. — Вообще жена она как раз ваша жена.

А. — Я вас задущу!

Б. — Ах, как мне хочется сказать фразу из анекдота.

А. — Да я вас...!

Б. — Еще одно движение, и мы полетим вниз.

А. — Да вы — просто негодяй!

Б. — Теперь нас двое. Поговорим на равных. Что вы так горячитесь? Вы думали, что жена Цезаря вне подозрений? Так вы не Цезарь, так же как я не кавалер де Грие.

А. — Это просто смешно.

Б. — То, что она вам изменила?

А. — То, что она мне изменила именно с вами. Кто вы, что вы собой представляете?

Б. — А кто вы? Пустой сосуд, который заполняют содержимым драматурги.

А. — Вы никто, и звать вас никак.

Б. — На моем месте мог оказаться кто-то другой. Просто я оказался ближе. Все-таки лучше я, чем кто-то.

А. — Не смейте так говорить, она — моя жена.

Б. — Еще недавно вы так говорили про мою любимую. Она — моя любимая.

А. — Да как она могла променять меня на вас?!

Б. — Вы ее просто достали. Она хотела с вами разойтись. Она со мной отдыхала душой... и телом. Я вежливый, спокойный, покладистый. Я ласковый и пушистый. А вы — вредный и злобный урод.

А. — Я — урод?

Б. — Вы — урод!

А. — Во мне метр восемьдесят, я считаюсь секс-символом своего поколения.

Б. — Вы только считаетесь, а я есть на самом деле. *(Плачет.)* Лучше бы я вас вовсе не знал. Лучше бы я оставался со своим одиночеством. Нам так было хорошо с ним вдвоем. Мы приходили в мир в одиночку и также уходили из него. А счастье, счастье только у тех, кто может найти радость в одиночестве.

А. — Как же так? Значит, вы изменили своей Манон Леско?

Б. — Вы же сами говорили, что мужчина — похотливое животное. Человек слаб. Если

хочешь победить искушение, надо уступить ему. Я уступил, и...

А. — Я не спрашиваю вас, как это было.

Б. — А почему? Я бы с удовольствием рассказал: это было прекрасно.

А. — Не продолжайте, я-то точно не мазохист.

Б. — Не буду.

А. — Это глупо.

Б. — Что глупо?

А. — Все это глупо. И наша ругань напоминает мне спор двоих идиотов. Помните анекдот, когда двое на спор наелись дерьма и остались каждый при своих деньгах? Нет, я все же убью вас.

Б. — Я потащу вас за собой.

А. — Ну, и черт с вами! Конец, так конец. *(Пауза)*. Скажите, что вы соврали.

Б. — И вы скажите, что вы соврали.

А. — Я соврал.

Б. — Вы не спали с моей любимой?

А. — Не спал.

Б. — И она не проститутка?

А. — Нет.

Б. — И я не спал с вашей женой.

А. — Да зачем она мне нужна, ваша любимая.

Б. — Да стал бы я спать с вашей женой.

А. — Что?

Б. — Вернее, она со мной не стала бы спать ни за что.

А. — Да и ваша любимая сказала, что думает только о вас, уходя от меня.

Б. — Что?

А. — Нет, я ей звонил, и она мне сказала, что больше всех на свете она любит бухгалтеров.

Б. — И терпеть не может артистов.

А. — Особенно популярных.

Б. — Отпустите меня.

А. — А вы — меня.

Отпускают друг друга.

Б. — Пошли потихоньку.

А. — Попробуем.

Б. — Опять ноги затекли.

А. — Не навернуться бы.

Б. — Ползите, ползите.

Потихоньку расходятся.

А. — Давайте больше не будем здесь встречаться.

Б. — А мне кажется, стоит. Иначе с кем мы будем выяснять отношения? Ваша супруга

прекрасна.

А. — Ваша любимая тоже хороша.

Б. — Я женюсь на ней.

А. — Мы придем к вам на свадьбу.

Б. — Я знал, что вы очень приличный человек.

А. — А я сомневался.

Б. — В ком?

А. — В себе.

Б. — До свидания.

А. — Бай, бай.

ГЛАВА III

ПАРОДИИ

ГЛАВА III

Пародии

Куручка Ряба

*Как популярную сказку
написали бы разные сатирики*

Куриная слепота

(М. Зощенко)

Вообще-то у нас кур уважают, любят их, особенно есть.

И в связи с этим вот какая история произошла с одной четой супругов. Надо, правда, сразу оговориться, что чета была не очень молодая. Скорее, даже пожилая. Одним словом, он был просто старик, а она помоложе, но тоже старуха.

И вот они, эти старик со старухой, решили на склоне своих лет обогатиться. И ничего лучше не придумали, как купить курицу. Они хотели ее использовать как средство производства. То есть хотели, чтобы она несла им яйца, а они чтобы их продавали и получали прибавочную стоимость почему зря. Другими словами, они, курицыны дети, хотели через эту курицу стать капиталистами и пожить напропалую.

И вот что из этого получилось. Курица эта, не будь душой, взяла и перепутала что-то в своем обмене веществ и вместо простого снесла им золотое яйцо с 583-й пробой.

Они, эти старик со старухой, обалдели, конечно, от счастья и хотели это золотое яйцо тут же продать, а на вырученные деньги загулять под старость лет, если еще успеют. Но бабка оказалась такая проныра, что предложила деду продать это яйцо не целиком, а по кускам, чтобы выручить побольше денег.

Дед по дурусти своей согласился, и стали они это яйцо разбивать. Сначала дед бил-бил — не разбил. Потом баба била-била — не разбила. Тогда позвали они слесаря-водопроводчика Мишку. Мишка прибежал со своим зубилом и раздолбал это яйцо за милую душу на мелкие кусочки.

И дед с бабой стали продавать эти кусочки. Вот тут-то их и накрыли. А почему? Потому что проба-то была только на одном кусочке, а на других кусочках никакой пробы отродясь и не было. Кукиш там был, а не проба. И получилось, что они вместо обогащения получили поражение в правах с конфискацией всего имущества, включая и эту несчастную курицу.

А если бы они, скажем, это яйцо сдали как найденный ими клад, то им по закону четверть яйца отпилили бы, и будь здоров — и курица цела, и дед с бабкой сыты. Живи, как говорится, и радуйся, курья твоя голова!

Мишка Рябой

(И. Бабель)

Мишка Рябой жил на Привозе.

Об чем может думать человек с кличкой Рябой? Об том же, об чем думает человек с

любой кличкой. Об этом, чтобы заработать на хорошую жизнь.

У Мишки Рябого было на Привозе свое дело. Нет, это были не лошади, это были куры.

— Моня, — говорила ему жена Маня, — с этих кур мы можем иметь только ничего. Мы с них не разбогатеем.

Но если ему, Мишке Рябому, что-то ударит в голову, можете поверить — шишка от этого удара обязательно останется.

Куры неслись регулярно. Маня продавала яйца, но Мишка ждал, что какая-нибудь из этих проклятых кур снесет-таки золотое яйцо. Ему почему-то так казалось. Он об этом когда-то слышал. В детстве ему рассказывали сказку, а он принял ее всерьез.

Они с женой еле сводили концы с концами, и над ними смеялся весь Привоз. Вместо того чтобы воровать или хотя бы грабить, они с женой высиживали яйца.

— У человека должна быть мечта, — говорил Мишка Рябой, и он верил в свои слова. Он любил жену и хотел ей устроить светлое будущее уже сегодня.

Однажды утром он позвал ее в курятник и согнал с насиженного места рябую, как и его кличка, курицу. В пуху и помете лежало золотое яйцо величиной с куриное.

Маня потеряла сознание и больше не приходила в него до вечера. Мишка отнес золотое яйцо назад ювелиру.

— Ну что, — спросил ювелир, — оно принесло вам счастье?

— У человека должна быть мечта, — упрямо сказал Мишка, — и она должна сбываться.

— Да, — сказал ювелир, — но, к сожалению, мечта одного человека чаще всего сбывается у другого.

Он положил золотое яйцо в футляр и только после революции, когда яйцо реквизируют, понял, что оно было поддельное.

Он недолго смеялся над тем, кто его реквизирует. Наутро ювелира расстреляли за спекуляцию.

Приключения Курочки Рябы, происшедшие с ней по заказу Центрального телевидения

Психологическая кинотрагикомедия

(Гр. Горин)

(По русской народной сказке, дополненной Ш. Де Костнером, исправленной Р. Распэ и отредактированной Д. Свифтом)

Сценарий Г. Горина

Постановка М Захарова

В массовых сценах заняты артисты Театра им. Ленинского комсомола, войсковые соединения энского военного округа и персонал птицефабрики номер 6.

Деревенская изба. На стенах бронзовые бра, под потолком хрустальная люстра. Посреди избы — русская печь, облицованная голландскими изразцами.

Крупным планом клюв и задумчивые глаза курочки Рябы (*артист С. Фарада*). Курочка многозначительно подмигивает зрителям. В ее взгляде явно проглядывает второй план.

Входит дед (*артист О. Янковский*). В глазах его боль за судьбы поколений, но в углах глаз добрая усмешка. Дед гладит курочку по шее. Курочка отважно смотрит в глаза деда и кудахчет нечеловеческим голосом. В кудахтанье явно слышен подтекст. Дед опасно оглядывается по сторонам и тихо произносит:

— Думай, курочка, когда говоришь то, что думаешь.

В бешеном танце в избу влетают монстры, монстрики, монстрилы и монстрелята (*хореография В. Манохина*).

С печи слезает бабка (*артистка И. Алферова*). Подол бабкиного сарафана (*автор В. Зайцев*) цепляется за печку, обнажая длинные, красивые бабкины ступни. Дед хватает бабку на руки и уносит ее за печку. Оттуда доносятся нечленораздельные звуки. Это бабка с дедом двигают мешки с картошкой. Курочка квохчет, давая понять, что ей не по душе распушенность деда и бабки, и в отместку сносит золотое яйцо в хрустальную вазу.

Влетают монстры. Завязывается песенно-танцевальная борьба за яичко. Дед ударяет яйцом по печке. Печка разваливается. Монстры смеются и исчезают.

Из-под обломков печки выбегает мышка (*артист А. Миронов*). Танцует с Курочкой Рябой танец страсти. Скучно глядя веселым глазом в камеру, поет: «Я мышка, хвостиком бяк-бяк-бяк, яичко со столика шмяк-шмяк-шмяк». Грациозно спихивает задней ногой яичко со стола.

Яичко падает, пролетая над Копенгагеном, Москвой, и разбивается где-то под Рязанью. Веселые рязанцы танцуют свои испанские танцы. Крупно — плачущие лица деда и бабки. Море слез. Вдали белеет парус, «такой одинокий» (*на музыку Г. Гладкова*).

Курица смешно клюет деда в то место, где у нормальных людей находится поясница, и кудахчет бабке: «Не горюй, бабуся, сейчас в магазинах полно диетических яиц».

Звучит выстрел — это мышка застрелилась из мышеловки.

Бабка с дедом танцуют в светлое будущее.

Курочка Ряба грустно смотрит им вслед, понимая, что русской народной сказке — конец. А Г. Горин — молодец.

Куриная рябь (*Арк. Арканов*)

Меня разбудил ранний звонок.

Часы показывали двенадцать дня. «У кого-то бессонница», — подумал я и взял трубку.

Звонили из журнала «Юность»:

— Аркадий Михайлович, вы когда-то очень хорошо написали о Гарри Каспарове, поэтому просим вас написать для нас современный вариант «Курочки Рябы».

С этого все и началось.

Однажды моя половина прибежала домой крайне возбужденная, схватила мою записку — 6387 руб. 60 коп. — и кинулась вон из квартиры. В воздухе остались обрывки фраз:

«Там... в магазине... золотые яйца... дают...».

Я, Аркадий Михайлович Арканов, член СП СССР, имею одного ребенка, не женат, живу в доме, где внизу расположен магазин «Диета». Директор этого магазина регулярно звонит мне и сообщает о том, чего нет в магазине. На этот раз он не позвонил, значит, случилось что-то невероятное.

Медленно, не теряя достоинства, будто боясь расплескать ценную влагу, я пошел в магазин. Там, в отделе «Рыба», продавались золотые яйца. Первыми в очереди стояли какие-то дед и бабка. Им не терпелось поскорее купить яйца. Думаю, они тут же начнут разбивать их на счастье.

За ними стояла мышка, а за ней тянулся огромный хвост. Я пошел вдоль хвоста. Очередь выходила из магазина и тянулась по Садовому кольцу. По пути она проходила сквозь магазин «Мелодия», где я тут же купил замечательного Майлса Дэвиса, несравненного Дэйва Брубэка и великолепного Каунта Бейси.

У Зала имени великого композитора П. И. Чайковского в очереди стояла моя жена. Она предложила встать с ней рядом, но я не хотел пользоваться протекцией и пошел дальше. Вдогонку неслись обрывки фраз: «Ать... уть... ить... ять...».

У Театра так называемой Сатиры в очереди стояли А. Ширвиндт, М. Державин и З. Высоковский. Они сделали вид, что не узнали меня. И не поздоровались. Я сделал вид, что узнал их, и поздоровался.

В кафе Дома литераторов, куда привела меня очередь, я взял два кофе и сел за столик. Второй кофе я взял неспроста. Я по натуре мистик и знал, что они появятся, герои моего романа — Вовец и Бориско.

Не прошло и минуты, как они сидели рядом. Мы молчали. Вернее, Вовец говорил, не переставая пить, в том числе и кофе. Бориско от кофе отказался, хотя никто ему и не предлагал. Он взял себе минералку, утверждая, что, если утром попить воды, в желудке начинает бродить. И от этого он, Бориско, получает кайф.

Следуя за очередью, я переместился в ресторан ЦДЛ и заказал Лиде цыпленка табака. Курица оказалась Рябой. По спине у меня поползли мурашки величиной с куриное яйцо. Это Лида принесла счет. Я поднялся в зрительный зал. Очередь шла через сцену. Пришлось выступать. Прочел «Бухгалтеров». Зал, благодарный мне за краткость выступления, устроил овацию. Когда овация кончилась, была осень. Я вышел на улицу. Крупные хлопья снега падали на апрельскую землю, и щедрое июльское солнце высушивало тут же осенние лужи. Начинался XXI век. Женщина, с которой я когда-то целовался по переписке, сказала, что очередь переформирована в демонстрацию по поводу окончания тысячелетия. Я пошел домой. На столе лежало золотое яйцо, сваренное женой вкрутую. Я сел на пол, вспомнил «Южное шоссе» Кортасара, взял в правую руку авторучку и написал этот рассказ левой ногой.

Подавитесь!

(М. Жванецкий)

Что интересно, что министр яично-куриной промышленности у нас дед, но чувствует себя прекрасно. *(Странно, обычно эта фраза всегда проходила. Давайте я ее прочту еще раз, но помедленнее.)* И что интересно, что министр яично-куриной промышленности у нас дед, но чувствует себя прекрасно. *(Ну и публика!)*

Конечно, у него там, за забором, нет никаких проблем. А мы здесь, стоя в очереди, должны решать, что было раньше — курица или яйцо. Раньше? Раньше все было.

У них там бабки, курки, яйки, а ты себя чувствуешь мышкой, которая стоит в очереди за Жучкой и внучкой. У них там, за забором, играет музыка, что-то запивают сырыми яйцами и решают, где нам нестись. А я считаю, что нестись нужно только тогда, когда не можешь идти медленно.

Они там, за забором, веселятся, а мы здесь видим, как оттуда летят кости табака, и хотим спросить: «А не нужны ли вам юмористы?»

Пусть не все, а только сатирики! Пусть не все, а только самые талантливые! Пусть не все, а только один. Такой небольшого роста, но сильно беспомощный. Вы догадываетесь, кто это?

Так вот, если его впустить внутрь, хорошо покормить и прислонить к теплой груди, с ним о многом уже нельзя поговорить:

— Нормально, Жванецкий?

— Отлично, Михаил!

Чушь курячья

(А. Иванов)

*Дед бил-бил, не разбил.
Баба била-била, не разбила.
Мышка бежала, хвостиком махнула.
Яичко упало и разбилось.
Дед плачет, баба плачет...*

Сказка «Курочка Ряба»

Посмотрим, что тут, в сущности, случилось.
Скандал, как говорится, налицо.
А что стряслось? Всего-то лишь разбилось
Какое-то поганое яйцо.

Позвольте, но они же сами били,
Пытаясь золотишко раздолбать.
Разбив яйцо, об этом позабыли
И почему-то начали рыдать.

Курячья чушь, глупейшая идея.
Не стоит даже говорить о том.
Бездельник дед, а бабка — прохиндейка,
А мышка — тварь, и серая притом.

Тут автор сказки будто в лужу дунул,
Сознавшись в том, что полный идиот.
Мне возразят: «Ее народ придумал».
Народ? Возможно. Но какой народ?

Десятки лет, а может, даже сотни
Мусолят эту сказку тут и там.
На кой она вообще сдалась сегодня?
Да пусть она идет ко всем курам.

И вдруг я понял, вот что получилось:
Пусть сказка бред, и пусть сюжет не нов.
Она лишь для того на свет явилась,
Чтобы на ней кормился Иванов!

Посмотрим, что тут, в сущности, случилось. Скандал, как говорится, налицо.

А что стряслось? Всего-то лишь разбилось Какое-то поганое яйцо.

Позвольте, но они же сами били, Пытаясь золотишко раздолбать. Разбив яйцо, об этом позабыли И почему-то начали рыдать.

Курячья чушь, глупейшая идея.

Не стоит даже говорить о том.

Бездельник дед, а бабка — прохиндейка, А мышка — тварь, и серая притом.

Тут автор сказки будто в лужу дунул, Сознавшись в том, что полный идиот. Мне возразят: «Ее народ придумал». Народ? Возможно. Но какой народ?

Десятки лет, а может, даже сотни Мусолят эту сказку тут и там.

На кой она вообще сдалась сегодня?

Да пусть она идет ко всем курам.

И вдруг я понял, вот что получилось: Пусть сказка бред, и пусть сюжет не нов. Она лишь для того на свет явилась, Чтобы на ней кормился Иванов!

ГЛАВА IV
ПОВЕСТИ

ГЛАВА IV
ПОВЕСТИ

Любовный Бермудский треугольник

Есть такой анекдот: один мужик был женат и имел любовницу. Настало лето, отпуска у него не было. Жена хотела отдохнуть, и любовница вдруг пристала: «Не могу больше находиться в этой жаркой и пыльной Москве». Он взял обеим путевки в один и тот же санаторий. Они же друг друга не знают, так что пусть отдыхают.

Проходит двадцать четыре дня. Они обе возвращаются. У жены фотография групповая. На ней среди всех прочих и любовница. Он спрашивает жену:

— А вот это что за женщина симпатичная такая?

Жена говорит:

— Такая женщина веселая — мы с ней подружились, жизнерадостная такая, со всеми интересными мужчинами встречалась, у нее столько поклонников было.

Муж покраснел, поехал на другой день к любовнице. У той такая же фотография, а на ней среди прочих его жена.

Он спрашивает любовницу:

— А это что за женщина симпатичная такая?

— Ой, — говорит любовница, — такая женщина скромная, как приехала со своим мужем, так с ним и уехала.

Вот такой анекдот. В жизни бы не подумал, что этот анекдот про меня. Однако в действительности все получилось почти по анекдоту. Дело в том, что у меня, как и у того персонажа из анекдота, есть жена и есть любовница. Жена — милейший человек, мы с ней прожили без малого десять лет. Она не злая, не транжирит моих денег. Скорее наоборот, я могу начать тратить налево и направо. А она трижды подумает, прежде чем какую-нибудь тряпку купит. Я даже люблю наблюдать за ней, как она в магазине стоит и решает — быть или не быть, то есть брать или не брать, померит, уйдет, потом вернется, долго стоит, подержит в руках, повесит на вешалку, опять уйдет и опять вернется. Если купит, долго потом сокрушается, что не то купила, если не купит, долго потом мучается, что не взяла.

Она так и говорит: «Лучше ты мне сам купи — у тебя быстрее и лучше получается». Потому что я подошел, понравилось — купил.

А она три раза померит, изведет себя и не купит. Дорого покажется. В общем, бережливая.

Не могу сказать, чтобы она была слишком кокетлива. Нет, конечно, пока она за меня замуж не вышла, она погуляла. Но это был поиск, а не разгул. Хотелось замуж — вот и искала. До тех пор, пока ей на шею этот подарок не свалился. То есть я — Василий Сергеевич Алексеев. Разрешите представиться — мне тридцать шесть лет. Хорошо до невозможности.

И вот поженились мы. Не могу ее ни в чем таком упрекнуть. При мне никому глазки не строила, хотя на нее мужчины внимание обращают.

Вообще, это интересное дело, когда женщина глазами не стреляет, к ней особенно не пристают.

То есть она позывные не посылает, и, значит, корабли этого маяка не видят и навстречу ему не плывут.

То ли дело подруга моя, Лидушка, — за ней просто вереница мужиков. Ни один мимо

просто так не пройдет. Манок в ней какой-то есть. То ли улыбка блудливая, то ли волны от нее какие-то распространяются. Пристают к ней мужики, и все.

Я сам так на эту приманку клюнул. Я к тому времени уже «новым русским» заделался. То есть был я до перестройки компьютерщиком, тихо себе работал, программы создавал.

А тут эта разруха нагрязнула. Понял я вовремя, что вот-вот рухнет моя материальная база в родном НИИ. Поднапрягся, и путь мой в капитализм был прост как мычание.

Поскольку директор НИИ мне доверял, то мы при нашем институте открыли небольшую фирмочку, через которую средства государственные и заказы пропускать начали, немного денег подкопили. Деньги эти сообразили не делить, на дачи не тратить, а на деревянные рубли накупили долларов и на валюту компьютеров навезли да сами же себе и продали, то есть своему родному предприятию. Рванули немало, но опять же не кутили. «Мерседесов» не покупали, а все в дело вложили, то есть закупили деревообрабатывающий комбинат и погнали в Европу всякие пиломатериалы. Вилл в Америке не покупали, в казино деньгами не сорили. Были, конечно, у нас и убытки. И в «МММ» погорели, и во «Властилине» приложились.

Налогов огромных не платим, сидим тихо, в разборках не участвуем (крышу хорошую имеем в лице авторитета одного), в политику не лезем. На деньгах деньги делаем. На жизнь хватает, и слава богу. Вот так и живем. Да. Так откуда она у меня, Лидушка-то, взялась...

Ездил я как-то, граждане, отдохнуть в Анталию. Мы народ скромный, на Сейшелы не рвемся. Не потому, что денег нет, а потому, что Анталия ближе. Вода чистая, еда хорошая, сервис ненавязчивый — что еще надо. А женщины самые лучшие, то есть наши, российские. Вот сидит она, красавица, у бассейна передо мной. Хороша необыкновенно.

Час сидит, два сидит, на меня не смотрит, но на третьем часу, чувствую, пора знакомиться, потому что вижу, немчура уже кругами возле нашей русской красавицы ходит.

Подходы мои особым изяществом не отличаются. Но я давно понял: если ты женщине приглянулся, то хоть с чего ни начни, все удачно будет, а если ты ей не понравился, то чего ни придумай, все мимо дела окажется.

И вот сидит она напротив меня и вроде бы книгу читает, пригляделся, а книга у нее вверх ногами лежит, так что же она в этой книге видит? Короче, думал, думал и ничего лучше не придумал. Говорю: «Вам соку не принести?» Она говорит: «А почему бы нет?» Я пошел за соком. Там, у бассейна, бар был. Как назло, очередь — человека три. Небольшая, но долгая. Я все время на нее, на Лидушку, поглядываю. И вот, представляете, к ней все время кто-то подходит и заговаривает. Я дергаюсь, этот турок еле отпускает.

И вдруг я вижу: к Лидушке подходит здоровый, черноусый и предлагает коктейль. И она его берет.

Этот черноглазый стоит рядом с ней и что-то ей заливает, а я со своим соком уже и не нужен. Тут я не выдерживаю и говорю турку:

— Ну ты, козел, побыстрее не можешь?

И тут этот турок говорит:

— Могу, а за козла ответишь.

Наш оказался, из Сухуми. Мы с ним посмеялись. Я покупаю, кроме сока, еще персиков, орешков, пирожные, конфеты и иду к ней, к Лидушке. И она благосклонно все это принимает и вместе с этим черноглазым начинает все это поедать, но куда денешься, его уже не прогонишь, приходится ему говорить: «Плиз, сэр». И этот чернокожий начинает так лопать мои пирожные, что у меня остается только одно преимущество — мой великолепный

русский язык, опора моя и надежда в этой бурной заграничной жизни. Потому что этот чернощекий ни слова по-русски не знает. Лидушка на ихнем тарабарском тоже ни бум-бум, а по-английски мы все трое на уровне «зе фазер» и «зе мазер». Вот я и не спешу, молчу. Жду, когда они наговорятся.

А там все эти «ай эм глэд» и «файн» уже закончились, и тут я включаю свой фонтан красноречия, поскольку дня два ни с кем не говорил и скопилось много невысказанного.

И теперь уже Лидушка, утомленная мозговым напряжением от иностранного, переключается на меня, и чернобровому делать нечего. Он раскланивается и уходит.

— Я еще подойду, — грозит он напоследок по-английски, а может, наоборот, обещает не подходить. У меня с английским не очень хорошо. «Да» и «нет» путаю.

Говорил мне Карл Маркс: учи иностранный — это еще одно средство борьбы за существование.

Хорошо ему было — его Энгельс кормил, а нам не до языков было — мы материалы съездов учили да его дурацкий марксизм.

Это я уже Лидушке говорю. И она со мной полностью согласна.

Слово за слово. Лидушка рассказывает, что она микробиолог, что не замужем, сыну девять лет. В общем, обычная история. Вечером мы с ней идем на концерт. Здесь каждый вечер аниматоры работают. Садимся на лавку в амфитеатре, начинается представление кого-то там на сцене. И вдруг рядом с Лидушкой, с другой стороны, появляется этот жгучий брюнет, садится и начинает с ней мило ворковать. Мне уже все это не смешно. Минут через десять я затосковал и говорю:

— Я вам не мешаю?

— Пока нет, — говорит она и смеется.

Я сижу, заканчивается эта анимация. Все встаем, под заключительную песню делаем какие-то телодвижения. Идем в бар возле бассейна, сидим, пьем чего-то. Плачу, естественно, я, сухумец мне подливает:

— Что, браток, попал?

Я плачу как джентльмен, а он, ухажер, тоже вроде как джентльмен, но почему-то не платит. Он что-то рассказывает, естественно, по-английски.

Мы напряженно пытаемся понять. Уже головная боль от этого напряжения. По-моему, этот турок и сам не очень понимает, чего говорит. В общем, скоро это все надоедает.

Я наконец говорю ей тихо:

— Может, я пойду?

Она поворачивается ко мне, смотрит долгим взглядом и говорит:

— Я бы хотела уйти с вами вместе.

И все. Тут же сухумец дает счет нашему турку. А мы с Лидушкой улетучиваемся. Берем еще пару коктейлей в вестибюле, бутылку шампанского и отправляемся к ней в номер. Из номера я выхожу уже поздним утром.

А днем, на пляже, я подношу ей шикарный букет цветов. Это у меня обязательно.

Мне было с ней хорошо. И ей, кажется, не слишком со мной противно.

Однажды мы с ней ездили в турецкий ресторан. Ресторан располагался на склоне горы. Вы только представьте себе — вдоль горы спускаются террасы. На террасах столы. А внизу старинная мельница и поток воды, падающей сверху, до сих пор вертит колесо этой мельницы. На самом верху, в этом бурном потоке, лениво покачивая хвостами, стоят в воде огромные форели. Мы выбрали себе по форельке. Сели за стол на террасе, и нам подали

жареную форель, овощной салат и бутылку вина. И все это стоило, как потом оказалось, всего четырнадцать долларов. А за такси, как опять же потом оказалось, мы заплатили все двадцать. Во, загуляли! И мы сидели под деревом, а через его не очень густую крону на нас падали теплые солнечные лучи. Мы с аппетитом ели и пили, я ей рассказывал какие-то смешные истории. Она так красиво смеялась, и тогда ее окликнул какой-то ее знакомый. Откуда он взялся на нашу голову? Когда он ее окликнул, я готов был кинуться на него и треснуть по башке.

Какое он имел право знать мою Лидушку?

Уже «мою», отметил я про себя. Ревность плохое качество. Порождено чувством собственности. Мое — и никому больше не принадлежит. Большое самолюбие также отравляет жизнь, подсказывая порочную мысль: «Он что же, лучше меня?» Почему это на него обращают больше внимания? Подходят какие-то два мужика:

— Лида, как ты здесь? Где ты отдыхаешь?

Откуда они взялись? Почему стоят у нашего стола? Хорошо еще, появились две их подружки и на меня уставились. Потом они все пошли на соседнюю террасу.

— Кто-то из бывших? — равнодушно спросил я.

— Да, один старый знакомый, — сказала Лидушка, поскуцнев.

Мы прекрасно провели время среди этой журчащей красоты, выпили еще бутылку. И еле дождались, когда таксист довезет нас до Лидушкиного номера. А таксист не спешил. Он все время рассматривал Лиду в зеркало. И мне казалось, что вот-вот он предложит мне цену за нее. В конце он сказал: «Какой женщин», — совсем по-кавказски. Наконец мы остались вдвоем в ее номере. Вот уж праздник так праздник: Лидушка отдается так, что сравнить ее не с кем.

Она — женщина сладострастная. Вот такое словцо вспомнил я из старого лексикона. Она чувствует каждую секунду секса, чувствует и ценит. Она очень благодарная любовница. Рядом с ней чувствуешь себя мужчиной.

Я думал, что это юг, море, солнышко сделали ее такой прекрасной. Бывает — приезжаешь потом в Москву, встречаешь свою южную подругу и — где море, где солнце? Все куда-то пропадает на фоне города и забот, но здесь не пропало. Ничто не забыто, никто не забыт — как гласили прошлые коммунистические лозунги.

Когда мы прилетели в «Шереметьево», меня никто не встречал. У нас с женой это не принято.

А ее, Лидушку, встречал какой-то мужчина средних лет.

Она увидела его издали и сказала:

— Меня встречают, не ревнуй — мой старый знакомый.

— Естественно, влюбленный давно и безнадежно.

— Естественно, — сказала она.

Сколько же их, влюбленных в нее?

Она пошла — высокая, стройная, желанная, — я сразу заскучал. Казалось, что она уходит навсегда.

Уже уходя совсем и глядя вперед, она сделала дяде ручкой. Я смотрел ей в спину и понимал, что она уходит навсегда. Ну что ж, надо с этим смириться. Не в первый и не в последний раз кончается мой курортный роман именно так. Будем вспоминать ее с легкой грустью.

Я приехал домой. Меня встретила жена — милая, прекрасная, добрая, чудная и так

далее и, что самое интересное, — любимая.

Я ее действительно люблю, ценю, уважаю. Мне за десять лет совместной жизни не надоело с ней разговаривать, не надоело спать с ней. Мне приятно целоваться с ней, обниматься. Мне с ней тепло, уютно и все понятно.

Когда я ей изменяю, где-нибудь на юге или в командировке, последние дня два я пощусь, чтобы приехать к ней во всеоружии. В этот раз так не получилось. Лидушка выпотрошила меня настолько, что было не до жены. Однако все как-то прошло незаметно. Устал и устал. А на завтра я уже был свеж как огурчик.

Я думал, что Лидушку уже никогда не встречу. Звонить ей не звонил — держался. Но однажды ходил возле ее института, что в арбатском переулке. Ходил часа полтора и встретил ее, так сказать, случайно.

— И что же это вы мне не звоните? — спросила она почему-то на «вы».

— Я не знал, нужен ли я вам.

— Вот позвонили бы и узнали.

— И что бы я узнал? — глупо спросил я.

— Что я по вас скучаю, — сказала она.

Мы пошли на Арбат и там, как молодые, сидели в уличном кафе.

Я довольно равнодушно спросил ее про знакомого, который встречал в аэропорту.

— Я так и знала, что вы из-за него надуетесь. Ну, ничего здесь нет загадочного. Когда я уезжала, я попросила его встретить меня. Не буду же я за такси 350 рублей платить. Я женщина одинокая, небогатая, мне это не по средствам. Я же не знала, что возвращаться буду с вами. Как я могла предполагать, что такое чудо свалится мне на голову? А сообщить ему, чтобы не приезжал, было уже неудобно.

Я молчал. Она поняла, что объяснение недостаточное и необходимо сказать что-то еще.

— Когда-то он предлагал мне выйти за него замуж, но как-то желания не возникало. Понятно?

— Понятно.

Потом мы поехали к ней домой, и она познакомила меня со своим сынишкой.

— Игорек, — сказал он.

— Василий Сергеевич, — сказал я и пожал ему, как взрослому, руку.

— А я знаю, кто вы, — сказал он.

— Кто?

— Мамин хахаль, — сказал он.

— ТЫ что это говоришь? — всплеснула руками Лидушка и не смогла сдержать смеха. Потом заторопилась на кухню. — Я пойду приготовлю поесть. Вы познакомьтесь поближе.

— Давай играть в войну, — сказал он мне. — Ты прячешься, а я тебя ищу.

Я спрятался за шкаф, а он стал меня искать. Нашел. Я сел на стул. Он подошел ко мне с пластмассовым автоматом и сказал:

— Дядя, ку-ку! — И когда я повернулся к нему лицом, он врезал по этому лицу прикладом автомата, приговаривая: — Вот тебе, фашист проклятый.

Тут уж я не выдержал, схватил его за ноги и поднял вверх. Его лицо оказалось на уровне моих колен, и он со всего размаха заехал мне кулаком в пах, я не ожидал и, охнув, осел на стул. Хорошо еще, что не выпустил его из рук, иначе бы он голову сломал.

Я решил проучить его как следует. Я уложил его к себе на колени и стал лупить ладонью по попе.

Сначала он сказал:

— Русские не сдаются, — а потом заорал так, что тут же прибежала Лидушка:

— Что здесь происходит?

— В войну играем, — сказал я. — Он ко мне в плен попал. Сцена называется «партизан на допросе».

Пришлось этого поганца отпустить. Он отошел от меня на безопасное расстояние и сказал:

— Ну ты живодер.

Откуда слова-то такие знает? Непонятно.

Мы пошли есть. И этот поганец, этот ядовитый цветок жизни, не успокоился до тех пор, пока не опрокинул мне на ноги горячий чай.

Редкий негодяй. Знал ведь, что при Лидушке я ему по шее дать не могу.

И вот пошла у меня двойная жизнь. Не думайте, что я стал меньше отдавать жене. Нет. Как говорит один мой знакомый, мудрый человек: «Любовь — это такой источник, которого хватит на всех».

Мы встречались с Лидушкой целый год. Практически она у меня была второй женой. Я помогал ей, отовсюду привозил ей подарки, покупал ей платья. Я даже ухитрился ходить с ней в театр и на концерты.

У меня же много разных деловых встреч. А жена у меня довольно ревнивая. Приходилось сочинять.

Надо было всегда помнить подробности этих сочинений. Потому что жена имела обыкновение по несколько раз переспрашивать о деталях моих «деловых встреч». Старался быть убедительным и в тонкостях представлял все, что рассказывал. Во всяком случае, я не собирался разводиться с женой. Ограждал ее от неприятных ощущений и стрессов. Так мы и жили втроем. Мне казалось, что никого у моей Лидушки не было. Да так оно, наверное, и было.

И вот наконец я подход к началу моего рассказа. Считайте, что до того было вступление, так сказать, пролог. А само действие только начинается. Лето. Подходит август. У всех отпуска. Куда ехать? Вот я и придумал: а не поехать ли нам в круиз? Я с женой и Лидушка с сыном.

Какая красота. Не надо будет думать, что Лидушка с кем-то изменяет. Вот она здесь, под присмотром. Конечно, есть сложности. Я с женой на виду у Лидушки. Зато она мир посмотрит, отдохнет. И я ее видеть буду, уж потерпит две недели. Ну, начали.

Поехали. Не скрою, не только забота об отдыхе Лидушки с сыном беспокоила меня. А в большей степени мысли о том, что она будет делать на отдыхе без меня. Есть такие люди, редкие, им начхать, что их любовница делает без них. Я точно не из их числа. Я без нее в этом круизе просто изведусь. Все время буду думать, что за ней кто-то ухаживает. Буду смотреть на Парфенон, а видеть, как на фоне этого великого памятника древности какой-нибудь древний грек обнимает мою Лидушку. Мне будут в Турции Голубую мечеть показывать, а я вместо мечети такое увидеть могу, что туркам мало не покажется.

Вот я и купил ей каюту двухместную. Мы заранее все обсудили. Я ей честно сказал, что еду с женой и, конечно, будут трудности. Я и моя жена все время у Лидушки на виду, но, поскольку я по Лидушке скучать буду, почему бы не поехать вместе. Тем более что маршрут замечательный: Рим, Ницца, Барселона.

— Отдохнешь, — говорю я ей, — мир посмотришь. Будем делать вид, что незнакомы, —

сказал я, совсем забыв, что мальчонка ее, Игорек, знает меня как облупленного.

Лидушка подумала, подумала и согласилась на эту аферу. А что не согласиться? Все бесплатно. Ну, буду я с женой. Подумаешь, жена, она и в Риме жена. Она весь год незримо присутствовала. Жена, как говорят в народе, не буфет, не отодвинешь. «В конце концов, буду отдыхать, — подумала Лида, — морем наслаждаться, новыми городами любоваться».

Вот и поехали. Значит, я с женой Ниной, Лидушка с сыном Игорьком и «крыша» моя, Рубен Петрович, со своей подружкой. Вы только не подумайте, что «крыша» — это такой амбал стриженный с перстнями на руках, обложивший рэкетом палатки. Нет, это вполне цивилизованный человек. Может быть, он когда-то кого-то и обкладывал и ходил в тренировочном и кроссовках. А теперь он вполне уважаемый. Ходит в «Версаче», имеет легальный торговый бизнес и дома в разных странах.

Девушка у него, естественно, выше его и молчаливо сосредоточена, такое ощущение, что все время деньги считает. А он, естественно, с двумя мобильниками и во всех точках мира решает по телефону дела и время от времени орет в трубку:

— Как не поставили? Наезжай на него! — и т. д. Но меня он любит и относится ко мне не как к клиенту, а как к дружбану, по работе мне помогает, и вообще уже чуть ли не младшим партнером меня считает и, как он сам выражается, «пасть за меня кому хочешь порвет». Но есть вещи совершенно неискоренные в этой породе людей, понтовитость, от которой они отделаться не в состоянии. «Могу за всех заплатить». «Могу рассказать, как я всех делал». «Как в молодости от ментов ушел».

И платит, и рассказывает. Но об этом еще впереди. Сели в самолет, отстояв огромную очередь. Рейс чартерный. Долго проходили таможеню. Всех долго досматривали. Затем пограничники нас держали. Вы, кстати, замечали: у нас на границе в Шереметьеве сколько бы народу ни было, а пропускать всех будут через одну кабину? Остальные закрыты на вечный обед. У Рубена Петровича, естественно, документы особые, а значит, с ним обязательно волынка на границе. Девушке его что-то не так оформили — то ли она российская подданная, то ли израильская. В Россию влетела по израильскому паспорту, выехать хотела по российскому. Таможенники в связи с этим все вещи у «крыши» перерыли, искали, не везет ли бриллианты, и деньги все пересчитали.

— Слушай, — сказал он, — зачем пересчитываешь, позвони лучше полковнику Воробьеву. Он тебе скажет про меня.

И действительно, стали звонить Воробьеву, а он рекомендовал пропустить Рубена Петровича. Потом брали под козырек перед «крышей». Что уж там этот Воробьев такого сказать мог? Извинились. Пропустили. Наконец сели в самолет. Полетели. Я с Лидушкой не разговариваю, даже не смотрю в ее сторону. Как говорится, в упор ее не вижу. Летим себе по отдельности. «Крыша» всех удивляет своей покупательской способностью. Когда на тележке беспощинные товары повезли, скупил полтележки. А как не купишь, когда его девушка, что ни увидит, на все говорит: «Ой, какая вещичка клевая. Дядька, купи». Он и покупает.

Летим. Вдруг мальчонка Игорек, цветок жизни ядовитый, в туалет собрался. Проходит мимо меня и на весь самолет:

— Здравствуйте, дядя Вася.

— Здравствуй, мальчик, как тебя зовут? — глупо спросил я и тут же вспотел.

— А вы что, забыли, что ли? Игорек меня зовут.

— Да, да, как же, Игорек.

— Я пойду, — сказал Игорек. — Я писать хочу.

— Хорошо, что сообщил, — попытался я пошутить, но улыбка у меня получилась кривая.

— Оттуда этот ребенок знает, что ты Вася? — спросила жена.

— А это мы в аэропорту познакомились, — нашелся я. — Когда я за сигаретами ходил. А жена у меня, я уже говорил, ревнивая и подозрительная.

— Когда это ты за сигаретами ходил?

— Ну, когда, когда приехали, отходил я, а оказалось, за сигаретами.

Доехали до Турции, там попарились в аэропорту. Как всегда, неразбериха, как всегда, очереди в контрольно-пропускных пунктах. Но тут Рубен Петрович оказался на высоте, сунул полсотни какому-то турку, и тут же открыли еще один пункт и быстро всех нас пропустили.

Доехали наконец до парохода. Уютный такой, аккуратный, белый пароходик. И название такое поэтичное — «Одесса-сонг». Сонг — песня. Народ подобрался самый разнообразный. Компания артистов, значит, будут нас развлекать. «Крутых» человек двадцать. Остальные — молодежь, дети «крутых», затем родители «крутых». И пожалуй, треть тех, кто весь год копил на отпуск. А как еще туда по-падешь? Полторы тысячи баксов на человека.

У Рубена, как всегда, все не как у людей. Его вселили в каюту не по рангу. Он на меня набросился:

— Что ты мне взял? Ты какую каюту мне взял?

— Первый класс.

— А что, люксов не было?

— Да ведь вы же, Рубен Петрович, то ехали, то не ехали, то одно хотели, то другое, в результате оба люкса уже заняты.

— Да я, — стал раздуваться Рубен, — да я весь пароход куплю. Пойди к капитану, скажи, я весь пароход беру в аренду.

— Но со следующего рейса. А сейчас только первый класс.

— Первый класс тоже бывает разный, — уже более миролюбиво заявил Рубен.

Пришлось мне пойти, договориться с администрацией, и Рубен Петрович со своей подружкой перешли на верхнюю палубу — новая каюта была больше на метр.

Расселились. Мы с женой на первой палубе, Лидушка с сыном на второй.

В ресторане я выбрал такой стол, чтобы мне видно было Лидушку. Конечно, я не предполагал, что жена моя познакомится с Лидушкой. Но жизнь распорядилась по-своему. Уже в первый день на пляже у бассейна они оказались рядом. Разговорились, по-нравились друг другу. Лидушка веселая, общительная, жена моя более сдержанная, но тоже симпатичная.

Смотрел я на них издали и думал: «А губа у меня не дура».

В первый вечер было знакомство с командой, а потом концерт — представление артистов. Собрались в музыкальном салоне. Оркестр заиграл «Капитан. капитан, улыбнитесь». Вышли под этот марш сам капитан, помощники его и кок, вызвавший почему-то бурные аплодисменты.

Капитан всех представил. Особенно хороши были два помощника капитана: высокие, стройные, в белоснежных кителях. Хороши до невозможности. Будто с открытки «Люби меня, как я тебя». И сразу у всех женщин мечтательное выражение лица. И не только Лидушка, но, самое интересное, и жена моя Нина загляделась на них. И, судя по взглядам,

помощники тоже заметили моих красоток. Или мне это показалось?

Потом артисты выступали, официанты обносили гостей шампанским. Весело. Суточно. И конечно же. после концерта танцы.

И так теперь будет каждый день — и концерты, и танцы.

А Лидушка — она с ребенком. Один вечер с ребенком на палубе простояла, глядя в море на закат. Второй вечер — опять море, опять закат. А народ веселится. И мы со своей компанией тоже веселимся. Сидим в музсалоне. выпиваем, анекдоты травим, танцуем. А она одна, Лидушка, при своем веселом характере. Я иной раз выйду на палубу покурить, а подойти к ней не могу. Погляжу издали, как Штирлиц на свою жену, и назад к своей жене.

И вот однажды стоит Лидушка на своем месте, а к ней подваливает мужик какой-то. Веселый такой мужик. Заговаривает с ней. Не нахально, вежливо заговаривает. Слово за слово. Приглашает ее в муз-салон шампанского выпить.

Она, Лидушка, думает: «А почему нет? Ничего в этом плохого не вижу».

И вот он, зовут его Володькой, приводит Лидушку в музсалон и усаживает ее — куда бы думали? — правильно, за наш столик. Потому что сам уже был в нашей компании.

А тут мы. Я с Ниной, Рубен с Леной. Володька говорит:

— Познакомьтесь.

С Ниной Лидушка уже знакома. А со мной нет. Познакомились. Она Лида, я Василий. Посидели, выпили, потанцевали. Рубен все время демонстрировал красоту своей души, подзывал официанта и кричал громче музыки:

— Всем шампанского!

Лидушку все время кавалер ее Володя приглашал. И она с удовольствием танцевала. Да так танцевала красиво, что все на нее внимание обращали. И у меня какое-то хорошее чувство гордости появлялось. Вот никто не знает, а она же, эта красавица, — моя.

Закончился вечер, мы по каютам пошли. Лидушка с кавалером на палубе еще постояла.

Потом он, кавалер, провожать ее до каюты отправился. Ей неудобно так взять его и отшить.

Дошли до каюты (это я потом уже обо всем узнал), он, Володька, и говорит:

— А какая у вас каюта?

— Двухместная.

— А сколько стоит?

— Да вот столько-то.

— А можно посмотреть, со своей сравнить?

— Там ребенок спит.

— А мы тихонько, только гляну, и все.

Неудобно было отказать. Зашли. Мальчонка спит.

Постояли тихо. Он говорит:

— Если я чего не так сделаю, поправьте меня, — и пытается ее поцеловать.

Она говорит:

— По-моему, вы что-то делаете не так, — то есть поправляет его.

Он говорит:

— Понял, не дурак. Может, еще погуляем?

Она говорит:

— Нет, поздно уже. Спать пора. — На этом и расстались.

А на другой день я этому Володьке, на нашу голову неизвестно откуда свалившемуся,

ненавязчиво так говорю:

— Ну как у тебя дела с этой блондинкой?

— С какой?

— Да с той, которую ты вчера провожать пошел. Симпатичная такая женщина.

— Все, — говорит, — на мази. Вчера у нее в каюте был. Думаю, все будет нормально.

Туг у меня в глазах потемнело.

— Не может быть, — говорю.

— Как это, — говорит Володька, — не может? Зашли к ней в каюту, но там, понимаешь, мальчонка спал. А то бы... Да ты пойми, они все сюда развлекаться едут. Нет, она женщина, конечно, порядочная, то есть, я думаю, денег не возьмет. Но хороша!

— Хороша, — согласился я мрачно.

— А ты, — говорит Володька, — чего это помрачнел?

— Да так, — говорю, — живот схватило.

А дальше — идет она мне навстречу по коридору. Нет вокруг никого, а я с ней даже не здороваюсь. Она удивилась, догоняет меня и спрашивает:

— В чем дело?

— В том, — кричу я шепотом, — что ты позоришь меня! — вырываю свою руку и убегаю.

День проходит, я в ее сторону не смотрю. А у нее и возможности нет отношения со мной выяснить. Я все время с женой да с Рубеном. Наконец она через день все же встретила меня в пустом коридоре и говорит:

— Может, ты все же объяснишь, в чем дело? Что происходит?

Я ее хватаю, тащу в ее каюту.

— Позоришь меня!

— Как я тебя позорю, что я такого сделала?

— Ах, ты не знаешь? А что с этим Володькой у тебя?

— Да что у меня с ним может быть?

— Он у тебя в каюте был?

— Был.

— Что же еще надо?

И тут этот мальчонка, Игорек, в каюту врывается:

— Мама, мама, там дельфины в море.

Я говорю:

— Иди, Игорек, передай привет дельфинам.

— А ты не командуй здесь! — заявляет Игорек.

Мама вмешивается:

— А ну не груби! Иди и передай дельфинам.

— Что передать? — не понимает Игорек.

— Привет от дяди Васи.

Мальчик показывает мне кулак и убегает.

— Значит, был? — не унимаюсь я.

— Был. Он попросился посмотреть каюту, что я могла ему сказать?

— Что? Что ребенок спит.

— Я так и сказала.

— А ребенок был?

— Был.

— А может, не был?

— У него спроси, если мне не веришь.

И тут этот сорванец опять влетает:

— Там киты плывут, передать им от вас привет, дядя Вась?

— Передай.

— А там еще жена ваша на китов смотрит, ей передать от вас привет?

Мама говорит:

— Игорь, прекрати, иди и передай привет только китам.

Мальчишка ушел, а я не могу остановиться:

— Как ты смеешь?

— Да что я такого сделала?

— Он приставал?

— Попытался, я тут же его отшила, и все.

— Что ж ты за женщина такая, к которой первый попавшийся мужик в каюту вошел?

— Это, между прочим, твой приятель, и ничего у нас с ним не было.

— Слушай, я тебя взял сюда не для того, чтобы ты у меня на глазах заводила шашни.

В это время в каюту опять ворвался Игорек и закричал:

— Дядя Вася!

— Ну что там еще, акулы?

— Нет, дядя Вася, там мороженое, я одну девочку хочу мороженым угостить.

Мороженое два доллара стоит.

Лидушка закричала:

— Не смей попрошайничать!

— А я что, не человек, что ли? — сказал Игорек, имея в виду, наверное, то, что он тоже от мороженого не отказывается.

— Возьми, — сказал я, протягивая ему пять долларов, — и чтобы я тебя здесь больше не видел.

Игорек взял деньги и тут же скрылся.

— Что ты мне нервы треплешь, ты что, не понимаешь, что я в зависимом положении — ты свободна, а я привязан, ты там с ухажерами, а я ни к кому ни подойти, ни поговорить не могу. Мы с тобой играем не на равных.

— Точно, не на равных. Ты с женой, а я одна. — Она подошла ко мне и обняла за шею.

И тут в каюту ворвался ребенок, я не выдержал и заорал:

— Ну что еще?!

— Ваша жена спрашивала, не видел ли я вас?

— Ну и что ты сказал?

— Что видел.

— Как — видел? — возмутился я.

— Я сказал, что видел вас вчера.

Этот парень решил довести меня до инфаркта.

— На тебе еще десять долларов, купи мороженого двум девочкам и передай приветы всем китам, дельфинам и акулам.

— А вашей жене? — издевался он надо мной.

— Иди, и чтоб тебя здесь полчаса не было.

— Раскомандовался! — буркнул Игорек и ушел.

Лидушка спросила уже миролюбиво:

— Не пойму, почему ты так завелся.

— Потому что этот Володька мне сказал, что у него с тобой все на мази.

— Не может быть.

— Да. Он сказал, что у него с тобой все в порядке и вот-вот...

— Он просто негодяй, я не давала ему ни малейшего повода, поверь мне.

И она рассказала подробно, как было дело.

— Ты представляешь, — сказал я, — каково мне было слушать его?

— Прости. — Она поцеловала меня, и мы оба рухнули на постель.

На другой день поднимались мы на гору Акрополь полюбоваться развалинами Парфенона. Не все решились в гору идти для того, чтобы приобщиться к культурным ценностям. Не все решили породниться с древними развалинами. Рубен с Леной, они внизу остались под горой в ресторане.

Рубен и меня звал, а когда я отказался, сказал:

— Мы за тебя покушаем, а ты нам потом про всю историю расскажешь.

И вот ползем мы с Игорьком за ручку в гору. Впереди шагах в десяти вся группа идет, перед нами два родных силуэта, жена моя Нина и Лидушка. Они теперь подружки и все время вместе. Смотрят, обсуждают.

Игорек мне говорит:

— Ну, вы, дядь Вась, попали.

— Почему это я попал?

— Они же теперь подружки.

— Ну и что?

— Ничего, — говорит Игорек многозначительно, — мне-то что, вам расхлебывать, а мне мороженое есть пора.

— Ох ты и вымогатель, — смеюсь я, но пять долларов ему даю.

Игорек берет пять долларов и хитро так говорит:

— А вам какая больше нравится, левая или правая?

— Крайняя, — говорю я.

— Они обе крайние, — говорит он, смотрит и добавляет: — По-моему, у вашей ножки полноваты.

— А ну беги за мороженым, — командую я.

— Не, вообще-то они обе ничего, — говорит он, — видите, как на них дядьки заглядываются, — и убегает за мороженым, а я действительно вижу двоих дядек. Знакомые лица — два морских помощника, все в белом, те самые, с нашего корабля, глаз с моих женщин не сводят. А даже пытаются приблизиться к ним.

Однако дамочки ведут себя независимо и приблизиться к себе на опасное расстояние не позволяют. Все время отдаляются от ухажеров.

«Молодцы», — думаю я и на всякий случай сокращаю расстояние между мной и женщинами.

И тут вдруг этот поганец, Игорек, подбегает к офицеру и говорит:

— Дядя, дай кортик посмотреть.

А дядя, естественно, с удовольствием вынимает кортик и дает мальчику посмотреть. Но я на стреме, хватаю Игорька за руку и тащу его вперед, к вершине.

Там мы слушаем объяснения экскурсовода, и именно там я услышал замечательный ответ нашего туриста. Когда экскурсовод, рассказав о лабиринте и Минотавре, спросила:

— А вы знаете, кто убил Минотавра? — один из наших туристов ответил:

— Конечно, знаем, братья Вайнеры.

На обратном пути уже у подножия горы на нас набросились бывшие наши соотечественники, греки, уехавшие на свою историческую родину, стали предлагать нам шубы. От первых двоих греков мы отмахнулись. Но третья — женщина — так обаятельно наехала на моих подруг, что мы вчетвером, да еще прихватив Рубена с Леной, едем в меховой магазин. Рубен покупает своей ненаглядной сразу две шубы. Самых дорогих. Нина с Лидой долго выбирают, долго меряют, мы с Игорьком сидим возле большой бутылки «Метаксы». Я попиваю коньячок, Игорек — чай. Нина все-таки нашла себе шубку из норки. Я глянул на Лидушкино лицо. Конечно, противно, когда рядом женщины покупают шубы, а ты нет. Поэтому я стал уговаривать Нину шубу не брать.

Однако Нина объединилась с Лидушкой, и обе стали уговаривать меня шубу взять. Тогда я сказал Лидушке:

— Если хотите, купите себе шубу, у меня деньги есть, в крайнем случае зайдем у Рубена.

Лидушка оценила мою заботу, но шубу не купила. А Нине пришлось все-таки взять.

Хозяин и хозяйка магазина хлопотали вокруг нас всюду. Еще бы, за какие-то полчаса мы взяли три шубы. Пошли пить «Метаксу», подходим к бутылке, а там Игорек — пьяный. Пока нас не было, он налил в чай «Метаксы», выпил и захмелел. Пока мы подошли, его уже разморило. Сидит пьяненький мальчик, у которого глаза закрываются.

— Ах ты, алкаш, — сказал я ему. — Ты, оказывается, еще и пьяница?

Лидушка причитала над засыпающим сыном. Я взял Игорька на руки, и мы пошли. Уже на улице Игорек прошептал мне на ухо:

— Знаете, кто вы, дядь Вась?

— Кто?

— Вы бабник.

— Но никому об этом ни слова, да? А я тогда никому не расскажу о том, что ты пьяница.

— Никому, — соглашается Игорек и засыпает. А дальше события развивались так. На очередном вечере в музсалоне шел эстрадный концерт. Лидушка пришла несколько позже. А мы сидим все той же компанией. Володя увидел Лидушку, галантно предложил ей место возле себя. Она презрительно посмотрела на него и демонстративно отошла.

Тут же ей уступил место один из тех двоих офицеров. Больше свободных мест не было, и Лиде ничего не оставалось, как принять приглашение. Тут же расторопный офицерик подозвал официанта, и он принес два бокала шампанского. Я, конечно, уставился на Лидушку. Она мне показала глазами, так, мол, вышло, совершенно случайно. И действительно, не придерешься.

Закончился концерт, кстати, очень неплохой. Выступали известные артисты. Они тоже любят в эти круизы ездить. Некоторым, говорят, даже за это платят. Как только концерт закончился, Лида отошла от офицера. Но и подойти к нашему столу не решалась. Тут у нас Володя сидел. И когда Нина сказала: «Давайте Лиду позовем», категорически воспротивился и нарочито громко крикнул официанту: «Всем шампанского!» Хотя, конечно, платить потом пришлось Рубену.

Честно говоря, я этого Володьку видеть уже не мог, но как его прогонишь? Нет повода. Вот и сидим с ним. Откуда он только взялся, я даже вспомнить не могу. Как-то подошел к нам с Рубеном — и вот он уже среди нас, в нашей компании. Короче, Лида к нам подойти не может, и уже теперь я ей глазами показываю, что никак не могу избавиться от этого Володьки. Лиде, по всей видимости, стало неловко, она пошла на палубу.

И тут же к ней офицер подошел. Нормальный парень, не наглый, не нахальный, разговаривает интеллигентно. А вскоре мы всей компанией выходим на палубу, и я вижу, как он с ней интеллигентно разговаривает. Я как увидел их, так шампанским поперхнулся.

Разлили еще шампанского. Нина говорит:

— А давайте все же Лиду позовем.

Позвали. Лида с офицером подошли. Налили и им шампанского. Я какой-то вычурный тост сказал про любовь, после которого у Лидушки лицо кислым стало.

Офицер тоже что-то произнес, типа «За тех, кто ждет на берегу», потом извинился, сказал, что ему на вахту пора. И, прощаясь, добавил:

— Так я вас завтра жду на капитанском мостике. Покажем вашему мальчику все приборы и дадим штурвал покрутить. И всех желающих тоже приглашаю, — и почему-то на жену мою Нину так многозначительно посмотрел.

А я с Лиды глаз не свожу. Интересное дело, как это она уже согласилась на капитанский мостик пойти! Можно сказать, на свидание.

Лидушка стала объяснять как будто Нине, что этот очень вежливый офицер предложил показать Игорьку капитанский мостик. И она согласилась, неудобно было отказываться.

И вдруг этот полупьяный Володька ни с того ни с сего говорит:

— Неудобно штаны через голову надевать.

Все оторопели от этой глупости, а Лидушка зло так сказала:

— Неудобно глупости говорить в вашем возрасте.

— Не учите меня жить! — запетушился Володька. Начинался скандал. Лидушка сказала:

— Извините, я лучше уйду, — и ушла.

Нина за ней побежала успокаивать. Володька вслед:

— Да ладно, подумай, цаца в поисках радости. Не знает, за кого схватиться.

Тут я уже разозлился.

— За тебя, — говорю, — по-моему, она не схватилась.

Он говорит:

— Это только по-твоему.

Я говорю ему:

— За такие слова надо ответ держать.

— Да что ты понимаешь? — продолжает Володька. — Да у меня все с ней на мази было, просто времени не хватило. Да здесь столько желающих, только успевай.

Чувствую, у меня желваки заходили, вот-вот врежу. Еле сдерживаюсь.

А Володька разошелся:

— Да ты посмотри, вот девушки, гляди, какие красавицы. — Он остановил двух симпатичных девиц, налил им в бокалы шампанского, стал угощать. Шутил, хохотал.

И тут как раз Нина моя возвращается.

— Я вам не помешаю? — говорит она. Стала рядом. Разговор стих сам собой.

Нина говорит мне:

— Желаю приятно провести вечер, — разворачивается и уходит.

Я за ней. Пытаюсь объяснить, что это не я, а Володька остановил девиц. Но куда там. Она даже и слушать не хочет, обиделась.

На другой день сижу на палубе под лестницей, наблюдаю за входом на капитанский мостик, и, что вы думаете, немного времени прошло, вижу я, идет Лида с Игорьком, а с ними моя Нина. Вот это сюрприз! Не останавливая их, сижу жду. Они туда, на мостик, мальчику капитанскую рубку показывать. А там уже два офицера ждут. И показывают. А я здесь на палубе сижу, тоже жду. С ума схожу. И тут вдруг подходят ко мне две вчерашние девушки, звать их Рита и Надя. Подсели к моему столику. Сидят, щебечут, а мне-то не до них. У меня охота. Я глаз с лестницы не свожу. Они, девчухи, уже и уйти хотели, однако я не дал им уйти. Пусть, думаю, на меня мои полюбуются. Раз вы так, то и я так.

— Сейчас, — говорю, — коктейли закажу. — И пошел к барной стойке. Вернулся с коктейлями. Сижу с ними, веселю и не заметил, как Лида с Ниной с другой стороны спустились и сели за соседний столик позади меня. Я заливаюсь соловьем, а Нина с Лидой меня слушают. Как это мальчонка сидел тихо, не понимаю, наверное, Лида ему знак за моей спиной сделала.

И вот рассыпаю я перед ними комплименты, чтобы Нина с Лидой меня с ними увидели. Это я же для них всю эту комедию ломаю. Но откуда мне было знать, что они уже в первом ряду партера сидят и всю эту комедию наблюдают.

И вот я вдруг оборачиваюсь среди оживленной беседы и просто столбенею. А Игорек, цветок этот ядовитый, такую гримасу скорчил и говорит:

— Дядя Вася, что это у вас лицо такое испуганное?

Я тут же девиц бросил и к своим.

— Как погуляли? — говорю.

— Нормально, — говорит Лида, — мы были на капитанском мостике.

— Ага, — только и смог я сказать.

— А вы как погуляли? — спрашивает Нина.

— А мы, — говорю, — сидели, ждали, когда ваше свидание на мостике закончится.

— Вот оно и закончилось. Ну как вам, интересно было?

— А вам? — с вызовом говорю я.

— Нам очень интересно, — говорит моя жена. — Там такой вид.

— И такие офицеры, — не удержался я.

— Да, — говорит она, — офицеры очень милые и обходительные.

— Вам тоже офицеры понравились? — спрашиваю я Лидушку, а она глаза отводит и краснеет.

— Там очень интересно, — говорит Лидушка. — Мне главное — сыну показать все эти приборы. Игорек, тебе понравилось на мостике?

— Да, — сказал Игорек. — Особенно дяди офицеры. Они такие здоровые. Один меня десять раз на руке поднял. А другой маме порулить дал. Сам сзади стоял, а мама рулила, вы здесь не почувствовали?

— Почувствовал, — сказал я. — Все почувствовал, и что офицеры милые. В общем, хорошо провели время.

— Вы здесь, кажется, тоже не скучали, — говорит Нина.

— Не надо все сваливать на меня, они ко мне случайно подошли, а вы целенаправленно шли на свидание.

— Куда мы шли? На какое свидание мы шли? Мы мальчику шли рубку показывать.

— И на офицеров поглазеть.

— Мы — на офицеров? А кто сейчас говорил этим девчущкам, что они красавицы и, если б не жена, о многом можно было поговорить?

— Подслушивать нехорошо!

— Говорить такое при жене еще хуже.

— Вы две, две...

— Ну, кто мы?

— Потаскушки! — закричал я.

— Ну знаешь! — сказала жена.

— А меня-то за что? — возмутилась Лида.

— Ты, вы, ты... — Я не мог найти слов, чтобы выразить всю свою ярость.

— Ну дела! — сказала Лида.

— Я потаскушка? — возмущалась жена. — Ах так! Потаскушки должны таскаться!

Я больше не хотел слушать, развернулся и убежал. И, уже уходя, слышал голос Игорька:

— Еще ответишь!

В каюте мы с Ниной не разговаривали. Я наконец не выдержал:

— Ты на обед пойдешь?

— Тебя это не касается, — сказала жена.

— Что такое случилось? — возмутился я. — Извини, я сказал плохое слово, в этом я виноват, а в остальном правда, вы ходите к хахалам, а в результате виноват я.

— Я долго терпела, — Нина теперь говорила тихо, но зло, — я долго терпела, я всегда подозревала, что ты мне изменяешь, а сегодня я своими ушами слышала, как ты разговариваешь с женщинами. Это было унижительно для меня, это было унижительно. И я не хочу больше жить с тобой. Ты свободен!

Уходя, она хлопнула дверью. Так сильно хлопнула, что с полки упал спасательный пояс и больно ударил меня по голове.

— Сговорились, что ли? — сказал я сам себе и кинулся к Лидушке.

Лидушка была в каюте с сыном. Я влетел в каюту, сразу дал Игорьку пять долларов и сказал:

— Вали!

— Еще чего! — ответил Игорек. — Я за деньги не продаюсь.

Я молча вынул еще пять долларов.

— Другое дело, — сказал Игорек и ушел.

— Ну попал я с женой, — обратился я за сочувствием к Лидушке.

— Ты не только с женой попал, — сказала Лидушка, — но и со мной тоже.

— С тобой-то почему?

— А ты думаешь, мне понравилось слушать, как ты разговаривал с этими курочками?

— И ты еще смеешь что-то говорить? — возмутился я. — Ты, которая бегала на мостик кадриться с офицерами.

— Не бегала, таскалась. Я ведь потаскушка.

— Да брось ты. — Я попытался обнять Лидушку, но она оттолкнула мою руку:

— Пробросались, сударь, мне пора обедать.

Пришлось уйти.

— Ну попал, — сказал я сам себе.

— Козел! — добавил неизвестно откуда появившийся Игорек.

— Это ты мне? — переспросил я его.

— Нет, другому козлу, — сказал Игорек и убежал.

— Упустили мы молодежь, упустили, — неизвестно кому сказал я и пошел обедать.

А вечером был пиратский ужин, то есть костюмированный бал. Вся команда в пиратских костюмах.

Отдыхающие тоже размалеванные. Кто в чем. Кто русалка, кто Кощей. Музыка гремит. На входе в ресторан с тех, кто не в костюмах, берут выкуп.

Все кричат, шутят, многие уже поддатые. Неразбериха полная. По радио то и дело объявляют, что пираты захватили корабль. Я тоже вырядился в пирата. Надвинул на глаза капитанскую фуражку, в рот взял трубку. И вдруг вижу парочку — жену свою с Лидушкой. Обе оделись проститутками. Вспомнилось мне «потаскушки».

У Лидушки на спине было написано: «Не влезай — убью!» А у жены: «Хочу любви за деньги!» Они обе уже веселые. За ужином давали вино и водку. Между столами ходили артисты и веселили народ. Затем все пошли в музыкальный салон, там начались конкурсы, выступления, танцы.

И я как-то потерял из виду и жену, и любовницу.

А тут еще Володька, с которым я рассориться не успел, все с теми же девушками подоспел. Поддали еще, танцевать пошли.

Я танцевал с Ритой. Миловидная украинская пампушка. Она ко мне в танце прижималась, да и я не сопротивлялся.

Рита сказала:

— Я фотоаппарат забыла в каюте, надо же пофотографироваться.

Пошли за фотоаппаратом.

Спустились на один проем по лестнице. Там какой-то закуток попался. Мы и стали с ней целоваться в этом закутке.

Вдруг чувствую, кто-то тянет меня за ворот рубахи. Поворачиваюсь, а передо мной две «проститутки».

Они — жена и Лидушка.

И вдруг жена разворачивается и влепляет мне пощечину. Я слова сказать не успел, как Лидушка мне заехала с другой стороны, но тоже по лицу.

И обе «проститутки» тут же исчезли. А я стою совершенно обалдевший. Тут уж не до поцелуев стало. Мгновенно протрезвел и пошел на палубу. Походил, поискал и вижу, что жена с Лидой стоят с офицерами и едят как ни в чем не бывало шашлыки у бассейна.

Я на них смотрю, они на меня ноль внимания.

Тут Володька подошел с двумя подругами, Рубен со своей девушкой. Стали есть шашлыки, пить вино. Потом офицеры с моими женщинами куда-то пошли. Я за ними. Один офицер остановился и говорит:

— Что это вы за нами ходите?

Я говорю:

— Не за вами, а за своей женой.

Офицер говорит Нине:

— Это ваш муж?

А Нина отвечает:

— Нет, он мне больше не муж.

Офицер спрашивает Лидушку:

— Может, он ваш муж?

Лидушка говорит:

— В первый раз вижу.

Тут я взбеленился, кричу Нине:

— Ты что, не моя жена? — и кидаюсь к ней, но натыкаюсь на стальную офицерскую грудь.

— А ну отойди! — ору я.

— Не могу, — говорит офицер. — Если бы кто-то из этих женщин признал в вас своего мужа, я бы тут же отошел. Но они этого не сделали, и вы должны оставить нас в покое.

Я кинулся к своему «крутому»: мол, наших бьют.

«Крутой» намотал на руку ремень, и мы втроем кинулись искать офицеров. Но тех уже и след простыл. Сели у бассейна, я изложил Рубену ситуацию.

Он сказал:

— Убью! Я тебе говорил, они все лесбиянки.

К чему это он, я так и не понял. Обошел весь пароход. Нигде никого не нашел. Пошел ждать в каюту. Сидел, ждал. Не выдержал, побежал к Лидушке. Дверь открыл Игорек.

— Что, попался? — закричал он.

— Попался, — согласился я.

Когда Игорек минут через пятнадцать уже сидел у меня на шее и крутил мой нос, мы услышали голоса возле двери. Мужской и женский.

— Ну что ж, до завтра, — сказала Лида, после чего открыла дверь в каюту и увидела меня.

— Бедный Вася, — только и сказала Лида.

— А где Нина? — забеспокоился я.

— Иди к себе, наверное, уже в каюте. Бедный Вася, — повторила она.

— Где вы были? — спросил я.

— Да какое это теперь имеет значение?

— Что вы делали? — не унимался я.

— Да не волнуйся ты, ничего мы не делали. Иди лучше, налаживай свою семейную жизнь.

— Извини меня, если можешь, — сказал я.

— Попытаюсь, — сказала Лида. — Иди уже, петушок.

А Игорек, ни слова не говоря, поставил над моей головой рожки. Будто сказать хотел «козел».

Я пошел к себе в каюту, но там жены не было. Я выскочил, обежал все палубы и наконец нашел свою жену на корме. Она стояла одна. Я подошел к ней и сказал:

— Прости.

— Не смогу, — сказала жена.

Мы пошли в каюту.

— Я был пьян.

— Это ничего не объясняет.

Мы молча разделись и легли каждый на свою кровать.

Однако утром мы вышли из каюты, держась за руки.

Потом был свободный день в Ницце. Что в ней, в этой Ницце, понять не могу. Вроде бы обычный южный город. Однако необычный. Слава Ниццы приукрашивает ее. Знаете, как-то

звучит хорошо. Ницца, Канны, Монте-Карло. Такие названия, будто из прошлого, позапрошлого веков. Так и кажется, что проедет по набережной карета с какой-нибудь русской княгиней. Или выйдет из-за угла дома Бунин Иван Алексеевич. Да и дома такие солидные, шикарные, что из-за них выходить должен никак не меньше чем Бунин. В магазины заходить страшно. Все такие фирменные, наверное, и цены сугубо фирменные.

Лестница с площадками у киноконцертного зала вроде бы обычная, но вспомнишь, чьи ботинки ее топтали, какие каблучки здесь выстукивали, и смотришь на эту лестницу с благоговением. Мы даже с женой в тот отель зашли, в котором все эти звезды живут. Впечатляет. Хоть раз бы в жизни пожить в нем, даже не во время фестиваля, а вообще. Пожить. И все.

Ездили из Ниццы группами на экскурсии. Мы с Ниной в одной группе были, а Лидушка в другой. Рубен, «крыша» моя, он ни на какую экскурсию не ездил. У него круиз по ресторанам Средиземноморья. Он лучший ресторан выбрал, там и сидел со своей красоткой.

А мы по экскурсиям. На фабрике духов с Лидушкой встретились. Издали смотрел я, как Лидушка выбирала себе какой-то флакончик. Народу много было. И она мне, Лидушка, такой родной издали показалась, что я втихаря пошел, купил ей самые лучшие духи и так же втихаря, чтобы жена не увидела, сунул эти духи Лидушке.

— Спасибо, — еле успела прошептать мне Лидушка, и я тут же отошел на заранее избранные позиции.

Вечером мы с женой гуляли по Ницце. Наш корабль в отдалении стоял, до него еще дойти надо было. Гуляли, всякие народные гулянья смотрели. Лидушку нигде не видели. А когда возвращались на корабль, жена вперед в каюту пошла, а я с Ритой столкнулся у трапа.

Рита мне говорит:

— А мы вашу знакомую в городе видели.

— Какую знакомую?

— Ну, подругу вашей жены, она с офицером из команды гуляла.

Час от часу не легче.

Когда жена собиралась спать, я сказал:

— Пойду покурю на палубу, — и пошел искать Лидушку. Нигде не нашел ее, ни на палубе, ни в муз-салоне, направился к ней в каюту.

Игорек открыл дверь и сказал:

— Мамы нет и не будет.

Постоял у каюты, подождал и пошел к себе. Прихожу в каюту, а жены нет. Я побежал искать по всему пароходу, все облазал, нигде не нашел ни жену, ни Лиду.

Возвращаюсь к себе в каюту, а жена на месте.

— Ты где была? — взорвался я.

— Курить ходила.

— Так ты же не куришь.

— Надо же, — сказала Нина, — а я и забыла, — просто издевается.

Я закричал:

— Ты где была?

— А ты?

— Я курить ходил.

— Вот и я тоже.

— Ты где была? — Я уже был в ярости.

— В туалете, — сказала жена, и на это ответить было нечего. Я подумал, что схожу с ума. Ох и жизнь у меня пошла интересная.

На другой день я все же отловил Лидушку и устроил ей допрос:

— Где ты вчера была? Я заходил к тебе, не нашел.

— На палубе.

— Я был на всех палубах.

— А я на самом верху была. Там такой вид красивый!

— С кем ты была?

— Одна.

— Неправда.

— Правда, правда. — И смотрит на меня глазами чистыми и ясными. — Я там наверху днем загорала и решила вечером сходить.

— А где же твой офицер был?

— Не знаю, может быть, с твоей женой.

— Тебя видели в Ницце с офицером.

— Ничего подобного.

— Ты, ты — негодяйка!

А она в ответ так спокойно:

— Ну и на том спасибо, — повернулась и ушла. На другой день на палубе сидели мы с «крутым» моим Рубеном.

— Что ты такой грустный? — спрашивал меня Рубен. — Скажи, кто обидел, разберемся.

— Да тут не разберешься.

— Только скажи, слушай, все сделаем.

Неподалеку сидела компания довольно уверенных в себе людей.

Мимо прошла Лидушка. Один из мужчин окликнул:

— Лида, иди к нам.

И Лида, как показалось мне, будто ее поманили, подошла к их столу.

Я напрягся. Что со мной стало, сам не пойму. Любое ее общение с мужчинами стало для меня болезненным. Я налил водки себе и Рубену. Вышил, не чокаясь, запил какой-то водой, слышу, тот за соседним столом продолжает:

— Лид, ты же телефон обещала оставить.

— Сейчас карточку принесу, — говорит Лида, не обращая на меня ни малейшего внимания, и уходит.

Тип, попросивший карточку, говорит:

— Ну, хороша.

Все головами закивали. Я говорю Рубену:

— Вот она, моя проблема. Вот оно, мое плохое настроение.

Вернулась Лидушка, дала карточку этому парню.

— А мне? — говорит его друг.

— И вам, — говорит Лидушка.

Она не могла не видеть, что я сижу рядом. Значит, делает это все мне назло.

Лидушка еще пару минут постояла возле стола, поболтала и ушла.

Мой «крутой» встал, подошел к столу и сказал тихо, но с угрозой:

— Если еще кто будет брать у нее телефон, пусть обижается на себя сам.

После чего он вырвал карточки у обомлевших мужиков и отошел ко мне.

— А если хочешь, — сказал он мне, — я ее сегодня же выкину за борт.

— Я сам, — сказал я и побежал к Лидушке.

Лида переодевалась.

— Ты что, надо мной издеваешься? — закричал я с порога.

— В чем дело? Опять что-нибудь не так?

— Зачем ты у меня на глазах раздаешь телефоны?

— А что тут плохого? Он приличный человек, с женой здесь. У меня с ним деловые отношения.

— Какие деловые отношения?

— Он зубной врач, обещал подлечить мне зубы.

— Ты что, не могла ко мне обратиться со своими зубами, обязательно к нему?

Она говорит:

— Не знала, что ты зубы лечишь.

Я был в ярости. Вдруг я увидел духи, которые накануне подарил Лиде.

Я схватил духи, разорвал коробку, бросил на пол флакон, стал топтать его ногами, но раздавить не мог.

Лидушка сказала:

— Может быть, и деньги вернуть, которые ты мне здесь давал?

— Подавись ими! — крикнул я, уже не контролируя себя, и вылетел вон из каюты.

А на палубе столкнулся нос к носу с женой. Она стояла с двумя офицерами.

— Ну и денек, — сказал я себе и ринулся навстречу очередному скандалу. Подходя к жене, заорал на офицеров: — Что вы мою жену преследуете?

Офицеры опешили от моего натиска.

— Теперь, я надеюсь, ты не станешь отрицать, что ты моя жена? — обратился я к Нине.

Все трое молчали.

Офицеры вдруг почему-то отдали честь и отчалили.

— Ты позоришь меня! — сказала Нина.

— Извини, — сказал я, — у меня что-то плохо с нервами.

С утра ездили в Монте-Карло. Я с удивлением узнал, что в Монте-Карло коренное население — монегаски. Им при рождении назначается пенсия, и они ее получают всю жизнь только за то, что они монегаски. Однако прописаться там, в этом Монако, практически невозможно. А еще им — монегаскам — запрещено играть в казино. Нет, в других странах пожалуйста, а у себя в Монте-Карло ни в коем случае. Мне жутко захотелось стать монегаском — представляете, не работаешь, а денежки идут.

Так и хочется вслед за Пушкиным сказать: «Угораздило меня с моим умом и талантом родиться в России». Однако говорить так у меня нет оснований. Таланта я в себе не обнаружил, а что касается ума, то в этой поездке мои надежды на то, что он у меня есть, рассеялись окончательно. Нет, может, он у меня и есть, но в очень зачаточном состоянии.

В Монте-Карло посетили мы то самое знаменитое старинное казино. И экскурсовод рассказал нам, что в этом казино играли и Чехов, и Тургенев, и Высоцкий.

— Вот здесь, за этим столом, — рассказывала женщина-гид, — Высоцкий выиграл, поставив на цифру «19». Выиграл довольно много. Марина Влади увела его. А на другое утро Высоцкий вернулся в казино и все проиграл.

Жена моя из казино вышла, а я остался играть. Я поставил на «19» и проиграл. И понял, что мне надо ставить на свою цифру. Я несколько раз поставил на цифру «33» и выиграл.

Все наши туристы стояли вокруг стола, но играть не решались. А я решился и выиграл. Я не стал искушать судьбу. Оставил крупье на чай, обменял фишки на деньги и вышел из казино.

Возле казино находилось кафе миллионеров.

Я собрал за столиком большую компанию, всех угощал и, раздухарившись, ходил меж столиков, где девицы ловят миллионеров, вышедших из казино. Я ходил с миллионом рублей, но хоть бы одна из девиц попыталась меня закадрить...

Экскурсия закончилась. Мы поехали на корабль, а вечером Рубен, которому я рассказал о своем выигрыше, решил сыграть, а заодно и показать своей девушке старинное казино. Когда была экскурсия, Рубен с Леной, естественно, сидели в ресторане в Ницце.

И вот мы на «Мерседесе» едем из Ниццы в Монте-Карло. Девуцу без паспорта в казино не пустили, Рубен тоже проиграл, а я, представляете, снова ставил на «33» и снова выиграл. Это уже была просто фантастика. Мы снова стали кутить на выигрыш в кафе миллионеров. Подошли зубной врач с женой и друг его. Они меня поздравили с выигрышем, я подумал, зря мы на них наехали, позвал их сесть с нами, выпить.

И тут вдруг подъехала машина. И из нее вышли Лидушка и два офицера. Лидушка увидела меня, гуляющего с компанией. Офицер что-то сказал Лидушке. Они засмеялись и пошли в казино.

У меня померкло в глазах. Мы с Рубеном вернулись в казино. Я снова на глазах у Лидушки выиграл. И теперь точно знаю: если в карты везет, то в любви уже точно нет. Я хотел гордо удалиться, но Рубен отозвал офицеров в сторону и сказал:

— Вы что, ребята, ничего не боитесь?

Он так тихо это сказал, но с такой угрозой в голосе, что даже у меня мурашки по телу пошли.

Однако офицеры оказались стойкими. Один из них сказал:

— А чего нам бояться, мы у себя на теплоходе — дома.

Рубен сказал:

— Теплоходы, они ведь иногда домой возвращаются.

— Это верно, — сказал офицер, — дом у нас в Одессе, а там у нас порядки свои.

— Ну-ну, — сказал Рубен, и мы ушли.

Пока мы ехали на корабль, я совсем сник. Грустно мне стало и, я бы даже сказал, тоскливо.

Пришел в каюту, лег на кошу, отвернулся к стене. Нина села рядом, погладила по голове. Она будто понимала, что со мной происходит. Хотя, если бы понимала, вряд ли бы по голове погладила. А с другой стороны, кто их, женщин, разберет.

Этой же ночью на гуляющего возле бассейна Рубена кто-то накинул простыню, и так, в простыне, бросили его в бассейн. В темноте разобрать, кто его бросил в воду, было невозможно. Рубен выпутывался в воде из простыни, матерился на весь пароход и, вылезая из бассейна, обещал всех поубивать.

Понятно было, что это дело рук офицеров, но поди докажи. И лезть напролом против команды Рубен не решился.

Настал последний день круиза. Все прощались, фотографировались. Остался последний переход до Мальты, а оттуда самолетом в Москву. Лидушка с камерой снимала удаляющуюся Ниццу, а я издали наблюдал за ней.

Наступил прощальный вечер с тостами, выпивкой, музыкой. А потом я буквально минут

на двадцать отошел в музсалон. Выпили там с Ритой, Надей и Володькой по бокалу шампанского.

Вернулся я в ресторан, а жены нет. Посмотрел, где Лидушка, а Лидушки тоже не было.

Ко мне подошел Игорек и жалобно сказал:

— Дядя Вася, где моя мама? Я ее найти нигде не могу.

Я пошел с Игорьком искать его маму. В каюте ее не было. Мы прошлись по теплоходу и нигде ее, конечно, не нашли.

Тогда я с Игорьком обратился к администратору: — Объявите, что Лидию Сергеевну ждет ее сын. — Да она, наверное, в каюте, — сказала дежурная, — я ее видела.

— Почему вы ее видели? — насторожился я.

— Так я живу там недалеко, — почему-то заволновалась дежурная.

Я заподозрил неладное, пошел купил коробку конфет, подарил дежурной и сказал:

— Я вас очень прошу, скажите, где сейчас эта женщина. Я чувствую, что она с кем-то из команды, но не знаю где.

— Я сейчас, — сказала дежурная и ушла с коробкой конфет.

Через пять минут она вернулась и сказала:

— Ну я же вам говорила, что она в своей каюте.

Я понял, она Лидушку предупредила.

Мы с Игорьком кинулись в каюту. Лидушка была там.

— Ну что ты теперь скажешь? — спросил я.

— Ничего.

— Ребенок тебя ищет по всему теплоходу.

— Я снимала с верхней палубы Ниццу, которую больше никогда в жизни не увижу.

Я понимал, что она лжет. Но ничего сделать не мог. А она продолжала:

— Ты затравил свою жену. Она глаз поднять не смеет. Со мной то же самое хочешь сделать?

— Скажи, что я сделал плохого, чтобы ко мне так относиться? Я хотел, чтобы ты отдохнула, посмотрела мир. В чем я провинился?

У меня даже голос задрожал.

— Уйди отсюда, — сказала Лида сыну.

— Ну мама... — захныкал Игорек.

— Погуляй, сынок, я тебя очень прошу.

Игорь ушел. Лидушка подошла ко мне и обняла за шею. Я автоматически стал снимать с нее платье. Мы упали на постель, и забылись все ссоры и обиды.

— Верь мне, — сказала Лидушка.

А когда мы уже встали с постели, я сказал ей:

— А ты не обманывай меня.

Она сказала:

— Не буду.

А потом мы сидели в аэропорту Мальты. Сидели долго, и Рубен хотел купить самолет и поскорее улететь на нем куда-нибудь подальше.

Мы с Ниной сидели неподалеку от Лидушки. Я не выдержал, пошел и купил ей точно такие духи, которые пытался разбить. Подарил ей незаметно, а потом отвел ее сынишку в магазин и накупил карамели.

В аэропорту Шереметьево Лидушку снова встречал друг. Мы с ней издали помахали

друг другу.

А через некоторое время мы встретились, ехали к Лидушке домой, и я стал проводить расследование:

— Знаешь, я не хотел тебе тогда на теплоходе говорить, но администратор выдала тебя. Я знаю, что у тебя был этот... из команды. Давай уж рассказывай, дело прошлое.

Она помолчала, не решаясь, а потом сказала:

— Да, не буду врать, была у меня там тайная симпатия. Второй помощник.

— И тогда, когда мы с Игорьком искали тебя, ты была у него?

— Да, я с ним прощалась.

Она помолчала, а потом продолжила:

— Мне тоскливо было. Я одна, а ты с женой.

— Но я же тебе честно сказал, что буду с женой. Ты могла не ехать.

— Я тебя ни в чем не обвиняю. Я не знала, что это будет так непросто. Один вечер одна, другой одна. А на третий вечер я даже расплакалась. А он такой вежливый, сдержанный, спокойный и обходительный.

— В отличие от меня. В общем, он такой хороший, а я такой плохой.

— Я этого не говорила.

— Значит, когда мы с Игорьком тебя искали, ты там у него в каюте...

— Тогда ничего не было. Мы просто попрощались.

— А почему же ты потом со мной была?

— А как я могла отказать, ведь это ты!

— Непостижимо, — сказал я. — Никогда не пойму женщин. Ты что же, и дальше с ним будешь встречаться?

— Ну что ты! У него семья в Одессе. Я даже телефона его не знаю.

— Он твой знает.

— Нет, я не давала свой номер.

— Как же так, — недоумевал я, — сошлись, переспали и разошлись?

— Нет, все было не так плохо.

— Хоть подарок-то он тебе подарил на память? Ну, я не знаю, хоть цепочку какую-нибудь, брошку, черт его знает что.

— Нет. Ничего. А мне ничего и не надо было.

— Фантастика. Слушай, ты просто жертва корабельного донжуана.

— Нет, он совсем не такой, он не бабник. Сдержанный такой, спокойный.

— Это я уже слышал. Ты меня просто поражаешь: ни будущего, ни надежды на что-то более серьезное. И все же ты пошла на это.

— Дура я, что рассказала.

— Рассказала, так объясни.

Мы уже лежали в постели, когда продолжали разговор.

— Что тут объяснять. Ты все время злился на меня. Все время упрекал. А с ним спокойно и хорошо.

Я обнял ее и сказал:

— Как же я соскучился по тебе. Я так мучился там, на этом дурацком теплоходе. Как он, кстати, назывался?

— «Одесса-сонг».

— Ты моя Сонг. — Я закрыл ей рот поцелуем. Потом мы пили чай. Пришел домой

Игорек и сказал:

— Дядя Вася, вы и теперь мне будете деньги давать?

— С чего бы это?

— А я ваш телефон знаю. Хотите, от вас жене привет передам? Она мне понравилась.

Классная тетка. Как она вас терпит?

Я вынул десять долларов и дал мальчику. Потом положил на стол сто долларов.

— Не надо, — сказала Лидушка, — забери.

— Я пойду, — сказал я.

— Я так понимаю, мы увидимся не скоро.

— Обязательно увидимся, — сказал я.

— Понятно, — сказала Лида, — желаю тебе удачи. — Помолчала и добавила: — Не можешь прощать. Не умеешь.

— Умею, — сказал я. — Но не сразу. Все-таки противно, что даже телефона нет.

Я приехал домой. На столе лежала записная книжка жены. И я увидел в ней запись: «Одесса-сонг» и телефон в Одессе.

Я схватил книжку, еще раз прочел и остолбенел.

Опасное сходство

Так уж получилось, что к 30 годам Володя Синичкин стал очень похож на популярного артиста кино Леонида Куравлева. То есть похож он был и раньше, но к 30 годам стал очень похож. И с этим были связаны все несчастья Володи Синичкина.

Раньше, когда Володя только стал походить на популярного актера, это ему нравилось, и артист Леонид Куравлев Володе нравился. Володя даже специально ходил на фильмы с участием Куравлева и гордился, что человек, похожий на него, Володю, так хорошо делает свое дело, Володе вообще нравились люди, которые хорошо делают свое дело. Возможно, потому, что Володя сам делал свое дело хорошо или даже отлично.

Так вот, нравился ему Куравлев вначале. Случалось даже, что после сеанса люди подходили к Володе, просили у него автограф, как у Куравлева, и Володя подробно объяснял, что он не киноартист, а если люди не верили и продолжали настаивать, он вынимал паспорт и показывал фамилию — Синичкин. Конечно, можно было не объяснять долго, а просто расписаться, и все, но Володя этого делать не хотел, так как был от природы человеком скромным. Так у него получилось, может, это у него было наследственное, может, приобретенное в процессе воспитания, а может, вообще какое-нибудь космическое, но вот был он скромным и потому долго объяснял, что он не Куравлев.

Большинство людей, увидев в паспорте фамилию Синичкин, верили и отходили навсегда, но часть любителей автографов настаивала на том, что Синичкин и есть Куравлев, только специально, чтобы не приставали, взял себе псевдоним Синичкин, который и прописал в паспорте. И в связи с этим объяснением любители требовали, чтобы Куравлев, то есть Синичкин, все равно непременно поставил свой автограф на открытке.

Синичкину, честно говоря, хотелось в эти моменты поставить автографы на физиономиях этих людей, но так уж получилось, что он, Синичкин, был не только скромный, но и добрый. И бить человека по лицу не мог с детства. То есть сил-то у него хватало, но совесть не позволяла ему этого делать. Но позволяла ставить свою фамилию на клочках бумаги, открытках с цветочками и фотографиях. Он ведь ставил свою подпись, потому что совесть его ни в чем не упрекала.

Иногда он думал, зачем нужны этим людям автографы. Что за польза от них, что за удовольствие. Может быть, эти люди потом показывают подпись Куравлева своим друзьям и говорят: «Вот, я со знаменитым артистом разговаривал, руку ему жал». Ну и что, разговаривал, руку жал. Что от этого произошло. Разве лучше стал человек от рукопожатия, а может, клочок бумаги с несколькими буквами дает какие-то привилегии?

Нет, вероятнее всего, автограф дает теплоту воспоминания о разговоре с человеком, которого все любят.

Предполагал еще Володя, что могут быть коллекционеры. У тех свои странности. Они могут собирать спичечные коробки или даже трамвайные билетки. Эта особенность, если она не связана с обогащением, то обязательно с чувством превосходства — у меня есть то, чего нет у других.

А иногда у Володи вдруг всплывала иная мысль: вот подписываюсь я «В. Синичкин», а человек, получивший автограф, сверху дописывает: «Я должен предъявителю сего 500 рублей», — число и точная подпись. При этой мысли Синичкина обдавала горячая волна

ужаса. Потому что сумма эта — пятьсот рублей — была для Синичкина большой, хотя по его работе она таковой казаться ему и не должна была бы. Но дело в том, что Володя Синичкин был еще человеком стеснительным, и работа его, считающаяся доходной, больших доходов ему все же не приносила, а все потому, что Володя взятки брать стеснялся. Вот такой он был странный человек. Другой бы уже на собственной машине ездил, а он в отпуск на поезде собрался.

В принципе, с этого и начинать надо было. С того, что Володя Синичкин собрался в отпуск на юг. Взял билеты на поезд и пришел на перрон со своей мамой, которая пришла его провожать. Но хотелось как-то побольше рассказать о характере Володи, вот я с этого начал, потому что потом возможности может не быть. И самое главное, хотелось как следует сказать о похожести В. Синичкина на Л. Куравлева. И о том, что ничего хорошего эта похожесть В. Синичкину не приносила и в будущем не предвещала. То есть, будь он другим человеком, он бы под это дело такое мог накрутить.

А что? Выдавал бы себя за знаменитого актера, ходил бы бесплатно в кино, брал бы билеты куда угодно без очереди. Или, допустим, знакомился с красивыми девушками на улице, а затем, благодаря своей популярности, пользовался бы у них успехом, не говоря уже о более крупных выгодах.

Но ничего этого Володя делать не мог по причине своей честности, порядочности, скромности и других качеств, так казалось бы устаревших в наш быстротекущий бурный и эгоистический век. Но это только казалось. Потому что, как узнал В. Синичкин, изучая биографию своего двойника, сам Л. Куравлев, по отзывам современников, тоже был наделен этими качествами и свою популярность в корыстных целях не использовал. Это в какой-то степени примиряло В. Синичкина с Л. Куравлевым, но не полностью, потому что популярность этого артиста росла, а вместе с нею росли и неприятности В. Синичкина. То есть ему, Синичкину, просто уже не давали прохода на улице. Люди хлопали его по плечам, заговаривали, обсуждали с ним сильные и слабые стороны сыгранных им ролей, приглашали выпить, обижались, когда он отказывался, и даже иной раз обижали его самого, говоря такие слова, как «зазнался», «от народа отрываешься» или «смотри, Ленька, дофикстулишься».

А вскоре дошло дело до того, что не только незнакомые, но и хорошо знакомые люди стали называть его просто Куравлевым. Так и говорили на работе: «У Куравлева спроси». Или, допустим, говорят, говорят, да вдруг и выскажутся: «А Куравлеву все одно, что в лоб, что по лбу». Или клиентки Синичкина, перезваниваясь между собой, говорили: «Встретимся у Куравля в три часа дня».

Вы, конечно, уже догадались, кем работает наш многострадальный В. Синичкин. Работает он и по сей день дамским парикмахером. При этой хитроумной и близкой к человеческим слабостям профессии остается он вполне приличным человеком. Никаких чаевых он не берет, то есть, конечно, в ящике его полно всяких шоколадок, сигарет, зажигалок, брелоков и прочей дряни, от которой отвертеться невозможно, но Синичкину это все ни к чему, ибо он не курит, шоколад не ест, а брелок ему подарила мама, так что другого ему и не надо. А всю эту ерунду Синичкин опять раздаривает своим клиенткам, так что получается у него в ящике вроде бы обменный фонд. Вот и выходит, что он, Синичкин, еще и не жадный. То есть какой-то идеализированный Синичкин. И честный, и благородный, и скромный, и нежадный, и нетщеславный. Такой человек обязательно должен иметь какой-то крупный недостаток. И этот недостаток у Синичкина есть, он, Синичкин, очень любит работать. Он так делает прически, будто в последний раз в жизни. Естественно, человек с

такими данными должен быть несчастен. Так и есть. От него, от Синичкина, сбежала жена. Не то чтобы ушла или уехала, нет, именно сбежала. И заметьте, по какой-то смехотворной причине — от ревности. Кого она ревновала? Синичкина. Человека, который не то что женщину, муху пальцем не тронет. Но не забывайте, кем работает Синичкин. Он работает дамским парикмахером — это раз. Второе — он похож на знаменитого артиста. И третье — он не так уж плох, этот Синичкин.

Все это, вместе взятое, вполне может довести до крайности ревнивую женщину. И если бы он, Синичкин, действительно с кем-нибудь интрижку завел, жена бы узнала и клялась, что простит ему. Только бы узнать. Нет, ни на чем она его подловить не могла. Он ни с кем из своих клиенток не встречался. Это ее и доконало. Доведенная его честностью до отчаяния, она бросила его и сбежала. С кем? Как вы думаете? Вот я вам скажу, судьба все-таки преподносит людям сюрпризы. Она ревновала дамского мастера и вышла замуж за врача-гинеколога. Вот у нее теперь жизнь!

Однако не будем отклоняться от темы. Был, получается, наш Синичкин несчастен и угнетен, с одной стороны, побегом жены, а с другой стороны — своей схожестью с артистом Куравлевым. Иногда даже думалось ему, что это предел, что нет на земле другого такого несчастного человека. Однако убедился вскоре, что это не так.

Однажды был он в Доме литераторов, куда пришел по одному из билетов, присылаемых ему регулярно женой одного известного писателя. Сам писатель на разные мероприятия не ходил, а жену пропускали и так без билетов.

Сидел он в кафе, ожидая начала вечера, как вдруг кинулся к нему человек и закричал:
— Валька, Валька!

Увидя недоуменный взгляд, запричитал человек еще громче:

— Ты что, придурок, не узнаешь меня?

— Я не Валька, — обиженно сказал Синичкин, — я Владимир.

— Да брось ты, Вальк, хватит выеживаться, тебя только с Куравлевым спутать можно.

И тут понял Синичкин, что не один он такой — есть и другие люди, похожие на Л. Куравлева. И есть люди, похожие на Смоктуновского, на Магомаева, на Лещенко. И среди них есть те, которые прекрасно себя чувствуют, а есть и другие, такие, как Синичкин. Так что дело не в похожести, а в характере. Это его несколько успокоило. И таким вот, уже привыкшим к своим недостаткам, он, Владимир Синичкин, и явился на Курский вокзал в сопровождении своей мамы с целью сесть в поезд и приехать на юг в дом отдыха.

В купе, кроме Володи, был всего один пассажир. Мама рассказывала Володе, что она положила ему из съестного, и называла сына по имени, чтобы сосед по купе, глаз с Володи не сводивший, понял, что это никакой не Куравлев, а ее сын, Володя Синичкин.

Надо добавить, что для нее он был Володя, а для окружающих давно бы пора ему быть Владимиром Сергеевичем. Но, увы, никто его так не называл, а называли все Володей. Есть такие люди, с обликом которых никак не вяжется обращение по имени и отчеству. Простое открытое лицо, ясная улыбка, чистые глаза.

И вот уже расцеловались мать с сыном, и махала мама на прощание с платформы, и даже слезу пустить хотела, но вовремя вспомнила, что не на войну ведь, а в отпуск. Тронулся поезд, прибавили шагу провожающие, замелькали вагоны пригородных электричек, стали уменьшаться, а потом исчез совсем вокзал, обернулся Володя к соседу по купе, а у того уже стол накрыт.

На столе стояла уже открытая и початая бутылка коньяка, лежала ножками вверх

вареная курица, а вокруг нее помидоры, огурцы, зеленый лук и в стороне сиротливо две бутылки минеральной воды, заготовленные предусмотрительным железнодорожным начальством.

— Прошу к столу, товарищ Леонид, — гостеприимно сказал сосед по купе, эдакий крепыш, еще до отпуска загоревший до середины лба, выше, видно, мешала кепка или скорее тюбетейка. Кепка такой резкой границы не дает.

— Прошу к столу, товарищ Леонид, — твердо повторил сосед, — чем богаты, тем и рады.

Ну что было делать бедному парикмахеру. Смотреть на все эти прелести и, глотая слюну, отказываться? Забиться в свой угол, читать фальшиво сосредоточенно книгу, а часа через два, совершенно изнемогая от голода, достать мамины котлетки и бутерброды с сырковой массой или же уйти в ресторан, напиться там, а затем прийти и устроить скандал, потому что надоело, надоело... Нет, конечно, нет. Надо принять приглашение, сесть, согласившись с тем, что ты актер, ну хотя бы на время обеда. А потом, потом... Но не такой человек Володя Синичкин. Не может он просто так согласиться и не может он просто так отказаться. И потому потупил глаза наш бедный парикмахер и сказал:

— Извините, я не Леонид.

— Да ладно тебе, не Леонид. Да когда я у нас на Алтае расскажу, что я с самим Куравлевым водку пил. Да меня, если хочешь знать, да у нас, если хочешь знать, ты любимый артист. А знаешь после какого фильма? «Живет такой парень». Да если я расскажу, что пил с тобой водку...

— Коньяк, — вдруг ни с того ни с сего произнес Синичкин.

Сосед аж оторопел.

— Ну коньяк... А ты что же, водку любишь?

— Да нет, мне все равно. Просто я не Леонид, понимаете, зовут меня Владимир.

— Понимаю, понимаю, слышал, маманя вас так называла. Но я так понимаю, что пристают, вот вы и скрываетесь. Ясное дело. Так мы же здесь вдвоем, кто ж нас услышит.

Сосед встал и захлопнул дверь в коридор. Протянул Синичкину руку:

— Семенов Николай Павлович.

— Синичкин Владимир, — он уже давно не называл отчества, понимая, что никто его по отчеству звать не будет.

— Ну одни же мы, — пожал плечами Николай Павлович, — чего теперь-то из себя строить. Одни, говорю, не боись, парень. Ты же наш, алтайский.

— Не боюсь я ничего. Просто я Владимир, а не Леонид. Понимаете, похож я на артиста, но не артист.

— Ну ладно, слушай, артист, не артист, садись, ешь, потом разберемся. Водка, как говорится, стынет. Садись, что ли!

— Я с удовольствием приму ваше приглашение, но только присоединив к вашим замечательным закускам свои скромные запасы, — витиевато начал Синичкин. Он вообще, когда волновался, а волновался он всегда, когда разговаривал с малознакомыми людьми, так вот, волнуясь, он начинал говорить витиевато. И говоря витиевато, доставал из спортивной сумки котлетки, завернутые в пергамент, сырники, творог, варенье, бутерброды с творожной массой. Все это рядом с курицей и коньяком выглядело жалко, и Синичкин не мог это не почувствовать, а почувствовав, добавил: «К чаю».

Семенов Николай Павлович, также почувствовав неловкость от съестных запасов

Синичкина, только сказал:

— Ну ты даешь!

— Давайте есть, — сказал Синичкин, желая разрядить обстановку, — и забудем о том, что я артист.

— Забудем, — сказал Семенов, — ты не артист. Артист не ты. Тот артист — другой. А ты на него похож, — приговаривал Семенов, разливая коньяк. — А раз его нет среди нас, но мы его все-таки любим... Любишь ты артиста Куравлева?

«Ненавижу», — хотел крикнуть Синичкин, но вслух сказал:

— Как артист он мне нравится.

— Ну вот, давай и выпьем за артиста Леонида Куравлева, за здоровье, за счастье в семейной и личной жизни.

Они чокнулись, и, как только Синичкин опрокинул содержимое стакана в рот, Семенов добавил:

— И чтоб ему на юге отдохнуть получше.

Синичкин так и поперхнулся.

— Да не Куравлев я, не Куравлев, — закричал он, не зная, что раньше делать — протестовать или закусывать.

— А кто говорит, что ты Куравлев? — резонно спросил Семенов.

— А что же вы говорите «на юге отдохнуть»?

— А что, Куравлеву на юге отдыхать нельзя?

— Можно.

— Ну вот, может, он как раз сейчас и едет на юг. В одном купе с кем-нибудь...

— Ну знаете, — не выдержал Синичкин, — это уж слишком. В конце концов я вам сейчас докажу. Я вам паспорт покажу. — И Синичкин полез в чемодан за паспортом.

Но паспорта в чемодане не оказалось.

— Давай, давай, показывай, — приговаривал Семенов. Синичкин стал шарить по карманам. В карманах паспорта тоже не было.

— Небось дома забыл? — ехидно спросил Семенов.

— Забыл, — простодушно ответил Синичкин.

— Ну артист! — захохотал Семенов. — Вот что значит артист. Разыграл как по нотам. И главное, лицо такое, будто точно забыл. Давай, дорогой, выпьем еще по одной за твой талант.

— Послушайте, там же в паспорте путевка в дом отдыха.

— Это уж как водится, — отвечал Семенов, подавая стакан Синичкину. — Путевка в паспорте. А паспорт где? Будь здоров, Леонид, не знаю как по батюшке.

— Да так зовите, — машинально ответил Синичкин.

— Ну вот, дорогой, другое дело, а то «я Володя, я Володя».

Но Синичкину было уже не до Семенова. Как же без паспорта?

Без путевки? Ведь в дом отдыха не примут. Володя машинально выпивал, машинально закусывал. А тут еще и проводница пришла, билеты собирает.

— Батюшки, — всплеснула она руками, — Куравлев! Живой! — и тут же побежала за напарницей. — Да как же при входе-то не заметила, — приговаривала она на ходу. Растволкала спящую напарницу.

— Кать, на 18-м месте едет-то знаешь артист-то какой?

— Заяц, что ли? — отмахнулась спросонья Катя.

— Какой еще Заяц? Такого и артиста нет, Зайца. Куравлев едет, вот кто.

— Да хоть бы Смоктуновский, — сказала Катя и опять отключилась. Но тут же вскочила.

— Сам? Живой?

— Ну! — красноречиво ответила Настя.

— Иди ты!

— Иду.

И они обе побежали смотреть на живого Куравлева. А тот, кто представлялся им Куравлевым, сидел ни жив ни мертв. Он пил коньяк. Выхода у него не было.

— Куравлев! — в один голос сказали проводницы, сели напротив Синичкина, в четыре глаза уставились на него.

— Ближайшая станция когда будет? — заплетающимся языком спросил Синичкин.

— Ой, горемычный, — запричитала Катя, — как же ты мучаешься.

— Верно говорят, — вторила Настя, — все артисты пьяницы.

На ближайшей станции шатающегося Синичкина вели под руки к телеграфу, и там он нетвердой рукой написал телеграмму: «Мама вышли паспорт путевку», — и так без адреса отдал телеграфистке и деньги ей оставил, а сам пошел назад в поезд.

— Все в порядке, — сказал он Семенову, — теперь можем ехать, вышлет.

— А куда вышлет, ты хоть написал адрес-то?

— А зачем? На путевке написано: Дом отдыха «Спартак» — напротив «Динамо». Мне.

В личные руки.

— Здравствуйте, — сказал Семенов.

— Здравствуйте, — не возражал Синичкин. — Я как вошел, сразу поздоровался, а вы, значит, мне сейчас отвечаете. Лучше поздно, чем никогда.

— Да нет, здравствуйте в смысле приехали.

Синичкин кинулся к чемодану.

— Да не суетитесь, Леня, я говорю приехали в смысле едем в один и тот же дом отдыха «Спартак».

— Замечательно, — сказал Синичкин, — подтвердите там, что я не Куравлев и что путевки у меня нет, не было и не будет.

— Да спи уже, Куравлев, не Куравлев, — Семенов уложил Синичкина, снял с него туфли и накрыл одеялом.

Подробностей следующего дня В. Синичкин не помнил. Подробностей было слишком много. Приходили разные люди. Одни приносили с собой бутылки и тут же распивали, другие, стоя в коридоре, спорили. Куравлев это или не Куравлев. Третьи располагались в купе по-хозяйски и долго обсуждали достоинства и недостатки актерских работ Куравлева. Четвертые рассказывали о своей жизни, делились воспоминаниями о войне и детстве. Пятые учили Куравлева жить, ссылаясь на богатый житейский опыт. Шестые учили Куравлева актерскому мастерству. Седьмые предлагали Куравлеву тут же сыграть в карты.

Синичкин сидел у окна и равнодушно смотрел на посетителей, иногда он засыпал сидя, просыпался и снова смотрел и слушал. Первым не выдержал сосед Синичкина Семенов.

— Все, граждане! — сказал он. — Прием посетителей закончен. Артисту нужно отдохнуть! Все заявки в письменном виде подавать проводнику.

После этих слов он закрыл дверь и сказал Синичкину:

— Будет с них. Отдохни, Леонид. — А потом с жалостью добавил: — Ну и жизнь у вас,

у артистов, хуже, чем у клоунов.

Синичкин улегся на верхней полке и стал обдумывать ситуацию. Приехать в дом отдыха без путевки и паспорта — явная бессмыслица. Никто не примет. Не поверят.

С другой стороны, назваться Куравлевым, во что, конечно же, все поверят, тоже невозможно, потому что противоречит принципам Синичкина. А отступаться от своих принципов Володя не хотел, так как считал, что будет еще хуже. Другими словами, он считал, что каждый должен заниматься своим делом: обманщик — обманами, аферист — аферами, а честный человек должен быть честным. А если честный вдруг решит заняться обманом, то у него ничего не получится. Навыков обманывать нет, совесть все время гложет, одним словом, сплошной дилетантизм, а Синичкин уважал профессионалов.

У Синичкина уже был опыт в этом плане. Дело в том, что Синичкин не сразу стал парикмахером, хотя с детства мечтал стать именно парикмахером.

Было ему всего пять лет, и пришли к ним гости. А маленький Вова залез на спинку стула и начал падать на тетю Гаю. У тети Гали на голове была модная прическа, на которую тетя Галя убила три часа. Падая на тетю Гаю, Вовочка ухватился за прядь ее волос и спустился по ней благополучно на пол. Прядь волос осталась висеть, тетя Галя расстроилась, а дядя Ваня, ее муж, сказал, что тете Гале так еще больше личит. Личит — это значит идет к лицу. И действительно, прядь золотистых волос, как лисий хвост, выбивалась из гладкой прически и кончалась завитком у шеи.

— Парень-то парикмахером будет, — сказал дядя Ваня.

Устами дяди Вани глаголила истина. А локон, выпавший из прически тети Гали, вошел тогда в моду и долго не выходил из нее. А в некоторых отдаленных городах нашей необъятной страны и по сей час является единственным украшением красивых девичьих головок.

С тех пор, с того замечательного дня, Володя Синичкин, вооружившись ножницами, стриг все, что попадало под руку. Кукол, бахрому на скатерти, соседских девочек и себя самого. К восьмому классу он уже мог ножницами и расческой сделать практически любую прическу. Правда, пока что не очень хорошо. В десятом классе он уже делал прически хорошо.

Естественно, что после десятого класса ему захотелось пойти в школу парикмахеров, но мама была против. Родня ее поддержала. Как это так, в наш век НТР и мирного атома идти в парикмахеры! Непременно нужно поступить в институт. И Синичкин, надеясь на то, что он провалится на экзаменах, стал поступать. И как назло не провалился. Нечего и говорить, что все пять лет обучения в институте он делал прически всем девочкам своей группы. Только своей, потому что девочки своей группы строжайше запретили Володе делать прически посторонним. Так и получилось, что на общих со всем курсом лекциях девочки из Володиной группы выглядели значительно красивее, чем все остальные. Это обстоятельство помогло им еще в институте удачно выйти замуж в основном за преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов того же института. Это переполнило замужних девочек такими чувствами благодарности, что Володя мог быть спокоен за свои зачеты, чертежи и экзамены. Мужья девочек не оставляли его без снисходительного внимания.

После института Володю Синичкина взяли в армию, где он служил в десантных войсках. А в перерывах между марш-бросками, вылазками и парашютными десантами прически делал женам офицеров и дочерям тех же офицеров, за что был ненавидим городским парикмахером. Хорошо еще, что в десантных войсках Володю обучили приемам

самбо и каратэ.

Вернувшись домой, Володя Синичкин отработал положенное на предприятии в конструкторском бюро. Там за своим кульманом он аккуратно и добросовестно делал причёски всему предприятию. Застигнутый врасплох главным конструктором, Володя сделал его жене замечательную причёску, после чего его инженерная карьера закончилась, и он навсегда перешел в салон под названием «Локон», где и работает по сей день. А мог бы ведь начать работать на шесть лет раньше и набрать за эти шесть лет соответствующую квалификацию. Вот к чему привела Володина непринципиальность в прошлом.

И теперь он был принципиальным во всех жизненных проявлениях, хотя и понимал, что принципиальность такая черта характера, что больше приносит неприятностей, но, как думал Володя, в конце концов вознаграждается. Так ему казалось. А огорчений, вызванных его принципиальностью, было полно. С одной стороны, прояви он свою принципиальность когда-то, он бы сразу занялся своей любимой профессией. С другой стороны, будь он не таким принципиальным, может быть, и сейчас бы счастливо жил со своей женой.

Ведь как ему все советовали, да заведи ты какую-нибудь интрижку. Ведь изводится человек, что ж тебе, не жалко, что ли, родную жену. Она тебя с кем-нибудь увидит после работы, причёску ей испортит, тебе скандал закатит, поплачет, и дело кончится. Ну не можешь интрижку завести, придумай, наври, что завел.

А он свое:

— Не могу ни изменять, ни обманывать.

Ну что ты будешь делать, довел человека до белого каления. Не выдержала, сбежала к другому. Бедняжка! Как она теперь там!

А он, Володя Синичкин, конечно, переживал. Он ее все-таки любил. И голова у нее была уникальная. Он с этой головой мог чудеса творить, он на ней такие причёски делал — несколько лет призовые места среди парикмахеров страны держал. Да что там, один раз даже за границу ездил. В Монголию. И там получил «Гран-при», только он по-монгольски как-то по-другому называется. А теперь вот уж много лет Синичкин пребывал в одиноком состоянии. То есть, конечно, он иногда встречался со своими клиентками. Но все это было не так, как хотелось. Клиентки — это особая статья. Большинство из них все-таки смотрели на него сверху вниз, никогда не забывая, что он их обслуживает. И, несмотря на то, что считалось честью, когда причёски делали именно у него, а все равно смотрели на Синичкина сверху вниз.

Другие, те, кто не были его клиентами, смотрели на него снизу вверх и заискивали, они пытались завлечь его в свои сети, но Синичкин чувствовал, что они преследуют определенные меркантильные интересы, а именно, стать его клиентками.

Была, правда, и другая категория женщин, которые разговаривали с ним на равных. Но это были женщины-парикмахеры. И они не вызывали у Синичкина никаких эмоций, кроме производственных. В них для Синичкина не было никакой загадки, а смотрел он на них не как на женщин, а как на товарищессу по работе. Впрочем, и они смотрели на него не как на мужчину, а как на товарища по работе.

Вот так и получилось, что Синичкин был одинок, жил в однокомнатной квартире, ходил на артиста Л. Куравлева, а в данный, описываемый момент ехал в дом отдыха «Спартак» без путевки и паспорта.

Оставшись один на один с Синичкиным, Семенов сам немного помучил его за обедом. Он обстоятельно выяснил, почему в фильме «Мы, нижеподписавшиеся» он, Л. Куравлев, так

долго терпел приставания Олега Янковского к жене Куравлева артистке Муравьевой. Никто не спорит, он, Янковский, конечно, артист хороший, но это же не значит, что можно приставать к чужим женам.

— Он же не знал, что это моя жена, — лениво возражал Синичкин.

— Не, не знал, — петушился Семенов, — но ты-то знал, что это твоя жена.

— Нет у меня жены, — сказал Синичкин грустно, — сбежала она от меня.

— И правильно сделала, — сказал Семенов. — Какая жена такое вытерпит. Ее, понимаешь, посторонний мужчина прихватывает, а он сидит и кашляет. Тоже мне, кашлюн нашелся.

Но видя, что «Куравлев» не в духе, Семенов, побурчав немного, оставил любимого артиста в покое.

И вот наконец южный город с его запахами неведомых растений, шашлыка, ткемали и еще чего-то горного, возбуждающего и жизнеутверждающего. Загорелые женщины, толпа местных жителей, предлагающих комнаты совсем рядом с морем, базаром, горами и всеми прочими удобствами.

Автобусы, на которых противными голосами заывают санаторных отдыхающих, таксисты, комплектующие пассажиров по принципу «по одной дороге, но в разные стороны».

А вот и наш герой — В. Синичкин под покровительством Семенова усаживается в такси, и трудно поверить, но вдвоем едут в одной машине. Видно, надоело таксомоторному диспетчеру ничего не делать, и пришлось таксисту ехать всего лишь с двумя пассажирами в сторону дома отдыха «Спартак». Семенов радовался жизни, хлопал Синичкина по коленям, а Синичкин пребывал в тяжелых раздумьях.

— Ну что, — подтрунивал над ним Семенов, — теперь небось не станешь говорить, что не артист. Володькой небось не назовешься. Будешь как миленький Куравлевым. Иначе — хана.

— А вы бы не радовались чужому несчастью, а помогли лучше.

— Тоже мне несчастье, — засмеялся Семенов, но, увидев мрачное лицо Синичкина, все же подбодрил: — Ты, парень, не бойсь. Все будет хоккей. Со мной не пропадешь. А ты уж если так от публики бережешься, так надел бы очки темные.

— И правда, — вспомнил Синичкин и нацепил себе на нос чудовищного вида светозащитные очки.

— Ну ты даешь, — развеселился Семенов. — Трофейные, что ли? У нас такие лет сорок не выпускают. Может, это для плавания лучше или для газосварки. Может, артиста в тебе и не признают, но как шпиона могут арестовать.

Синичкин молчал, смотрел в окно. Доехали до дома отдыха. Семенов оставил Синичкина у административного корпуса и забежал внутрь. Что уж он там говорил, неизвестно, но только когда Синичкин потом вошел в корпус, с ним почему-то разговаривали шепотом. Женщина с крашеными бровями говорила, озираясь:

— Не волнуйтесь, товарищ Куравлев, мы вам верим. Пришлют путевочку, тогда и оформим. А мы вас тем временем в отдельный номерочек, чтобы никто не тревожил.

— Нет, — сказал Синичкин, вспомнив, что номер у него двойной. — Нет, я хотел жить с товарищем Семеновым, если, конечно, можно.

Среди администрации пошел шепот:

— До чего же скромный.

— Вот молодец.

— Вишь, с народом хочет побыть.

И Семенов, гордо улыбаясь, пробасил:

— Э-т-та по-нашему. Уважаю, — взял чемодан Синичкина и направился в сторону жилого корпуса.

А Синичкину ничего другого не оставалось, как схватить тяжелый семеновский чемодан и потащить его вслед за Семеновым. Регистраторша шла следом и говорила:

— Вы только не волнуйтесь. Никто, кроме вас, меня и товарища Семенова, ничего знать не будет. Все так и будут думать, что вы это не вы. А вы в очках и все в секрете. Только вы, я и Семенов.

Но у двери корпуса она вытащила из кармана кучу открыток и попросила «Куравлева» дать автографы для главврача, повара, истопника, сестры-хозяйки и брата сестры-хозяйки. Все они, естественно, уже знали о прибытии в дом отдыха Леонида Куравлева.

Синичкину оставалось только молчать и подписывать открытки. А что ему было делать? Говорить, что он Синичкин? Без путевки и паспорта. Ночевать на вокзале? Но и там бы его нашла милиция. Без паспорта докажи, что ты Синичкин, а не верблюд. Можно было, правда, снять дня на три комнату вблизи всех мыслимых удобств и подождать, пока почта не принесет документы. Но Синичкин уже на все махнул рукой, доверившись Семенову. То есть так же, как когда-то с институтом, пошел на компромисс со своей совестью. Забыв на некоторое время, чем это может грозить совестливому человеку. Эх, была не была! Что будет, то и будет! И все, конечно, было: через час весь дом отдыха уже знал, что приехал артист Леонид Куравлев.

За ужином вся столовая украдкой поглядывала в сторону популярного артиста.

Официантка Надя, заглядевшись, наложила Синичкину столько гарнира, что съесть его Синичкин смог бы за сутки. Хорошо, что рядом был Семенов и ему на это потребовалось целых пятнадцать минут. Народ перешептывался, передавая друг другу по секрету, что это артист Куравлев, который не хочет, чтобы кто-нибудь знал, что он артист Куравлев, и потому называет себя Владимиром Синичкиным. Этому перешептыванию способствовало то обстоятельство, что соседи по столу, муж и жена, представились Синичкину и Семенову, а Синичкин в ответ тоже представился: «Владимир». Это сразу стало предметом обсуждения.

Дня два шли пересуды. Одни спрашивали, а почему это артист Куравлев отдыхает в доме отдыха «Спартак», а не в санатории «Актер». На что другие резонно отвечали, что Куравлев хочет быть в гуще народа. Именно здесь, в этой гуще, и изучает он черты нашего современника, которые так точно потом воспроизводит на экране. В связи с этим несколько дней подряд на пляже вблизи Куравлева располагалась та часть отдыхающих, которая готова была представить свои самые лучшие черты для изучения лицедею Куравлеву. Но в основном Синичкина не трогали. Ну Куравлев и Куравлев. Тем более не задается, не пьет, не скандалит, к женщинам не пристаёт — то есть не дает никакой пищи для разговоров. Ну и привыкли. И он тоже привык к своему сладкому существованию. И даже стал рассматривать хорошеньких девушек. Надо сказать, что на юге это возникает очень быстро — вот это желание рассматривать хорошеньких девушек. Все здесь на юге способствует рассматриванию хорошеньких девушек. И тепло летних ночей, и яркое звездное небо, и ритмичный шум моря, свежий воздух и хорошее питание, и, главное, абсолютное бездействие, то есть делать совершенно нечего и волей-неволей приходится об этом думать. Некоторые даже пытаются заниматься спортом. Но это мало кому помогает. Гонимые

мысли вновь и вновь возвращаются в голову, не занятую более серьезными мыслями, сначала изредка, потом чаще и чаще, а потом просто постоянно начинаешь думать о том, что время идет, а ты все один и один. А все вокруг вдвоем и вдвоем, а некоторые даже втроем или вчетвером.

В первые дни глаза разбегаются, и ты, не желая промахнуться, выбираешь глазами самую красивую, вскоре становится ясно, что она в свою очередь уже выбрала самого красивого. Поэтому невольно переводишь взгляд на других, менее красивых, но, как ты полагаешь, более умных. Но они почему-то тоже смотрят на других более умных. Так проходят несколько дней, и ты вдруг замечаешь, что «все девчата уже парами, и только я один», и тут ты уже не смотришь на тех, кто тебе нравится, а ищешь, нет ли тех, кому нравишься ты. И замечаешь, как на тебе время от времени останавливается взгляд скромных глаз юной особы, на которую ты вначале и внимания не обращал, настолько она была незаметной среди ярких и разодетых южных красавиц. А теперь вдруг увидел, что она не то что не хуже, а просто значительно лучше всех остальных. И ты удивляешься, как же ты раньше-то ее не видел. Ведь это она, суженая твоя, а ты, чудак, разгуливаешь, раздумываешь. Через все эти этапы прошел и В. Синичкин, с той лишь разницей, что был он здесь знаменитостью, и на него вначале многие заглядывались, но так как он прятался, а смущение его было принято за индифферентность, то многие смотреть перестали. Большинство из них, желая лучше иметь синицу в руках, чем журавля в небе, крепко держали своих синиц и лишь изредка поглядывали на странного «журавля» — В. Синичкина. И лишь она, суженая его, ходила одна и, встречаясь с «Куравлевым», опускала глаза и краснела. Так что Синичкин однажды не выдержал и поздоровался с ней. Просто, проходя мимо плававшей лицом девушки, сказал ей «Здравствуйте».

С этого все и началось. То есть она ответила. Тоже поздоровалась, потому что ничего плохого в этом не видела. Ведь они живут в одном доме отдыха, обедают в одной столовой, лежат на одном и том же пляже. То есть находятся, пусть временно, но в одном и том же коллективе. Она так и сказала своей соседке по комнате, что ничего тут особенного нет. Правда, у соседки на этот счет были большие сомнения. Ей казалось, что нельзя слишком много позволять этим знаменитостям. «Они такие, эти артисты, — говорила Таисия, — ты им палец сунешь, они полруки отхватят». Но Надя и не собиралась никому совать свой палец. Она поздоровалась, только и всего.

— Ну хорошо, — продолжала Таисия, — вот ты поздоровалась, а дальше что?

— Что?

— Ничего. Дальше он с тобой знакомиться начнет, потом гулянки начнутся по парку, потом целоваться полезет, а там, глядишь, вообще неизвестно что.

— Ну вы уж скажете, неизвестно что, — возражала Надя.

— А все почему, — развивала свою мысль Таисия, — все потому, что артист. У него в каждом городе неизвестно что. Да и к тому же женат.

— Откуда вы знаете?

— Да полстраны знает, Куравлев женат! Если б он еще был не артист, а нормальный человек, тогда другое дело.

— Какое другое дело? — возмушалась Надя.

— А такое другое. Ну представь себе, он не артист. Тогда же все по-другому. Он с тобой сначала здороваешься. Ты, допустим, ему отвечаешь. Потом он с тобой вежливо так знакомится. Ты не против. Теперь значит, раз ты не против, то вы начинаете гулять по

берегу моря. И тут он, конечно, тебя поцелует.

— Да в чем же разница? — возмутилась Надя.

— Да в том, что тогда ты не против.

— Между прочим, — сказала разозленная Надя, — я и сейчас не против. — Подумала и добавила. — Не против знакомства.

— А, милочка, тогда другое дело. Если ты считаешь, что это прилично — гулять с артистами, тогда пожалуйста.

— Да почему гулять, почему гулять? Слово-то какое — «гулять»! Почему нельзя дружить, почему нельзя общаться с человеком, и чтобы никто вокруг не думал ничего плохого.

— Это пожалуйста, — сказала Таисия, — это я не против, более того, ежели он с приятелем придет, то я тут как тут. И всегда рядом. И если что, присмотрю и тебя в обиду не дам.

Как Таисия и предсказывала, так и получилось. Синичкин и Надя невольно, даже внешне и не желая того, стали ловить взгляды друг друга. То есть, придя в столовую, Синичкин тут же отыскивал Надю и, сидя к ней спиной, все равно чувствовал, что она здесь, рядом, и вел себя соответственно. А Надя, видя его на пляже в окружении различных любителей знаменитостей, расстраивалась и не глядела на него. И взгляд Синичкина не мог уж встретиться с открытым и дружелюбным взглядом Надиных глаз.

А потом они познакомились, то есть Синичкин на вечере танцев подошел к ней и пригласил танцевать. И когда они танцевали, так он прямо и сказал: «Давайте с вами познакомимся». Она сказала: «Давайте». Он сказал: «Володя». Она сказала: «Надя». И вдруг спросила: «Как это Володя?» Синичкин хотел сказать: «А так вот, назвали Володей, имя такое редкое — Володя», — но вовремя сообразил, что ошибся, и сказал: «Ну во дворе меня Володей все звали в детстве», — здесь хоть лжи не было. Его действительно в детстве все звали Володей и не только во дворе.

А когда расходились с танцев и Синичкин хотел проводить Надю, она сказала, что не одна, а с подругой. И тут же Синичкин привел своего соседа Семенова, человека положительного. И пошли они по аллеям вчетвером, а потом как-то стали Синичкин с Надей отдаляться от своих спутников, и это не было неприятно никому — ни Наде, ни Таисии.

Вот с этого все и началось. И нет, чтобы ему, Синичкину, хоть ей-то, Наде, открыться, что это он, а не какой-нибудь другой. Но нет, не решился. Подумал, а вдруг он, другой, ей не нужен, а нужен именно такой вот киноартист, знаменитость. А ведь скажи он ей правду, тут же все и выяснилось. Ясно бы стало, что она собой представляет, эта подмосковная учительница. Понятно бы стало, что ее интересует — человек с лицом Куравлева, но со своей душой, мыслями, характером или знаменитая оболочка.

Но нет, не решился В. Синичкин, а пошел по пути компромисса со своими принципами. И шел все дальше и дальше. И вот до чего дошел.

Набежал на него как-то шустрый человек по прозвищу «культурник» и сказал плохо поставленным голосом:

— Как себя чувствуете, товарищ Куравлев?

— Нормально, — ничего не подозревая, ответил Синичкин.

— Никаких недомоганий нет?

— Нет, — честно ответил Синичкин.

— Здоровье в порядке, спасибо зарядке? — не то спросил, не то констатировал как факт

культурник.

— Спасибо, — на всякий случай поблагодарил Синичкин.

— Солнце, воздух и вода помогают нам всегда?

— Всегда, — не покривил душой Синичкин.

— А какие трудности, какие проблемы?

— Да нет, вроде бы никаких, думаю, что заслуженный отпуск закончим в положенный срок.

Этот ответ несколько не озадачил культурника, и он продолжал замысловато:

— Ну а так, вообще-то готовы народу послужить на своем поприще?

— А как же! — сказал Синичкин. — Обязательно. Мы со своей стороны, так сказать, соберем все силы и, как говорится, в едином порыве...

Неся все эти необязательные слова, Синичкин мучительно соображал, что от него хотят, но соображать ему пришлось недолго. Культурник как обухом ударил.

— Вот порядок, значит, я афишу уже вывесил.

— Какую афишу? — изумился Синичкин.

— Творческий вечер артиста Л. Куравлева. Детям до 16 лет вход воспрещен.

Синичкин открыл рот, а что сказать, не знал, и почему-то спросил:

— А дети-то здесь при чем?

— Вот я и говорю, ни при чем, а то набегут, а вы мало ли о чем рассказывать будете. Может, о творческих планах, а может, и о своих встречах с замечательными людьми, — и, многозначительно подмигивая, культурник удалился.

Вечер был назначен на завтра. А сегодня Синичкин еще гулял с подмосковной учительницей. Он гулял с ней по берегу моря и вспоминал слова великого писателя А. П. Чехова о том, что в человеке все должно быть прекрасно. Ему, Синичкину, казалось, что именно о ней, о Наде, и сказал эти свои замечательные слова знаменитый писатель. Ведь именно в ней, в Наде, по мнению Синичкина, все и было прекрасно. И с каждым днем все дальше и больше убеждался Синичкин в правоте чеховских слов. Лицо у Нади было прекрасно. Оно было круглое, Надино лицо. Глаза на этом лице тоже были круглые, с огромными детскими зрачками. Ротик маленький и тоже кругленький. Одним словом, красивое круглое лицо. Может, кому-то оно таковым и не показалось бы. Но Синичкину, отвыкшему от женского внимания и разомлевшему от юга и обращенных на него Надиных глаз, оно казалось прекрасным.

И мысли Нади ему тоже были близки и понятны. Она, например, считала, что человек должен любить свою работу. Ей казалось, что у нее замечательная профессия. Она считала, что именно от ее работы зависит будущее нашей страны. Ведь если учителя воспитают хороших, честных и благородных людей, мир станет прекраснее во сто крат. Не будет войн и подлостей. Значит, все дело в том, какие они, учителя. Она считала, что в педагогические институты должен быть самый строгий отбор.

— Верно, — говорил Синичкин, — а то у нас в школе учительница была, так она говорила и «чума-дан» и «тубаретка».

И еще у Нади были конкретные мысли. Она считала, что на уроках труда надо учить ребят делать ремонт, тогда страна сэкономит многие тысячи, а может, миллионы рублей. Во-первых, дети будут ремонтировать школы и одновременно учиться профессии, а это уже экономия. А во-вторых, они, эти дети, уже никогда в жизни не будут зависеть от жэка или халтурщиков. И эти мысли Синичкин также считал прекрасными, во всяком случае верными.

Может быть, только Надина одежда не совсем соответствовала чеховскому определению, и прическу бы Синичкин с удовольствием переделал бы. Поэтому, направляясь с прогулки к корпусу санатория, Синичкин извинился, вынул из кармана небольшую расческу и, сказав: «У вас волосы сбились», — стал поправлять Надины волосы. Она так удивилась и растерялась, что не могла сказать ни слова. А он перебирал ее волосы, пристраивал куда надо пряди и неожиданно для самого себя поцеловал Надю. И вот как бывает, она ответила ему. Но, оторвавшись от губ его, вдруг разозлилась.

— Вы думаете, если вы артист, значит, вам все можно?

— Нет, я так не думал.

— Я так и знала, что вы такой.

— Да я не такой, — пытался оправдаться Синичкин.

— Это у вас там с артистками такая привычка, чуть что, сразу целоваться.

— Да я ни с одной артисткой в жизни не целовался. Только один раз с циркачкой, но она же не артистка была, а наездница. Она на лошадях ездила.

— Да как вам не стыдно, — возмущалась Надя, — что вы несете, только послушайте, — и дальше Надя говорила уже учительским голосом и как по-писаному: — Взрослый человек, а такие глупости говорите. Да как вы могли так поступить?

— Но я люблю вас, — внезапно сказал Синичкин. В эту минуту он искренне верил в свои слова.

— Как же вам не стыдно говорить такое! Вам, наверное, кажется, что любить можно сразу двух. Вы ведь женатый человек!

— Я не женат! — закричал Синичкин.

— Как не женат?! Да вся страна знает, что вы женаты, а вы из меня дурочку делаете.

— Но я развелся, клянусь вам, я развелся.

— И все равно, не имеете права, не имеете, — повторила Надя. Сама не совсем понимая, на что Синичкин имеет права, Надя повернулась и убежала.

И Синичкин остался в недоумении. На что он не имеет права? Непонятно. Не имеет право разводиться или любить Надю?

Синичкин вернулся в свою комнату. Томился, ждал Семенова. Хотелось поговорить, поделиться. Из-за окна слышались какие-то шорохи, приглушенные голоса. Мерно накатывали волны. Смешок раздался по аллее. Все это еще больше возбуждало Синичкина, и он не мог спать и ждал как брата, как лучшего друга Семенова. И тот наконец явился, перемазанный помадой, и тут же сказал:

— Не мужское это дело о женщинах рассказывать, так что извини и даже не спрашивай. Ни слова, друг, ни слова.

— Да я и не спрашиваю, — сказал Синичкин, — просто хотел с тобой посоветоваться.

— Только не рассказывай, потому что не мужское, брат, это дело, о женщинах говорить. Но Синичкин уже говорил:

— Ты пойми, она убежала, я ее, наверное, обидел. Но что делать, ты скажи, ну что, я действительно понравиться не могу?

— Вот о тебе я говорить согласен, а о женщинах не мужское дело говорить. Ну так и быть, я тебе скажу. Таисья — женщина класс. Ну я тебе скажу, женщина так женщина. Только о женщинах ни слова.

А тебе я так скажу. Любишь — женись. А я человек женатый. У меня знаешь жена какая. Она ежели чего — то все. Конец. Крышка. Ну Таисья, — и Семенов даже глаз

прищурил, — а до моей все равно далеко. Но я так тебе скажу, каждая женщина — это загадка. Вот чего ты в ней нашел — неизвестно. А она в тебе — непонятно. Две загадки в одно время... Но о женщинах ни слова. А Надюха, я тебе так скажу, она человек. Мне и Таисья сказала, Надьку в обиду не дам. Ты там не того? — подозрительно спросил Семенов.

— Не того, — пробурчал Синичкин.

— То-то, а то знаешь, у вас, артистов, сегодня одна, завтра другая.

— Где уж нам, — сказал Синичкин.

И в то же время Таисия и Надя в своей комнате обсуждали свои отношения.

— Ну как твой? — спрашивала Таисия, и, как только Надя собиралась ответить, та продолжала: — Мой сурьезный мужчина, честный. Сразу говорит, я женат, и точка. Видала, мог бы ведь баки позабывать. Они же на юге все неженатые. А этот нет, говорит, люблю жену и точка. Ну твой-то, твой-то что?

Не успевала Надя открыть рот, как Таисия продолжала:

— Обхождение у него натуральное. Ну я тебе скажу, сурьезный мужик. Хочешь, говорит, к тебе в командировку потом приеду. Фотокарточку жены показал, ничего женщина, тоже сурьезная. И говорит, люблю ее, и все. Вот что значит честный человек. Не то, что некоторые навешают лапшу на уши, а ты реви потом. Твой-то ничего? Ты смотри, Надюха, они же до того хитрые. И где ж у них справедливость спрятана, никто не знает. Но что ни говори, а я мужиков уважаю.

На том разговор и закончился. И, уже погасив свет, Надя сказала:

— А глаза у него серые, как Черное море.

На следующий день в столовой Надя даже не поздоровалась с Синичкиным. И даже не взглянула в его сторону. Напротив, Таисия на Семенова бросала яростные взгляды.

Для Синичкина день тянулся занудно. Семенов все убегал к Таисии, о чем-то с ней говорил с серьезной миной или шутил и Наде бросал:

— Ну, Надюха, ты даешь, присушила парня, просто нет сил.

На пляже Синичкин попытался было поймать Надин взгляд, но она тут же отвернулась, и после обеда Синичкин улегся спать и вставать не хотел до самого ужина. И суетящийся Семенов со своими бодрими возгласами: «Не горюй, паря, все будет по первому классу», — действовал на нервы.

Однако перед ужином Семенов уже беспокоился и говорил серьезно:

— Ты что, Леонид, занемог, что ли?

— Да, слегка, — отвечал Синичкин.

— Ну встряхнись, выступать-то надо, — беспокоился Семенов.

— Надо, — согласился Синичкин.

Синичкин думал, что Надя и на вечер не придет. Но Надя на встречу с популярным артистом пришла.

Вообще настроение у всех было приподнятое. Перед входом толпились дети, которых не пускали в зал, но потом, конечно, всех впустили.

Синичкина трясло, он никогда в жизни не выступал перед таким залом и в такой роли. То есть он выступал в своем деле, в конкурсах, но там он, несмотря на волнение, был уверен в себе. А здесь просто пытка. Хорошо еще, Семенов сопровождал Синичкина на эту общественную экзекуцию.

— Крепись, Леонид, — поминутно говорил он. И в сторону окружающим: — Вот это артист! Сколько лет на сцене, а перед выходом волнуется. Не бойсь, Леня, все сбудется.

Вечер был организован традиционно. Вышел культработник, объявил, с кем сегодня встречаются зрители. То есть объявил все, что только можно: и лауреат премии, и народный артист, и заслуженный деятель — полный набор. Зрители, естественно, бурно аплодировали. Затем пошли ролики, то есть фрагменты из фильмов, а потом на сцену под гром аплодисментов вышел сам «Куравлев». Выход «Куравлева» культурник сопровождал криками в микрофон:

— Нет, это не море вышло из берегов. Не снежная лавина в горах. Это отдыхающие дома отдыха «Спартак» встречают своего любимца — Леонида Куравлева.

«Любимец» очень смущался, и публике это нравилось. Нравилось, что он вот такой знаменитый и в то же время простой, не задается и говорит как все — маловразумительно.

Синичкин же перед вечером вспомнил подобные встречи с киноартистами, вспомнил, что в таких случаях говорили любимцы публики, и поэтому сказал:

— Нам, артистам, всегда волнительно встречаться с вами, зрителями, поэтому, может быть, вы будете задавать мне вопросы, а я буду отвечать.

И сразу ему стали задавать вопросы:

— Как вы стали артистом?

— Расскажите о своем творческом пути.

— Ну что вам сказать, — начал входить в роль Синичкин. — Я с детства хотел быть то летчиком, то врачом, а потом подрос и понял, что могу быть только артистом и тогда сбудутся все мои мечты, я смогу быть и летчиком, и врачом. Вот я и поступил в театральный институт.

Кто-то из зала крикнул:

— А я читал, что вы ВГИК закончили.

Синичкин на миг смешался, но нашел выход из положения:

— Я и говорю, поступил в театральный институт, а закончил ВГИК, потому что уже на третьем курсе понял, что жить не могу без кино. Потому что кино самый массовый вид искусства. Ну вот, закончил я институт, потом работал и стал парикмахером, — вдруг неожиданно для себя сказал Синичкин.

— Кем? Кем? — переспросили из зала.

— Артистом стал, — Синичкина аж в жар бросило, поэтому он поспешил продолжить: — Вы не думайте, что артистом быть легко, — а далее Синичкин стал вспоминать чужие байки о том, как трудно живется им, артистам, как они в холод лезут в прорубь, как они в пургу замерзают, как они по 18 раз снимаются в одном кадре — и все это ради самого массового из искусств, ради кино.

— Если так трудно, взяли бы да и бросили, — крикнул из зала какой-то зануда, но на него тут же зашикали, а какая-то женщина даже сказала:

— Люди мучаются, страдают, чтобы потом такие, как вы, удовольствие получали. Люди ради искусства стараются.

— Да, да, — не унимался зануда, — а денежки-то небось лопатой гребут.

На него опять зашикали, но вопрос остался висеть в воздухе, и какой-то мужчина встал и оформил его словами:

— Вот вы меня, конечно, извините, мы с полным уважением относимся к киноискусству, но все-таки, какая у вас, у артистов, зарплата? Ну если вы свою не хотите назвать, то какая, допустим, у других? А то у нас спор — один говорит, у вас зарплата, а другие спорят, что артисты после концерта все, что в кассе, между собой делят.

Синичкин не знал, что говорить. Смешался, начал что-то лепетать, потом вдруг ясно и четко ответил:

— Зарплата у нас от выработки — сколько клиентов обслужил, столько и получишь, ну и от качества. Клиент если доволен, то всегда приплатит, хотя лично я никогда сверху не беру.

В зале никто ничего не понял, но последние слова так понравились, что все зааплодировали. А потом кто-то вдруг спросил:

— Ваше хобби?

И Синичкин тут же ответил:

— Дамские прически.

Зал был в недоумении.

— Ну, да, люблю женщинам прически делать.

И так как зал продолжал молчать, Синичкин сказал:

— Не верите? — и обращаясь к сидящим, произнес: — Вот если есть желающие, я могу продемонстрировать. Но чтобы понятнее было, мне нужны особые волосы. Вот как у вас, — и Синичкин показал на подмосковную учительницу.

Надя на сцену не шла. Ее подталкивали.

— Идите, идите, артист просит.

— Ну как вам не стыдно, вы же всех задерживаете.

Надя вышла, и Синичкин показал всему залу, что он может сделать при помощи одной расчески. Он продемонстрировал всем, как меняется внешность женщины в зависимости от ее прически. То есть он зачесывал волосы в одну сторону — и лицо становилось одним, в другую — и лицо становилось другим. И делая все это, он тихо разговаривал с Надей, говорил ей о том, что не хотел ее обидеть, просил ее о свидании. И когда она не соглашалась, вмиг сделал ей такой начес и хотел уже проводить со сцены. но вернул Надю и вмиг уложил волосы так, как было лучше всего. И успел сказать ей среди аплодисментов:

— Жду вас в беседе.

И под эти же аплодисменты Надя гордо ушла со сцены.

А на смену ей на сцену вышел культработник и объявил окончание вечера, сказав, естественно, о том, как порадовал артист всех зрителей своим искусством.

Зрители были довольны, а Синичкин уже бежал через служебный выход к беседе.

Минут через пять появилась Надя.

— Как вам не стыдно так издеваться над человеком! Что вы со мной сделали! Вы меня опозорили.

— Пойдите, пойдите, — пытался оправдаться Синичкин, — что же я вам плохого сделал?

— Я вас знать не желаю.

— А я вас люблю, — сказал Синичкин.

— И я вас люблю, — сказала Надя, — но это ничего не значит, — я знать вас не желаю.

— Но как же так? Если вы любите меня, а я люблю вас.

— Нет, это невозможно, — сказала Надя, — это все невозможно. Давайте я поцелую вас, и все! И навсегда!

— Давайте, — закричал Синичкин. — И навсегда!

Они поцеловались, и Надя сказала:

— Это был наш первый поцелуй и... — Она хотела сказать «последний», но Синичкин

не дал ей договорить.

— Не первый. Мы с вами вчера целовались! — Что же это за дурацкая манера была у Синичкина, всюду соблюдать точность и скрупулезность. Какое-то гипертрофированное правдолюбие. Ну кто считает — первый, второй, да хоть сто тридцать второй. Говорит человек — первый, значит, пусть будет первый, а он спорит.

— Первый, — сказала Надя.

— Нет, второй, — возразил Синичкин.

— А я говорю, первый! — сказала Надя.

— Ну как же первый, когда первый был в тот раз, — настаивал Синичкин.

— А я говорю, первый, потому что тот раз не считается.

— Это почему же не считается?

— Потому что тот раз был против моего желания.

— Все равно второй.

— Нет, первый и последний.

— Ну, хорошо, пусть первый.

— Но все равно последний.

— Как последний? — удивился Синичкин.

— Вы только не обижайтесь на меня. Я всю ночь сегодня не спала. Я боролась со своим чувством, но оно оказалось сильнее меня.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Синичкин и вновь попытался поцеловать Надю, якобы в подтверждение своих слов.

— Нет, вы меня послушайте, — отстранилась Надя, — это очень важно. На вашем вечере мне удалось побороть свое чувство. То есть я теперь сильнее его, хотя оно и живет в моей душе. Не перебивайте меня.

Я поняла, что мы не можем быть вместе. Вы знаменитый артист, а я простая учительница. Я смотрела сегодня, какой вы на сцене и как вас все любят. И я поняла, что мы не можем быть вместе. Что я могу противопоставить всему этому? Я, простая подмосковная учительница. И я прошу вас, не возражайте мне. Все это будут слова, пустые слова. Я, может быть, не смогу возразить вам, но я чувствую, что именно так я чувствую. Давайте расстанемся по-хорошему.

— Значит, — сказал Синичкин, — если бы я не был киноартистом, вы бы меня полюбили и мы не расстались бы?

— Ну конечно, — сказала Надя и ушла.

Вот такая история. Синичкин остался в беседке один. Сердце его разрывалось. Зачем он пошел на этот идиотский компромисс! Ведь у него есть свои принципы. Если бы он не выдал себя за артиста, все было бы нормально. Об этом он и сказал Семенову прямо и откровенно.

— Понимаешь, — говорил он Семенову, — если бы я не выдавал себя за артиста, мы бы любили друг друга беспрепятственно.

— Какая женщина, — говорил Семенов, погруженный в свои мысли. — Ну я тебе скажу, я просто балдею.

— Ну правильно, — сказал Синичкин, — видишь, как важно быть тем, кто ты есть. Ты не выдавал себя за артиста, за академика.

— Ну ты даешь, — сказал Семенов, — представляешь, я и академик.

Он надел на себя шляпу, полагая, что академик обязательно должен быть в шляпе,

нацепил на нос очки и сказал гнусным голосом:

— Коллеги, прошу вас, присаживайтесь. На повестке дня у нас один вопрос, брать артиста Куравлева в академию или не брать. Я так думаю, если он нам бутылку поставит, будем его считать академиком.

— Да хватит тебе. Ты же меня и подбил артистом представляться.

— Ну опять за свое. Заладил. Ты уж и на сцене отработал, как никакому артисту не снилось. Да, может, она тебя и полюбила за то, что ты артист. Вас ведь, артистов, девки ой как любят.

«Однако, — подумал Синичкин, — может, и действительно, не будь я артистом, и ничего бы не было, и внимания со стороны Нади не появилось. Может, и внимания на меня не обратила бы».

И представилось Синичкину, как подходит он к той же Наде на танцах, а она отказывает ему и уходит танцевать с Семеновым, нет, лучше с каким-нибудь артистом, ну, предположим, с Меньшиковым.

Тут в сознание Синичкина ворвались слова Семенова:

— Нам, простым смертным, чтобы на нас такая девушка посмотрела, знаешь, как на пупе вертеться надо. А ты только мигни, и все на тебя смотрят.

А вдруг это все уловки, думал Синичкин. Он знал, что у женщин есть масса уловок. Сначала завлечь, потом бросить. Чтобы я еще больше влюбился.

— А, Семенов, может, это она меня привлекает?

— Верняк, — сказал Семенов.

— Может быть, она не так и проста, как кажется.

— Факт, — сказал Семенов, — хитрющая.

— Может быть, это игра? — спросил Синичкин.

— Да они такие, я тебе скажу. Говорит пол, а думает потолок. Но я тебе скажу, есть исключения, Таисья — это человек. А какая у нее душа? Большая душа. Так погляди на нее.

— Глядел, — отмахнулся Синичкин, занятый своими мыслями.

— Ну ведь сразу видно, что широкой души человек.

— Широкой, — согласился Синичкин. Он стал продумывать план испытания. Он то продумывал этот хитроумный план, то просто ругал себя за то, что сразу не назвался своим настоящим именем. Проклинал себя за малодушие. И вообще не знал, что делать. Да еще и Семенов внушал ему:

— Тут, главное, честным быть. Если женат, говорю, что женат. Если люблю, говорю, что люблю, и чтоб никаких.

А наутро судьба сама подсказала Синичкину, что ему делать. Судьба явилась Синичкину в виде администратора дома отдыха, той самой, которая когда-то так гостеприимно встречала «Куравлева».

Когда Синичкин шел на завтрак, администратор сказала ему:

— Вы меня извините, товарищ Куравлев, мы вас так любим, и лично я никогда бы в жизни не решилась на это, по мне хоть всю жизнь живите здесь без путевки, но вот директор строгий, и потом паспорт... и вообще...

— Все понял, — сказал Синичкин, — иду звонить в Москву.

И автоматически началось осуществление плана, который в общих чертах еще вчера наметил Синичкин. Он позвонил по автомату маме, и мама, ничего не ведая о Володиных затруднениях, закричала в трубку:

— Как там погода?

— Хорошая погода, — ответил Синичкин и хотел перейти к делу, но мама не давала говорить.

— А почему помидоры на рынке?

Этот вопрос почему-то всегда волнует тех, кто еще не поехал на юг.

— Дешево, дешево, мама, — сказал Синичкин и хотел было, но не тут-то было.

— Почему, почему? — спрашивала мама.

— По десять копеек, — сказал Синичкин первое, что пришло ему на ум.

— Килограмм? — несло из Москвы.

— Ведро, — сказал Синичкин. И пока мама переваривала эту чудовищную дезинформацию, Синичкин успел спросить:

— Почему до сих пор не высылаешь путевку и паспорт?

— Какую путевку?

— Ну я же тебе телеграмму дал.

— Какую телеграмму? — переспрашивала мама.

— Ну телеграмму, бумажную, что я забыл дома путевку и паспорт.

— Какой паспорт? — упорствовала мама.

— Ну что значит какой. Тот самый, который мне выдали в шестнадцать лет.

— Как, разве ты его не обменял?

— Обменял, мама, обменял и забыл.

— Как, ты забыл обменять паспорт?

— Обменять я не забыл, я забыл его взять с собой. И дал тебе телеграмму, чтобы ты выслала мне паспорт и путевку. Ты получила телеграмму?

— Я ничего не получала, кроме пенсии, я тебе вышлю.

— Не надо мне пенсии, вышли мне паспорт и путевку.

— Ну так бы и говорил с самого начала. А то морочишь мне голову с помидорами, а про существо дела не говоришь. В кого ты пошел, я просто не могу понять.

— Мама, вышли мне все это скорее! — кричал Синичкин. Короче говоря, мама в Москве поехала на вокзал и отдала паспорт и путевку проводнику поезда.

Синичкин перезвонил в Москву, уточнил номер поезда и вагона и поехал за ними на вокзал. Естественно, проводник вначале не хотел отдавать паспорт Синичкину и путевку на ту же фамилию артисту Л. Куравлеву. Пришлось долго доказывать, сличать личность и фотографию. Короче, через сутки после звонка паспорт и путевка были уже у Синичкина, но он не стал сразу относить эти документы к администратору дома отдыха. Нет, он понес свой паспорт к Наде, нашел ее в той же беседке. Глаза ее были красны от слез. Синичкин извинился за то, что побеспокоил ее. Он был вежлив и спокоен, наш Синичкин. Он был полон достоинства и внешней невозмутимости, но внутри у него все клокотало.

— Разрешите мне задать вам вопрос, — начал он высокопарно.

— Пожалуйста, — сказала Надя, которой также моментально передалась строгость и официальность Синичкина.

— Если я вас правильно понял, то основным препятствием нашему общему счастью является то, что я артист. Не так ли?

— Именно так, — ответила Надя. — Вы меня поняли правильно.

— Или, другими словами, для вас важна душа человека, его характер, так сказать, личность, но вам мешает его внешний блеск, популярность и успех, не так ли? Я вас понял

правильно?

— Именно так.

— Другими словами, — продолжал Синичкин, — если бы я был не я, то есть с тем же лицом, с той же душой, но только не был популярным артистом, вы бы не стали бороться со своими чувствами и не стали наступать на горло собственной песне! — с пафосом закончил Синичкин.

— Да, — грустно сказала Надя, — я бы тогда ни на что не стала бы наступать.

— В таком случае, — сказал Синичкин высокопарно, — имею честь сообщить вам, что я не Куравлев и не артист, я дамский парикмахер, имя мое Владимир, фамилия моя Синичкин, — и он гордо протянул Наде свой паспорт.

Надя дрожащими руками взяла паспорт, заглянула в него. Затем посмотрела на Синичкина полными слез глазами, потом сказала:

— Да как же так можно?! — и швырнула паспорт прямо в лицо Синичкину.

Такого Синичкин не ожидал. Он мог предположить, что она бросится ему на шею, мог предположить, что она смутится, так как поймет, что ее коварные замыслы раскрыты, что она ошиблась в своих расчетах на артиста, что действия ее по завлечению популярного артиста провалились и стали теперь ненужными, но такой реакции Синичкин никак не мог ожидать. Ему было больно, нехорошо. Но, во всяком случае, он убедился, что полюбила она его, если только можно называть таким словом ее отношение к нему, за его мнимую популярность, а сам по себе Синичкин ей не нужен был никогда.

Обо всем этом он и рассказал Семенову, после чего улегся лицом к стене. Семенов повертел в руках паспорт Синичкина, но не такой он был человек, Семенов, чтобы просто так сдаться.

— Смотри, — сказал он, — я и не думал, что до сих пор делают фальшивые паспорта. Это что ж, тебе в милиции выдали, чтоб народ не приставал? Выходит, живешь с двумя паспортами. Вот бы мне так, я бы тут же с Таиской расписался.

Таисия не заставила себя долго ждать. Она тут же без стука влетела в их номер с криком:

— Аферисты! Один аферист изображает, а другой — на, погляди, что мне твой друг на память подарил...

Она протянула Синичкину фотографию, на которой были запечатлены две личности — Семенов и его жена, которая габаритами и серьезностью лица ни капли не уступала мужу.

— На вечную дружбу, — процитировала Таисия надпись и, бросив фото в лицо Семенову, ушла, приговаривая: — Я свое в пионерлагере отдружила. Ишь ты, честный какой! А я значит уже и не человек. Если ты такой честный, зачем ходишь ко мне?

Синичкин лежал лицом к стене. То, что произошло у него с Надей, так ошеломило его, что остальные неприятности его уже мало трогали.

А неприятности, естественно, посыпались на Синичкина непрерывным потоком. Наутро весь санаторий уже знал, что Куравлев — это не Куравлев. И что Синичкин — это дамский мастер, в смысле парикмахер. Некоторые перестали здороваться с ним. Другие смотрели на него с презрением, иные с сочувствием. Семенов с утра сказал:

— Ну ты, артист, меня все равно не проведешь.

То есть остались и такие, которые не поверили в неожиданное превращение артиста в парикмахера.

Однако понемногу Синичкин, который ходил как в полусне, стараясь избегать чьего-

либо общества, занялся своим прямым делом, потому что только оно и давало ему успокоение. Одна дама, которая должна была идти вечером в варьете, попросила его уложить волосы, потому что она попала под дождь и прическа была совершенно испорчена. Синичкин пришел даме на помощь и сделал такое чудо парикмахерского искусства, что на другой день к нему стояла одна очередь из отдыхающих и одна очередь из медперсонала. Одни шли в театр, другие в ресторан, и всем хотелось быть красивыми. Многие женщины даже говорили, что это хорошо, что Синичкин парикмахер — хоть какая-то от этого артиста польза.

А раз женщины полюбили Синичкина, значит, все в порядке — климат общественного мнения дома отдыха потеплел по отношению к Синичкину. Даже поговаривали о творческом вечере дамского мастера В. Синичкина, но он отказался наотрез. Вообще для него на юге все померкло. Изредка они виделись с Надей, но не разговаривали и даже не здоровались. Больше того, если это происходило на улице или в парке, они, издали завидев друг друга, сворачивали куда-нибудь в сторону, чтобы не встретиться.

Постепенно Синичкин стал думать о Наде иначе, о чем и говорил своему другу Семенову. Он, Синичкин, попытался поставить себя на Надино место, и получалось, что выглядел он неприглядно при условии, что Надя — честный и хороший человек. Получалось, что он выдал себя за известного артиста, пользуясь чужой популярностью и чужой всенародной любовью, влюбил в себя девушку, а когда это стало ему выгодно, открылся.

А расчет оказался неверным. Так все получилось при условии, что сама Надя была человеком чистым. И снова грызла Синичкина его совесть. Ну ведь мог он позвонить в Москву сразу по приезде в дом отдыха, переспал бы на вокзале ночь, да в конце концов и в доме отдыха тоже люди, поверили бы, впустили на два дня под честное слово. Может быть, он как Синичкин и не смог бы понравиться Наде, но ведь кто знает. А если бы понравился, то не было бы никаких препятствий, что говорить, если не дано тебе врать, то и заниматься этим не стоит, самому себе дороже.

У Семенова дела тоже были совсем неважные. Таисия его знать не хотела и объяснять почему наотрез отказалась. Бросала на него в столовой взгляды, но тайно, когда Семенов не видел, а на мировую не шла. Семенов решил ответить контрударом и даже уговорил принять Синичкина в этом ударе участие.

— Я тебе так скажу, женщины — они ревность не переносят, так что собирайся сегодня вечером, будем им характер обламывать.

«А, чем черт не шутит, — подумал Синичкин, — а вдруг действительно подействует».

И привел Семенов вечером двух хохотушек. Они вчетвером чинно и пошли по аллее и долго вышагивали по парку для того, чтобы наткнуться на Таисию и Надю. Но, видно, у Таисии мыслительный аппарат был под стать семеновскому, и Синичкин с Семеновым натолкнулись на своих подруг где-то в центре парка, а до того Надя и Таисия водили своих ухажеров по тому же парку в аналогичных поисках. Первыми не выдержали Синичкин и Семенов.

— Извините, девочки, — сказал Семенов хохотушкам, и они с Синичкиным кинулись за четверкой.

А дальше Семенов отозвал двух кавалеров своих подруг, два офицера отошли с Семеновым и Синичкиным.

— А ну, ребята, — сказал Семенов грозно, — чешите от наших девчонок.

— Вот что, друг, — ответил один офицер. — Мы тебя не трогали, и гуляй себе

спокойно.

— Я ведь и побить могу, — сказал Семенов.

— А ты что, боксер? — спросил офицер.

— Может, и боксер, — ответил Семенов.

— Ну что ж, — сказал офицер. — Какой разряд?

— Второй, — соврал Семенов.

— Извините, у меня первый, — ответил офицер и вынул книжечку с разрядом.

На том разговор и закончился. Таков современный способ встречи на дуэли. Показали друг другу разрядные книжечки и разошлись по-хорошему.

Но, когда офицеры вернулись на место, Нади и Таисии уже не было. Наде весь этот маневр показался омерзительным. Таисии пришлось идти за ней.

После этого случая Семенов решил поговорить с Надей, а Синичкину рекомендовал походатайствовать за себя. Результаты переговоров нельзя было назвать ободряющими. Надя заявила Семенову, что она ничего плохого Синичкину не желает, но и встречаться с ним не может, поскольку врать человеку, значит, считать его глупее себя, а значит, опошлять его. И дальше она сказала:

— Никогда, никогда я не смогу простить его, — а потом заплакала.

Синичкин же, причесывая Таисию, которая, может быть, и не случайно пришла делать прическу, услышал от нее такие слова:

— Ты пойми, Вова, два человека встретились. Почему я ему нравлюсь, не знаю, почему он мне нужен — не знаю. Две загадки пересеклись. Я, может, ради него все брошу, а он мне фото жены сует. Да ты мне лучше соври, да хоть месяц я на седьмом небе буду, а потом пусть оно идет как идет. Нет, он свою честность мне подсовывает. Если ты такой честный, будь честным. Верно я говорю, Владимир? Или Леонид, как тебя уж не знаю. Один врет напрапалую, другой честный до одурения. Ну и компания здесь у вас.

Дни шли за днями, и отношения Синичкина к Наде с каждым днем менялись то в одну, то в другую сторону. То он ненавидел ее, то хотел бежать, просить прощения, но не бежал, а вскоре и бежать было некуда.

Пришел день отъезда. Последний раз в столовой посмотрели они с Надей друг на друга. Так, наверное, смотрят на поле боя раненые солдаты, когда видят, как уходят, не заметив их, товарищи, а крикнуть нет сил.

Посмотрели друг на друга и расстались. Синичкин с Семеновым уехали на вокзал. А Таисия с Надей остались доживать. Когда уже отъехал автобус от дома отдыха, показалось Семенову, что из-за забора смотрела вслед ему Таисия. Показалось, а может, и в самом деле смотрела.

В поезде уже, в отдельном купе, вдвоем, под охи и ахи проводниц насчет «Куравлева» ехали Синичкин и Семенов, глушили коньяк, и сказал наконец Семенов, преодолев свою тяжелую душу:

— Ну вот сейчас мы одни, скажи мне наконец честно, кто же ты — артист или парикмахер? Мне ж на Алтае надо рассказывать, с кем я водку пил.

— Коньяк, — поправил Синичкин.

— Ну коньяк. Только все равно ведь не поверят, что я здесь коньяк пил, в Куравлева поверят, а что коньяк вместо водки пил, ни в жисть не поверят.

— Да кто тебя спрашивать-то будет, с кем водку пил?

— Да я сам расскажу, с кем пил. А они спросят: «С кем, с кем?» А мне что отвечать?

— Скажи с Меньшиковым.

— А вдруг он не пьет?

— Тогда говори — с Куравлевым.

— Ну вот. наконец-то сознался. Так я и знал, что не ошибся в тебе. — И Семенов полез обниматься.

— Что это тебя на нежности потянуло? — спросил Синичкин.

— Прощаюсь с тобой, — ответил Семенов. — Выхожу. Решил я — назад поеду. Знаешь, не могу без Таисии. Ну не могу, и все. Вопрос в душе остался. Не могу с этим вопросом жить.

— А жена как же?

— Если любит, — сказал Семенов, поднимая чемодан, — приедет и заберет. А я не могу. Прощай, Ленька. Будь здоров. — И вышел на ближайшей станции.

А Синичкин приехал домой и стал ходить на работу. Пошли обычные радостные будни и суматошные праздники. А приблизительно через год села к нему клиентка. Глянул он на нее, а это Надя. Та же самая, неизменившаяся.

— Ой, это вы? — сказала она.

— А это вы, — сказал он.

Потом он делал ей прическу, и они оба молчали. А когда он уже закончил свою работу, Надя сказала:

— А знаете, я ведь вас потом искала, мне Семенов рассказал, как вы путевку и паспорт дома забыли. Только он убежден был, что вы Куравлев, а я после его рассказа поняла, как все это вышло. Я вас искала.

— Я не знал этого.

— А потом я вас перестала искать.

— Глупо как-то все получилось, — сказал Синичкин, — глупо.

Она заплатила деньги в кассу, пожала ему руку и ушла.

Он сел в кресло, поглядел на себя в зеркало и еще раз повторил:

— Глупо.

Потом они встретились снова лет через пять.

Она уже была замужем и имела ребенка от любимого ею мужа.

Он тоже женился на женщине с ребенком и любил эту женщину и этого ребенка.

Они встретились на улице и не узнали друг друга. То есть они кивнули друг другу, потому что показались друг другу знакомыми, и разошлись в разные стороны.

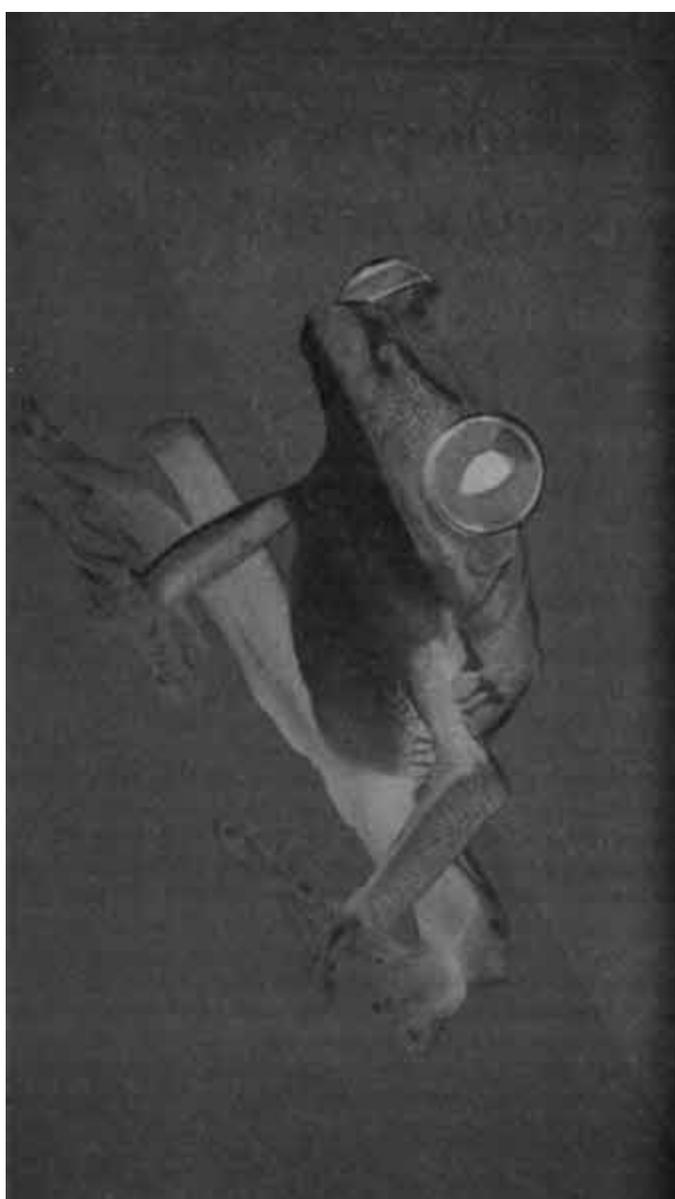
А ведь когда-то они любили друг друга и даже могли быть вместе счастливы.

ГЛАВА V
ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ГЛАВА V

Повестъ
для детей

Лягушонок Ливерпуль

Знакомство

Ваня Сидоров никогда и не думал становиться дрессировщиком. Но так получилось. Ваня тогда еще в школе не учился и жил летом в деревне. Шел по дороге и вдруг видит — лягушонок лапку волочит и даже будто жалобно-жалобно пищит. Ване стало жалко лягушонка, и он взял его домой.

Ваня знал, что есть такая примета: если лягушку раздавят, значит, завтра дождь будет. А тут лягушонку раздавили лапку, и назавтра был не дождь, а дождик.

И Ваня возился со своим лягушонком. Он ему сделал во дворе, между корнями большого дерева, площадку, чтобы лягушонок никуда не упрыгал. Но лягушонок об этом и не помышлял. Прыгать он не мог. Сидел и дышал часто-часто. Наверное, ему было очень больно.

А Ваня стал ловить «мухов». Так он называл мух. Он был еще маленьким, Ваня Сидоров, и не знал, как правильно говорить это слово. Но это не мешало ему по-человечески относиться к лягушонку.

Он знал, что лягушки полезные животные. Они ловят вредных мух. А вредные мухи потому, что рано утром садятся на Ваню и будят его раньше времени.

Поэтому Ваня был против мух и за лягушонка.

Он ловил мух и клал их возле лягушонка. Но при Ване лягушонок есть стеснялся. Тогда Ваня отходил от дерева на некоторое время, а когда возвращался, мух уже не было. То ли лягушонок их съедал, то ли мухи убегали. А двигаться лягушонок не мог.

Тогда Ваня взял лягушонка и пошел к ветеринарному врачу.

У врача

К врачу была очередь. Кто был с кошкой, кто с собакой, а Ваня — с лягушонком. Все на него смотрели и улыбались, потому что это странно — пришел к ветеринарному врачу с лягушонком.

А некоторые люди даже спрашивали Ваню, что с его лягушонком: насморк или воспаление легких.

— Если насморк, — говорили они, — то надо сделать лягушонку горчичную ванну и перед сном попарить лапы, а если воспаление легких, то тогда надо поставить горчичники и обмотать на ночь шарфом.

А Ваня на эти шутки очень серьезно отвечал, что у его лягушонка сломана лапка.

— Ну и чем же доктор сможет помочь твоему лягушонку? — спрашивали Ваню.

И Ваня так же серьезно отвечал:

— Доктор наложит лягушонку гипс, и нога заживет.

Все вокруг смеялись и говорили:

— Иди, мальчик, домой, доктор лягушек не лечит. А если тебе очень хочется

дрессировать лягушек — вон их сколько на болоте, — бери здоровую и воспитывай из нее домашнее животное.

Но Ваня упорно ждал своей очереди и дождался. Ветеринарный врач спросил Ваню:

— Что у вас?

— Лягушонок, — ответил Ваня и протянул доктору ладонь с лягушонком, — видите, у него ножка сломана.

— А что же ты хочешь? — спросил врач.

— Я хочу, чтобы вы ему наложили гипс.

— Мальчик, — ответил врач, — я лягушек не лечу. Я лечу кошек, собак, лошадей, коров. Есть у тебя корова? Если есть, я ее вылечу.

Коровы у Вани не было, поэтому на глаза Вани навернулись слезы, и он сказал дрогнувшим голосом:

— Что же, лягушка — не человек? Что ж, лягушка хуже кошки? Знаете, лягушки какие полезные.

— Знаю, — сказал доктор, — они мух ловят.

— И не только, — сказал Ваня. — Если лягушку положить в молоко, молоко будет вкуснее.

— Так вам для этого лягушка нужна? — спросил доктор.

— Нет, — сказал Ваня, — нам лягушка ни для чего не нужна. Она просто мне нужна. Вы должны ее вылечить, потому что ей больно.

И у Вани из одного глаза покати́лась слеза, а из другого почему-то никак не скатывалась. И Ваня стал моргать левым глазом, чтобы слеза быстрее скатилась и не мешала Ване смотреть.

А доктору показалось, что Ваня ему подмигивает. И доктор почему-то тоже подмигнул Ване и сказал:

— Ну и молодежь пошла, — будто бы рассердился, но лягушонка взял и стал его рассматривать. Потом он сказал: — Гипс мы накладывать не будем, а помочь попробуем.

После этого он помазал лапку какой-то мазью и аккуратно перебинтовал ее.

— Спасибо, — сказал Ваня, — мы с лягушонком никогда вас не забудем.

— Постой, постой, — сказал доктор, — мне же вас записать надо. Как зовут?

— Ваня Сидоров, — сказал Ваня.

— Это у него такое имя?

— Нет, это у меня, — ответил Ваня.

— Лягушонка как зовут?

— Лягушонка зовут... — Ваня на секунду задумался, а потом сказал: — Ливерпуль.

Это слово «Ливерпуль» Ваня слышал по радио, и оно ему очень понравилось.

— А фамилия у него — Квакин. Ливерпуль Иванович Квакин, — повторил Ваня и пошел.

А когда Ваня, уже уходя, обернулся, доктор почему-то опять ему подмигнул, но Ваня в ответ не стал подмигивать, потому что это невежливо — подмигивать взрослым. Он просто сказал:

— Спасибо, доктор, мы с Ливерпулем очень вам благодарны.

А дальше...

А дальше Ваня принес Ливерпуля домой, посадил его под дерево и стал кормить мухами и букашками. Кроме того, вечером Ваня принес Ливерпулю травы, чтобы ему не мерзнуть ночью. А воды Ливерпулю и так хватало, потому что дождик все продолжался. И так каждый день Ваня ухаживал за Ливерпулем. Ловил ему мушек, когда не было дождя, поливал водой землю между корнями и разговаривал с Ливерпулем на разные интересные темы. Правда, Ливерпуль только слушал.

Несколько раз приходила к Ливерпулю курица с цыплятами. Как видно, показывала цыплятам лягушонка. Чтобы они знали, что на свете бывают не только куры, люди и кошки, но еще и лягушата.

Один цыпленок был очень любознательным и хотел клюнуть лягушонка, но курица отогнала невежливого цыпленка. Правда, потом курица сама склевала двух мух, пойманных Ваней. Ливерпуль отнесся к этому спокойно. Не жалко. Угощайтесь. А Ване это не понравилось, потому что больному надо приносить вкусные вещи, а не съедать их скудные запасы. Ване нетоварищеский поступок курицы не понравился, и он ее попросил удалиться.

А через несколько дней лапка у лягушонка зажила. Он прыгал между корней дерева, но никуда не убегал. А зачем ему убегать? Мухи у него были, климат под деревом ему тоже нравился. Что еще нужно маленькому лягушонку? Однако что-то его огорчало. Часто он сидел грустный, уставившись в одну точку.

Родное болото

Ваня долго думал, отчего грустит Ливерпуль, а потом понял. Наверняка Ливерпуль скучает по маме.

Ваня взял лягушонка и вместе с ним отправился на болото. Болото было недалеко, и они благополучно до него добрались. На болоте лягушонок оживился, стал веселее. Ваня снял с лапки бинт и посадил его на землю. Ливерпуль услышал кваканье и попрыгал в ту сторону, откуда неслись эти призывные звуки. Он даже сам попытался поквакать, но у него пока что получался едва слышный писк.

Ваня пошел за Ливерпулем, но лягушонок, немного попрыгав, устал. Тогда Ваня взял Ливерпуля и понес его туда, откуда слышалось лягушачье пение. Лягушку он не видел, а только слышал, что она где-то близко. Он выпустил Ливерпуля на кочку, а сам сел рядом на другую.

Лягушонок попрыгал дальше, и Ваня сказал ему:

— До свидания, Ливерпуль.

А Ливерпуль даже не обернулся, а только прыгал и прыгал.

Ване тоже грустно стало. Ему казалось, что они с Ливерпулем друзья. А друзья, когда расстаются навеки, должны хотя бы попрощаться.

«А с другой стороны, может быть, у лягушек все наоборот, может быть, они с друзьями не прощаются. Они уходят не оборачиваясь. И чем дороже для них друг, тем меньше они позволяют себе нежностей» — так думал Ваня, теряя из виду лягушонка.

Ваня посидел еще немного для приличия, а потом пошел в ту сторону, куда упрыгал Ливерпуль.

Не успел Ваня пройти и десяти шагов, как увидел своего друга. Он сидел на кочке — грустный и несчастный. Лягушачье кваканье смолкло, наступил вечер, а лягушонок был

совершенно один. Может быть, лягушки не приняли его в свою семью. Наверное, они были ему чужими, а свою маму он найти не смог. А возможно, что он и этих чужих не смог отыскать. Вот он и сидел одинокий и, как показалось Ване, голодный. Потому что сам он поймать муху еще не мог. И покормить его — тоже некому. А вернуться к Ване Ливерпулю мешала лягушачья гордость. Ведь Ваня попрощался с ним. Значит, больше он Ване не нужен. Вот он и не решался вернуться.

Так подумал за Ливерпуля Ваня и погладил его по спине.

А Ливерпуль вздохнул глубоко-глубоко и посмотрел на Ваню с благодарностью, конечно, ему страшно здесь одному на болоте. Холодно становится. А вдруг еще волки появятся. Возможно, что волки лягушкам не страшны. Они лягушек не едят. Но это волкам известно, что они не едят лягушек, а Ливерпулю это совсем неизвестно, кого они едят, а кого — нет.

И, подумав так, Ваня взял лягушонка с кочки и пошел домой. И Ливерпуль больше не грустил, вернее, грустил, но реже. Он понял, что маму-лягушку ему найти трудно, а жить одному — страшно.

Под деревом

Ливерпуль поселился под деревом, прыгал там себе сколько вздумается и ел мух, пойманных Ваней. А Ваня старался изо всех сил. Он, правда, заметил, что некоторые мухи запросто убегают от Ливерпуля. Тогда Ваня стал учить лягушонка есть с руки. Ливерпуль сначала стеснялся и отворачивался, а потом, когда голод уменьшал его гордость, закрывал глаза от смущения и брал из Ваниных рук лакомое блюдо.

А затем он так привык, что спокойно ел мух из рук Вани. Ване это тоже нравилось. Как-никак, а получалось, что это начало дрессировки. Ваня даже иногда бабушке показывал, как Ливерпуль подпрыгивает, чтобы схватить муху.

Он специально заставлял лягушонка подпрыгивать. Ваня хотел научить его самого охотиться. Мало ли что — вдруг ему придется жить одному, без Вани, а он такой неприспособленный.

Иногда Ваня с Ливерпулем ходили на реку купаться. Ливерпуль был прирожденный пловец. Ване даже не пришлось учить его. Ливерпуль плюхался в воду и плыл по-лягушачьи. Ваня тоже умел плавать только по-лягушачьи.

Они даже наперегонки иногда плавали. И Ваня всегда приходил к финишу первым. Лягушонок после этого обижался на Ваню, подолгу не глядел в его сторону или начинал хитрить: скомандует Ваня «раз, два, три», поплывет вперед к дереву, где у них финиш, оглянется, а Ливерпуль, оказывается, поплыл совсем в другую сторону. Тогда Ваня стал делать по-другому.

Он начинал плыть немного позже Ливерпуля, и тогда они вместе приходили к финишу. Ливерпуль был доволен. Видно, боевая ничья его устраивала.

А вообще Ваня с Ливерпулем жили дружно и почти не ссорились.

Больше того, однажды Ваня спас Ливерпуля от гибели.

Ваня как-то вышел во двор и увидел, как кошка крадется к Ливерпулю. И Ливерпуль тоже заметил кошку, страшно испугался и стал убегать. Но кошке ничего не стоило догнать Ливерпуля. Тогда Ливерпуль пошел на хитрость. Он сделал вид, что умер. То есть лег на

дороге, поджал лапки и перестал дышать. Кошка понюхала Ливерпуля, потом перевернула его на спинку, опять понюхала, а он все равно лежит бездыханный. Кошке это надоело, и она отошла. Но хитро наблюдала за Ливерпулем. Ливерпуль, радостный оттого, что перехитрил кошку, перевернулся на живот и поскакал. А кошке только того и надо было. Она взметнулась в воздух, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не подоспел Ваня. Он перехватил летящую в прыжке кошку, и та кинулась в другую сторону. А лягушонок попрыгал к своему дереву. Возможно, что кошка хотела просто поиграть с лягушонком. Но Ваня и Ливерпуль не знали, что там у кошки на уме, и очень испугались.

Иногда Ваня рассказывал Ливерпулю бабушкины сказки, и Ливерпулю они очень нравились. Он слушал их, закрыв глаза, и лишь иногда зевал во весь рот.

Больше всех сказок нравилась Ливерпулю сказка про лягушку-путешественницу. Эту сказку Ваня знал не очень хорошо и каждый раз придумывал ее сам. Иногда даже запутывался в своих сочинениях и поэтому обещал Ливерпулю, что, как только научится читать, прочтет эту сказку вслух и с выражением от начала до конца.

А читать Ваня скоро уже должен был научиться.

В этом году ему исполнилось семь лет, и он собирался в сентябре пойти в школу. Он уже знал все буквы, но пока не умел складывать их в слова. Поэтому читать он еще не умел. Вот он и ждал с нетерпением, когда наступит первое сентября. Вернее, он ждал, когда за ним в деревню приедут папа и мама, чтобы отвезти его в город. И он очень беспокоился, что они не согласятся взять в город Ливерпуля.

И не напрасно Ваня беспокоился. Папа и мама приехали, посмотрели на Ливерпуля, на то, как он прыгает за мухами, но брать его с собой в город отказались наотрез.

Мама даже сказала, что от лягушек у детей появляются цыпки.

— А ну, покажи руки! — потребовал папа. Ваня протянул обе руки. Цыпок не было.

— Странно, — сказала мама.

— Ну вот, — сказал Ваня, — раз цыпок нет, значит, Ливерпуль поедет с нами.

— Ты что, смеешься, — сказал папа, — лягушка будет жить у нас в квартире! Ты еще болото у нас разведи.

— Ну и что, — сказал Ваня. — Разведем в аквариуме маленькое аккуратное болото. Бывают же в аквариуме рыбки, а у нас будет лягушка.

Но мама и папа не соглашались. Они сказали:

— Рыбки — пожалуйста.

Но Ваня рыбок не хотел... Он сказал маме и папе:

— А вы знаете, что французы лягушек даже едят.

— Пусть французы, — ответила мама, — едят что угодно, а мы лягушек есть не будем.

— Вот и хорошо, — сказал Ваня, — теперь я могу спокойно везти Ливерпуля в город.

Раньше я боялся, что вы его съедите, а теперь я спокоен.

Мама и папа засмеялись, но брать с собой Ливерпуля все равно не соглашались.

Папа сказал Ване:

— Давай лучше так: если ты будешь хорошо учиться, мы тебе подарим щенка.

Сердце у Вани замерло. Щенок — это давнишняя его мечта. Какой мальчик не хочет иметь щенка? И Ване отказываться от щенка не хотелось. Он посмотрел на Ливерпуля, а Ливерпуль, который, кажется, все понял, тоже грустно посмотрел на Ваню. Ваня положил лягушонка на траву и сказал:

— Ладно, если я буду хорошо учиться, подарите мне щенка, но Ливерпуль все равно поедет с нами, иначе не надо мне щенка и учиться я тогда буду кое-как, буду сидеть по несколько лет в одном классе и школу закончу перед самой пенсией. Поняли?

Мама и папа поняли, что Ваня от своего друга не отступится. Они подумали, что, может быть, это и хорошо, что Ваня так стоит за своего лягушонка, не бросает его в трудную минуту.

Бабушка сказала свое веское слово.

— А что, — пошутила она, — лягушонок подрастет, и его можно будет класть в молоко, а он из молока будет делать сметану, и у вас всегда будет свежая сметана.

Может быть, этот последний довод и решил все дело, во всяком случае, родители Вани согласились, и Ваня с Ливерпулем поехали в город.

Ваня вез Ливерпуля в кринке с молоком и все ждал, когда из молока получится сметана. Он каждый раз отливал немного молока в кружку и пробовал его: оно никак не становилось сметаной. А когда они подъехали к городу, то уже не из чего было Ливерпулю делать сметану, так как Ваня все молоко выпил.

Дома Ваня посадил Ливерпуля в большую банку, после чего Ваня с папой пошли в зоомагазин покупать аквариум. В зоомагазине Ваня был впервые, и ему там все очень понравилось. Аквариумы с рыбками. оранжевый мотыль, птички в клетках. И люди, которые говорили про каких-то живородящих рыбок, про дафний и водоросли.

Но больше всего ему понравились попугаи. Честно говоря, если бы у Вани не было Ливерпуля, он бы попросил папу купить зеленого попугайчика. Ведь этого попугайчика можно научить разговаривать, а потом с ним можно беседовать на разные темы. Но Ваня подумал, что, в конце концов, и Ливерпуля можно научить говорить. А если Ливерпуль не сможет говорить на человеческом языке, то он, Ваня, научится говорить по-лягушачьи. И в результате они с Ливерпулем поймут друг друга.

В зоомагазине папа купил красивый аквариум и к нему еще песок, водоросли, растения, ракушки и даже мотыля на всякий случай, а вдруг Ливерпуль сможет им питаться. И все это они с папой принесли домой. Мох Ваня привез с собой из деревни, и у Ливерпуля получилась замечательная однокомнатная квартира со всеми удобствами — ничуть не хуже, чем какое-нибудь лесное болото.

Одна только проблема волновала Ваню — мух в городской квартире было очень мало, и Ване приходилось ловить их на улице. Но Ливерпуль, оказывается, ел не только мух, но и другой корм — всяких дафний и мотыля он ел с удовольствием. Так что проблема питания была решена.

Первые уроки

Первого сентября Ваня пошел в школу и учился там очень старательно. После школы он не только учил уроки и гонял в футбол, он еще гулял с лягушонком, который к тому времени немного подрос.

Ваня выходил с Ливерпулем на лужайку, где соседи прогуливали собак. Каждый хозяин гордился своей собакой. Каждый спрашивал у соседа:

— А что ваша собака может делать?

Нетерпеливо выслушивал, что может делать собака соседа, и начинал расписывать способности своей собаки. Его собака и тапки приносила, и все понимала, и все делала по команде, и так далее.

Послушав их, можно было подумать, что собаки могут даже кофе варить, и сахар в кофе класть, и приносить газеты, и даже читать их вслух с выражением.

А потом, насладившись разговорами о своих собаках, соседи спрашивали Ваню:

— А ваш сенбернар что умеет?

А Ваня однажды не выдержал и сказал:

— Мой лягушонок умеет прыгать на метр в высоту и знает наизусть таблицу умножения.

— Да что вы говорите! — удивились владельцы собак. — Может быть, вы продемонстрируете его уникальные способности?!

— Нет, — сказал Ваня, — он чужих людей стесняется.

Люди закачали головами, а Ваня, взяв лягушонка, отошел в сторону, и вслед ему донеслось:

— Вы бы хоть намордник ему купили, а то ведь покусает кого-нибудь. — И владельцы

собак дружно засмеялись.

Ване это показалось обидным, и он стал учить Ливерпуля прыгать в высоту. Он давал Ливерпулю муху и поднимал ее все выше и выше, но достиг пока немногого. Ливерпуль прыгал всего сантиметров на пятнадцать. Но постепенно высота увеличивалась, так что была надежда, что со временем Ливерпуль подпрыгнет и на метр. А вот с таблицей умножения все получалось хуже.

Дело в том, что Ваня и сам пока что не знал эту самую таблицу. Они в школе еще не дошли до нее. А читать Ваня уже умел. Но научить Ливерпуля чтению было трудно. Ваня утверждал, что Ливерпуль уже знает некоторые буквы, но пока что не может их произносить. Он вообще ничего не мог произносить, даже «ква-ква».

Тогда Ваня придумал такой хитроумный способ. Он разложил на полу азбуку и стал разучивать с Ливерпулем буквы. Назовет букву «А» и кладет на эту букву муху. Ливерпуль прыгнет на букву «А» и съест муху. Потом то же самое Ваня делал с буквами «Б» и «В» и так далее. Но получалось, что Ливерпуль прыгает только за мухой, а без мухи Ливерпуль прыгать отказывался. А мух было мало.

В школе на переменках ребята бегали, прыгали и веселились как хотели, а Ваня ходил и ловил мух. Случалось, даже во время урока, если на парту к Ване садилась муха, Ваня не мог удержаться и начинал ее ловить.

Учительница Марья Петровна так и говорила:

— А Сидоров опять мух ловит.

И ребята Ваню спрашивали:

— А чего ты действительно все время мух ловишь?

Вот Ваня и рассказал им про Ливерпуля. С тех пор у него с мухами не было никаких проблем. Весь класс ловил Ливерпулю мух. Ваня приходил в школу с пустой баночкой из-под майонеза, а уходил с полной мух.

Через месяц Ливерпуль прыгал на десять первых букв алфавита. Прыгал подряд на «А», «Б», «В», «Г» и так далее. Причем Ливерпуль так привык к этим буквам, что, когда Ваня называл букву, Ливерпуль прыгал на нее даже тогда, когда там мухи не было. Потом Ваня усложнил задачу. Он стал приучать Ливерпуля к другому порядку «А», «Б», «В», а потом вдруг «Ж», потом «К», а потом снова назад «Е».

Вот такой порядок букв он и оставил постоянным, и Ливерпуль его твердо запомнил.

Начинались холода, и Ваня решил, что надо Ливерпуля приодеть. Он попросил маму связать для Ливерпуля носки, трусики и маечку, и очень скоро Ливерпуль щеголял в новой спортивной форме. Правда, форму эту пришлось скоро перевязывать, потому что Ливерпуль вырос. Но зато новая форма была еще красивее. Красные носочки, желтая майка и зеленые трусики.

А еще Ваня сделал из фольги маленькую корону для Ливерпуля, и тот, правда, без удовольствия, но все же иногда носил ее на резиночке.

А тут еще пришло время, и Ливерпуль заговорил на своем лягушачьем языке — он стал квакать, надувая в уголках рта небольшие шарики.

Он не просто квакал, в его кваканье было множество оттенков. Он мог квакать просительно, когда хотел есть, мог квакать радостно, когда встречал Ваню, квакал задумчиво, когда наедался, а мог просто квакать оттого, что ему было приятно квакать. Надо сказать, что Ливерпуль очень помогал Ване в учебе. Ваня не забывал своего обещания прочесть Ливерпулю сказку про лягушку-путешественницу и поэтому старательно учился

читать.

Кроме того, Ваня помнил и про то, что Ливерпуль должен знать таблицу умножения. Правда, сам Ваня пока что знал не всю таблицу, а только таблицу умножения на один. И еще он знал, что дважды два равно четырем.

Дело в том, что умножение они еще в школе не проходили. Поэтому он обучал Ливерпуля только тому, что знал сам. Он делал так: громко спрашивал Ливерпуля, сколько будет одиножды один Ливерпуль квакал один раз, и только он собирался еще квакнуть, как Ваня совал ему муху, и Ливерпуль забывал обо всем, кроме мухи.

Соответственно при умножении единицы на два муха попадала Ливерпулю в рот после второго квака. Таким образом, работая ежедневно, Ваня научил Ливерпуля таблице умножения до четырех.

К тому времени и в прыжках Ливерпуль достиг немалых успехов. Он прыгал чуть ли не на метр. Ваня уже хотел продемонстрировать умение Ливерпуля во дворе соседям, но папа ему отсоветовал.

— Не надо, — сказал папа, — ничего не надо доказывать. Они ведь смеялись над тобой. И ты сказал им назло, что научишь Ливерпуля прыгать и считать. А назло делать ничего не надо.

— А как же быть, — сказал Ваня, — получается, что я зря обучал Ливерпуля столько времени.

— Нет, — ответил папа, — совсем не зря. Ты возьми и покажи все это ребятам из своего класса. Вот будет у вас праздник, ты и покажи.

И когда в классе учительница стала спрашивать, кто будет выступать на празднике, Ваня сказал, что он выступит с дрессированным лягушонком.

Праздник

И вот наступил день праздника. Собрался весь класс. И родители тоже пришли. Потому что взрослым интересно посмотреть, как выступают их дети.

Концерт начался с акробатического этюда, который показывала одна девочка. Она занималась художественной гимнастикой и умела показывать акробатические этюды. Две сестренки спели песню «Говорят, что нас с тобою не разлить водой...». Один мальчик читал стихотворение «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...».

А другой мальчик играл на скрипке «Полонез Огинского». Но не весь, а только до середины, потому что дальше пока не выучил.

А потом объявили, что выступает всемирно известный дрессировщик Иван Сидоров с дрессированным лягушонком Ливерпулем Квакиным.

Заиграла громкая музыка, и на сцену вышел Ваня — весь в белом, а на ладошке у него сидел лягушонок Ливерпуль в праздничном костюме. На Ливерпуле были красные носки, черные бархатные штанишки и белая майка с галстуком. А на голове у него на резиночке держалась золотая корона из фольги.

Когда ребята увидели такого красивого лягушонка, они не выдержали и зааплодировали. Ваня стал раскланиваться. Затем он посадил лягушонка на стол перед азбукой и произнес первую букву «А», и Ливерпуль тут же прыгнул на букву «А».

— «Б», — сказал Ваня, и Ливерпуль прыгнул на букву «Б».

— «В», — сказал Ваня, и Ливерпуль опять не подвел, прыгнул на букву «В».

Все зааплодировали, а один мальчик сказал, когда стихли аплодисменты:

— Подумаешь, я так тоже могу.

На что учительница Мария Петровна ответила: — Но ты ведь не лягушонок!

— А пусть он не подряд называет, — сказал мальчик.

— Хорошо, — ответил Ваня и назвал букву «Ж». И Ливерпуль прыгнул на букву «Ж».

— «К», — сказал Ваня, и Ливерпуль прыгнул на «К». И тут снова раздалась бурные и долго не смолкающие аплодисменты.

Когда заиграла другая музыка, Ваня поднял руку. Как только Ливерпуль увидел поднятую руку, он тут же подпрыгнул и получил свою муху.

А дальше Ваня стал поднимать руку в такт музыке, и лягушонок подпрыгивал в такт, и получалось, что он не просто прыгает, но еще и танцует вприсядку.

Тут ребята уже со своих стульев повскакали, а некоторые кинулись к сцене, чтобы посмотреть, а не на резиночке ли лягушонок.

Но учительница посадила всех на свои места и сказала Ване:

— Продолжай на «бис».

Тогда Ваня посадил лягушонка на стул и объявил:

— Смертельный номер! Повторить этот номер не удастся никому. Ливерпуль Иванович Квакин и таблица умножения!..

— Одиножды один! — сказал Ваня, и лягушонок проквакал один раз.

— Одиножды два! — сказал Ваня, и лягушонок проквакал два раза. И тут же получил свою муху.

— Одиножды три! — крикнул Ваня и, как только лягушонок проквакал трижды, сунул ему муху, и лягушонок смолк.

Тогда Ваня набрал побольше воздуха и сказал:

— Дважды два!

И Ливерпуль заквакал: один, два, три, четыре; тут бы и сунуть лягушонку муху, а мухи у Вани не оказалось, поэтому лягушонок стал квакать дальше: пять, шесть, семь, восемь, а потом не выдержал и прыгнул Ване прямо на грудь.

Тут такое началось! Ребята захлопали, затопали, закричали от радости. Ваня даже не стал расстраиваться из-за того, что Ливерпуль не знал, сколько будет дважды два. Вместе с Ливерпулем Ваня стал раскланиваться, а потом гордо ушел со сцены.

Весь класс потом подходил к Ване и просил разрешения потрогать лягушонка. Но Ваня говорил, что Ливерпуль терпеть не может нежностей, и разрешал только смотреть на Ливерпуля и угощать его.

Маме и папе выступление Вани и Ливерпуля по-нравилось. Мама и папа очень волновались за артистов, ведь они тоже участвовали в подготовке Ливерпуля. Мама сшила праздничный костюм, а папа придумал сопровождать выступление музыкой, и сам записал эту музыку на магнитофон.

И вообще Ваня хорошо учился, поэтому мама и папа решили, что пора выполнить свое обещание, то есть пора купить Ване щенка.

Ваня этому известию очень обрадовался и даже сообщил о нем Ливерпулю.

— Теперь ты у меня будешь не один, — сказал он лягушонку, — у тебя теперь будет друг — щенок Тяпа.

Но лягушонок никакой радости по этому поводу не выразил. Больше того, он даже будто

погрустнел, словно говорил:

«Я и так не один. У меня есть друг Ваня Сидоров. И больше мне никого не надо».

Но Ваня этих лягушоночьих мыслей не понял и сказал:

— Ничего. Привыкнешь — полюбишь и будешь с Тяпой дружить.

А недели через две, в воскресенье, папа принес домой щенка Тяпу. Тяпа был замечательный щенок. Такой крошечный теленок, и цвета телячьего. Он вертел хвостом, жался к ногам, все время хотел, чтобы его приласкали, и время от времени самозабвенно ловил собственный хвост.

Тяпа подошел к Ливерпулю, обнюхал его и даже лизнул, к восторгу всех, кроме самого Ливерпуля.

Ливерпуль же замер и, как когда-то, сделал вид, что умер. Поджал лапки и не двигался. Тяпа отошел от Ливерпуля и больше к нему не подходил. Ваня стал играть с Тяпой, а Ливерпуль обиженно удалился в свой аквариум.

С этого дня, а может быть, и раньше, с Ливерпулем стало происходить что-то странное. Он не квакал, мало ел и почти не двигался.

Болезнь

Ваня старался кормить Ливерпуля как можно чаще, но Ливерпуль грустно смотрел на Ваню, пищу принимать отказывался и вскоре перестал двигаться совсем. То есть если его расшевелить, он двигался, а сам, по собственной инициативе, не желал ступить и шага.

Ваня очень расстраивался и сам почти перестал есть. То есть компот он пить продолжал, а что касается первого и второго блюда, то они ему были почти неприятны, и он съедал только ради мамы и компота.

Мама и папа тоже были обеспокоены. Папа даже звонил в ветеринарную поликлинику, но там ему ответили, что болотных лягушек на лечение не берут. А других лягушек у Вани и его родителей не было. Был только один болотный Ливерпуль — больной и несчастный.

Вот так они и жили грустно, и только Тяпа один был веселым и жизнерадостным. У него был хороший аппетит. Вернее, даже не хороший, а прекрасный аппетит. У него всегда было замечательное настроение, и вообще его не касалось то, что кому-то грустно. Он только одного не понимал, почему с ним перестали играть. А Ваня не только играть перестал с Тяпой, но и гулял с щенком неохотно и только тогда, когда на этом настаивали родители.

Он гулял с Тяпой по заснеженному двору, а сам думал о том, что вот жаль, что Ливерпуль болен. А то ведь Ваня собирался сделать Ливерпулю лыжи на все четыре лапки.

Вот интересно было бы посмотреть, как он на них поехал бы с горки.

Потом Ваня возвращался домой, смотрел грустно на Ливерпуля, лежащего с закрытыми глазами. Он, Ваня, даже сшил Ливерпулю маленькое одеяло и несколько раз поил чаем с малиновым вареньем, чтобы Ливерпуль пропотел ночью и выздоровел. Но и это не помогло.

Ваня попытался смерить Ливерпулю температуру, чтобы узнать, чем болен лягушонок. Для этого Ваня долго прилаживал градусник под мышкой у лягушонка. Но градусник почему-то ничего не показывал. Наверное, потому, что этот градусник для людей, а лягушачьего градусника в аптеке не было.

Тогда Ваня решил выполнить свое обещание. Он стал ежедневно читать Ливерпулю

сказку о лягушке-путешественнице. Сказка, по всей видимости, лягушонку нравилась. Он иногда приоткрывал глаза и внимательно смотрел на читающего Ваню. И хотя Ваня читал по складам, составляя из слогов слова, Ливерпуль все понимал и слушал, затаив дыхание.

А еще Ваня заметил, что Ливерпуль чувствует себя хуже, когда Ваня играет с Тяпой. То есть полной уверенности в этом не было, но когда Ваня бегал с Тяпой, кормил его, то Ливерпуль лежал у себя в аквариуме неподвижно и совсем не дышал.

Кончалась зима, и кончалась сказка про лягушку-путешественницу.

Ваня совсем разлюбил Тяпу, и родители Вани решили отдать щенка другому мальчику, который полюбит его больше, чем Ваня.

Родители так и сделали. А Ваня об этом не жалел, потому что все равно продолжал любить своего Ливерпуля. И странное дело, когда Тяпы не стало. Ливерпуль пошел на поправку. Он стал оживать. Шли дни, солнце становилось все ярче и ярче. Ливерпуль начал есть, шевелиться, выходил на прогулки по комнате, а когда стало совсем тепло, он совершенно выздоровел: опять прыгал и квакал с такими переливами и трелями, каких раньше не было в его пении.

Однажды, когда к родителям Вани пришли гости, мама попросила Ваню устроить для них концерт.

И странное дело, после нескольких репетиций Ливерпуль чудесно выступил. Он помнил азбуку, а прыгать стал еще выше и таблицу умножения знал назубок.

А один из гостей даже объяснил болезнь Ливерпуля. Он сказал, что лягушки зимой спят. Некоторые лягушки даже замерзают во льду, и ничего с ними не случается. Весной, когда лед тает, они снова возвращаются к жизни.

Но Ваня этому не поверил. Он-то знал, что Ливерпуль заболел по другой причине. Он не мог спокойно смотреть, как Ваня играл с Тяпой, а на него, Ливерпуля, не обращал внимания. Это ужасно обидно, когда ты кого-то любишь, а он не обращает на тебя внимания.

А когда Тяпы не стало, Ливерпуль выздоровел.

Теперь, когда ярко светило солнце, Ваня выходил с Ливерпулем гулять во двор и даже несколько раз ездил с ним за город.

Прощание

А вскоре наступили летние каникулы, и Ваня снова поехал в деревню. Он опять поселил Ливерпуля под деревом, но уже не огораживал лягушкин дом, так как знал, что Ливерпуль никуда не убежит.

Ваня придумал новый номер для Ливерпуля. Он стал учить лягушонка держать прутик. То есть Ваня хотел, чтобы Ливерпуль мог летать, как и лягушка-путешественница. Правда, Ваня еще не знал, кто будет выступать в роли уток, но решил это додумать потом. Главное — научить Ливерпуля держаться за прутик. И Ливерпуль успешно справлялся с задачей. Он висел на прутике сначала совсем немного, а потом больше, и чувствовалось, что вскоре он так к этому привыкнет, что сможет висеть на прутике часами, хотя никакой необходимости в этом не было.

Вечерами с речки доносились лягушачьи концерты. Ваня и Ливерпуль слушали их, и если Ваню эти концерты веселили, то Ливерпуль почему-то мрачнел, начинал нервничать, прыгал и сам квакал всюду. Будто хотел, чтобы его услышали на болоте.

И однажды Ваня взял Ливерпуля с собой на речку именно тогда, когда разразился лягушачий концерт. Лягушек не было видно, но слышно их было хорошо.

Ливерпуль замер и сидел молча, только часто дышал. А где-то близко, то с одной, то с другой стороны, раздавалось лягушачье пение. Сначала солировал один голос, потом другой, а то они начинали петь вместе. И вдруг, в одну из пауз, Ливерпуль тоже запел. Трудно сказать, о чем пел Ливерпуль. Может, о том, что ему хорошо живется с Ваней, а может, он жаловался кому-то на свое лягушачье одиночество. Может, он вспоминал свою маму-лягушку. Или звал кого-то подружиться с ним.

Трудно сказать, о чем он пел, но только, когда он замолчал, какой-то голос ответил ему, и потом они радостно заквакали вместе. Так дружно, будто всю жизнь репетировали это выступление.

А когда песня закончилась, Ливерпуль стал удаляться от Вани в сторону незнакомого голоса.

Ваня понимал, что задерживать Ливерпуля нельзя, и знал, что Ливерпуль не обернется и не попрощается с ним. Потому что лягушки не прощаются с друзьями и не оглядываются. Им и не нужно оглядываться. У них, у лягушек, глаза устроены так, что они видят даже то, что находится позади.

Но Ливерпуль вдруг остановился, повернулся к Ване и заквакал так, будто говорил «прощай».

И Ваня, сквозь наворачнувшиеся на глаза слезы, увидел, как внимательно и благодарно смотрит на него Ливерпуль. Одна слеза выкатилась из Ваниного глаза, а из второго глаза никак не выкатывалась. И мешала Ване смотреть. И он стал вытирать рукой глаза.

А когда вытер — Ливерпуля уже не было.

ГЛАВА VI

РАССКАЗЫ О ВОЖДЯХ

ГЛАВА VI

Р

ассказы
О ВОЖДЯХ

Как выбирали Мухабат

Однажды Иосифу Виссарионовичу близкий ему по партийной работе человек сказал:

— Товарищ Сталин, есть предложение, чтобы вам и другим членам правительства на Первомайском параде дети выносили цветы.

Сталин подумал: «С одной стороны, хорошо, красиво, а с другой стороны, в цветы можно спрятать взрывное устройство». Потом пыхнул трубкой и сказал:

— Думаю, что политически незрелое решение. — Он даже не стал объяснять, в чем это решение незрелое и почему именно политически. Сказал и сказал.

А через год, когда «близкий» уже сидел в лагерях, Сталин вдруг на заседании Политбюро заявил:

— Есть предложение, не знаю, как вы отнесетесь к нему... А что, если на Первомайском параде нам на трибуну Мавзолея дети вынесут цветы и конфеты?

Одним членам Политбюро это предложение понравилось, другим не очень, а Ворошилов спросил:

— А чье это предложение?

— Мое, — скромно сказал Сталин.

И все сразу согласились, что предложение замечательное, все стали говорить, какой И.В. гениальный и почему они все вместе до этого не додумались.

— Я полагаю, — сказал Сталин, — что это будет политически верное решение.

— Да-да, — заговорили все, — именно политическое и именно решение.

Но Сталин на этом не успокоился. На одном из заседаний Политбюро был поставлен вопрос о том, что за дети и каким именно образом они будут выносить цветы.

В основном Сталина волновало, кто ему будет эти цветы выносить. Он сказал:

— Это должна быть девочка, иначе кое-кто из врагов может этот факт истолковать неправильно.

Теперь надо было подумать, какой национальности будет девочка.

— Она, — сказал Сталин, — не должна быть грузинкой, потому что те же враги могут истолковать это как национализм.

С другой стороны, Сталин несколько недолюбливал грузин, остальных он просто не любил, а грузин лишь недолюбливал.

Отказавшись от грузин, Сталин отказался от остальных кавказцев, чтобы грузинам не было обидно.

Сибирь тоже отпадала, чтобы враги не обвинили Сталина в великодержавном шовинизме.

После этого невозможно было заикаться о белорусах и украинцах, чтобы не оскорблять русских.

Оставалась Средняя Азия. Казахи отпали сразу, поскольку Сталин вообще подумывал, а не стереть ли этих казахов с лица земли. Станные они какие-то. Из остальных среднеазиатских республик Сталин запомнил только Узбекистан; Таджикистан, Киргизия и Туркмения как-то выпали из сталинской памяти в тот момент. Сталин предъявлял к этой девочке вполне определенные требования.

Значит, девочка должна быть узбечкой. Она, естественно, должна быть из простой

крестьянской семьи дехкана. Должна быть отличницей, симпатичной на вид и рекордсменкой.

В лагерь под Ташкентом стали свозить со всего Узбекистана девочек двенадцати лет. Нужную долго найти не удавалось. Либо не отличница, либо в роду были баи, либо некрасивая, либо не узбечка.

Наконец нашли одну умницу, красавицу, отличницу, но не рекордистку.

Ее научили собирать хлопок. И через месяц она, по сводкам, собирала столько хлопка, сколько не могли бы собрать два передовых колхоза. Ее звали Мухабат.

В НКВД стали поступать письма, в которых указывалось, что в роду Мухабат были и баи, и басмачи. Когда басмачей стало больше, чем населения Узбекистана, доброжелателей нашли и расстреляли.

Заодно посадили и родителей Мухабат на всякий случай, чтобы они в будущем что-либо не выкинули. Но кто-то сообразил, что теперь Мухабат — дочь репрессированных, и родителей тут же выпустили и наградили.

Наконец девочку представили Сталину... Он долго смотрел на нее, потом взял за ухо. Подержал ухо в руке и спросил:

— А ты по-русски понимаешь?

— Да, — сказала Мухабат.

— Молодец, — сказал Сталин.

Он мучительно думал, о чем еще спросить девочку, но придумать никак не мог.

«И зачем это все нужно, — подумал Сталин, — девочка, цветы? И так ведь все боготворят».

Но Сталин был «железный» человек и все свои действия подчинял служению революции, а именно укреплению своей личной власти. Сталин отлично понимал, что, потерпев в течение нескольких минут девочку возле себя, он тем самым вызовет новый прилив всенародной любви, и поэтому шел на жертвы. Сделав нечеловеческое усилие воли, он спросил:

— Скажи, как тебя зовут, Мухабат?

— Мухабат, — ответила Мухабат.

— Правильно, — сказал Сталин и задумался.

Он вдруг вспомнил, что у него есть дочка такого же примерно возраста, и есть смысл, чтобы она вынесла ему цветы. И надежнее, и приятнее. Но враги могли обвинить его в семейственности, и Сталин отогнал от себя эту политически невыдержанную мысль.

Он еще немного подумал и спросил:

— Хочешь посидеть на коленях у товарища Сталина?

Девочка была непосредственной настолько, что даже не робела в присутствии вождя мирового пролетариата. Она уселась на колени к «отцу народов» и, так как привыкла крутить нос своему отцу, одной рукой обняла дедушку Сталина за шею, а другой стала накручивать довольно большой, рябой и маслянистый нос Иосифа Виссарионовича.

Сталину такая фамильярность юной хлопкоробки не очень понравилась, но неудобно было перед подчиненными сбрасывать девочку с колен.

«Экая гадина», — подумал Сталин и улыбнулся девочке, обнажив желтые зубы.

Сталин глянул своим желтым в крапинку глазом в сторону секретаря, и тот, моментально учуяв смертельную опасность, сказал:

— Пойдем, девочка, Иосиф Виссарионович должен еще работать.

— Да, девочка, иди, — попрощался Сталин и, когда она ушла, отряхнул после нее свой мундир так, будто он запылится, и пошел мыть руки.

Теперь Сталин был занят еще одной проблемой. Суть ее была вот в чем. Девочка поднесет цветы, Сталин возьмет ее на руки. Иначе ее никто не увидит на трибуне. И что же, он так и будет стоять и держать ее на руках?

И сколько держать? Сразу не сбросишь, надо чтобы как можно больше народу увидело ребенка в объятиях вождя.

Дано было задание, и целый научно-исследовательский институт, отложив разработку нового отечественного линкора, стал создавать специальное устройство — мухабатодержатель. Получилась жесткая конструкция, позволяющая девочке вроде бы сидеть на руках у Сталина, и в то же время вождь не прилагал к этому ни малейших усилий. При этом конструкция с Красной площади была практически не видна.

Устройство сделали досрочно, и всю бригаду разработчиков наградили Сталинской премией и сослали в лагеря, чтобы не было утечки информации.

Два заседания Политбюро были посвящены вопросу, какие цветы выносить на трибуну Мавзолея. Сначала решили, что Сталину Мухабат вынесет розы, а остальным членам другие дети преподнесут тюльпаны.

Но к следующему заседанию Сталину стало известно, что у роз бывают шипы. И все второе заседание Сталин выяснял, кто же это додумался сделать такое предложение.

Оказалось, розы предложил Буденный, он вовремя сориентировался и сказал, что имел в виду шипы на розах сбрить.

Встал было вопрос вырастить к празднику розы без шипов, но потом Сталин решил: «Пусть будут мне тюльпаны, а вам розы». Он где-то слышал, что есть голландские тюльпаны, но случайно оговорился и сказал:

— Пусть мне дарят монгольские тюльпаны.

И пришлось еще долгие годы возить тюльпаны из Голландии в Монголию, а уж потом из Монголии в Москву. Зато на этом деле два монгола получили по ордену Трудового Красного Знамени, а тридцать расстреляли.

Но вот пришел наконец праздник, и все правительство выстроилось на трибуне, а дети понесли цветы вождям.

Мухабат, которая перед этим всю ночь репетировала, ловко взобралась на сиденье, обняла левой рукой вождя за шею и только хотела по привычке ухватиться правой за рябой нос, как большой друг детворы, улыбаясь, сказал сквозь зубы:

— Если схватишь за нос — расстреляю, а всех узбеков запишу евреями и сошлю в Биробиджан.

Девочка хоть и была маленькой, но сообразила, чем дело пахнет, отдернула руку и сидела молча.

Сталин улыбался, махал рукой народу, а другой обнимал хрупкое тельце Мухабат. Это продолжалось минут сорок, и где-то на тридцатой минуте Сталин вдруг ощутил, что обнимать девочку приятно. Под рукой было теплое, пусть детское, но тело.

Какие-то воспоминания закружились в голове у продолжателя дела Ленина, и он спросил Мухабат:

— Любишь дедушку Сталина?

— Очень, — сказала Мухабат.

— То-то же, — сказал Сталин.

После парада Сталин разрешил Мухабат посидеть у себя на коленях и угощал ее конфетами, специально для этого случая сделанными на фабрике «Рот-Фронт».

Девочка была даже приятна Сталину. От нее пахло каким-то незнакомым Сталину запахом, скорее всего хлопком.

— Как тебя зовут, Мухабат? — пошутил Сталин.

— Мухабат, — сказала Мухабат.

Затем Сталин повел девочку за руку и показал ей Ленина.

Они постояли возле мумии. И Сталин вдруг спросил Мухабат:

— А ты знаешь, отчего умер дедушка Ленин?

— От болезни, — сказала Мухабат.

— Нет, — сказал Сталин, — он умер оттого, что недостаточно хорошо понимал марксизм-ленинизм. — Подумал и добавил: — Он умер оттого, что не мог жить.

Расставаясь, Сталин подарил Мухабат целую коробку шоколадных конфет.

— Бери, — сказал Сталин, — у меня еще две коробки остались. Одну сам съем, другую подарю Максиму Горькому, чтобы ему слаще жилось.

Вот так Мухабат стала ежегодно выносить Сталину цветы. И чем становилась старше, тем приятнее и приятнее было Сталину держать ее у себя на руках.

А через несколько лет, когда девочка стала уже девушкой, один из помощников Сталина сказал:

— Иосиф Виссарионович, вам не тяжело ее на руках держать, ведь она уже скоро в институт будет поступать?

Сталин расстрелял помощника, однако приказал, чтобы Мухабат ему больше цветы не выносила. И это было политически правильное решение.

Как проводили коллективизацию

Однажды грузин Сталин поручил еврею Кагановичу провести коллективизацию в русском селе.

Каганович пригорюнился и пошел советоваться с братом.

Брат Кагановича сказал:

— Лазарь, зачем тебе это нужно? Ты в сельском хозяйстве ничего не понимаешь, тем более ты еврей, а должен заниматься этим в русском селе. Лучше займись метро, это под землей, и никто не увидит, что ты там делаешь.

Тут Лазарь вспыхнул и начал кричать на брата:

— Я не еврей, это вы все евреи, а меня куда партия послала, там я и буду! Пошлет в Киргизию — буду киргизом. А если пошлет в Палестину, тогда буду евреем. Учти, — сказал он брату, — я от тебя откажусь.

— Лазарь, — сказал брат, — ты же был хорошим сапожником, а должен теперь заниматься не своим делом. Представь себе, Лазарь, если бы Ленин шил сапоги, ну разве он смог бы сшить такие сапоги? — И брат показал Лазарю свою ногу, обутую в изящный сапог.

Лазарь собственноручно снял с ноги брата сапог, долго его щупал, нюхал и даже пробовал на зуб.

— Хороший сапог, — сказал он наконец. — Кто его сделал?

— Ты, — закричал брат, — ты его создал еще до революции, и я эти сапоги с гордостью ношу до сих пор!

Лазарь Моисеевич действительно был приличным сапожником. И любил это дело настолько, что, даже будучи наркомом, всегда сам себе чинил обувь и любого, с кем встречался впервые, начинал рассматривать с обуви. Он не собирался никогда становиться революционером. Но вот революция позвала его в строй, и он бросил все: семью, местечко и даже блестящую карьеру сапожника. А ведь со временем он мог занять свою сапожную мастерскую. А его в наркомы потянуло.

Грянула революция, и что-то проснулось в душе у Лазаря такое, что он, бросив все, пошел вперед к победе коммунизма.

Занимался первые годы после революции обычной большевистской работой: интриговал, спланировал, вел за собой, расстреливал. И справлялся с этим довольно неплохо, у него даже какой-то талант появился организационный. Мало кто мог так умело дать отпор или, допустим, организовать аресты и расстрелы. Ну, может быть, Дзержинский и еще паратройка большевиков. Но они были плохими революционерами, не поняли вовремя, за кем надо идти, а Лазарь понял, он шел за всеми сразу, пока наконец не выбрал настоящий революционный путь, проложенный верным ленинцем.

И вот теперь Сталин вызвал его к себе и сказал:

— Лазарь, ты знаешь, я не антисемит, у меня даже есть один друг еврей.

— Ну конечно, Иосиф Виссарионович.

— Но, — продолжал Сталин, — ты, конечно, не можешь знать, что при этом евреев я не люблю.

— А за что их любить, товарищ Сталин? — закричал Каганович. — Я сам их терпеть не

могу.

— Постой, — сказал Сталин, — да ты ведь, кажется, и сам еврей?

— Еврей.

— Мать кто?

— Еврейка.

— А ты кто?

— А я коммунист! — гордо сказал Каганович.

— Ай молодец, — сказал Сталин, — настоящий интернационалист. Но ты, — продолжал Сталин, — можно сказать, безродный космополит.

Каганович университетов не кончал и не знал, что это такое — безродный космополит, поэтому ответил:

— Я, товарищ Сталин, коммунист, преданный делу Сталина.

— А как ты думаешь, — сказал Сталин, — Ленин был еврей?

— Нет, товарищ Сталин, не мог основоположник нашего пролетарского государства оказаться евреем.

— То-то же, смотри у меня, — сказал Сталин.

— Он же вождь наш и отец, — неосторожно добавил Каганович.

— Отец народов? — насторожился Сталин.

— Нет, товарищ Сталин, отец народов у нас один — это вы, а Ленин, он хоть и отец, но только одного, а не всех народов.

— Ох, хитрец, — сказал Сталин, улыбаясь, — и вот потому, что ты такой ушлый, я тебя, Лазарь, пожалуй, пошлю проводить на селе коллективизацию.

— Товарищ Сталин, — испугался Каганович, — за что такая великая честь? Есть ведь более достойные люди: Калинин — он из народа, в конце концов, Буденный — он и с лошадьми хорошо знаком.

— Нет, Лазарь, ты пойдешь проводить коллективизацию, и я тебе объясню почему. А потому, Лазарь, что ты хоть и коммунист, а все же еврей. Если коллективизация не удастся, то мы так прямо и скажем народу, что проводил ее еврей Каганович, который не любит русский народ за то, что он русский. И тогда народ сам решит, что с тобой делать. А если коллективизация все-таки получится, тогда все будут благодарить нас за то, что я дал крестьянам настоящее коллективное счастье, и я тебя тогда не забуду.

— Гениально, товарищ Сталин.

— А вообще-то, скажу тебе честно, я крестьян не люблю, поэтому и хочу сделать их колхозниками. Не люблю я их. Помню, когда-то в Туруханском крае, когда бежал я из ссылки, одна крестьянка...

Сталин закурил трубку, и глаза его сверкнули желтыми огоньками.

— А впрочем, это не твоего еврейского ума дело. Не люблю я крестьян, поэтому и посылаю именно тебя, дорогой, на это нужное и ответственное дело. Думаю, ты не подведешь. А потом, надо смотреть далеко вперед. Через много-много лет, когда нас с тобой не будет... — Сталин сделал паузу, во время которой Каганович подумал: «Тебя не будет, а я-то собираюсь жить долго», но тут же запретил себе эти мысли, поскольку предполагал, что этот усатый дьявол мог и мысли читать. — Так вот, — продолжал Сталин, — через много-много лет, когда нас с тобой не будет, — он внимательно посмотрел на Кагановича, и у того душа ушла в подметки самодельных сапог, — и тебя не будет, — уточнил Сталин, — и когда в нашей стране начнется черт-те что, вспомнят, что коллективизацию проводил еврей, и она

вам, жидам, откликнется. — Сталин ухмыльнулся, что у него означало высшую степень самодовольства. — Потому что я, ты, Лазарь, знаешь, евреев не люблю, хотя, и это ты тоже знаешь, я антисемитом никогда не был.

— Конечно, товарищ Сталин, вы — известный интернационалист и всех любите одинаково.

— Ты прав, Лазарь, я всех одинаково не люблю, — сказал Сталин, — но особенно не люблю евреев, русских, армян, азербайджанцев, татар не люблю. Ты знаешь, Лазарь, ты будешь смеяться, но я и грузин не люблю. Но евреев больше не люблю. Ты знаешь, как ни странно, Лазарь, чуть-чуть меньше не люблю адыгейцев, может, потому, что никогда в жизни их не видел, калмыков этих, мордву не видел — спокойно к ним отношусь, но вот когда я вижу тебя...

— Я же не еврей, товарищ Сталин, — взмолился Каганович.

— Ну ладно, иди, — сказал Сталин, — дьявол с тобой, иди и делай что хочешь, но чтоб коллективизация была. Иначе ты у меня снова евреем станешь и будешь им до конца жизни, который я тебе гарантирую в ближайшем будущем.

Ну а дальше все известно. Каганович пошел и стал проводить коллективизацию. Он, конечно, в этом сельском хозяйстве понимал меньше, чем баран в рыбной ловле на блесну, но зато хорошо разбирался в страхе, ужасе, жадности — в общем, в человеческой психологии. Потому он вызвал секретарей обкомов и райкомов и сказал:

— Сталин поручил мне провести коллективизацию, и я ее проведу, а кто в колхоз не пойдет, того будем рассматривать как личного врага товарища Сталина.

И пошло, и поехало. Никто не хотел быть личным врагом вождя мирового пролетариата.

И вот сегодня, когда уже нет в живых Сталина, а совсем недавно и Каганович отправился к своему усатому дьяволу, никто не говорит, что Сталин проводил коллективизацию или что партия объединила всех в колхозы. Нет, находятся люди, и их немало, которые говорят:

— Во всем виноват Каганович. Он боролся один на один с русским народом.

И я думаю: какой же все-таки поистине дьявольской изобретательностью обладал Сталин. Ведь колхозы есть и по сей день. И на сколько лет вперед отравил он сознание миллионов людей. И в этом его главная заслуга перед дьяволом.

За это ему гореть в адском пламени теперь уже вместе с Лазарем Моисеевичем, который, по его убеждениям, никогда не был евреем, а всегда честным и бескомпромиссным коммунистом-интернационалистом.

Спаси нас, господи, от них! И помилуй. И во веки веков. Аминь!

Однажды Леонид Ильич решил стать лауреатом конкурса мастеров художественного слова. Это было еще тогда, когда он не был ни маршалом, ни лауреатом Ленинской премии, а был он тогда простым и скромным генсеком. Человек он, как утверждают очевидцы, был добрый и по-своему честный, а потому решил стать лауреатом по-честному. Он с детства любил стихи и даже сам иногда их пописывал. У него даже была одно время мысль стать поэтом и получить Ленинскую премию по поэзии.

Но куда-то запропастились его детские стихи. А читать те, которые он написал бы заново, у него не было ни малейшего желания.

— Стихи, — говорил Леонид Ильич, — и не только стихи, а вообще поэзия более присуща юному возрасту, а я из него, как мне кажется, не так давно вышел.

Здесь все окружающие начинали смеяться, потому что Леонид Ильич шутил. Он вообще человек был с юмором и неплохо шутил.

Так, однажды, когда уже перешли в мир иной Суслов, Косыгин и Подгорный, Леонид Ильич на заседании Политбюро сказал:

— Что-то дисциплина у нас в Политбюро стала хромать. Вот и сегодня, как всегда, опаздывают Суслов, Косыгин, Подгорный.

Референт тихо шепнул ему:

— Они умерли.

И тут Леонид Ильич пошутил:

— А-а-а, то-то я смотрю, они перестали ходить на заседания.

Вот такая шутка получилась. Но вернемся к поэзии.

Леонид Ильич поискал свои детские стихи и, не найдя их, раздумал становиться поэтом. Но окружающие об этом не знали. И один из ближайших сподвижников продолжал раскопки. И нашел где-то на Днепропетровщине детские стихи Лени Брежнева и даже ухитрился прочесть их с трибуны очередного основополагающего съезда, однако к тому времени Леонид Ильич уже прочно решил стать прозаиком. Но это было значительно позже, а я пишу о том времени, когда Леонид Ильич всерьез задумался стать лауреатом конкурса мастеров художественного слова.

Надо, кстати, заметить, что в то золотое брежневское время он еще довольно прилично выговаривал многие слова. Конечно, он уже не мог произнести четко слово «Египет» и произносил его как «Египа». «Социалистические страны» тоже звучали как «плохие сосиски», а с Азербайджаном была просто беда. Но это слово — «Азербайджан» — не удавалось за всю историю КПСС ни одному из генсеков — от первого и до последнего.

Но в основном то, что говорил Леонид Ильич, понять было можно. А так как он с детства любил поэзию и при этом выступал с многочасовыми докладами на всю страну, то можно понять и его стремление к лауреатству. Кроме того, Леонид Ильич вообще любил в узком кругу почитать вслух стихи Есенина. Он знал довольно много, шесть, есенинских стихов и читал их все шесть долгими зимними вечерами.

Бывало, соберутся члены Политбюро после какого-нибудь пленума, выпьют немного, граммов по восемьсот, а затем Леонид Ильич, если у него хорошее настроение, откроет свой личный сейф и даст поддержать ближайшим сподвижникам свои любимые игрушки: звезды

Героя, ордена зарубежных государств, модели машинок, милицейский свисток, который ему подарил Щелоков, и шахтерскую каску, оставшуюся от Хрущева.

Ну уж потом, когда все наиграются и нахвалят игрушки Леонида Ильича, он их отбирал назад. Бывало даже, что игрушек оставалось меньше, и в последнее время Леонид Ильич завел амбарную книгу и игрушки выдавал только под расписку.

Ну а уж потом все садились поудобнее, и Леонид Ильич начинал читать стихи:

— «Ты жива еще, моя старушка, жив и я, привет тебе, привет».

Причем Леонид Ильич сам себе был и режиссером и при словах «привет тебе, привет» махал рукой так, будто он сходит с самолета и приветствует встречающих.

Или он читал стихотворение:

— «Ты меня не любишь, не жалеешь, разве я немного некрасив? Не смотря в лицо, от страсти млеешь, мне на плечи руки опустив». — При этом он слегка расставлял руки и подергивал плечами, будто собирался танцевать цыганочку, а ордена и медали начинали позвякивать, как цыганские мониста.

Иногда Леонид Ильич забывал слова, и тогда посылали референта в Ленинскую библиотеку, и тот привозил прижизненное издание Есенина, находил нужную страницу, а Леонид Ильич напяливал на нос очки и, посмотрев в книгу, будил соратников и продолжал читать стихотворение наизусть.

И так он читал первое, второе, третье, а на четвертом, дойдя до слов «Пей со мной, паршивая сука, пей со мной!», всегда плакал. Он вообще любил собак, и что-то его в этих словах трогало до глубины его генсековской души. Он плакал, прерывал чтение, наливал бокал «Столичной» и произносил тост:

— Дорогие друзья, сегодня в обстановке мира и созидания социализма в одной, отдельно взятой нами стране я с особым чувством невозвратимой потери пью за нашу интеллигенцию, ярким представителем которой был поэт Сергей Есенин. Жаль, что его нет с нами. Если бы он был жив, мы бы его наградили званием Героя Соцтруда и он бы сегодня на памятнике стоял с Золотой Звездой Героя. Лыхаем, — и выпивал.

Потом он дочитывал пятое и шестое стихотворения и так как больше наизусть ничего не помнил, то брал в руки книгу и дальше читал по напечатанному до тех пор, пока не засыпал, а слушатели его спали уже давно.

И вот когда Леонид Ильич решил стать лауреатом конкурса чтецов-декламаторов, особо остро встал вопрос, какие стихи он будет читать на этом конкурсе. Собрали поэтов самых лучших, самых маститых лауреатов, авторов многотомных собраний сочинений.

Они читали свои стихи, Леонид Ильич плакал, слушая их. Потом думали, что это их стихи так растрогали вождя. Но он потом сказал жене:

— Страну жалко, народ. Сколько денег уходит на этих дармоедов.

И еще плакал он оттого, что видел, как далеки эти поэты от него, а значит, и от народа, потому что никогда в жизни Леонид Ильич не смог бы выучить эти стихи, а если и выучит, то произнести не сможет. Поэтому всех поэтов накормили, напоили, развезли по домам, а на следующий день в газетах напечатали отчет о встрече Леонида Ильича с творческой интеллигенцией, а тех, чьи стихи Леонид Ильич понял и чьи фамилии он запомнил, — а некоторых Леонид Ильич запомнил чисто визуально: «вон тот длинный с носом или короткий с усами», — через неделю наградили орденами «Знак Почета» и «Дружба народов».

А одному, который, напившись, ухитрился поцеловать руку Леониду Ильичу, даже дали

звание Героя Соцтруда, но он оказался не поэтом, а работником охраны, поэтому ему пришлось потом учиться заочно в Литинституте, а затем идти на афганскую войну, чтобы звание отработать.

В общем, не подошли Леониду Ильичу современные стихи, и решено было провести конкурс на лучшее прочтение стихов Есенина, а для того, чтобы у всех были равные условия, постановили читать именно те шесть стихотворений, которые знал наизусть Леонид Ильич. И Леонид Ильич начал усиленно готовиться к конкурсу. К нему пришел педагог-репетитор, и Леонид Ильич стал разучивать скороговорки. Леонид Ильич с удовольствием медленно произносил: «Шла Маша по шоссе и сосала сушку», потом «От топота копыт пыль по полю летит». Но на фразе: «Сшит колпак не по-колпаковски, надо его переколпаковать» — что-то у Леонида Ильича в челюстях заклинило. И они с преподавателем сели выпивать.

После двухсот и хорошей закуски Леонид Ильич стал произносить скороговорки значительно лучше, а у преподавателя язык стал заплетаться. После семисот Леонид Ильич и репетитор абсолютно сравнялись в произношении, и Леонид Ильич сказал:

— Вот в таком состоянии и надо проводить конкурс.

А тут как раз должно было состояться совещание «в верхах». И надо же было, чтобы без ведома Леонида Ильича это совещание назначили именно на тот день, когда должен был состояться конкурс! Так все Министерство иностранных дел «стояло на ушах», десять иностранных дипломатов получили звание Героев Соцтруда. Одной женщине-дипломату дали медаль «Мать-героиня». Отменили революцию в одной африканской стране, две страны «третьего мира» под давлением отказались от социалистического выбора и вернулись в капитализм, была понижена цена на советскую нефть, но перенесли совещание «в верхах» на более поздний срок.

И вот, допустим, завтра должен был состояться конкурс, а сегодня на Политбюро Леонид Ильич решил устроить генеральную репетицию.

Он прямо на заседании Политбюро в разделе «разное» стал читать стихи.

Декламация Леонида Ильича членам очень понравилась. Представитель Азербайджана сказал, что он такое наслаждение испытывал только в молодости, да и то от женщины.

Представитель Узбекистана сказал, что чтение так прекрасно, что надо поставить на эти стихи балет: Леонид Ильич на сцене Большого театра с трибуны читает стихи, а балет танцует и собаку, и Качалова, и «Ты жива еще, моя старушка».

Всем остальным чтение тоже очень понравилось, а представитель Казахстана даже предложил, чтобы Леонид Ильич на каждом заседании ничего больше не говорил, а только читал стихи Есенина.

И только жена Леонида Ильича сказала ему вечером:

— Ты что, старый дурень, удумал? Ты представь себе совещание «в верхах». Объявляют: Рейган — президент США, Маргарет Тэтчер — премьер-министр Англии и Леонид Брежнев — лауреат конкурса чтецов-декламаторов.

Леонид Ильич страшно обиделся и сказал:

— Если бы ты только слышала, как я сегодня великолепно читал и как меня принимала публика, ты бы так не говорила.

Но, с другой стороны, обидевшись на жену, он не спал всю ночь, ворочался с боку на бок, а под утро, нацепив на грудь все ордена и медали, в одних кальсонах и кителе читал в ванной «Собаке Качалова», при этом клал своей овчарке руку на морду, а собака скулила и пыталась лизнуть Леонида Ильича в лицо.

— Ты меня понимаешь. — сказал Леонид Ильич собаке и нацепил ей на ошейник медаль «За взятие Будапешта».

Днем в Большом театре состоялось торжественное открытие конкурса чтецов.

В зале сидели лучшие чтецы страны и гости из-за рубежа. На сцене, в президиуме, сидело Политбюро в полном составе, на заднике висели портреты Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Ленина и Есенина.

Леонид Ильич прочел трехчасовой доклад «О перспективах развития речевого жанра в условиях построения развитого соцреализма». Потом всех участников конкурса пригласили на банкет. Поели, попили. И начался концерт. В начале концерта выходили чтецы и хвалили доклад Леонида Ильича, поражались его дикции, умению построить фразу, его литературному таланту, его способности оратора. Некоторые плакали и благодарили партию, правительство и лично Леонида Ильича за то, что он живет на этом свете, а не на том.

А затем вышел сам Леонид Ильич и стал читать стихи Есенина. После каждого стихотворения зал вставал и устраивал овацию. Кричали «бис» и «браво», слышны были здравицы и крики «ура».

На четвертом стихотворении, дойдя до слов «Пей со мной, паршивая сука», Леонид Ильич не выдержал и заплакал и под бурные, долго не смолкающие аплодисменты уехал домой.

Медаль лауреата и грамоту ему привезли на квартиру и торжественно надели на него ленту, где золотом было вышито: «Лауреат первой премии конкурса чтецов Леонид Ильич Брежнев».

Официально это звание не было обнародовано, и в печати об этом конкурсе не было ни слова. Написали опять, что была встреча с очередной интеллигенцией. Но через некоторое время кому из чтецов квартиру дали, кому звание, а кого в Израиль отпустили. А на собрании в филармонии, где обсуждалось это событие, один известный чтец спросил:

— Скажите, а тех, кто останется, как-нибудь отметят?

Но это к слову. Шло время. Леонид Ильич быстро отошел от конкурса и успокоился, решив стать членом Союза писателей; вступил он в этот союз по рекомендации министра госбезопасности и сделал блестящую писательскую карьеру. За один присест написал три эпохальные вещи и получил Ленинскую премию.

В этом смысле он обогнал всех генеральных секретарей, кроме К. У. Черненко, который тоже получил Ленинскую премию, но в области ракетостроения. Он был, видно, большим специалистом в этой области, как, впрочем, и в других областях страны. Правда, в отличие от Черненко Леонид Ильич был еще и маршалом. Но, думается, поживи Черненко подольше, он бы догнал Леонида Ильича и в военном деле.

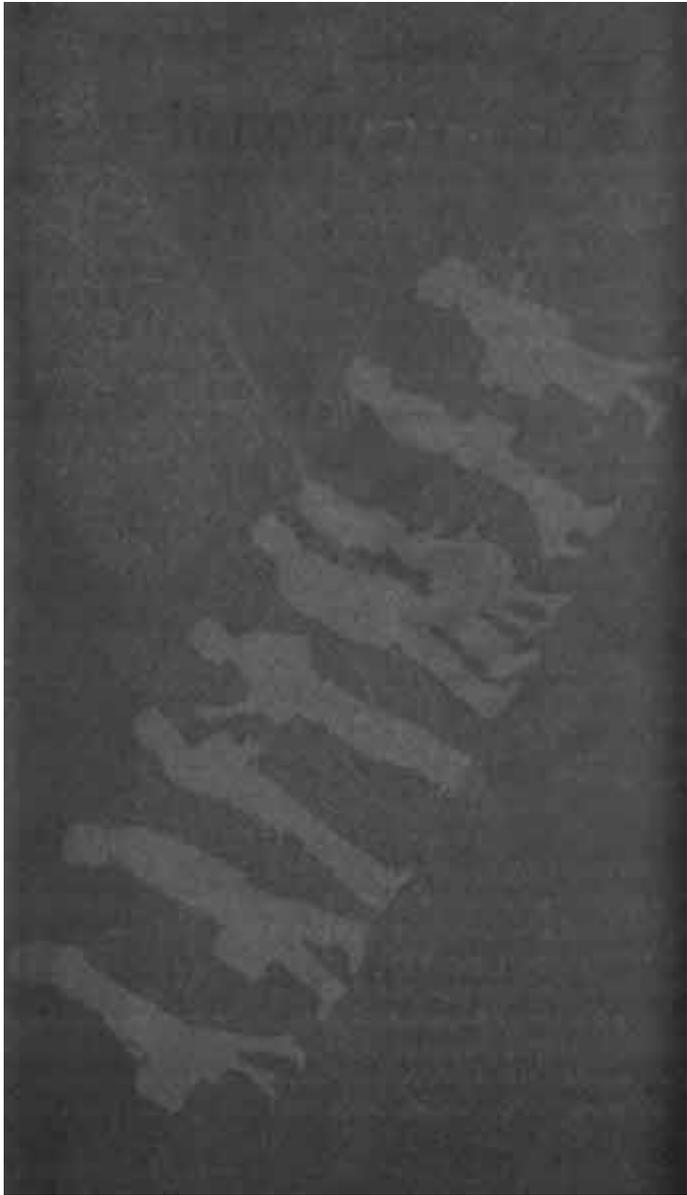
ГЛАВА VII

КАКИЕ ЛЮДИ!

ГЛАВА VII

Какие люди!

В 1966 состоялся первый фестиваль студенческих театров СССР. Председателем жюри был Аркадий Райкин. Кроме композиторов, артистов и комсомольских работников, в жюри были два писателя, Аркадий Арканов и Григорий Горин. Они уже прославились своими капустниками в ЦДРИ. Кроме того, именно в 66-м году вышла знаменитая, лучшая по тому времени книга «Четверо под одной обложкой» в соавторстве с Ф. Камовым и Э. Успенским. Книга эта была новым словом в юморе после долгих лет «положительной» сатиры.

Для меня два этих писателя, Арканов и Горин, были какими-то существами высшего порядка. И вот они сидели в жюри и судили спектакль нашего МАИ «Снежный ком».

В самодеятельности вовсю играли их миниатюры, и «Рояль в кустах», и многое другое.

По всем институтам исполняли «Ревматизм», правда, Арканова и Левенбука.

Этот «Ревматизм» они написали в подъезде на подоконнике, когда шли к кому-то на день рождения. Взяли брошюру «Профилактика ревматизма у детей» и заменили детей на бухгалтеров. Миниатюра дожила до 90-х годов.

В 1969 году я встретил Арканова в стекольной мастерской на Каляевской. Он нес какое-то стекло в сторону своего дома на Чехова, и я шел за ним только потому, что очень хотелось посмотреть на знаменитого писателя. Конечно, это была не та популярность, какая есть сейчас у людей, раскрученных телевидением. Однако мы, те, кто занимался тогда юмором, все Арканова знали. А книжку их «Четверо под одной обложкой» я знал чуть ли не наизусть.

На сцене я его увидел в МАИ. Был вечер юмора, где всех просто укатал Сичкин, который изображал целый концерт, но и Арканов там имел большой успех. Читал он очень хорошо. Не спеша, красивым голосом и все правильно интонируя.

Впоследствии, когда мы уже вместе ездили на гастроли, Хайт сказал:

— Аркан замечательно читает, попробовал бы ты эту фигню почитать со сцены, тут же бы провалился.

В 70-е годы я его встречал в «Литературке», но даже приблизиться стеснялся.

Он меня поддержал на первом моем концерте с «Клубом» в Зеленограде. «Старик» Арканов нас заметил. Дальше мы стали ездить в разные города и, естественно, постепенно сблизилась.

Я человек смешливый, а Аркадий Михайлович очень здорово острит и рассказывал жуткое количество разных баек. Так, например, считалось, что Арканов невезучий, а Горин «везунок». Как только Горин поднимал на улице руку, тут же подъезжало такси, а Арканов мог ловить машину часами. И вот Арканов, находясь в Новосибирске, послал Горину в Москву телеграмму: «Выезжай Новосибирск не могу поймать такси».

Как-то, приехав в Одессу для написания эстрадной программы, они, еще никому не известные авторы, не имевшие ни одной книги, просто шутки ради подошли к киоску и спросили:

— У вас нет книги Арканова и Горина?

Продавец-одессит многозначительно посмотрел на них и сказал:

— О! Хватились!

Тогда в Одессе они с Гориним жили в гостинице «Красной».

Однажды как следует выпили. Арканов вышел на балкон и обратился к стоящим внизу

одесситам:

— Идите и возьмите почту, телеграф и телефон, — после чего ушел с балкона в номер.

Одесситы остались гадать, кто это был. Решили, что, наверное, сумасшедший, вообразивший себя Лениным.

Однако Арканов не успокоился на достигнутом. Минут через пятнадцать он снова вышел на балкон и спросил:

— Почту, телеграф, телефон взяли?

Кто-то снизу ответил:

— Взяли.

Арканов сказал:

— Сейчас же идите и отдайте обратно.

Или еще одна история. Арканов работал в журнале «Юность», руководил отделом сатиры и юмора. Была поездка на Камчатку, Арканов почему-то не поехал. После поездки к нему в отдел пришел фотокорреспондент по имени Аркадий с синяком под глазом и рассказал следующее.

На Камчатке на каком-то банкете он сидел за столом напротив прилично поддатого типа. Тип долго смотрел на фотокора, а потом спросил:

— Вас как зовут?

— Аркадий, — ответил фотокор.

— А случайно не Арканов?

Тот решил пошутить и сказал:

— Арканов.

Далее безо всяких предупреждений тип врезал Аркадию в глаз. Что уж он имел против Арканова — неизвестно.

Вообще-то Аркадий Михайлович человек неконфликтный. А обиды на него возникали по двум причинам: либо он у кого-то увел женщину, либо что-то плохое сказал. Позлословить он любит.

В 1993 году мы поехали на эстрадный семинар в Рузу. Редактор Министерства культуры РСФСР М. Л. Стельмах собрала нас человек шестьдесят. Всех эстрадных авторов. Преподавателями были Александр Аронович Хазин, Арканов, Горин и еще кто-то, не помню кто.

Я не отходил от Арканова, так он мне нравился. В какой-то вечер мы сидели у него в номере. Ему нравилась девушка Лера, мы ее называли Паричок. Сидели, пили виски и старались девушку Леру обаять. Аркадий Михайлович уже до нас принял как следует, а тут еще добавил целую бутылку виски. Но когда он пьянеет, не очень заметно. Выпить он в те времена мог много. Вдруг Лера сказала, что ей надо ненадолго уйти, обещала вернуться, надела пальто и ушла.

Аркадий Михайлович встал и тоже начал надевать дубленку. Я не понимал, зачем он это делает. Надев дубленку, Арканов открыл окно и стал вылезать на улицу. По всей видимости, он хотел посмотреть, куда ушла Лера. Однако не удержался и выпал наружу. Мы находились на первом этаже. Был человек, и вдруг нет его.

Потом я услышал слабый голос Арканова:

— Лион, вытащи меня.

Я выглянул в окно, он лежал и тянул ко мне руку. Умирая от смеха, я стал его втаскивать. Дальше мы уже хохотали вместе.

Однажды на гастролях Арканов весь день говорил голосом Брежнева: «Дорогой товариш Салазар, сегодня, в обстановке участвовавших в вашей стране расстрелов...» или «Дорогая Голда Меир...» и так далее.

Целый день он произносил выдуманные им же самим монологи.

Когда он мне первому читал новые рассказы, видно, проверяя их на мне, я смеялся именно там, где потом будет смеяться зал.

Когда Арканов и Горин разошлись, у Аркадия Михайловича началась депрессия. Это совпало с его разводом с Женей Морозовой, его супругой.

Вообще-то сначала Женя, красивая голубоглазая девушка, очень обаятельная, встречалась с артистом Левенбуком. Но, на свою беду, Алик Левенбук познакомил ее с закадычным другом Аркановым, и Женя влюбилась в Аркадия. Они поженились.

В те времена, в конце 60-х, Аркан много зарабатывал. Они с Гришей очень плодотворно работали и на эстраде, и в театре. Пьеса «Свадьба на всю Европу» шла в шестидесяти восьми театрах страны и за рубежом.

Арканов — человек азартный, он ходил на бега и много играл.

Женя, женщина хозяйственная, обставила квартиру старинной мебелью. Когда только начиналась их семейная жизнь, у них не было ни кола ни двора, и Борис Сичкин взял Аркана за руку и пошел с ним по друзьям собирать ему на кооперативную квартиру. А теперь, в 72-м, они с Женей жили в трехкомнатной на улице Чехова. В квартире было очень красиво и уютно. Но неугомонный Арканов не успокаивался. Он сам мне рассказывал, как они с Гришей сидели где-то на квартире, якобы работали, и вызвали двух знакомых девиц. В самый разгар пьянки позвонила в дверь Женя. Она решила, что ребятам нечего есть, и привезла им еду. Аркан от ужаса совершенно впал в анабиоз. Лег в соседней комнате на кровать и сделал вид, что мертвецки пьян. Женя подергала его, даже стянула с кровати. Он упал на пол и продолжал изображать пьяного. Женя сказала:

— Ну и черт с тобой, — пошла, села за стол, и они вчетвером, включая девиц, стали пить и закусывать.

— А я, — говорил потом Аркан, — лежу как дурак на полу и не знаю, что мне делать.

А еще, помню. Арканов рассказывал мне о Горине.

Гриша с другом в маленькой комнатенке принимали двух девушек. Водки было мало. Пили, курили. Стало так дымно, что Горин попытался открыть форточку. Но друг кинулся наперерез и не дал.

— Ты что, сдурел? — кричал он Горину. — Они же не забалдеют!

А вот интересная психологическая история.

Арканов был в Риге, познакомился с очень красивой женщиной. Вспыхнул роман. Арканову надо было уезжать в Москву. Они распрощались. Она плакала, расставаясь. Аркадий поехал на вокзал и опоздал на поезд. Тогда он радостный вернулся к своей возлюбленной. Она приоткрыла дверь на цепочке и сказала:

— Аркадий, извини, все кончилось. Ты уехал. У меня своя жизнь.

Женя с Аркадием расходиться не хотела. Однако он настоял. Как потом мне рассказывала Женя:

— У него в глазах все время стоял вопрос: «Почему ты здесь?»

Однажды Арканов вышел вечером из дома, а вернулся через двое суток с цветами.

— Где ты был? — кричала Женя.

— За цветами ходил, — ответил он.

Они развелись. Женя с маленьким Васей въехала в двухкомнатную квартиру, а Аркан получил однокомнатную в том же доме. Мне кажется, они не переставали любить друг друга, и поэтому жить в одном доме и все время общаться как чужие было очень тяжело.

У Арканова начался трудный период. Раньше более молодой Гриша бегал по инстанциям и делал почти всю организационную работу. Горин — живой, общительный, пробивной. Арканов — более медлительный, спокойный, все делает размеренно, не спеша и с ленцой. Не случайно у них и артисты после «расхода» подобрались соответствующие. Горин стал писать среди прочего Писаренкову, а Арканов Петросяну.

Встретились как-то Петросян и Писаренков. Жизнерадостно-злобный Писаренков спросил:

— Как твой?

— Мой грустный, — грустно сказал Петросян.

— А мой веселый, все шутит, — весело сказал Писаренков.

Еще задолго до «расхода» Арканов и Горин писали какую-то эстрадную программу. Им должны были заплатить 1200 рублей. По тем временам нормальные деньги.

Арканов до этого занял у Горина 400 рублей и долго не отдавал. Они пришли в кассу. Получили каждый по шестьсот рублей. Гриша сказал:

— Аркан, давай четыреста рублей.

— Какие четыреста рублей? — изумился Аркан.

— Аркан, ты мне должен.

— Я должен? Да ты что, Гриша?!

Но, короче, отдавать все же пришлось. Аркан отдал четыреста рублей и сказал:

— Что же, я эту фигню писал за двести рублей?

Потом они шли по улице, и Аркан не успокоился до тех пор, пока не заставил Горина купить новый цветной телевизор за четыреста рублей.

Горин привез телевизор домой и долго сокрушался:

— Зачем мне этот телевизор, когда и старый нормально работает!

После развода Женя и Аркан при всей видимости обоюдной неприязни продолжали заботиться друг о друге.

Был период, когда у Арканова совсем плохо было с деньгами и он несколько месяцев не платил за квартиру. Однажды мы должны были с ним ехать выступать в Черноголовку. Этот концерт был очень важен, потому что Бюро пропаганды пригласило нас на смену «Клубу 12 стульев». Я заехал за Аркановым, звоню в квартиру. Никто не открывает. Я звоню снова. Из-за двери кто-то кричит:

— Да заплачу я, заплачу, отстаньте от меня!

Аркадий Михайлович подумал, что пришли из правления кооператива, и решил не открывать.

Я пошел на седьмой этаж к Жене. Она была в истерике.

— Он там пьяный. — сказала она, — лежит на диване, а вдруг его начнет мутить и он задохнется!..

Я пошел к соседу Арканова, попросил разрешения на транзит, перелез с балкона на балкон и таким образом попал к Аркадию в квартиру. Он лежал в совершенно разобранном виде. Пришлось поднять его, довести до ванной. Он принял душ, попил чаю, оклемался, и мы поехали выступать в Черноголовку. Все прошло хорошо, и мы еще много лет ездили от Бюро пропаганды, собирая группу из 4–5 сатириков.

Эти два-три года были для Арканова очень тяжелыми. Гриша сам писал пьесы, а Аркадию в депрессии было ни до чего. Но потихонечку он все же стал раскручиваться. Все еще действовала его слава ведущего телепередачи «Артлото». Он был первым писателем-юмористом, который задолго до «Вокруг смеха» проник на телевидение. Арканов сначала писал эту передачу, а потом стал в ней сниматься. Он и так нравился женщинам, а тут и вовсе отбоя не стало. Мы как-то сидели с ним в ресторане ЦДЛ. В другом конце ресторана сидела слегка поддатая знаменитая киноактриса. Подошел официант Адик:

— Аркадий Михайлович, вот та женщина просила вас подойти к ней.

Аркан пошел, поговорил, вернулся ко мне и сказал:

— Она хочет, чтобы я ушел с ней.

Не помню, чем дело кончилось, кажется, он не решился. Актриса была слишком экспансивная и неуравновешенная.

Как-то мы с «Клубом» поехали в Баку. Были Резников, Хайт, еще человека три. Публика была тяжелейшая. Один только Хайт все равно проходил как бомба. Я проходил с трудом, но все же проходил со своими наборами довольно грубых реприз, специально сделанных для такой публики. А вот Арканову, который выступал с литературными интеллигентными рассказами, пришлось плохо. Обычно в Баку нас принимали очень хорошо, но тут из-за большого количества концертов публика шла с окраин города, многие и язык-то русский плохо знали. Ну, просто беда.

Помню, Арканов, стоя на сцене, закончил читать один рассказ. Публика, не поняв, что рассказ закончен, не аплодировала. Арканов подождал немного и стал читать следующий, еле-еле вырулил на средние аплодисменты. Сошел со сцены совершенно белый и сказал мне:

— Я, кажется, занимаюсь не своим делом.

Я попытался успокоить Арканова. В общем, он и не должен был подстраиваться под малограмотную публику.

Когда мы ездили по «дырам», ему, конечно, было тяжело с его изящными, не очень эстрадными рассказами. А в больших городах его принимали хорошо. Однажды мы ездили по Казахстану где-то в районе Усть-Каменогорска. Я пробовал там номер, написанный для Винокура. Пародии на Мартынова, на Магомаева, на Лещенко. Я, конечно, пою плохо, но, поскольку это были пародии, все проходило нормально.

И вот я стал уговаривать Арканова исполнить этот мой номер со сцены:

— У тебя слух абсолютный, кроме того, я из зала посмотрю, как это все получается.

Он отказывался:

— Да неудобно, ну что я, как старый дурак, выйду, петь начну.

Но все же я его убедил.

Арканов вышел и по бумажке стал исполнять этот пародийный номер. Пел хорошо и даже похоже на оригиналы. Имел успех. Как только он сошел со сцены, я начал:

— Ну как тебе не стыдно, старый дурень, стоит, поет, изображает певцов, писатель называется!..

И оба мы умирали со смеху. Никто на розыгрыши не обижался.

Часто мы с ним разыгрывали других. Причем Аркадий Михайлович, человек очень сообразительный, все схватывал на лету и тут же подыгрывал.

Так, в Ленинграде мы с ним стояли в очереди в кафе в гостинице. Подходит пародист Брайнин, встает за нами.

Я обращаюсь к Аркадию и говорю:

— Ну что. Аркан, поедем или нет?

(Мы предварительно не сговаривались, все чистая импровизация.)

— Да можно, — сказал Аркан, еще не понимая, куда я его зову.

— Ты знаешь, — продолжал я, — сейчас зима, и эти овощи на дороге не валяются. Есть смысл поехать и выступить.

— Пожалуй, — согласился Аркан.

Брайнин насторожился.

— А в чем дело? — спросил он у меня.

— Да тебе это вряд ли будет интересно.

— Это почему вам интересно, а мне нет?

— Да понимаешь, тут позвонил председатель колхоза, всего шестьдесят километров от Ленинграда, предлагает выступить.

— А что дает? — заинтересовался Брайнин.

Аркан тут же подхватил тему:

— Два мешка картошки, мешок моркови.

— И полмешка свеклы, — добавил я.

— Аркан, Аркан, а я, я тоже поеду, — говорит Брайнин.

— Да понимаешь, — говорю я, — проблема, как их, эти мешки, в Москве до дома довести. Тут-то председатель дает транспорт, а в Москве что делать?

— Я, я, я, — торопливо затараторил Брайнин, — я обеспечу, я с машиной договорюсь. У меня знакомый есть.

Договорились, что он, Брайнин, будет в три часа сидеть в номере и ждать звонка председателя.

В два мы с Аркановым поехали к Городинскому играть в карты. И я еле уговорил Городинского позвонить в номер Брайнину и пригласить его от имени председателя колхоза на концерт. Но Городинский сделал это так неумело, что Брайнин все просек и обиделся — конечно, на меня.

Но иногда и Арканов обижался.

Так, когда он 91-м году начал петь со сцены, я в Лужниках, представляя его залу, сказал:

— Выступает молодой начинающий певец Аркадий Арканов.

Он обиделся, но ненадолго.

Аркан вообще считался довольно равнодушным и эгоистичным человеком, но именно он помог мне, когда у меня тяжело заболела мама. Во-первых, попросил своего брата, анестезиолога, чтобы тот устроил консультацию у хорошего специалиста в Онкоцентре. А когда болезнь мамы зашла очень далеко, попросил Василия Аксенова достать в Париже дефицитное лекарство. Аксенов в Париже попросил каких-то друзей Зои Богуславской, лекарство достали, и Аксенов, который виделся со мной всего лишь раз в жизни, привез его из Парижа. Дело в том, что его мама болела той же болезнью, что и моя. И он лечил ее этим лекарством.

Я никогда в жизни не забуду того, что Арканов мне тогда помог, помог моей маме.

Иногда Арканов бывает несправедлив. И обо мне порой говорил неприятные вещи. Но это не имеет никакого значения. Для меня всегда любую обиду будет перевешивать это вот лекарство, которое при его помощи привезли из Парижа.

А когда травили Аксенова и писали про него гадости в газетах, выдавливая его из страны, я всегда вспоминал, как он мне, малознакомому человеку, вез из Парижа лекарство.

Дай ему бог всего хорошего.

Как-то мы с Аркановым, Воловичем и старухами Маврикиевной и Никитичной (Тонковым и Владимировым) поехали в Гомель.

Поскольку звездами у нас были Тонков и Владимиров, то и публика на нас ходила соответствующая.

Нам, остальным, было тяжело. И вдруг Борис Владимиров стал исполнять аркановских «Бухгалтеров». В зале стон стоял.

Я сказал Арканову:

— Ну вот же есть у тебя номер для простой публики.

— Да неудобно, — отнекивался он.

Однако я его убедил, и на следующих гастроях он попробовал своих «Бухгалтеров», которых не читал со студенческих времен. И прошел с большим успехом. И исполнял этот номер впоследствии еще лет пятнадцать. Этот номер дал ему уверенность. Он знал: что бы он ни читал, в конце все равно прикроется «Бухгалтерами». Через какое-то время, в конце 80-х, он стал выступать даже с сольными вечерами. А в 90-х Арканов, объединившись с Оганезовым, стал петь со сцены смешные песенки. И делает это виртуозно. Открыл свою нишу. Это пародии на современную попсу. Песни про Анну Каренину или про Настасью Филипповну с позиций современного песнетворчества.

Песенки смешные, и исполняет он их хорошо. Мне нравится. Всегда был дефицит комических песен. Вот Арканов его и восполняет. Кроме того, он теперь вот уже несколько лет ведущий передачи «Белый попугай», то есть просто имеет право рассказывать анекдоты со сцены.

Аркадий Михайлович делает то, что ему нравится. Хотел петь — поет.

Арканов — гений поведения. Он умеет быть таким обаятельным, что нельзя его не полюбить. Конечно, он не ангел, он любит и позлословить, и посплетничать, но кто из нас без этих грехов, пусть... Ну, дальше вы знаете и сами.

Мне очень нравились рассказы, которые он когда-то писал. Я помню, в рассказе «Соловьи в сентябре» была такая фраза: «Приехали с Кавказа Гоги и Тенгиз и за то, что Лида у них летом отдыхала, повели ее в ресторан». Замечательная фраза.

Когда-то Арканов напечатался в «Метрополе». Участников этого самиздатовского альманаха власти преследовали. С Аркановым провел беседу секретарь Ф. Кузнецов, и он было заколебался, но после разговора с Аксеновым позиций своих все же не сдал.

И его так же, как Ахмадулину и других участников, попытались лишить выступлений. То есть просто отслеживали, где «метропольцы» должны были выступать, и перекрывали кислород. Однако Арканова взяла под свою защиту Римма Казакова, она вытаскивала его на какие-то выступления, а кроме того. Арканов ездил куда-то совсем уж далеко, куда не дотягивалась рука Москвы.

Так, в то время Арканов, поэт Луговой и я поехали под Усть-Каменогорск. Поэт Луговой быстро уехал, и мы с Аркановым остались вдвоем. Ничего чудовищней этих гастролей у меня в жизни не было. Зима, стужа и ветер такие, что в какой-то военной части мы застряли на дороге. Темень, вой ветра. Я открыл дверцу «Волги», и ветром разорвало металлическую скобу, на которой держалась эта дверца. Администратор, молодой парень, который подталкивал машину всего минут пять, потом неделю кашлял, надышавшись холодного воздуха.

Арканову в тех концертах пришлось с его интеллигентным юмором туго. Я вывозил,

вспоминая шутки вплоть до студенческих миниатюр. Как-то, в общем, вдвоем вытягивали. И вот в последний день гастролей нам наша администраторша вдруг заявляет, что Арканову и Луговому она заплатит по семьдесят пять рублей за концерт, а мне по пятьдесят. поскольку я не член Союза писателей. То есть прямой обман. И главное, все десять дней гастролей она об этом молчала, а сообщила в последний день. После всех мытарств мне стало так обидно, что я просто заплакал.

Аркан, когда мы вышли, решил меня успокоить и, понимая, что администраторша поступает подло, сказал мне:

— Давай так: я тебе из своих доплачу. В общем, разницу разделим пополам.

И надо сказать, что слово свое он сдержал. Хотя, в принципе, мог и не отдавать. Он же за эту администраторшу не ответчик.

Сейчас Аркадий Михайлович — человек обеспеченный, а тогда у него с деньгами было не очень. Как-то я ему предложил купить у меня старый холодильник «Саратов». Договорились на сорок рублей. Взяли Мишу Липскерова, поймали какой-то «рафик» и поехали ко мне. Погрузили холодильник, едем к Арканову. Я говорю:

— Аркан, давай деньги.

— Какие деньги?

— Сорок рублей.

— А разве мы договаривались на сорок?

— Да, — говорю, — на сорок.

— Давай так, — говорит Аркан. — Тридцать пять и бутылку.

— Нет, — говорю я, давась от смеха, — только сорок.

Торговались мы минут двадцать. Кончилось все тем, что он мне заплатил тридцать девять рублей, а я еще поставил им всем бутылку.

В другой раз уже на гастролях Аркадий Михайлович стал мне рассказывать, какой замечательный альбом продаст мне, когда мы вернемся в Москву.

Вернулись. Встретились в ЦДЛ. Арканов вынул альбом художника Делакура — «Свобода на баррикадах» и так далее. Потребовал за него десять рублей. Альбом мне не нужен был и даром. Я, умирая со смеху, пытался от него отказаться. Но в результате все-таки купил этот дурацкий альбом за рубль, и мы потом долго его в ресторане обмывали за мой, естественно, счет.

С Аркановым было весело. Однажды мы сидели с ним в ресторане, и вдруг он начал сочинять пародии на эпиграммы одного из наших приятелей. Тот писал комплиментарные эпиграммы, и Аркан погулял вдоволь:

На С. Михалкова:

И сам большой, И пишет хорошо.

Или на уезжающего Аксенова:

Быть может, ты меня умнее. Езжай, езжай, не обеднеем.

Я включился в эту игру, и мы написали этих эпиграмм штук двадцать. Конечно, напечатать их было невозможно в то время, но зато мы повеселились всласть.

Один наш общий розыгрыш длился несколько дней. Дело было в Баку. Мы там были с Задорновым, пародистом Брайниным и куплетистом Дабужским.

Все шло хорошо. Миша Задорнов уже набирал обороты. Для большего успеха он исполнял еще и крокодилские «Нарочно не придумаешь». Там была такая шутка: вместо фильма «Убийство Маттеоти» в афише напечатали «Убийство Матюти».

Брайнин с Дабужским жили в одном номере. Задорнов в другом.

Я набрал телефон Брайнина и сказал хриплым голосом с сильным кавказским акцентом:

— Дарагой, это Тенгиз говорит, были вчера на ваш концерт. Ай, молодцы, давай завтра к нам, но не все, можешь собрать?

Брайнин от радости чуть не ошалел.

— А по сколько платить будете?

— По пятьдесят рублей.

— Да, могу, могу, а кого возьмем?

— Да возьми этот, как его, такой, который Матютя, потом и сам давай, ну еще этот пожилой возьми.

— Арканов?

— Да, вот Арканов, запиши телефон... — И я дал ему номер его же телефона.

Радости Брайнина не было предела. Он тут же побежал к Задорнову и договорился о выступлении. Тот, естественно, согласился.

Я снова позвонил:

— Слушай, как тебя?

— Борис, Борис.

— Да, слушай, Борис, не надо Матютя, давай этого нашего Измайлова. Мне сказали, Измайлова давай.

Брайнин побежал к Задорнову и сказал:

— Звонил Тенгиз, сказал, Матютю не надо.

— Какого Матютю? — перестал отжиматься от пола Задорнов.

— Ну, он тебя Матютей зовет, сказал, тебя не надо, а надо Измайлова.

Миша возмутился:

— Слушай, сижу в номере, никого не трогаю, и вдруг на тебе. Матютю не надо.

Брайнин прибежал ко мне:

— Лион, Лион, мужик один звонит, зовет выступить завтра по пятьдесят рублей.

Я сказал, что согласен. Мы пошли на выход. В вестибюле подошел возбужденный Задорнов и закричал:

— Ленъ, ты представляешь, я у себя в номере занимаюсь гимнастикой, вдруг какой-то Тенгиз сначала зовет выступать, потом говорит, что Матютю не надо. Это я — Матютя! — Мишка при этом жутко хохотал, потому что его смешила сама абсурдность ситуации.

Мы садимся в машину. Аркан впереди, рядом с шофером. Брайнин начинает рассказывать Арканову о приглашении. Тот осторожно скашивает глаза в мою сторону, я не выдерживаю, отворачиваюсь. Аркан все понял.

Когда мы приезжаем на площадку, я ему все рассказываю. Аркану нравится.

На другой день утром звонит Брайнину тот же Тенгиз и говорит:

— Слушай, Борис, ты тоже не нужен, приведешь Измайлова с этим пожилым, получишь свои десять рублей, и все.

Брайнин озадачен.

— Почему?

Тенгиз вешает трубку. Брайнин начинает звонить по своему номеру, и, естественно, все время занято.

Он прибегает ко мне в панике. Что делать?

Звонит по своему номеру Тенгизу. Но там никто не берет трубку.

Брайнин уходит к себе. Снова ему звонит Тенгиз:

— Слушай, Борис, не надо тебя совсем. Мы без тебя их найдем, Арканова и Измайлова.

Брайнин в полном недоумении. Деньги уплыли. На концерте он все это рассказывает.

Мы с Аркановым говорим, что нам Тенгиз уже звонил, и мы дали согласие, но мы не знали, что Брайнина не будет, а теперь мы из солидарности откажемся выступать.

После концерта мы едем в гости к нашим бакинским друзьям. Брайнин изрядно выпил. Мы ему рассказываем, что уже отказались от предложения Тенгиза. Брайнин говорит, что Тенгиза надо наказать. Аркан вспоминает, что у него есть знакомая в ЦК Азербайджана, некая Фатима.

Аркан идет в коридор к телефону и звонит Фатиме:

— Фатима, ты знаешь, какой-то у вас есть Тенгиз. Фатима, конечно же, знает Тенгиза.

Дальше Арканов рассказывает по телефону всю историю.

Поддатый Брайнин требует Тенгиза наказать.

Мы — Задорнов, я и Дабужский — просто плачем от смеха.

Аркан просит Фатиму как следует наказать Тенгиза. Вешает трубку.

— Ну, она ему задаст, — говорит он Брайнину.

Брайнин доволен. Мы плачем.

На другой день Тенгиз звонит Брайнину:

— Слушай, Борис, зачем Фатиме пожаловался, она теперь меня с работы снимет.

— И правильно, — отвечает Брайнин.

Тогда Тенгиз говорит:

— Давай, дорогой, не ссориться, давай в ресторан всех поведу, тебе денег дам.

— Ладно, — согласился Брайнин.

Во время концерта Брайнин ждет Тенгиза, но Тенгиз так и не появляется.

Наконец мы не выдерживаем и говорим Брайнину, что это был розыгрыш. Он нам не верит.

Тогда Аркан спрашивает:

— А по какому телефону ты звонил Тенгизу?

Брайнин называет номер.

— Так это же твой номер.

Вот только здесь Борис поверил.

А еще Аркадий Михайлович помог мне, когда я вступал в Союз писателей. Нужны были три рекомендации. Одну мне дал А. Иванов, вторую Г. Горин, а третьей не было. Аркан сам мне дать ее не мог — у него был пик неприятностей из-за «Метрополя». С его рекомендацией меня бы точно не приняли. Тогда он позвонил Фазилю Искандеру и попросил рекомендацию для меня.

Фазиль, когда я приехал к нему, а я с ним был до этого не знаком, сказал:

— Я ваши рассказы в «Литературке» читал и рекомендацию с удовольствием дам.

А на десятилетии «Эха Москвы», где Аркадий Михайлович очень здорово выступил, он за кулисами встретил Хазанова. Тот возмущался, что публика его плохо принимает на эстрадных концертах.

— Да кто они такие, — говорил Хазанов, — чтобы решать, что хорошо, а что плохо?!

Потом он посмотрел на Арканова и сказал:

— Надо встречаться чаще. Ведь нас так мало осталось.

— Нас действительно мало, — угрюмо сказал Арканов, — а тебя много.

Я еще многое могу рассказать об Арканове.

Мы сейчас почти не видимся, но, несмотря на это, я к нему испытываю самые нежные чувства. Кажется, он сам пишет книгу воспоминаний и сам о себе там расскажет. Я же только вспомнил разные забавные случаи из его жизни. То, что я слышал от него или чему сам был свидетелем.

Даже не могу вспомнить, когда мы с ним познакомились. Кажется, у Феликса Камова или Левенбука.

Но помню, когда мы, Измайловы^[2], принесли Феликсу свой спектакль «Цирк», они с Хайтом работали. Феликс предложил Хайту отмечать то, что из спектакля понравится. Спектакль состоял миниатюр из двенадцати. Они были положены на цирковые номера. Например, дрессировщик, который укрощает кнутом магнитофон. В начале номера из магнитофона несется западный рок, а в конце «Подмосковные вечера». Или «Коррида», когда тореадор показывает быку тряпку нашего ширпотреба и бык не желает нападать на нее, как тореадор ни уговаривает, а стоит тореадору повернуть мулету так, что видна надпись «Made in USA», тут же на нее кидаются не только бык, но и целая очередь с криком: «Дают!»

Мы вчетвером читали весь спектакль, а Феликс и Аркадий загибали пальцы. В результате обоим понравилось одинаковое количество миниатюр.

В то время они, Феликс, Хайт и Курляндский, уже писали «Ну, погоди!». Бестселлер советского времени. Они втроем получили только гонорар за сценарий и еще по 200 % потиражных. Допустим, гонорар в 70-е годы был 1200 рублей и еще 2400 на троих. По тем временам это хорошие деньги. Но если бы они написали такой фильм за границей, они были бы миллионерами. Восемь серий они написали втроем. Выпущены фильмы были огромными тиражами. А теперь представьте себе, сколько было выпущено разных маек, фуражек, игрушек с символикой «Ну, погоди!». И это все мимо них, как говорится, мимо денег.

Феликс мне рассказывал, что какой-то завод начал выпускать открывалки для бутылок в виде Волка и Зайца. И на доход от этих открывалок на юге был построен пансионат. Феликс сказал:

— Хоть бы пригласили на пару недель отдохнуть.

Куда там, грабительское государство. Обворовывало своих граждан нещадно и безнаказанно.

Хайт был года на два старше меня. Когда мы в 68-м году только начинали писать юмор, Хайт с Курляндским были уже известными писателями-сатириками. Их эстрадные номера исполняли лучшие артисты-разговорники.

В начале 70-х в «Клубе 12 стульев» печатались знаменитые рассказы «Слон», «Аксиома». Особенно мне нравился их рассказ про батюшку, который в электричке разговаривал с юношей. Тот утверждал:

— Бога нет.

Священник возражал:

— А откуда вы знаете!

— Из книг.

— А я знаю книгу, где написано, что бог есть.

— Это что за книга?

— Библия. И т. д.

Очень точно были уловлены полнейшая безграмотность нашего народа в вопросах религии и тупой бездумный атеизм. Концовку, правда, им пришлось сделать фальшивую, для

печати.

— Так, значит, все-таки есть бог? — спрашивал парень.

— В том-то и дело, к сожалению, что нет, — отвечал батюшка.

Аркадий Хайт был уникально остроумным человеком. Он не был таким балагуром, держащим стол, как Борис Брунов. Нет, он всегда в компании сидел тихо, скромно, но мог так сказать, что сразу становилось ясно, кто здесь главный по юмору.

Брунов всегда в застолье под конец говорил тост по очереди про всех присутствующих на празднике гостей. Из трех реприз — две были хорошие. Однажды у Хайта был день рождения. Мы праздновали его в Доме журналистов. Были Кваша, Хазанов, не помню, кто еще, но человек 12 было. В конце вечера Хайт повторил трюк Брунова. Он сказал тост про каждого, и все шутки были в десятку.

В 70-е годы уже начал тамадить по Москве Юлик Гусман. Его знали по КВН. Он тогда не был так остроумен, как теперь. Теперь просто фейерверк какой-то. А тогда у него был определенный набор шуток-поплавков, и он перебирался от одного поплавка к другому, по пути немного импровизируя.

Однажды он оказался в одной компании с Хайтом, кажется, у Квашы. Гусман шутил по поводу всех сидящих. У него вообще тогда была манера — выбрать за столом жертву и доставать ее под общий смех. Он шутил по поводу всех, но Хайта не трогал. Кваша все время подзуживал Юлика:

— А что же ты про Хайта не пошутишь?

Гусман сказал:

— А что тут шутить, он ведь без Курляндского ответить не сможет.

Особенно остроумно тут ответить было трудно, поэтому Хайт бросил «заманивающую» фразу:

— Юлик, ты уже начал свои еврейские штучки?

— Между прочим, я тат, — подставился Гусман, и тут же последовал выстрел:

— Тат — это тот же еврей, но только сильнее обрезанный.

Все покатались со смеху. Возможно, в пересказе эта шутка не покажется вам, дорогой читатель, сильно остроумной. Но там, за столом, сказанная моментально и по поводу человека, который только что над всеми шутил довольно издевательски, вызвала гомерический хохот.

Все знали, что Хайт уникально остроумный человек, и не нарывались. Уже в 90-м году на каком-то юбилее «Современника», когда в зал вошли Ширвиндт и Державин и прямо в зале стали задираться с публикой и остроумно отвечать, Ширвиндт, подойдя к Хайту, вдруг сразу осекся и задал вопрос кому-то другому — понимал, что Хайт ответит как следует. А жалко, потому что у Аркадия уже был готов ответ:

— Говорили, что здесь хорошо будет шутить Ширвиндт, и, как всегда, обманули.

Я сам как-то нарвался на его острогу. Мы сидели в гостях у Таты Земцовой, известной своим гостеприимством тусовщицы. Было человек 12–14. Незадолго до этого Хайт написал миниатюру «Вороньи яйца». Она имела огромный успех. А я, зная, что Хайт в жизни ничего ни для кого за столом не читал, стал его подначивать:

— А пусть Хайт прочтет «Вороньи яйца». Давайте все попросим!

Все стали просить, но Хайт отмалчивался. Когда я в третий раз сказал:

— А пусть Хайт прочтет «Вороньи яйца», — Хайт не выдержал и сказал:

— Я прочту «Вороньи», если ты покажешь свои.

Конечно, грубо, но в той обстановке, где Тата материлась через каждое пятое слово, это как раз было к месту.

Хайт частенько подсказывал мне хорошие фразы. Иногда и я тоже что-то ему давал. Например, репризу про одеколон. Был у нас в то время одеколон «Турист». А реприза звучала так: «Одеколон «Ландыш» пахнет ландышем, «Фиалка» — фиалкой, а чем пахнет одеколон «Турист»? Ну, и так далее. Хайт попробовал репризу в тексте. Она хорошо у него прошла.

Он после своего выступления сказал мне:

— Годится реприза с духами, прошла. Спасибо.

Мне всегда нравилось, как Аркадий одевался. В те времена всеобщего дефицита он всегда был одет в западное. Особенно мне нравилась куртка замшевая, чуть ниже талии, с шерстяным вязаным поясом. Как только я начал ездить за границу, сразу купил себе такую же куртку. Но на мне она сидела значительно хуже. Хайт был высокого роста, со спортивной фигурой.

В поездках у него были разные иностранные мелочи, например, электрическая бритва, которую можно было заряжать, а потом бриться в течение нескольких дней. Сейчас это не редкость, а тогда, в 70-х, — такой дефицит, сегодня трудно даже представить.

У Хайта было очень много разных словечек, прибауток, которые он сам и придумывал. Например, если дело плохо, он говорил: «Тухлевич-Валуа». Дело в том, что в 70-е годы был такой довольно известный актер Карнович-Валуа, вот из этой фамилии Хайт и сделал поговорку. Это Хайт когда-то придумал гениальную фамилию, когда ни о каком Бородине еще и не слышал никто, — «Пал Палыч Смертью-Храбрых». И кто бы ни присваивал себе сегодня авторство этого сочетания, я-то точно знаю, что придумал его Хайт.

В середине 70-х годов жена Горина была редактором по юмору в «Добром утре» на радио, а жена Арканова — редактором по юмору в «Клубе 12 стульев». Хайт тут же на это откликнулся. Он сказал:

— Они забыли, видно, что юмор через секс не передается.

Вместо слова «секс» стояло, конечно, другое, но я из скромности его употреблять не стану.

Это именно Хайт сказал мне однажды, когда А. Иванов вышел совсем пьяным на сцену:

— Знаешь, как называется падение Саши в оркестровую яму?

— Нет.

— Первый концерт для Иванова с оркестром. Честно скажу, я был просто влюблен в Хайта.

Он был моим старшим товарищем. Он был талантливее и опытнее. Мне хотелось с ним подружиться, что и произошло, когда мы стали вместе ездить с «Клубом 12 стульев». У нас было много общего. Во-первых, мы оба писали Хазанову. Общие обиды на него сближали. А обиды обязательно должны были быть, без обид у автора и артиста не бывает. Потом мы оба писали Лифшицу и Левенбуку. И больше того, каждый из нас был соавтором Левенбука. Кроме того, мы оба дружили с Феликсом Камовым. Но Хайт все-таки был где-то в другой компании. Он дружил слевой Збарским и Квашой. Через них познакомился с Ахмадулиной. И я помню, как жена Хайта Люся захлеб рассказывала о встрече Нового года у Людмилы Максаковой. Как будто там собирался высший свет, а мы жили в каком-то другом мире. Хотя, правда, у Максаковой муж Уля был из ФРГ, по нашим меркам миллионер. И Люда Максакова снабжала весь свой театр лекарствами и одаривала друзей подарками. Хайту

очень льстило это знакомство, и он за эту компанию очень держался. Они с Гришей Гориним даже ездили к Максаковой помогать перебирать библиотеку. Но надо сказать, что и к Таничу, когда тот переезжал в новую квартиру, Хайт тоже приехал перетаскивать мебель.

Мы были втроем, помощнички — Хайт, я и Леша Черный, композитор. И когда Леша с неумным рвением позвал нас тащить какой-то тяжелый шкаф, Хайт, смеясь, сказал:

— Нет уж, это ты сам. Мы же с Лионом не композиторы, нам тексты Танича не нужны. Вообще он очень интересно острит. Скажет шутку и сам смеется, радуясь, что получилось смешно.

Однако со сцены он шутил, не смеясь, а с улыбкой, прищуривая глаза.

Хайт тоже, как и жена его Люся, с удовольствием иногда рассказывал новости из «высшего света» о Максаковой, Кваше и Збарском.

Мне запомнилось, что после празднования Нового года в той компании Горин, выйдя наутро из туалета, сказал:

— Вот интересно, какие продукты ни ешь, хоть ананасы, а в результате все равно получается одно и то же.

Итак, на гастролях мы с Хайтом были вместе. Он в нашей компании проходил лучше всех. В кавказской поездке он попробовал впервые прочитать «Вороньи яйца». В Грузии в зале филармонии на 2500 человек просто рев стоял, тем более что герой рассказа — грузин.

Гена Хазанов переживал, поскольку номер был написан для него, а исполнял автор. Естественно, артист имел бы еще больший успех с таким текстом. У них, у Хайта с Геной, уже были сложные отношения. Оба самолюбивые, амбициозные, и это вечное противостояние автора и артиста... Как правило, артист не хочет делиться ни славой, ни деньгами. Вы, наверное, заметили, что почти ни один эстрадный артист не объявляет автора.

Райкин, когда выпускал спектакль, имел программку, в которой напечатаны были фамилии авторов. Понятно, что зрителям, во всяком случае, подавляющему большинству зрителей, до лампочки, кто там автор, но автору-то не до лампочки. Почему-то когда поют песни, то объявляют и поэта, и композитора, а юморист выходит и читает все как свое. Автор стоит, слушает и переживает: опять он в безымянной братской могиле.

Поэтому и появляются Задорновы и Жванецкие, которые читают не хуже артистов и ни с кем уже славу свою не делят и никому ее не отдают.

Перед тем как поехать по трем кавказским городам, мы жили в Каштаке под Сухуми — мы с Хайтом, Левенбук и наши жены. Жили прямо на берегу моря, в десяти шагах от воды. Наш хозяин, Зелымхан, потом был описан Фазилем Искандером в повести «Морской скорпион».

Днем мы с Хайтом ходили на гору за обедами — там одна женщина нам готовила. Подумать только, было время, когда пообедать было негде. Существовала одна закусовая, в которой есть было просто невозможно.

Мы поднимались в гору, и Хайт мне всегда что-нибудь рассказывал. И всегда интересно. А еще Арик, как его называли близкие, пел мне песни Джо Дассена, Жена его Люся в прошлом была переводчицей с французского. А у Хайта были просто уникальные языковые способности. Он свободно говорил по-английски. Пел по-французски. Перед тем как навсегда уехать в Германию, очень быстро выучил немецкий. Причем никогда ни на какие языковые курсы не ходил. Самоучка. А кроме того, у него был абсолютный слух, он моментально запоминал новые мелодии и тут же точно воспроизводил их.

Вечерами в Каштаке мы сидели на кухне с Зелимханом, его женой Надей и их дочкой. Мы, естественно, шутили. Все, включая наших жен, хохотали. Я все время поражался тому, какие у Хайта крученые репризы. У меня шутки какие-то простые, а у него всегда с поворотом, со вторым смыслом.

Однако Хайт меня успокаивал:

— Ну, видишь, простые у тебя ходы, но они же смеются, значит, все нормально.

Аркаша мог пошутить довольно обидно.

Мы выступали в Тбилиси, и наши жены пошли в театр. Когда они возвращались в гостиницу по улице Руставели, за ними чуть не погоня была. Все мужчины обращали на них внимание, что-то вслед кричали.

Люся потом стала рассказывать:

— Аркаш, ты представляешь, они нас просто затерроризировали.

Аркаша перебил:

— Кого нас, ты-то куда! Это все они на Ленку выставились.

И был не прав, поскольку Люся хоть и старше Лены была лет на пять, однако выглядела прекрасно. Маленькая такая, пикантная француженка.

Однажды в Киев мы взяли с собой Писаренкова. Альберт Писаренков в 70-е годы был, наверное, лучшим конферансье страны. Злобный, маленький, но очень остроумный человек.

Он возродил на эстраде жанр буриме. Долго тренировался в компаниях, прежде чем вышел на сцену. Причем делал буриме не просто, как Писаренков, а три варианта. Один под Вознесенского, один под Евтушенко, один под Маяковского.

В Киеве Писаренков насел на меня: поговори с Хайтом, чтобы он написал мне программу. А надо сказать, что Хайт про этого Писаренкова слышать не хотел. Они с Левенбуком в свое время сделали целую программу на троих — Петросяну, Шимелову и Писаренкову. Программа шла с большим успехом. Но артисты перессорились, и она была закрыта. Хайт потерял деньги, и теперь его писать для Писаренкова заставить было трудно.

Но он ко мне в то время относился очень хорошо, и мне все-таки удалось его уговорить. Назвали это представление «В гостях у конферансье». Центром его был Писаренков, он приглашал певцов, артистов оригинальных жанров, а сам делал конферансные интермедии. Вот их мы и писали. Но это были не служебные интермедии, а именно концертные номера.

У меня было много соавторов, но такого, как Хайт, не было никогда. Практически он диктовал, а я записывал. Силы были настолько неравными, что я потом старался дома что-то добавить к уже надиктованному Хайтом. И взял на себя всю организационную часть. Хайт как-то очень здорово находил прием номера. Так точно, что потом полурепризы, попадая в фокус, становились репризами. Писали мы это все в 75-м году, а в начале 76-го года состоялась премьера. Перед премьерой, когда надо было работать по выпуску (собственно, работать надо было Писаренкову), я поехал на гастроли. У меня очень болела мать, и я, понимая, что скоро не смогу никуда уезжать, старался заработать побольше денег. Писаренков жутко обиделся на меня за то, что я уехал. Однако спектакль выпустили. Премьера состоялась в киноконцертном зале «Варшава». Зал был битком. Почти все прошло хорошо. А подсадкой для номера «Итальянская трагедия» был ныне известный телеведущий Дима Крылов. Он с Писаренковым учился в ГИТИСе и вышел на сцену как бы из публики и подыграл замечательно. Все вроде было хорошо. Мы уже считали авторские. А они с такого зала, как «Варшава», были немаленькие. Однако буквально после трех представлений Писаренков подал на отъезд в Израиль. И никаких авторских от его концертов мы не

получили. Сразу после подачи он попал в отказ и вынужден был уйти из Москонцерта. А сейчас живет в Америке и работает страховым агентом.

Считая себя виноватым, поскольку именно я соблазнил Хайта этой работой, я стал рассылать артистам тексты нашего представления. А поскольку тексты были хорошие, то очень многие конференсье их исполняли, так что, думаю, мы от этого только выгадали.

Хазанов, конечно, ревновал. Он хотел, чтобы Хайт писал ему одному, но Хайт писал, кому хотел.

Они уже к тому времени разошлись с Курляндским и писали с ним только сценарии «Ну, погоди!».

В 76-м году осенью Хазанов и Хайт поехали в дом отдыха «Вороново» писать программу. Хазанов позвал и меня поехать, просто так. Я с удовольствием согласился. Они весь день писали свои номера, а вечером читали их мне. Я человек естественный и смешливый, по мне можно точно определять — смешно или нет. Где неинтересно, я тут же отключаюсь. Вот так они на мне и проверяли свои тексты. Там, в «Воронове», было два интересных момента. Однажды мы смотрели телевизор. Шел какой-то дурацкий среднеазиатский фильм о басмачах. Хайт выключил звук и стал озвучивать героев. В фильме дехканин стоял на коленях среди хлопкового поля, над ним стоял «красный» с ружьем, а Хайт «переводил»:

— Бери землю, твоя земля, бери, тебе говорят, все это твоя земля. Ты теперь хозяин. Советский власть дает тебе этот земля.

Текст, который произносил Хайт с ходу, вступал в полное противоречие с картинкой, и было жутко смешно. Мы с Хазановым просто плакали. И еще один момент довел нас до истерики. Мы пошли на концерт в доме отдыха. Поскольку была поздняя осень, не сезон, в «Воронове» отдыхали одни шахтеры. Сначала писатель Леонид Жуховицкий поучал этих шахтеров, как им культурно жить в их провинции, ходить в музеи и консерваторию. Шахтеры слегка напряглись, поскольку не во всех шахтерских поселках была консерватория, в некоторых даже бани не было.

А потом на сцену вышел вальяжный, громкоголосый чтец и начал читать какие-то заумные стихи. Я только помню строчку:

И наслаждаться стихом Маларме...

Тут мы глянули на шахтеров, на их нахмуренные лица, и у нас началась истерика. Люди пришли на концерт, хотели шуток, песен, а тут им какого-то Маларме суют.

И еще одна история, связанная с Хайтом. Они с Камовым снимали дачу в Абрамцево. Дача состояла из двух половин, где они двумя семьями и жили. А мы к ним все приезжали. Но в один прекрасный год Люся и Хайт поставили вопрос так, что Феликс вынужден был отказаться от дачи, и Хайт снял дачу сам. Я видел, что Феликсу вся эта ситуация неприятна, но он, мудрый человек, ничего не сказал. Хайт с Люсей и сыном Лешкой стали жить на этой даче одни. Я помню, как приехал туда к ним, а Хайт меня встречал со своим сыном Лешкой. Он с ним разучивал разные присказки.

Хайт говорил: «Иван Иваныч», а Лешка отвечал: «Сними штаны на ночь».

Это было жутко смешно. Маленький, совсем маленький мальчик, и вдруг такая фраза.

Я жил у Хайта неделю. Что нам было делать? Конечно же, писать. Мы сели и распланировали пьесу «Тест», а потом где-то за месяц ее и написали. Я первый вариант, а Хайт — второй. Я хотел показать пьесу Галине Борисовне Волчек. Собственно, знакомств в театральном мире у меня было немного. Но Хайт категорически запретил показывать пьесу

в «Современнике». Там работал его друг Кваша, и он не хотел, чтобы тот на худсовете рассматривал эту пьесу. Мы не знали, хороша она или нет. Для нас это был чужой жанр. Так эта пьеса до сих пор и лежит у меня.

Хайт был парень гордый и самолюбивый. Не забуду, как он был в ярости оттого, что Хазанов как-то повез его и своего хомячка на машине и высадил больного Хайта на улице в снег и холод, поскольку куда-то надо было везти хомячка.

Хайт не хотел ни перед кем прогибаться. Как-то мы приехали с гастролей с «Клубом», и вдруг в аэропорту Веселовский сказал, что надо поехать в «Литгазету» давать интервью. Хайт категорически отказался — он устал и хотел домой. Витя сказал:

— Нужно!

Хайт возразил:

— Тебе нужно, ты и езжай.

И поехал домой. Его не пугало то, что его не будут печатать.

Как-то Хайт спросил меня:

— Если бы у тебя было много денег, ты бы писал?

— Конечно, — сказал я.

— А мне если бы платили тысячу в месяц, я бы точно не писал.

Не знаю, насколько это соответствовало истине.

На одном из дней рождения Аркадия в «Арагви» я увидел его отца. Очень симпатичный мужчина, еще выше Хайта, очень какой-то благожелательный и с юмором. Он был одессит. Хайт рассказывал мне такую историю. Как-то его отец увидел в магазине пальто из букле. Он сходил в Столешников переулочек к кепочнику, спросил, не нужен ли ему материал для кепок-букле. Тот сказал:

— Очень нужен.

Папа Хайт пошел, купил пальто, потом принес это пальто кепочнику и продал в два раза дороже. Живи его папа в наше время, он бы был богатым человеком, а тогда, при совке, закончил свою жизнь в доме престарелых. Для меня узнать об этом было неприятно. Такой он был симпатичный мне человек. Однако, может быть, это было его желание.

Женщины Хайта волновали мало. В нашей клубной компании искателей приключений на свою шею он был белой вороной. Не помню, чтобы он за кем-то ухаживал, хотя женщинам нравился. Как-то актриса Ольга Яковлева увидела его по телевизору в «Кинопанораме». Они там с Гердтом ходили взад-вперед и о чем-то разговаривали. Яковлева мне сказала:

— Твой друг Хайт — человек с большим чувством собственного достоинства.

Когда я стал сближаться с Хайтом, Феликс, мудрый мой наставник, предупредил:

— Ты там особенно душу-то не раскрывай. А то он вообще никого, кроме себя, не любит.

И, как всегда, оказался прав.

Был день рождения Хайта в «Арагви». Мне очень хотелось понравиться, и я делал, что мог. Веселил гостей и даже притащил за свой счет оркестр, который наяривал нам грузинские песни.

Там за столом произошел спор с Игорем Квашой. Кваша — спорщик от рождения. Причем спорит яростно и грубо. Зашел у нас разговор о Райкине, и мы с Хайтом, молодые нахалы, стали говорить, что Райкин — это разрешенная сатира, что Райкин — это вчерашний день. Кваша спорил с нами, а потом сказал замечательную фразу:

— Послушать вас, так вообще никого, кроме вас, нет.

Мы поглядели с Хайтом друг на друга и поняли, что Кваша прав. Спор закончился.

Хайт был по-житейски очень мудр. Какие-то его фразы врезались мне в память на всю жизнь. Он говорил:

— Хочешь узнать, как к тебе относится муж, послушай его жену. Муж скрывает свои истинные мысли и чувства, а жена их выдает.

Хайт очень здорово играл в преферанс. Я рассказал об этом своему соавтору Наринскому. Тот играл в преф плохо, но думал, что играет хорошо. И ему не терпелось сразиться с Хайтом.

На даче в Абрамцеве эта возможность ему представилась. Он меня попросил:

— Ну, предложи Аркадию сыграть с нами.

Я предложил. Аркадий посмотрел мне в глаза, понял ситуацию, а дальше в течение 15 минут просто разделал нас обоих. Причем он раздавал карты, а дальше не играл, просто показывал, какие есть варианты, и сразу записывал результат. Наринский был потрясен. Больше он никогда не просил Хайта играть с ним в преферанс.

На дне рождения у Хазанова Хайт сказал тост:

— Гена, ты всегда подражал мне. Я был старше, когда ты только становился артистом, я уже выступал, и ты стал артистом. Я купил квартиру, и ты тоже сделал все, чтобы купить квартиру. Мне было тридцать лет, и ты решил, что обязательно станешь тридцатилетним. Вот твоя мечта и сбылась. Тебе тридцать лет.

В начале 80-х Евгений Петросян решил выпустить сольную программу. Подрядились писать Хайт с Левенбуком. Но поскольку у Хайта было много работы и времени на всю программу не хватало, то решили привлечь Григория Минникова и нас с Наринским. Мы с Валерой написали один монолог и один куплетный номер для артиста Войнаровского. Там в этом номере были три народные песни. Я сам все три попробовал на сцене, и у меня они шли хорошо. А у Войнаровского одна не очень шла. Я переделывать не хотел. Как это может быть — у меня идет, а у артиста нет. Но пару куплетов без нашего на то разрешения Хайт с Левенбуком все-таки переделали, как им казалось, лучше.

И, видно, пока переделывали, сидели, как обычно, поливали коллег и настроились против нас. Вроде как мы не шибко заботимся о своей работе. Но дело-то было, как я понимаю, в другом. Они поняли, что могли сделать все сами и сами получили бы за это деньги, а тут приходилось делиться. Но все заново переделывать не хотелось. Тем более уже отрепетировали.

И вот выпущена программа, и в один прекрасный день звонит мне Петросян и говорит:

— Мы тут сделали хронометраж номеров. У вас с Валерой одна миниатюра — 1 минута 43 секунды, один монолог — 2 минуты 34 секунды и куплеты — 1 минута 46 секунд. Следовательно, вам причитается соответственно.

Я цифры сейчас ставлю от фонаря, но смысл остается тот же. Такого еще никогда не было. Я думал, мы, авторы, встретимся, все поделим между собой, договоримся, тем более что ясно было: они основные, а мы вспомогательные. Я спросил Петросяна:

— А Хайт знает про эти секунды?

— Конечно, — ответил Петросян.

Я позвонил Хайту.

— Аркадий, я сейчас говорил с Петросяном, и он сказал: такая миниатюра — столько-то секунд, такая — столько-то...

Хайт спросил:

— А что тебя не устраивает?

Я сказал:

— Если тебя, человека, с которого я брал пример, такой посекундный дележ устраивает, то нам с тобой больше говорить не о чем, — и положил трубку.

Петросян засуетился. Ведь я мог не подписать бумаги в ВААП, и пришлось бы все переделывать. Но я бумаги подписал и перестал общаться и с Хайтом, и с Левенбуком.

На Левенбука я обиделся тоже. Уж он-то, мой соавтор и учитель, должен был такого позорного дележа не допускать. Петросян меня в данной ситуации не волновал, хотя он потом говорил: «Зачем я полез в это дело? Пусть бы авторы сами делили свои авторские». Кстати, действительно не надо было ему лезть.

Я переживал всю эту ситуацию очень болезненно. Тем более что она наложилась на мои семейные обстоятельства. Мама умирала, я и так был в очень нервном состоянии. А тут еще и Хайт добавил Человек, которого я так любил, вдруг так со мной обошелся. Через некоторое время позвонил мне Петросян:

— Может, вам встретиться, поговорить?

Видно, Хайт его направил. Но я уже пошел вразнос и заявил:

— Ни видеть его не хочу, ни говорить.

Если бы он сам позвонил, объяснился, я бы, конечно, с ним поговорил, но он при своем самолюбии сделать этого не захотел.

И так вот несколько лет мы с ним не разговаривали.

Я написал Феликсу в Израиль письмо, где всю эту ситуацию изложил, на что Феликс ответил мне: «Ты же знаешь, на финишной прямой все решают секунды». Однако прямая была не финишная.

В тот период, когда мы не общались, Хайт, поругавшись с Хазановым, написал с Данелией сценарий фильма «Паспорт», за что и получил премию «Ника». Совсем перестал писать на эстраду. Написал пьесу для театра Образцова. Как говорил Влади́н, написал про себя. Там какой-то творческий человек решает работать не ради искусства, а ради денег и теряет талант. Спектакль шел довольно долго, но славы Хайту не принес.

В тот же период они с Левенбуком начали писать программу Петросяну, но тут их соперником оказался Задорнов, и его монологи получались лучше. Хайт, который уже занялся кино, стал пробуксовывать. Эстрада не любит, когда ей изменяют. К тому же на роль режиссера спектакля Петросяна претендовали Левенбук и Задорнов, и Петросян выбрал Задорнова. И тот, естественно, взял большую часть своих миниатюр. Хайту пришлось потесниться. Все вернулось на круги своя. НЛЮ, как говорили мы с Хазановым про Задорнова, сильно задвинул Хайта и Левенбука, и теперь секунды считались уже в его пользу.

Хайт совсем разошелся с Хазановым. Хазанов говорил мне:

— Он не может мне дать ничего нового. Я его перерос.

Думаю, это было не совсем так. Просто Хайт, как я уже говорил, занялся кино. Он рассчитывал там обосноваться, но в кино он как сценарист не был на таком уровне, как на эстраде. Там сильнее его были многие, а в эстраде никто. Но, видно, Хайту надоело быть зависимым от Хазанова и других артистов.

Интересно, что Хайт обычно ни с кем не доводил отношения до открытого разрыва. Вот только со мной так получилось. Обычно он оставлял отношения в подвешенном состоянии,

чтобы всегда можно было их восстановить.

Он жутко обижался на Горина уже в 90-х годах, что тот, ведя передачу «Белый попутай», никогда его в эту передачу не приглашал. Понятно было, что Хайт рассказывал анекдоты лучше Горина, зачем же было Горину звать такого соперника. Хайт мне жаловался, даже бесился из-за этого, но самому Грише ни слова не говорил.

И вот 93-й год. В Москву приехал Феликс Камов с женой Тамарой. И Лариска Рубальская решила всех нас собрать и предложила поехать на вернисаж в Измайлово. Удивить хотела Феликса. Мы все поехали. И Хайт тоже. А я с ним даже не здоровался. И вот мы ходим вместе, где-то даже остаемся вдвоем, а я демонстративно от него отворачиваюсь. Вижу, что он хочет заговорить со мной, но все равно отворачиваюсь. Вскоре бродить среди этих вторичных товаров Феликсу надоело, и мы поехали домой к Лариске. Сели все за один стол, выпиваем, закусываем.

Перед обедом Феликс мне тихо так говорит:

— Ну, неудобно, что ты с ним даже словом не перемолвился.

Хайт сидит напротив меня, что-то рассказывает смешное. Не будешь же, как дурак, сидеть с серьезной миной. Я тоже смеюсь, раз смешно. Потом он с чем-то ко мне обратился, я ответил. Так вроде и разговаривать начали.

О том, что было, ни он, ни я не говорили. Через некоторое время он мне позвонил, мы стали общаться. Тех отношений, которые были у нас когда-то, теперь, конечно же, не было. Он стал несколько иным. Гордыни стало, как мне показалось, поменьше. Однако с Лариской Рубальской, которая когда-то была в него почти влюблена, у них отношения так и не восстановились.

— Ну да, — сказал он мне, комментируя ее популярность, — конечно, песни эти оставляют желать лучшего, однако их поют, и она популярна.

И еще как-то он выразился по поводу Лариски:

— Знаешь, она вполне может сказать мне: «Когда вы гуляли, мы вам не мешали, а теперь мы гуляем, и вы нам не мешайте».

Я вел тогда по московскому каналу передачу «Шут с нами» и пригласил Хайта.

Он, конечно, был интересен и искрометен по-прежнему. Но не удержался и сказал в эфир:

— Арканов зачем-то поет. Аркан, бросай ты это дело, ведь ты же писатель.

Я ничего не вырезал, так и оставил, предварительно спросив:

— Оставлять или нет?

— Оставляй, — сказал он. — Аркан талантливый человек, а занимается ерундой.

И я оставил, хотя это и было со стороны Хайта довольно жестоко.

В это время он снова сошелся с Хазановым. Они ездили вместе в Германию и в Америку.

Что касается репертуара для эмигрантов, то равных Хайту не было. На еврейскую тему он мог написать как никто. Поехав в Америку в первый раз с Хазановым, он имел успех несколько не меньший, а потом уже и сам ездил с гастрольями по Америке. И гастроли эти были очень успешными.

Хайт вернулся на эстраду. Это был, по-моему, единственный случай, когда человек, однажды бросив эстраду, сумел вернуться в жанр. Обычно это практически невозможно. Но Хайт был настолько талантлив, что ему удалось.

Он написал Хазанову несколько хороших номеров.

Был какой-то год, то ли 80-й, то ли 82-й, когда одновременно в Москве шли три сольных спектакля: Хазанова, Петросяна и Винокура. И все три были написаны Хайтом, при участии, правда, Левен-бука в петросяновском и винокуровском спектаклях.

Я помню, мы тогда случайно встретились в Мос-концерте со Жванецким, и Миша, человек очень ревнивый к чужому успеху, говорил мне:

— Леонидик, объясни, как это у него выходит. Три спектакля одновременно. Леонидик, как это так?

Мне очень хотелось помочь Хайту в 90-е годы. Он был очень талантливым автором, а его широкая публика практически не знала. Задорнов, который в 80-м году в подметки Хайту не годился, в 90-м году был уже фантастически популярен. А Хайта знали только артисты и та часть публики, которую интересуют авторы.

Если бы он в ту пору попробовал дать сольный концерт в Москве, думаю, не собрал бы и трети зала.

Но он здесь, в России, и не выступал, а выступал там, где его знали — в Америке. Раз в год с новой программой проезжался по всей Америке и выступал при полных залах.

После поездки в Германию он сделал мне одно очень заманчивое предложение. Там их с Хазановым продюсер Миша Фридман предложил Хайту издавать для немцев газету на русском языке. К тому моменту в Германии было уже около миллиона немцев, практически русских людей, родившихся в СССР и там же проживших всю жизнь. Им было интересно читать на русском, но о немцах.

Хайт предложил мне вместе с ним делать эту газету. Если издавать ее тиражом в 10 000 и продавать по две марки, то это 20 000 марок. Если выпускать ее два раза в месяц, то это 40 000. Миша Фридман в то время делал концерты в Германии. Одна Ротару дала 48 концертов. Там на концертах можно было на первых порах газету и продавать.

Дело было в октябре. Мы решили выпустить газету в новом году. С этого и начать. Все обсудили. Хайт куда-то уехал, а я принялся за дело. Заказал хороший коллаж — новогодний политический, с Колем и Ельциным, своему приятелю Андронику Миграняну заказал международный обзор. Танину заказал какую-то сказку на тему истории СССР в вождях. Сам сделал и подобрал отдел юмора и детский отдел. Узнал, что Вадим Тонков был внуком великого архитектора немца Шехтеля, и с ним тоже сделал интервью о дедушке. Хайт должен был привезти из Германии материал на местную германскую тему. На все про все Фридман мне выделил тысячу марок. А я за 600 марок все собрал и даже договорился напечатать 10 000 экземпляров.

Хайт приехал из Германии, все сначала разругал, потом понял, что разругал напрасно, что-то добавил, что-то подправил, и мы напечатали первый тираж газеты «Треффунг», что в переводе означает «Встреча». В принципе печатать было не обязательно, можно было сделать пленки и отослать их в Германию. Но я решил сэкономить деньги нашему компаньону Фридману, ведь у нас напечатать было в три раза дешевле. И напечатал. В этом и была моя ошибка. Мы сдали газету Фридману 15 декабря. Надо было тут же отвезти ее в Германию и перед Новым годом начать продавать. Фридман вывез газету 1 февраля, а продавать начал и того позже, к 8 марта. Кому к 8 марта нужна новогодняя газета? Так наш незадачливый продюсер загубил свою же собственную хорошую идею. В то время в Германии еще не было ни одной газеты на русском языке. Хайт связывал с этой газетой свое будущее. Сорок тысяч марок в месяц на троих не так плохо для начала. Он бы сидел там, я собирал материал здесь, он добавлял местную тематику, а Фридман продавал. Увы, ничего

не получилось.

Году в 94-м я пригласил Хайта в свою передачу «Шоу-Досье». Естественно, с артистами, которые исполняли, с Петросяном и Хазановым. Передача получилась хорошая. Кроме одного момента. Мы хотели сделать конкурс со зрителями. На каждый анекдот из публики мы с Хайтом рассказываем свой на эту же тему. Однако он заволновался, и мне пришлось самому выходить из положения. Спонсоры, приглашенные мной, дали нам три бесплатные путевки в Италию по 100 \$ — мне, режиссеру и Хайту. Но за жен надо было заплатить. Однако Хайт пожалел денег и за 500 \$ продал мне свою путевку и, думаю, на меня же и обиделся. А дальше у нас возник конфликт. Он уже подал на выезд в Германию. Был очень нервный, раздраженный. Мы встретились в «Современнике» на юбилее Волчек. В антракте стояли в фойе, мирно беседовали. И я к чему-то сказал, что, наверное, Люся на меня обиделась за Италию. Он вдруг побагровел и начал нести такие гадости, что я опешил. Наговорив гадостей, он развернулся и пошел в туалет. По пути встретил мою жену и сказал ей: «Я обидел твоего мужа». А я даже не разозлился на него. Я вдруг увидел, что он слабый человек, а я всегда считал его сильным. Больше мы с ним не общались. Хазанов позвал меня выступать в своем юбилейном концерте в Израиле, но так как Хайт участвовал тоже, я отказался. Потом Хайт уехал в Германию.

Когда он приезжал в Россию, он был у Петросяна и сказал ему, что жалеет о ссоре со мной. Однако мне так и не позвонил.

Почему он уехал? Он очень был обижен. На все и на всех. Из-за всяких пертурбаций он потерял все свои деньги. Хайт при советской власти хорошо зарабатывал, был лауреатом Госпремии за «Кота Леопольда». И вдруг все его сбережения накрылись медным тазом. Это был для него тяжелый удар. Кроме того, ему надоела зависимость от Хазанова. Она его очень тяготила. Да и сын его уже жил в Германии, закончил там академию художеств. К тому же Хайт боялся возвращения коммунистов, а в то время оно могло быть вполне реальным. А еще его самолюбию был нанесен сильный удар: люди, гораздо менее талантливые, добились большего — правда, не по творчеству, а по деньгам. Но для него именно деньги были мерилom человеческого успеха.

Он там, в Германии, жил довольно тяжело, а в 2000 году умер. Умер в какой-то бедной больнице. Очень жаль. Он был удачливым человеком и очень талантливым. Мы сами делаем свою судьбу. Он сделал ее так, как понимал. Я даже не знаю, верил ли он в бога.

Поэт Михаил Танич — автор нескольких стихотворных книг, книги воспоминаний «Играла музыка в саду», а также нескольких сотен песен.

Назову для тех, кто не знает, самые популярные: «Подмосковный городок», «Ну что тебе сказать про Сахалин», «Любовь-кольцо», «Робот» — песня, которую Танич написал для начинающей певицы А. Пугачевой, «Идет солдат по городу», «По аэродрому», «На дальней станции сойду», «Узелок завяжется», песни Анки-пулеметчицы, «Погода в доме», «Зеркало», «Как хорошо быть генералом»... Это я навспоминал просто с ходу, первое, что мне пришло на ум. Но и этих шлягеров хватило бы на троих поэтов, а ведь есть еще более ста песен группы «Лесоповал».

По поводу одной песни, «На тебе сошелся клином белый свет», которую Танич написал вместе с И. Шафераном, Михаил Исаевич шутил так: «Это же Игорь сочинил строчку «На тебе сошелся клином белый свет», а я только предложил повторить ее три раза!»

Танич не боится преуменьшать свои достоинства, сам над собой может посмеяться, но если кто-то попытается посмеяться над ним, может обидеться. Обидчив, как ребенок, и по сей день.

Родился Михаил Исаевич в 1923 году 15 сентября.

Когда в 91-м году он был у меня в передаче «Шоу-Досье», девушки из РАО, поздравляя его, сказали, что Таничу уже семьдесят лет. Миша жутко обиделся и тут же в прямом эфире устроил им скандал.

Оказалось, что он сам указал в своей учетной карточке в Российском авторском обществе именно 1921 год рождения. Когда я ему об этом сообщил, защищая девушек, он все равно для порядка еще месяц на них дулся, потом купил торт и пришел к ним пить чай. Поскольку они, девушки, его любят, инцидент был исчерпан. Но он так и не извинился. Это характер.

Родился Танич в Таганроге, там и учился в школе, бывшей мужской гимназии, и литературу ему преподавал человек, лично знавший Чехова. Подумать только. Хотя вообще-то утверждают, что через второе рукопожатие можно практически быть связанным с любой знаменитостью, например, с президентом США. Это действительно так. Я знаком с Задорновым, он с Ельциным, Ельцин с Клинтонем.

Но, оказывается, и с Антоном Павловичем я связан через второе рукопожатие при помощи Танича.

Я был в городе Таганроге в 2001 году, мне этот город очень понравился, я там выступал и специально договорился с администратором, чтобы они пригласили Танича с «Лесоповалом». А Танич с детства так в Таганроге и не был. Но очень хотел побывать. И администраторы сдержали свое обещание. Танич приехал в Таганрог. Там многие знали, что он местный. Концерт прошел блестяще. Танич и в гимназии своей побывал, и по улице Чехова ходил.

Вернулся он совершенно больным, позвонил мне и с горечью сказал, что это совсем другой город. И три дня у него сердце болело, до тех пор пока не написал стихотворение о Таганроге. И все прошло.

Отца Михаила Исаевича посадили. Впрочем, об этом и о многом другом вы можете

прочитать в книге воспоминаний Танича, а я только скажу, что Танич прошел всю войну, вернулся в Ростов-на-Дону, учился в строительном институте на архитектора. В 47-м году по доносу его арестовали, и он отсидел шесть лет в лагерях. Хорошо, что умел рисовать и смог устроиться там художником.

Книга Танича вышла в издательстве «Вагриус». Я в этом издательстве «заварил» серию книг — «Золотая серия юмора», подружился с замдиректора Андреем Ильницким, посоветовал ему издать книгу Танича, познакомил их. И Танич начал писать. Писал очень быстро, боялся, что не успеет.

Дело в том, что именно в этот период у него стало совсем плохо с сердцем, пришлось делать операцию. Ему вставили пять шунтов, и это в семьдесят шесть лет. Он уже начал было выкарабкиваться, как вдруг приступ аппендицита. Его перевезли в военный госпиталь и там сделали операцию. Когда он очнулся, то сразу стал ругаться, что сделали операцию без его разрешения. А какое могло быть разрешение, если у него был перитонит и температура под сорок. Но, раз стал ругаться, Лидия Николаевна, жена, поняла, что он выживет.

До этого она ходила к какой-то ясновидящей бабушке, и та сказала:

— Выживет. Но пусть покрестится.

И Танич, встав на ноги, крестился и даже позвал меня в крестные, но я куда-то уезжал и на крестинах быть не смог.

Я приезжал к нему в санаторий «Архангельское», где он после операций приходил в себя, был слабый, но продолжал писать книгу. Книга получилась, естественно, интересная, но могла быть еще интереснее, если бы он не спешил. Очень многого Танич в книге не рассказал. Ну что ж, значит, будет повод написать еще одну.

Был он в «Архангельском» необычно тихим и покладистым, слабым был. Но по мере выздоровления снова возвращались неумный темперамент и юмор.

К примеру, после второй операции ему сообщили, что делали переливание крови, и он тут же спросил:

— Надеюсь, кровь не от Борьки Моисеева?

После лагерей работал он в городе Волжском, там же начал писать, потом в Москве отвечал в «Юности» на письма читателей, писал фельетоны, а после песни «Подмосковный городок» пришла известность, и Танич уже всерьез занялся песнями.

Я с Михаилом Исаевичем познакомился в 1969 году. Мы с Камовым, Хайтом и Курляндским сидели в редакции «Недели» и делали отдел юмора. Вернее, это они втроем делали, а я принес им свои рассказы.

В дверь заглянул какой-то улыбающийся человек. Феликс что-то сказал, мне послышалось «Танечка». Оказалось — Танич.

Он все время смеялся, шутил. Потом мы стояли на улице впятером. У Танича в руке была трехкилограммовая банка ветчины. Где-то достал дефицитный тогда товар. Вдруг ни с того ни с сего Танич сказал: «Вот мы стоим здесь шутим, а, между прочим, композитор Гамалия может эту банку повесить на одно место, и ничего». Это было так неожиданно заявлено, что мы все просто покатались со смеху.

На одной из встреч у Алика Левенбука Танич вдруг попросил свою жену Лиду почитать стихи.

Она читала замечательно, и стихи были очень хорошие. Не случайно потом Лидия Козлова написала такие известные песни, как «Снег кружится» и «Айсберг».

Танич любит праздновать свои и Лидины дни рождения, разные юбилеи. Один юбилей

он хотел отметить в Доме литераторов в Дубовом зале, но не знал, как этот зал снять. В те времена Дубовый зал можно было получить только с разрешения секретаря Союза писателей Верченко. Я знал его секретаршу. Танич утверждал, что если Верченко — генерал КГБ, то секретарша — как минимум капитан.

Мы пришли к ней с Таничем, она кинулась нас обнимать, и вопрос был решен.

Танич созвал человек девяносто гостей, были и Вайнеры, и Юрий Владимирович Никулин, и кого только не было.

Я читал юмористическую программу передач, где в 21.00 стояла какая-то, уж не помню, передача. После моего чтения один Никулин заметил и крикнул мне:

— В двадцать один ноль-ноль «Время» идет.

Хайт сказал тост:

— Лида, ты там пишешь песни про холодный айсберг. Мы этот айсберг знаем. Вот он сидит.

Танич не обиделся. Было очень много тостов и прочего веселья. Только уж тех людей сегодня нет. Ни Хайта, ни Никулина.

Танич рассказывал.

Муж Пьехи, Броневицкий, заказал Таничу подтекстовку. Танич написал: «Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения».

Броневицкий, любивший выпить, приехал к Таничу домой. Танич уже держал в руках бутылку и стал читать стихи. Прочел две первые строчки. Броневицкий прервал чтение:

— Миша, ты что, смеешься? Кто это сможет спеть «до головокружения»?!

Танич спрятал стихи и сказал, что больше не прочтет ни строчки. Они распили бутылку. Броневицкий просил дочитать стихи, но Танич уперся и не стал.

Через несколько дней он и секретарь Союза композиторов Флярковский сидели в ресторане Дома композиторов. Флярковский должен был идти поздравлять женщин с 8 Марта, попросил Танича что-нибудь написать. Тот с ходу сочинил:

У вас внутри,
У нас вовне.
И вы в говне,
И мы в говне.

Флярковский послал Танича и ушел. За соседним столиком сидели Пляцковский с Антоновым. Пляцковский сказал:

— Миша, вот Юра очень хочет с тобой познакомиться.

Познакомились.

Пляцковский купил полстакана икры для дома и ушел.

А Антонов повез Танича домой. И по дороге попросил какой-нибудь текст для песни. Они поднялись к Таничу в квартиру. Лидия Николаевна лежала на диване. Антонов увидел молодую, красивую Лиду и аж обомлел.

Он взял текст. Всю ночь сочинял. Утром спел готовую песню. Посвятил ее Лидии Николаевне. Так появилась песня «Зеркало».

Текст ее по тем временам был действительно несколько сложноват для пения. Однако Антонов нашел тот единственный вариант мелодии, единственный и неповторимый.

Это моя любимая песня.

26 сентября 2000 года в Карловых Варах подошел ко мне высокий седой господин из Израиля и рассказал:

— В конце шестидесятых годов я отдыхал в санатории имени Горького в Кисловодске. Там же отдыхал Михаил Танич.

Однажды вокруг него собралась компания, и одна женщина спросила: «Мишель, вы из горских евреев?» — «Да», — сказал Танич. «А с каких гор?» — поинтересовалась женщина. И Танич тут же ответил: «С Синайских».

В конце 60-х Танич еще не был известным поэтом. А человек запомнил его на всю жизнь.

Кстати, с Кисловодском связана такая история. В 1975 году мы с Феликсом Камовым, Наринским и с женами поехали в Кисловодск. Танич позвонил какому-то своему другу, и тот должен был нас встречать.

Мы вышли на перроне в Кисловодске, но никто нас не встретил. Мы стояли, а мимо нас пробежал взад и вперед какой-то полный лысоватый человек в очках. Наконец я догадался спросить его:

— Вы не нас ищете?

Он искал нас. Это и был друг Михаила Танича — Борис Матвеевич Розенфельд. Он директор Музея музыкальной культуры при Кисловодской филармонии. Замечательный человек, выпустил несколько книг о Кавказских минеральных водах. Читает по санаториям лекции о великих людях, эти воды посещавших.

С 1975 года я с ним дружу. Он поразил меня не только знаниями о своем крае, но и фанатичной любовью к Таничу. Он так его любит, что даже говорит с такими же интонациями. Борис Матвеевич вообще считает, что в России всего четыре поэта: Пушкин, Лермонтов, Пастернак и Танич.

Если Танич что-то сказал, то Борис Матвеевич будет до хрипоты защищать его мнение.

Каждое лето Борис Матвеевич со своей женой Таней едут на Рижское взморье. Снимают в Юрмале квартиру неподалеку от дачи Танича для того, чтобы общаться со своим любимым поэтом. Сам Боря — очень гостеприимный человек. Кто только у него дома не ужинал!

Особенно любил там поесть Михаил Михайлович Жванецкий. Правда, он не только там любит хорошо поесть, но и всюду, где бывает. Дай ему бог здоровья и хороший аппетит до ста лет.

Однажды Борис Матвеевич сказал мне:

— Хочешь, я тебе покажу дом, в котором жили в разные годы и Пушкин, и Лермонтов? Дом Реброва.

Мы пошли смотреть. Прямо напротив Нарзанной галереи Борис завел меня во двор и показал этот дом.

Я сказал:

— Борис Матвеевич, я хочу вам сказать, что в этом доме жил еще один писатель.

— Кто это?

— Я. И, чтобы доказать это, я вам покажу место, где в этом дворе в шестьдесят девятом году стоял туалет.

И показал. Я действительно в 69-м году в свой отпуск приезжал в Кисловодск и жил в этом дворе и понятия не имел, что это такой знаменитый дом.

Вспомнил я Бориса Матвеевича в связи с Таничем, но он и сам заслуживает отдельной главы. Если будете в Кисловодске, обязательно зайдите в музей при филармонии, передайте от меня привет Борису Матвеевичу. Не пожалеете.

Мы иногда с Мишей ссоримся. Вот один из примеров. У меня на дне рождения в Доме литераторов были человек двадцать. Среди них Танич с Лидой и лауреат Госпремии поэт Владимир Соколов с женой Марианной. Когда я давал слово Соколову, я представил его большим русским поэтом, а когда представлял Танича, сказал, что очень его люблю, что он мне достался в наследство от уехавшего в Израиль Феликса Камова. Танич встал и при всех устроил скандал:

— Значит, Соколов — великий русский поэт, а я в наследство?

Хорошо еще, что он как быстро обижается, так быстро и забывает, что обиделся. Уже минут через тридцать шутил как ни в чем не бывало.

А то еще с полгода назад у него был какой-то очередной вечер. Я говорю:

— Лида, вы скажите Таничу, чего это он меня не приглашает на свой вечер выступать. Я-то его всегда звал в свое «Шоу-Досье».

На другой день позвонил Танич:

— Лион, Лида мне передала твои слова, что ты меня приглашал в «Шоу-Досье». Да это была самая большая обида, которую ты мне нанес! Ты же меня не одного пригласил, а с Лидой.

Я опешил:

— Михаил Исаевич, да разве же я вас заставлял идти в передачу с Лидой, вы же сами согласились.

— Да?

— Ну конечно?

— Ну ладно. А я тебя не зову, потому что у меня одни певцы, разговорнику там делать нечего.

А на самом деле в «Шоу-Досье» у меня Танич был раз пять, не меньше.

Но однажды я решил сделать его сольную передачу и, приехав к нему домой планировать ее ход, вдруг подумал, что и Лида — тоже поэт и это даже интереснее, когда их будет двое. Кроме того, зная взрывной характер моего друга, я подумал, что Лида будет смягчать его резкость.

Я и предложил Таничу прийти вместе с Лидой. Уговаривать его не пришлось, он сразу согласился, а теперь оказывается — я «нанес ему самую большую обиду».

Кстати, передача с Таничем и Лидой получилась очень хорошая. Ему было о чем рассказать. Это сейчас так растиражировали его тюремную историю, а тогда, в 91-м, никто об этом не знал.

Танич — человек ревнивый. Ревнует к чужому успеху. Его какое-то время раздражала Лариса Рубальская. Он мне говорил:

— Она везде.

Я возражал:

— Вы тоже везде. Дня не проходит, чтобы с вами не было интервью либо в газете, либо на экране.

И вдруг он звонит:

— Ты знаешь, а я посмотрел, Лариска твоя вчера по телевизору интервью давала. Очень прилично. И такая она симпатичная. Зря я на нее бочку катил. А знаешь, у нее и песни

достойные. Так ей и передай.

Я передал.

Иногда он ни с того ни с сего где-нибудь в интервью начнет ругать Резника.

Потом говорит мне:

— А что я его ругал, сам не знаю. Он меня не трогает. Все-таки он много хорошего написал.

На поминках у Шаферана он встал и сказал:

— Мы втроем, я, Дербенев и Шаферан, считали: «Я все-таки пишу лучше, чем двое остальных». И знаешь, — обратился он к вдове Шаферана, — по-моему, Игорь был прав.

Сидели как-то в японском ресторане. Давид, муж Рубальской, говорил тост о том, как тяжело быть мужем знаменитости:

— Думаете, приятно, когда говорят «муж Ларисы Рубальской»? Представляете, если бы Танич пришел с женой, а его бы представили — муж Лидии Козловой.

На что Танич тут же ответил:

— Ну и что, когда мы идем с Путиным, все говорят: «Это президент Танича», и Путин не обижается.

Потом пошли в салон слушать музыку, и Танич, войдя в салон, тут же сказал: «Салон алейкум».

Как-то раз он спросил своего друга Вайнера:

— Аркадий, как это ты при своем здоровье решился стать во главе телеканала?

Вайнер ответил:

— Вот я и чувствую себя развалиной.

На что Танич тут же среагировал:

— Развалины, они значительно дольше стоят.

А вот тост Танича на моем шестидесятилетии:

— Дорогой Лион, ты человек особенный. Тебе удастся все. Я понимаю, что тебя знают все по телевизору, но откуда ты знаешь всех? Ведь здесь у тебя вся Москва. Просто крикну сейчас: «Хакамада!» — не зная, что это такое, и тут же встанет мужик и скажет: «Я!»

Я мог бы тебя и дальше хвалить, потому что ты человек, который способен другим делать хорошее, а это редкость. Но если я и дальше буду хвалить тебя, то что останется другим для тостов?!

Одна особенность — это твоя обидчивость. Ты обижаешься даже на тех, кто тебя хвалит. Вот здесь половина людей, которых ты не знаешь, еле с ними знаком. Они пришли только потому, чтобы ты на них не обиделся, что они не пришли. Они не знают, что ты все равно на них обидишься — за то, что они пришли.

Дорогой Лион, обижайся на нас еще долго-долго и будь при этом всегда прав и здоров. И помни: шестьдесят лет — это тот переходный мужской возраст, когда еще очень хочется, но уже не так стыдно, если ничего не получится.

Обнимаем, целуем. Танич.

Однажды Танич сказал, что во всем подчиняется жене, что у него нет никаких прав, только ходить в магазин, — сделал паузу и добавил:

— Ювелирный.

Когда-то в начале 80-х судили спортивного журналиста Галинского. Его лишили работы, а теперь еще и судили. Танич с ним не был знаком, но пошел на суд. Ему нравился Галинский. После суда Танич подошел к журналисту и, понимая его тяжелое материальное

положение, предложил ему денег.

Был случай: Танича подрезал на машине какой-то тип. И не только подрезал, но еще и остановился впереди, не давая дороги.

Танич вылез из машины. Тот тип подошел к нему, вынул красную книжечку и сказал:
— Я сотрудник КГБ.

Танич ответил:

— А я на тебя... — и дальше известные всем слова. После чего сел в машину и уехал. А тот тип остался стоять с открытым ртом.

15 сентября 2001 года мы отпраздновали 78-летие Михаила Исаевича.

Десять лет назад Танич сказал мне:

— Я совершенно не чувствую, что я старый. Я себя ощущаю сорокалетним.

И в свои семьдесят восемь он так же весел, остроумен. Так же, как много лет назад, обижается. И так же быстро забывает обиды. С ним всегда интересно. Он, конечно, может обидеть, и не только меня, чаще всего Лиду. Но при этом всегда готов на бескорыстные поступки. Ежедневно дает интервью. Ездит на концерты, снимается во многих передачах. Ум острый.

В 92-м году мы с Манежиком гастролировали в Израиле. В Иерусалиме к нам на концерт пришел Феликс Камов. Малежик пел на сцене, а мы с Феликсом разговаривали в фойе.

Малежик пел «Провинциалку», про то, что про-винциалка была в пальто вида партизанского, сшитом в ее городе в ателье.

Феликс послушал и сказал: «Это стихи Танича».

По юмору догадался.

Их было трое: Шаферан, Дербенев и Танич. Все трое писали песни лучше всех в стране. Все трое остроумные люди. У Танича это проявлялось еще и в песнях.

Теперь из этих троих он остался один. Дай ему бог подольше пожить.

Р. S. Неделю назад зашел в магазин «Канцелярские товары» на Трубной. Купил записную книжку, подарил продавщицам свою книжку. Они говорят:

— А вчера к нам Танич заходил.

Я спрашиваю:

— А что он купил?

— Бумагу, лампочки и еще что-то, не помню уж что.

Я набираю телефон Танича и с сильным кавказским акцентом говорю:

— Это Михаил Исаич?

— Да, это я.

— Вы вчера на Трубной в «Канцелярских товарах» были?

— Был, а что такое?

— Извините, девушки ошиблись, взяли с вас больше денег.

— А я еще удивился, что они так много взяли!

— Извините, просто ошиблись. Мы хотим вернуть вам деньги.

— А сколько денег?

— Сто восемьдесят рублей.

— Ладно, — говорит Танич, — я завтра заеду.

Все это время продавщицы давились со смеху.

А когда я сказал своим голосом:

— Михаил Исаевич, не надо приезжать, это Лион Измайлов с вами говорит, — продавщицы захохотали, уже не сдерживаясь.

Танич спросил:

— Что? Кто это? В чем дело?

Он никак не ожидал такого поворота. Я стал объяснять:

— Миша, это Лион Измайлов, я случайно зашел в тот же магазин и разыграл вас.

Туг он закричал в трубку:

— Что ты меня втягиваешь в какие-то публичные дела?

Я говорю:

— Михаил Исаевич, вы ведь сами любите подшутить над людьми, вот и я над вами пошутил.

Танич швырнул трубку. Обиделся.

Надеюсь, что скоро помиримся. А когда прочтет, то снова, наверное, обидится. И мы снова помиримся, потому что я Танича люблю.

Вот уже два года, как нет Дербенева Леонида Петровича.

Царство ему небесное.

Уникального остроумия, жадности, злобности, доброты и, конечно, таланта был человек.

Познакомился я с ним году в 70-м у Павла Леонидова. Был такой великий администратор. Он заслуживает того, чтобы про него рассказать отдельно. Великим администратором я его называю потому, что по тому времени он творил что-то невероятное.

Например, гастроли на Дальнем Востоке. Несколько бригад работали на Сахалине, Камчатке, во Владивостоке, Хабаровске, Находке. А на субботу и воскресенье Паша собирал их всех во Владивостоке и делал представление на стадионе.

И вот этот Паша лет в 45 решил стать поэтом-песенником. Решил и стал — уже через три месяца в ЦДКЖ прошел вечер поэта-песенника Павла Леонидова.

За три месяца было изготовлено 100 песен.

Конечно, сам он не мог столько написать. Впоследствии поэт Э. Вериго говорил мне, что написал за него очень много. Кстати, Паша был дядей Владимира Высоцкого. Многие в это не верили. А я сам был у него дома и помню, как он говорил с Высоцким по телефону. Тот ему что-то подправлял в песнях, и тут их разъединили — звонила Марина из Парижа.

Конечно, многое писал и сам Паша. Человек он был незаурядный. Помню, он мне читал свои рассказы. Одна деталь мне понравилась. Моряк возвращается домой. Ему кажется, что жена ему изменяет, и он думает: «Изменяет — ладно, но если он лежит у стеночки — убью».

Паша был громкий, скандальный, но широкий человек и много помогал разным людям.

Это он написал песню, где были слова: «Если ты одна любишь сразу двух, значит, это не любовь, а только кажется».

Я его спросил:

— Паша, как же так вы пишете «если ты одна любишь сразу двух»? Двух — это женщин. Мужчин — это двоих.

Он подумал и сказал:

— А идите вы со своей «Радионяней»!

Году в 72-м, когда я только-только собирался уйти с работы и советовался с ним, как быть, он спросил, какие у меня авторские. С авторскими было плохо — рублей шестьдесят. Нас, соавторов, было трое, и мы только начинали писать. Он такого не ожидал. Посмотрел на меня с жалостью. Вроде бы уже известный автор — и такие деньги.

У самого Паши в это время авторские были уже по две тысячи в месяц. Потом мне объяснили, как эти авторские получались. К руководителям оркестра подходил администратор, а все они были Пашиными друзьями, и требовал, чтобы писали в рапортчику Пашины песни, даже если и не исполняли. Но исполняли тоже много, поскольку все композиторы Пашу уважали и никто не отказывался с ним писать. Ну разве Френкель, которому он когда-то давал зарабатывать, мог отказать Паше?

И вот этот Паша вдруг подает на отъезд.

На вопрос — почему? — Паша мудро отвечал:

— А чтобы потом не жалеть, что не уехал.

Кроме всего прочего, Паша прекрасно понимал в книгах. Он собирал библиотеку, за деньги, естественно, Богословскому, потом, кажется, министру госбезопасности и другим богатым людям.

Паша уехал в Америку. Выпустил там книгу воспоминаний, где многих обидел. Написал, как Розовский косил от армии и он, Паша, ему помог. Марик не знал, что делать, ведь это было в советское время. Мог сильно погореть. Ну, и про других тоже.

Говорят, а может, придумывают, что он самым ненавистным людям присылал письма типа: «Те бриллианты, что ты мне дал, я не перевез, а оставил у Антипова, и ты их можешь у него получить».

Он знал, что письма читают в Комитете, и таким образом шкодил.

Но вообще жизнь его там, в Америке, не удалась. Язык учить он не хотел, черной работой заниматься не мог. А его администраторские таланты там были не нужны.

Так вот к чему я заговорил о Паше. Здесь, в Москве, они жили с Дербеневым не то в одном, не то в соседних домах по Маломосковской улице.

И вот сижу я у Паши, и входит Дербенев. Сразу стало шумно и весело. Паша похвалился, что пишет цикл детских песен.

— Паша, — закричал Дербенев, — я тебя умоляю, оставь в покое хотя бы детей! Давай лучше объявим по радио, что тебе нужны деньги, пусть родители скинутся.

Это было классно сказано. Мы с Дербеневым умирали со смеху.

Конечно, Дербенев был уже тогда замечательным поэтом. А я-то помню еще в начале 60-х песню:

Если лопнет фабричная труба.
Заменить ее можно без труда.
Для замены подойдет
Великан, что целый год
Каждый вечер в кино меня зовет.
Друг для друга подходим мы с тобой.
Лишь когда ты сидишь на мостовой.

У нас ее пели в МАИ в самодеятельности. На поминках у Дербенева Алла Борисовна сказала мне, что тоже пела эту песню в самом начале своего пути.

Году в 83-м мы вместе с ним писали программу для «Голубых гитар» И. Гранова. Предыдущую Наринский и я писали с И. Шафераном, он делал песни для Гранова.

А теперь Гранов поменял поэта-песенника. И нам пришлось сотрудничать с Дербеневым. Пришлось, потому что сотрудничать с ним ой как не просто.

А мы уже с ним были хорошо знакомы, поскольку ходили в одну и ту же церковь и иногда вместе возвращались домой, я его провожал до Маломосковской, а потом шел к себе на Маленковку.

Придумал я для этой программы нехитрую затею — «Двенадцать праздников», и к каждому празднику было по монологу и по одной-две песни. Заранее распределили проценты по авторским, чтобы потом не было никаких инцидентов. Но инциденты все равно были. Когда программу написали, все и началось. Что-то не проходило цензуру, что-то Гранову не советовали делать, что-то не мог делать его конференсье, бывший музыкант.

Дербенев, когда уже выпускали программу, потребовал, чтобы пересмотрели проценты авторских. Я, естественно, не соглашался. Мой соавтор Наринский тоже.

Дербенев говорил:

— Ну не получилось у вас хорошо написать.

— У вас тоже не шедевры, — отвечал я.

И в самом деле, лучшей песней там была «А чукча в чуме, чукча в чуме». Вряд ли кто сегодня вспомнит этот «шедевр». А среди монологов был монолог о женщинах, который потом исполняли все конферансье страны.

— Нет, — говорил Дербенев, — у меня там нет плохих текстов, а у вас плохие.

— Ну не пишите больше с нами, а менять договор я не стану.

Гранов свои проценты отдавать не хотел. Я тоже. Вот мы и ссорились. Дербенев говорил:

— Лион, что вы спорите? Нас вообще сравнивать нельзя. Вы посмотрите, какие у вас авторские и какие у меня.

— Ну, если так рассуждать, то вы лучше Пастернака, у него авторские тоже меньше. А Пушкин и вовсе умер в долгах.

Вот так мы и препирались.

Он меня просто доводил до слез.

Короче, я уступил, но потребовал, чтобы соавтора моего не трогали. Он тогда болел, и я уменьшил только свой процент.

Конечно, ничего из этого путного не вышло. Программа, по-моему, недолго существовала. «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет».

Дербенев был, конечно, жадноват. Все время на этой почве у него шли скандалы с певцами.

Потом уже, когда мы помирились, он мне все эти скандалы излагал. Все время у него шла борьба то с Киркоровым, то с Распутиной, кто сколько должен платить.

Дома у него было как в антикварном магазине. Вся стена увешана старинными иконами. Жуткое количество бронзовых скульптур. А квартирка маленькая, и весь этот антиквариат ее не украшал, а загромождал.

Дербенев был очень религиозен. Рассказал, что однажды такое ему открылось, что не забыть. Но что именно, никому не открывал.

Он очень хорошо знал службу и все тонкости. Память отличная. Очень много читал религиозной литературы.

Мы с женой его Верой все время с ним спорили. Говорили ему, что не в обрядовой стороне суть, а в добрых делах, что лучше бы он не жадничал, не злился. А он то и дело жадничает и злится. Он начинал кричать на Веру, что она его предает, раз в споре стоит на моей стороне.

Чаще он ходил не в нашу церковь, Тихвинской Божьей Матери, а у Рижского вокзала. Там у него был знакомый священник, и он молился за иконостасом. Ему, видно, нравилось быть там, рядом со священниками.

Песни у него, конечно, были замечательные. Достаточно вспомнить «Прощай» — после Лещенко ее пела вся страна, «Качели», «Три белых коня», «Эхма, горе не беда», «Россия», «Кап-кап-кап, из ясных глаз Маруси...», «Где-то на белом свете...».

Очень люблю его песню про деревню:

«.. Снится мне деревня. Отпустить меня не хочет родина моя».

И классика: «Есть только миг между прошлым и будущим».

Он, конечно же, написал самое большое количество шлягеров. Однако на «Славянском базаре» объявил Танича как «автора всех российских шлягеров». Отдавал ему дань уважения. Думаю, что Танич был единственным его соперником по стиху.

Писал он только песни, просто стихи — очень редко. Однажды прочел мне стихотворение на религиозную тему. Замечательное стихотворение, но переписать не дал, потому не знаю, известно ли оно кому-нибудь.

Человек он был, конечно, желчный, но очень остроумный. Порой рождались настоящие перлы.

Например, он однажды сказал мне:

— Это же чистый «Золотой ключик». Вот посмотри: Пугачева — это Мальвина, Кристина — это Буратино, Укупник — это пудель Артемон, а Филипп — это Карабас-Барабас в молодости.

Он так давно писал и так давно был известен, что все думали, будто ему уже за 70.

Где-то в начале 80-х он пришел в сберкасса. Подал свою книжку в окошечко и услышал: — Надь, иди сюда, погляди, сын самого Дербенева пришел.

Однажды я зашел в «Инкомбанке» карточку «Виза». После этого зашел в магазин «Океан», что был рядом, на проспекте Мира. В очереди увидел банковского клерка, с которым только что общались в банке. Я у него что-то спросил про карточку, он мне ответил. Вдруг к очереди подошел Дербенев в лыжной шапочке и какой-то затрапезной куртке. Он услышал наши последние фразы и спрашивает у меня:

— А что за карточка?

Я решил поиграть, сделал вид, будто это незнакомый, какой-то бомж пристает, и говорю:

— Что вы пристааете, стоим, никого не трогаем.

Дербенев тут же подхватил игру:

— А чего, спросить нельзя, да? Ты чего такой важный?

Клерк обалдел:

— Что такое?

— Да вот пристаает, — кричал я.

— Нет, чего за карточка? — пристал «бомж» к клерку.

— Да отстаньте вы! — замельтешил тот.

— Да что ж такое! — возмутился я. — Нельзя прилично одеться, всякая шпана прет, как на буфет.

— Да ты вообще замолчи! — распалялся Дербенев.

Очередь разделилась. Одни были за «бомжа», другие за меня.

Клерк решил на всякий случай смыться и покинул очередь.

Мы с Дербеневым тоже ушли из очереди, зашли за угол и долго там не могли отдышаться от смеха. А очередь все продолжала ругаться.

Как-то я побывал у него на даче на Икше. Там стоял поставец XVII века. Как он его туда затащил, ума не приложу. И зачем он ему нужен был на Икше? Но он гордился — поставец XVII века. Огромный, на полкомнаты.

У него был друг в Новосибирске, врач-травник по кличке Колдун. Знающий был травник, ездил на Алтай собирать травы и поддавал здорово. Михаил Михайлович. Привозил он из Новосибирска какие-то настойки и помогал Дербеневу, а вот в последний раз не

помог. Я к нему тоже обращался за помощью. Он чего-нибудь пропишет и просит:

— Только ты Дербеневу не говори. А то ведь ты знаешь, какой он насмешник. Скажет, что Колдун прописал горячий навоз к голове прикладывать или что-нибудь в этом роде.

Дербенев к нему иногда и туда, в Новосибирск, ездил и привозил лекарства и себе и друзьям.

Нет, человек-то он был отзывчивый. Мог, конечно, ради красного словца не пожалеть мать и отца, но все же в глубине души добрый.

Говорили, что он антисемит. Он, конечно, любил поговорить на тему «Что же вы, евреи...» и так далее, но дальше этого, во всяком случае со мной, дело не шло.

Был у него духовный отец Николай — священник, который нечистую силу изгонял. И был, кажется, крайних взглядов — настолько, что даже был лишен прихода. Но его Дербенев слушался беспрекословно.

Когда-то в молодости Леонид Петрович занимался йогой. Показывал, как мускулы живота у него ходят. Фигура у него была замечательная.

Однажды он увидел на мне финский модный плащ. Было время дефицита. Такой плащ достать было непросто.

— Лион, продайте мне плащ, все равно он на мне лучше сидит.

— Почему это лучше, вы его даже и не мерили! — Да чего мерить, я же точно знаю, что лучше.

Я снимаю плащ, он надевает. На нем сидит как на манекеншике.

— Видите, я же говорил. Продайте плащ.

Ну, я не продал, конечно, — плащешко и на мне тоже сидел неплохо.

Мы с ним сделали передачу «Шоу-Досье».

— Мне, — сказал он, — главное — показать молодых.

И действительно, привел на свою передачу Максима Дунаевского, Игоря Наджиева и молоденькую певицу, кажется, Русову.

Передача получилась хорошая. Отвечал Дербенев на вопросы зрителей точно и остроумно. Потом пошли к нему домой, ну и выпили, конечно.

Он вообще молодым певцам помогал. Например, когда-то попросил меня взять в детскую передачу «Взрослые и дети» какую-то не известную мне певицу с песней «Городская сумасшедшая». Я не взял, у меня сумасшедших и так хватало. Певица оказалась Машей Распутиной. Он ее тогда и раскрутил. Песни у нее были по тому времени крепкие.

Он скрывал, что так сильно болел. Я в тот период общался с ним, видел его несколько раз. Он вышел из больницы 4-го управления на Открытом шоссе и сказал, что напрасная трата и времени, и денег. Я потом туда жену свою отправлял и убедился, что он был прав. А Леонид тогда поехал в Новосибирск, привез бутылку какой-то черной жидкости от Колдуна, говорил, что вроде помогает.

И вот так.

Поминки были на Ордынке, в ресторане «У бабушки». Оплатила все А. Б. Пугачева. И Распутина была, и композиторы, писавшие с ним. Пугачева ничего не говорила, а после сказала мне: «Не могу я как-то такие вещи говорить».

Потом мы, человек двадцать оставшихся, пили чай в маленьком зале, и Распутина сидела тихо, и хорошо они как-то общались с Пугачевой.

А спустя какое-то время был вечер памяти Дербенева. Устроители меня выступить не пригласили, хотя на поминках я о нем рассказал очень хорошо.

Пугачева согласилась вести вечер памяти и готовилась к нему как следует.

Мы виделись на концерте Филиппа в Театре эстрады. Заговорили про этот вечер. Я сказал:

— Меня не пригласили.

Она ответила:

— Если ты человек, то сам придешь.

Я пришел. Устроители сделали все, чтобы Пугачёва концерт не вела. Почему они это сделали, одним им известно. Пугачева психанула и ушла. Вели Брунов и Лина Вовк.

Лина к нему хорошо относилась. Вот и вела. Нет, она хорошо вела. И Борис Сергеевич профессионал. Но Пугачева все равно провела бы лучше. У нее столько было связано с ним.

И у меня с Леонидом Петровичем было связано очень много. Мы не были с ним близкими друзьями. Но мне с ним было всегда интересно.

Иосиф Прут

До 1983 года я только слышал о его существовании. Где-то есть такой драматург, написавший сценарии фильмов «Секретарь райкома» и «Тринадцать».

А в 83-м году мы с Хазановым поехали под Курск к бабке-целительнице. Мы сидели в купе вагона, когда к нам вошел какой-то большой мужчина с шишковатым лицом и заговорил с нами так, будто сто лет знаком. Он сыпал анекдотами, байками, очень интересно рассказывал, так мы с ним и познакомились.

В следующий раз я с Прутом встретился уже в Карловых Варах года через три. Мы подружились. Мне так было с Иосифом Леонидовичем интересно, что я, погуляв с ним и наслушавшись его историй, приходил к себе в номер и все эти истории записывал.

Пятнадцать лет назад мы шли с ним однажды вдоль длинного и высокого забора, и Прут сказал:

— Ты не думай, что я такой старый. Я до сих пор занимаюсь карате и спокойно могу тебя перекинуть через этот забор.

Ему тогда было 85 лет. Он брал тяжеленный стул за спинку и поднимал его на вытянутых руках.

Иосиф Леонидович Прут родился 18 ноября 1900 года. Ровесник двадцатого века и прожил почти весь век. Умер в 96-м году.

Отец Прута был болен туберкулезом. У сына по наследству тоже была чахотка. Онечку, так его многие называли и взрослого, в шестимесячном возрасте повезли из Ростова-на-Дону лечить в Швейцарию. В дороге отец Иосифа умер. Мать похоронила его в каком-то немецком городке и заплатила 500 золотых рублей за то, чтобы за могилой ухаживали сто лет, до 2001 года.

Затем семнадцать лет Оня с матерью прожили в Швейцарии. Мальчик там лечился и иногда приезжал в Ростов.

Окончательно он вернулся в 1919 году.

В 1912 году вместе со своим дедом Иосиф Леонидович был на открытии санатория «Империл» в Карловых Варах. Великая княгиня Елена обошла отдыхающих русских и собрала деньги на собор Петра и Павла. Построенный в 1898 году по образу и подобию церкви в Останкине при Шереметевском дворце, он и по сей день стоит в городе на улице Петра Первого. Княгиня собрала 350 тысяч рублей на отделку этого храма. Народ в Карловых Варах жил не бедный.

Иосиф Прут получил в «Имперiale» памятную медаль за пятикратное посещение этого санатория, потом серебряный империл за десять раз и наконец золотой за пятнадцать. А всего он был в «Имперiale» восемнадцать раз. Главврач санатория сказал, что Прут — главный советский империалист.

В Швейцарии Прут жил в одном интернате с греком Костой. Отец Косты жил на каком-то греческом острове. Однажды отец Косты, богатый судовладелец, приехал с греческого острова Итака посмотреть, как учится его сын. И тут с ним случилась неприятность. Страдая недержанием мочи, он едва добежал до гостиницы, но до номера добежать не успел. Обмочился в коридоре. Пришел директор гостиницы и накричал на него. Отец Косты заплатил горничной за уборку и попросил познакомить его с хозяином гостиницы. На

следующий день они с хозяином пообедали. Результатом обеда было то, что отец Косты купил гостиницу и тут же выгнал директора. Гостиница по наследству перешла к Косте. И Прут всегда жил в ней бесплатно.

А Коста говорил:

— Вот видишь, если бы у отца не было недержания мочи, тебе пришлось бы платить за гостиницу.

Впоследствии, уже в 80-е годы, Коста позвонил Пруту и попросил встретиться в Москве Кристину — дочь Онассиса, которая приехала в Россию просто как туристка. Прут встретил ее и пятерых сопровождающих. На улице Кристину никто не узнавал. Она этого не понимала — ведь во всем мире она была знаменитостью. Во Франции ее плащ разорвали на куски на сувениры, а здесь на нее никто не обращал внимания.

Прут рассказал ей анекдот:

— Портной в Америке не смог сшить из двух метров ткани костюм президенту Никсону. Наш посол посоветовал обратиться к портному в Одессе. Никсон приехал в Одессу, и старый еврей сшил ему костюм и еще кепочку и пояснил: «Это там вы величина, а здесь вы говно».

Кристина долго смеялась. Потом она поехала на поезде во Владивосток, чтобы посмотреть Россию, а дальше через Японию — домой.

Через полгода она вышла замуж за русского парня Сергея. Он понравился Кристине своей речью на международном совещании по фрахту. Прут говорил, что Сергей — лысоватый, кривой на один глаз, но очень умный человек.

Кристина так объясняла Пруту свое замужество:

— В первый раз я вышла замуж назло отцу за то, что он женился на Жаклин, и выгнала мужа через три недели. Второй раз потому, что отец умирал и хотел видеть меня замужней. Вышла за школьного товарища, одного из директоров. Это произошло в двадцать семь лет. А теперь, в двадцать девять, я полюбила Сережу и честно сказала об этом мужу. Вот теперь выхожу за Сережу.

Греческий посол в СССР спросил Кристину: «Вы хорошо подумали?»

Она не пригласила его на свадьбу, жену посла пригласила, а его нет.

— Я содержу Грецию не для того, чтобы он задавал мне такие вопросы, — объяснила она Пруту.

Иосиф Леонидович был на свадьбе посаженным отцом. Он был приглашен с женой, но жена не смогла приехать.

Милиционер во Дворце бракосочетаний на улице Грибоедова спросил, глядя в пригласительный билет:

— А где жена?

Прут ответил:

— Она не приедет.

— Да вы что, это же свадьба века!

— Слушай, занимайся своим делом и не задавай вопросов, которые тебя не касаются! — огрызнулся Прут.

— Проходите, — сказал милиционер. Множество корреспондентов толпились на улице, но в зал их не пустили.

Прут, правда, рассказывая, упомянул 2000 корреспондентов, но я здесь написал «множество».

Когда-то Владлен Бахнов мне говорил: «Если хотя бы половина того, что говорит Прут, — правда, то уже хорошо».

На церемонии бракосочетания Прут попросил Сережу поторопить представителя Дворца.

Сережа отправился его искать.

А Кристина тем временем спросила Прута:

— Где Сергей?

Прут ответил:

— Ушел жениться.

— Как так?

— Разве тебе не говорили, что у нас женятся сразу на двоих?

— Как это так? — не унималась Кристина.

— Ну, ты же уедешь в Грецию, а ему надо с кем-то жить!

Но тут Сергей вернулся, и розыгрыш закончился.

Кристина называла Прута папой. Как-то звонит ему из-за границы:

— Папа, деньги нужны?

— Нет, — говорит Прут.

Она вешает трубку. Он ей перезванивает в банк, просит, чтобы она снова позвонила. Через двадцать минут звонок:

— В чем дело?

— Ты бы хоть спросила, здоров ли я.

— Голос у тебя здоровый.

— Есть же, в конце концов, какие-то другие вопросы.

— Я, между прочим, звоню за свой счет.

Рассказывая эту историю, Прут всегда добавлял:

— Богатый не тот, кто много имеет, а кто, имея много, мало тратит.

Кстати, сам Прут по советским меркам был человеком состоятельным. У него всегда в театрах шли пьесы. А до войны сценаристам платили, отчисляя долю от проката фильмов.

Интересно воспоминание Юрия Нагибина о Пруте в его дневниках: «Вчера в поликлинике Литфонда видел в коридоре сидящего восьмидесятилетнего Прута, который без очков читал в «Советском экране» статью о себе».

А дальше Нагибин не без сарказма пишет о том, что Прут в детстве учился в швейцарском интернате и теперь ездит туда на юбилей: «Трогательная любовь наших органов к выпускникам этого интерната». Дело в том, что Прут был почетным пограничником СССР за фильм «Тринадцать» и свою шефскую работу. А пограничники тогда относились к КГБ. А Прут был и почетным чекистом, и кем только почетным он не был.

Но вернемся к друзьям его детства. Коста через много лет, будучи уже компаньоном Онассиса и одним из его директоров, когда заболела жена Прута, вызвал двоих профессоров из Америки и двоих из Швейцарии, и они в течение сорока дней пытались в Париже спасти больную. Однако спасти ее не удалось.

Прут мне рассказывал много интересного. Кое-что из этих рассказов я попробую здесь вспомнить.

Некоторое время назад в СССР приезжал писатель Стейнбек. Когда ему надоели официальные приемы, он попросил у Прута карту Москвы, чтобы найти лес. Нашел

Серебряный Бор. «Бор» по словарю — большой лес. Не поехал. Нашел Марьину Рощу — маленький лес. Поехал.

Действительно, увидел небольшой парк вокруг церкви. Он погулял по парку, сел на скамейку. К нему подсел какой-то человек, вынул рубль. Стейнбек тоже вынул рубль. Подошел третий, тоже вынул рубль. Взял деньги, вернулся с бутылкой водки. Они выпили. Стейнбеку это понравилось. Он вынул рубль. Вторым тоже и третьим. Распили вторую бутылку. Стейнбек вынул еще рубль. Те двое развели руками. Тогда Стейнбек вынул три рубля. После того, как выпили третью бутылку, Стейнбек отключился.

Когда очнулся, первое, что он увидел, — свой ботинок, который лежал в стороне. Вторым ботинок был у него на ноге.

Перед собой он увидел сапоги, а подняв голову, увидел всего милиционера. Понял, что сделал что-то нехорошее, вынул из кармана бумажку и прочел: «Я американский писатель, живу в отеле «Националь» Милиционер отдал честь и сказал:

— Продолжайте гулять, товарищ Хемингуэй.

Прут в 1916 году в Швейцарии был соседом Ленина и даже был с ним знаком. Я спросил:

— Вы разговаривали с ним?

— Нет, в те времена младшие только слушали.

Кто-то сказал Ленину:

— Прут хочет умереть за революцию.

Ленин ответил:

— За революцию надо жить.

В 1919 году Прут вернулся в Ростов-на-Дону. Город был занят белыми. Красные наступали. Его дед, крупный торговец зерном, сказал:

— Ты должен выбрать, с кем ты — с белыми или с красными.

Прут спросил:

— Красные — это те, которых ты эксплуатировал?

— Да, — ответил дед.

— Тогда я выбираю красных.

Дед сказал:

— Одобряю твой выбор.

Я не удержался и спросил Прута, почему же он все-таки выбрал красных.

— В то время Дон был красным от погромов.

Прут пошел в Первую Конную к Буденному.

— А что ты можешь? — спросил Семен Михайлович.

— Говорить по-английски и по-французски.

— Это нам не нужно, белые говорят по-русски.

— Могу еще на коне ездить.

— Попробуй, — и Буденный показал на своего коня.

Прут вскочил в седло — конь стал его сбрасывать, однако швейцарская школа верховой езды дала себя знать. Через минуту конь шел испанским шагом.

Буденный закричал:

— А ну слазь, коня мне испортишь!

Прут слез. Буденный спросил:

— Это что? — и показал на лежащую на земле шашку.

Впоследствии он признался Пруту:

— Загадал: если скажешь «сабля», не возьму.

— Шашка, — сказал Прут.

— Иди в строй, — велел Буденный. Позднее, уже лет через пятьдесят, Буденный позвонил Пруту, позвал к себе. Прут приехал. Буденный лежал на диване.

— Что с вами? — спросил Прут.

— В туалет шел, упал, сломал шейку бедра.

— Вот дела, — сказал Прут. — Две тысячи верст на коне отмахали и не падали.

— Так что же мне, в туалет на коне ездить? — Буденный не острил, но все вокруг, в основном генералы, засмеялись.

— Вы чего смеетесь? — буркнул Буденный. — Прут, он ведь не только еврей, он у меня эскадронам командовал.

Как-то Буденный сказал Пруту:

— На семидесятилетие к тебе я прийти не смогу, но вот Нинка (дочь Буденного. — Л. И.) тебе подарок сделает. Ты где-то выступал и сказал, что литературе тебя учил Горький, а военному делу — Буденный.

В день юбилея Нина вынесла на сцену фотографию — Буденный и Горький у Мавзолея. Друг Прута Коста был женат на принцессе Кенигсбергской и, когда приехал с ней в гости к Пруту, попросил:

— Ты только не вздумай показывать ей медаль «За взятие Кенигсберга».

— Я, — объяснял Прут одной женщине, — могу посмотреть на стадо коров и сразу сказать, сколько там голов.

— Как это вы так быстро? — спросила женщина.

— Я считаю, сколько ног, и делю на четыре.

В 1945 году Прут, командовавший отделением, оказался в немецком городке. Посмотрел на название и понял, что это именно тот городок, где похоронен его отец. Он со своими солдатами, переодевшись в немецкую форму, отправился на кладбище. В городке все еще были немецкие войска. На кладбище Прут попросил смотрителя найти записи за 1901 год. По числу и месяцу нашли запись «Леонид Прут». Пошли на могилу. Она была тщательно убрана. Все цветы были на месте в соответствии с договором.

Смотритель сказал:

— Вам надо будет в две тысячи первом году приехать и заплатить за дальнейшее.

Прут пообещал приехать.

Дед Прута был полный Георгиевский кавалер. Всем тыкал, но себя позволял называть только на «вы».

Когда в Ростов приезжал царь Николай II, дед преподнес ему золотой портсигар и со словами: «Это тебе от нас», — указал на себя.

Прут рассказывал:

— Когда пришли брать жену Ворошилова, он сказал ей: «Встань спиной к моей груди», — вынул два «парабеллума» и крикнул: «Кто шаг сделает, уложу на месте!»

Отстоял.

— Это был мой комиссар, — сказал Прут.

Речь Прута на юбилее Леонида Утесова:

— Утесов с детства завидовал мне, тетя водила меня к Столярскому и учила музыке. Леня пришел к моей тете и сказал:

— Зачем вы зря тратите деньги, у него же нет слуха!

— Ну и что, — возразила тетя, — там его учат не слушать, а играть.

Когда ввели «лит» на исполнение произведений на эстраде. Прут с Утесовым сделали такую сценку в саду «Эрмитаж».

Прут, сидя в ложе театра, чихнул. Утесов взял бумажку и спросил:

— Кто чихнул?

— Я, — ответил Прут.

Утесов прочитал по бумажке: «Будьте здоровы!»

Когда И. Л. Прут уходил на войну, Любовь Орлова подарила ему две стальные пластинки на грудь. К одной из них она приклеила свою фотографию с условием, что Прут отклеит ее, когда война кончится. Орлова была уверена, что Прут останется в живых.

Во время взятия Берлина Прут со своей группой шел под землей по канализационным каналам.

Вдруг появился фашист и выстрелил с четырех метров в грудь Пруту. Пуля попала в правую пластинку. Пластинка прогнулась. На груди под ней осталась вмятина, которую Прут охотно давал пощупать женщинам.

Прут говорил, что Любовь Орлова была добрым человеком, но некоммуникабельным.

Троюродный брат Иосифа Прута, Изя Юдович, жил в Одессе. В четырнадцать лет сбежал на французский корабль, плавал юнгой.

Началась Первая мировая война, и Юдович, уйдя во французскую армию, стал гражданином Франции. Когда он уехал из России, там осталась девочка шестнадцати лет по имени Мара, которую он любил. В 1922 году он приехал за ней в Екатеринослав.

Во Франции Юдович стал богатым человеком, имел свое предприятие. Началась Вторая мировая война. Они бросили все и уехали на юг Франции. Он работал плотником, она возила что-то на мотоцикле. Оба были участниками Сопротивления. Она подорвалась на mine. Осталась инвалидом и хотела покончить с собой. Он вошел в комнату, когда она писала прощальное письмо.

Юдович сказал:

— Если бы ты это сделала, я бы лег рядом.

Кончилась война. Юдович оказался без денег. Попросил тридцать тысяч франков у какого-то друга. Тот отказал:

— Тебе нечем отдавать.

Тогда он взял займы у своей бывшей секретарши. Через год стал миллионером на финском лесе. В знак благодарности купил секретарше дом за городом. Секретарша жила там со своей дочкой и внучкой. Юдович полюбил дочку. Начался роман. В конце каждой встречи он оставлял своей любовнице 1000 долларов на жизнь. Однажды, когда он в очередной раз приехал, внучка секретарши сказала, что ее мама умерла. И подала Юдовичу коробку. Там лежали все до единого чеки и записка: «Я была с тобой, потому что очень тебя любила».

История эта описана Валентином Катаевым в его повести «Кубик».

А получилось все так. В. Катаев перед отъездом в Париж, зная, что у Прута там родственники и друзья, попросил Иосифа Леонидовича дать ему рекомендательное письмо к кому-нибудь. Прут дал к Юдовичу. Оба они, и Юдович, и Катаев, из Одессы — будет о чем поговорить. Катаев жил у Юдовичей. Более того, когда он заболел, Мара в Ницце, оплатив Катаеву отель на целый месяц, ухаживала за ним. А Юдович вел с ним долгие откровенные

беседы, в частности, рассказал всю приведенную выше историю, добавив при этом, что его жена до сих пор ни о чем не догадывается.

Кстати сказать, Юдович переживал тогда не лучшие времена. Он, имея дело с «Совэкспортом», погорел на нефти. Катаев решил, что Юдович разорился, и написал в своей повести, будто его герой покончил с собой в подвале, предпочтя смерть позору и нищете. Но он не знал, что основным капитал Юдовича был в швейцарском банке на имя Мары, и, таким образом, они сохранили свои деньги.

Через некоторое время Юдович с Марой приехали в Москву, и как раз вышел журнал «Новый мир» с катаевским «Кубиком».

Прут не знал, что делать. А Юдович сразу спросил:

— Где Катаев? Я хочу с ним увидеться.

Прут сказал:

— Он болен.

Однако Юдович настоял на встрече. И Катаев сам подарил ему книгу с надписью: «Если можете, простите».

Юдович, естественно, читать по-русски не стал.

А Мара прочла и сказала мужу:

— Ты мне веришь?

— Верю.

— И без вопросов?

— Без.

— Тогда я тебе скажу: Катаев — чужой нам человек.

Прут, когда после этого был в Париже, вдруг сказал Юдовичу, показав на подвал:

— Ты здесь покончил с собой?

— С чего это? — удивился Юдович. — Ты что, с ума сошел?

Прут понял, что он ничего не знает.

Однажды Прут встретил Катаева. Тот, улыбаясь, протянул Пруту руку. Прут руки не подал и пошел дальше.

Пастернак с Сельвинским шли по Переделкину. Навстречу Катаев, подал руку Сельвинскому, потом пожал руку Пастернаку.

Когда Катаев отошел, Пастернак спросил:

— Кто этот господин?

— Катаев, — ответил Сельвинский.

Пастернак пришел домой и написал Катаеву письмо: «Извините, я не знал, что это вы, иначе руки бы вам не подал».

Маленькие девочки, внучки известных писателей, спросили Иосифа Леонидовича:

— Дедушка Прут, почему вы не ходите в ту аллею?

Прут сказал:

— Потому что там Мариэтта Шагинян караулит Катаева, чтобы его убить. Вдруг она перепутает и по ошибке убьет меня.

Тут же в аллее появилась Мариэтта Шагинян. Девочки побежали к ней и закричали:

— Тетя Мариэтта Сергеевна! Это не Катаев, это дедушка Прут!

Иосиф Леонидович Прут с Жискарром д'Эстеном, президентом Франции, снимались на Красной площади для французского телевидения.

Речь шла о Бородинском сражении. Ж. д'Эстен сказал, что правым флангом командовал

маршал Понятовский, чей потомок является теперь министром в правительстве Франции. И что он стал маршалом в числе двенадцати знаменитых — Мюрата и так далее.

Прут сразу понял ошибку, но ни слова не сказал. Однако потом режиссеру объяснил, что французский президент допустил две неточности. Понятовский в Бородинском сражении был генералом, а маршалом стал через год, когда во время сражения прискакал к Наполеону в крови. Наполеон спросил: «Вы ранены?»

Понятовский ответил: «Я убит», — и упал замертво.

Посмертно получил маршала.

Режиссер спросил Прута, где он хочет получить деньги — во Франции или в СССР. Прут захотел во Франции.

Когда он был там, его двоюродный брат, много лет живущий в Париже, сказал:

— За восемь минут интервью с президентом ты должен получить десять тысяч франков.

Сын брата поправил:

— Думаю, только пять тысяч.

Второй сказал:

— Радуйтесь, если получите три тысячи.

Прут взял такси за 35 франков, выпил с режиссером за 35 франков и получил за интервью ровно 70 франков.

Он заявил:

— Можете свернуть эти семьдесят франков и сунуть их в задницу президенту телекомпании.

Через некоторое время в посольство Франции в Москве пришел перевод на 200 франков.

Когда-то Прут дружил с Горьким и даже считал себя его учеником.

Я спросил Прута, был ли Горький человеком эрудированным.

Прут сказал:

— Не очень. Он, Горький, любил цитаты, но часто произносил их невпопад и неточно.

Однажды приятель Прута, корреспондент «Правды», попросился на обед к Горькому.

Прут передал просьбу Алексею Максимовичу.

Тот поинтересовался:

— Ему что, нечего есть?

— Нет, он просто хочет с вами познакомиться.

Приятель был приглашен. Во время обеда Горький сказал:

— Как говорил Франциск Второй... — и дальше шла цитата.

Прут ошибку заметил. Но промолчал. А приятель громко заявил:

— Эта фраза принадлежит Франциску Первому.

Воцарилась тишина.

— Нет, Второму, — сказал Горький. Больше приятеля в гости не звали.

Прут заметил, что в путеводителе по городу Калининграду есть фраза: «В городе Калининграде родился великий немецкий философ Иммануил Кант».

Выступая в Доме литераторов на вечере Академии наук. Прут рассказал про своего друга академика, что в его трудах нашел фразу, которая одна уже увековечила ее автора. И процитировал:

— «В Ленинграде на Дворцовой площади стоит колонна...»

— Ну и что? — спросил академик из первого ряда. — Все правильно.

— Я не закончил, — невозмутимо продолжал Прут. — «А на ней изображение ангела в натуральную величину». Получается, что моему другу известна натуральная величина ангела.

Эстрадный артист, куплетист Н. Рыкунин когда-то отдыхал в «Имперiale». Вышел на улицу и увидел, как к санаторию подъехал шикарный автомобиль. Из него вышел молодой человек и спросил:

— Вы, наверное, русский? Только русские так рассматривают автомобили.

— Да, — признался Рыкунин, — я из Москвы.

— А вы знаете Прута?

— Это мой друг, — сказал Рыкунин. Молодой человек отдал Рыкунину свою машину на целый месяц.

Это был сын школьного друга Иосифа Леонидовича Прута.

Когда Прут однажды приехал в Лозанну, местная газета написала: «Из Советского Союза приехал господин Прут. Не вздумайте говорить при нем тайное по-французски. Он этот язык знает лучше нас».

Прут сказал мне:

— Никита Богословский у меня вот здесь, — и показал кулак.

— Почему?

И я услышал такую историю.

Однажды Пруту позвонил Павел Лисициан и попросил послушать его концерт, который будет по радио после двенадцати ночи.

— Тебя, — сказал Прут, — я готов слушать и после двенадцати.

Прут сел в кресло и стал слушать. Объявили «Вступление к трем неаполитанским песням» и заиграли мелодию песни «Темная ночь».

Прут тут же позвонил Богословскому и объявил:

— Ты говно.

— Кто это говорит? — спросил спросонья Богословский.

— Весь город говорит. Я только что слушал «Вступление к неаполитанским песням».

А дальше Прут сказал мне:

— Хорошо ему теперь знать, что Прут у него всегда в тылу? Это даже немцам не нравилось.

А это четверостишие Прут сам сочинил и спел в ОДРИ в присутствии Соловьева-Седого на мотив «Хризантем»:

Соловьев, Соловьев, Соловьев ты седой,
Только песни твои вот с такой бородой.
В восемьсот девяносто четвертом году
Отцвели уж давно хризантемы в саду.

В «Имперiale» одна женщина пожаловалась Пруту, что не может здесь спать, поскольку фонари ночью с улицы светят ей прямо в окно.

Прут сказал мне:

— О, это то, что я себе сам сделал в Москве. У нас возле дома не горели фонари. Я позвонил начальнику милиции и сказал ему, что, если мне ночью встретится академик из

соседнего подъезда, я его зарежу.

— Почему? — спросил начальник.

— Я буду думать, что это бандит, а отвечать придется тебе.

— Почему?

— Потому что я знаком с министром МВД, а ты нет.

Вечером все фонари перед домом горели, и никто в доме не мог спать, в том числе и Прут.

Наум Лабковский, переводчик и сатирик, перевел с украинского на русский Остапа Вишню.

Прут сказал: «Перевел с малорусского на еще менее русский».

Память у Иосифа Леонидовича и в восемьдесят пять была потрясающая. Он помнил логарифмы разных чисел и даже число пи до восьмой цифры. Я проверял.

Поэт Рудерман, написавший песню «Тачанка», жил на Тверском бульваре. Пошел на улицу Горького покупать диван. В магазине ему дали тележку, и он повез свой диван на тележке.

В это время улицу Горького оцепили — по ней ехал какой-то высокий гость.

Рудерман подошел к постовому и сказал:

— Я писатель Рудерман. Я купил себе диван.

Милиционер подумал, что это какой-то чокнутый, и отмахнулся от него, послал к капитану.

Рудерман подошел к капитану:

— Вы товарищ капитан? Я писатель Рудерман. Я купил себе диван.

Капитан послал его вместе с диваном. Хорошо, что оцепление через час сняли. Это про Рудермана, который болел туберкулезом, Светлов сказал:

— Если бы не туберкулез, он бы уже давно умер.

Дело в том, что туберкулезникам давали дополнительное питание.

Никита Богословский однажды пришел на собрание композиторов и сказал:

— Я у вас отниму всего одну минуту. — Вынул ноты и спросил: — Кто может сыграть с листа?

Кто-то вышел и по нотам сыграл песню «В лесу прифронтовом».

— Что это? — спросил Богословский.

Все ответили:

— «В лесу прифронтовом» Блантера.

— А теперь прочтите, что написано на нотах. Там стояло: «Вальс из оперетты «Черная пантера». Композитор Имре Кальман».

Дядя Прута умер в Париже в возрасте ста лет.

Когда ему было девяносто восемь, позвонила секретарша врача и стала заполнять анкету: адрес, диагноз, этаж, код и наконец возраст.

Дядя сказал:

— Девяносто семь лет.

Прут спросил:

— Зачем ты соврал, тебе же девяносто восемь.

Дядя ответил:

— Врачи не любят лечить стариков.

Прут на встрече с труппой Карловарского театра рассказывал:

— Меня часто спрашивают, как мне удалось прожить столько лет. Обычно я отвечаю так. Я был женат несколько раз. Каждый раз, женившись, я говорил жене: «Я человек тихий, не скандальный, если ты будешь повышать на меня голос, я тут же уйду на улицу».

Итак, я всю жизнь живу на свежем воздухе.

Прут инсценировал «Театральный роман» Булгакова, который, как известно, не окончен.

В «Театральном романе» есть сцена с пистолетом. Прут с нее начал инсценировку и пистолетом закончил.

Отнес инсценировку жене Булгакова. Она прочла и попросила не отдавать пьесу в театр.

— Почему? — удивился Прут.

— Вы знаете, почему Михаил Афанасьевич не закончил роман?

— Нет.

— Потому что он не мог придумать концовку. А вы придумали, поэтому не надо.

Прут так и не отнес пьесу в театр.

Я спросил Прута:

— Наверное, Михаил Афанасьевич был очень сложный человек?

— Да.

— Обидчивый?

— Нет, он считал, что обижаться — это унижать себя. Я тоже ни на кого не обижаюсь. Человек, равный мне, не может меня обидеть намеренно, а обижаться на неровню не стоит.

Когда о Пруте плохо написала английская газета, лорд Болингброк спросил:

— Почему вы не ответили?

Прут сказал:

— Я вам удивляюсь, ведь вы лорд и знаете, что нельзя драться на дуэли с лакеем.

А однажды Прут сказал мне:

— Надо сделать все, чтобы умереть здоровым.

Я ответил:

— Мне это уже не удастся.

Когда Луначарский ушел с поста министра культуры, на его место назначили начальника Политуправления. А тот поставил во главе реперткома заведующего гаражом.

Прут привел к нему М. Булгакова с новой пьесой. Бывший завгар сказал, что пьеса Булгакова не пойдет, как и все последующие.

— Как это так? — возмутился Прут.

— Атак, — сказал бывший завгар. — Бул Гаков, и нема Гакова.

Восьмидесятилетний Иосиф Леонидович Прут пошел на лекцию о долголетию. Врач Путовкин говорил о средней продолжительности жизни вообще и о том, что у нас она в связи с чудовищным улучшением условий жизни дошла аж до семидесяти лет. Потом почему-то вдруг заговорил о неграх и спросил чисто риторически:

— Ну кто может быть несчастнее безногого нищего негра в США?

— Только безногий нищий негр в СССР, — сказал Прут.

Лектор нервно рассмеялся и кивнул на Прута: — Какой остроумный молодой человек.

Прут победоносно посмотрел вокруг себя. А лектор продолжал говорить о пользе умеренности. О вреде излишеств.

— Вот посмотрите, среди вас сидит молодой человек довольно преклонного возраста. Он наверняка сдержан в своих жизненных проявлениях. Как говорится, «живи просто,

доживешь до ста». Вы курите? — спросил он у Прута.

— Нет, — ответил Прут.

— Вот видите! — обрадовался лектор. — А пьете?

— А как же!

— Но уж наверняка всю жизнь прожили с одной супругой?

— Женат в четвертый раз! — гордо заявил Прут.

— Ну что ж, бывают исключения, — сказал лектор и стал рассказывать о том, что надо каждый вечер пить кефир и есть поменьше мяса.

— Вот наш любезный э-э-э... долгожитель наверняка не ест мяса и обожает кефир.

— Мясо ем каждый день, — сурово сказал Прут, — а кефир терпеть не могу.

Тут лектор потерял терпение:

— Вот вы и выглядите на семьдесят лет.

— Спасибо, — улыбнулся Прут, — мне уже восемьдесят.

Прут ездил во Францию и Швейцарию к своим родственникам и всегда привозил оттуда чемодан лекарств — для всех своих друзей и знакомых.

Однажды, узнав, что у меня нет видеомэгнитофона, он предложил мне чеки. Тогда видеомэгнитофон можно было купить только в «Березке» на чеки. И вот я заехал за ним домой на Аэропорт и повез аж на Сиреневый бульвар, там была «Березка» с аппаратурой.

Мы приехали, а магазин закрыт на учет.

Я долго перед Прутом извинялся и отвез его домой. Больше бы я к нему, конечно же, не обратился. Однако Прутик недели через две сам позвонил и предложил поехать в «Березку». Мы поехали, и я наконец купил себе видеомэгнитофон.

Помню, однажды он вдруг позвонил и спросил:

— У вас все нормально?

— Да так, по-разному, — сказал я, — а почему вы спрашиваете?

— Мне Леночка твоя приснилась, я решил позвонить, справиться.

Как раз в это время Лена попала в больницу.

Чем я ему мог быть полезен? Практически ничем. На его девяностолетие я подготовил поздравление. На сцене ЦДЛ я, пародируя Урмаса Отта, брал интервью у Ельцина и Горбачева, которых изображал пародист Михаил Грушевский. Речь шла, естественно, о Пруте. Он был очень доволен. Это было 18 ноября 1990 года. А в декабре я собрался в Америку. Случайно встретил Прута. Он спросил, где я был за границей. Я сказал, что весной был в Англии.

— И что же ты не сказал?

— А что, — ответил я вопросом на вопрос, — у вас там, конечно же, подруга — королева Английская?

— Нет, — сказал Прут, — герцог Бэкингемский. Между прочим, я единственный не королевских кровей состою в Клубе королей Европы. А куда ты направляешься сейчас?

— В Америку. У вас там тоже кто-то есть?

— У меня там, чтобы ты знал, во-первых, Бел Кауфман, писательница, автор книги «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Ты читал?

— Читал.

— А заодно она внучка Шолом-Алейхема. И, во-вторых, у меня там миллиардер Джон Джонсон (фамилия мною выдумана. — Л. И.). Когда я еду в Швейцарию, он садится на самолет и летит в Европу, чтобы встретиться со мной. Так что приезжай ко мне, я тебе дам к

ним письма.

Я приехал к Пруту, он мне показал фотографию: маленькая девочка сидит на коленях у Шолом-Алейхема.

— Это Бел Кауфман, — сказал Прут.

Он дал мне два письма. Одно к писательнице, другое к миллиардеру.

Приехав в Америку, я не очень-то спешил звонить друзьям Прута, понимая, что им не до меня.

Однажды мой хозяин Джозеф, у которого мы жили, повез нас с женой в магазин Трампа, и там я увидел витрину с бриллиантами. Над витриной висела табличка, на которой было написано имя моего миллиардера.

Я похвалился, что у меня есть к нему рекомендательное письмо.

Джозеф изумился:

— Как, у тебя к нему письмо и ты не звонишь? Сегодня же звони, для меня это очень важно.

Правда, и Джозеф совсем не бедный человек, сам миллионер, но, услышав про этого Джона Джонсона, так разволновался...

На другой день я позвонил Бел Кауфман и Джонсону.

Кауфман, узнав, кто я, тут же радостно закричала:

— Что же вы не появляетесь? Я вас жду. Скажите, как прошел юбилей Онечки? Приезжайте, попьем кофе, поговорим!

Я пообещал вскоре приехать.

Что касается Джонсона, то его, конечно же, не оказалось на месте. Секретарша сказала, что он куда-то улетел. А буквально на следующий день я заболел и провалялся неделю с температурой.

Звонила Бел Кауфман, я перед ней извинился, что не могу приехать.

А этот Джонсон пропал. На что мой Джозеф философски заметил:

— Бедные сами тебя найдут, а богатого никогда нет.

Выздоровев, я поехал на Ниагарский водопад, вернулись мы дня через три. Меня встречал возбужденный Джозеф:

— Слушай, тебя разыскивает этот Джонсон, его секретарша уже три раза звонила. Кто этот Прут, который так всем нужен?

Я перезвонил Джонсону, но он опять куда-то уехал. А мне уже пора было домой. Я не увидел ни Бел Кауфман, ни Джонсона, но мне было приятно, что они так уважительно относятся к Пруту.

В 2000 году вышла книга воспоминаний Прута. Я очень рад, что поспособствовал ее выходу.

Издатели боялись, что книга не разоидется. Кто теперь помнит Прута? Однако я был уверен в успехе. Так оно и получилось. 5000 экземпляров разлетелись буквально в месяц. И не удивительно. Прутик в своей жизни встречался с такими интересными людьми. И сам Иосиф Леонидович был замечательным человеком... Я счастлив, что дружил с ним.

А вы, дорогой читатель, обязательно купите книгу Прута. Она называется «Неподдающийся» и вышла в издательстве «Вагриус».

Прочтите. Не пожалеете.

Где мои 17 лет?

Моисей и Поля. Мама и папа — очень симпатичные люди. И в кого я?

Отчим — Ефим Вениаминович Бабинский

Любознательный с пеленок

Послевоенная худоба

Детский сад

Серьезный...

...и грустный

С учителем Феликсом Канделем

Студенческая миниатюра со Славой Куликовым

Посмотрите какая у меня красивая невеста

А жена еще красивее

«Учащийся кулинарного» на гастролях и одет по той еще моде

Новый год с Борисом Бруновым

А Макаревич был еще с женой Аллой

«Красавцы» в Юрмале

«Вокруг смеха», и мы внутри

С Беллой Ахмадулиной

С Викторией Токаревой

Моя любимая актриса Ольга Яковлева.

А написано: «Ленечка, хоть мы и ссоримся, но я тебя люблю очень и знаю за что!!!»

А на обороте написано: «Лене от обезьяны».

А. Эфрос

Передачи снимаю с 1989 г. «Взрослые и дети» с В. Малезжиком

На даче у Аркадия Хайта с Михаилом Таничем

В Таллине с М. Задорновым и А. Аркановым

No pasaran! Но репризы пройдут

И выглядел на сцене неплохо

И это тоже я

Книг у меня много...

А жена одна

Мы нравимся друг другу, потому и дружим

«Теплая компания:» Михаил Танич, Сергей Михайлов, Юрий Антонов и немного я

М. Галкин хорошо поет, а я хорошо подпеваю

Веселый был человек — Миша Евдокимов

Горжусь, что знаком с этими людьми

С Людмилой Марковной

С Юрием Владимировичем

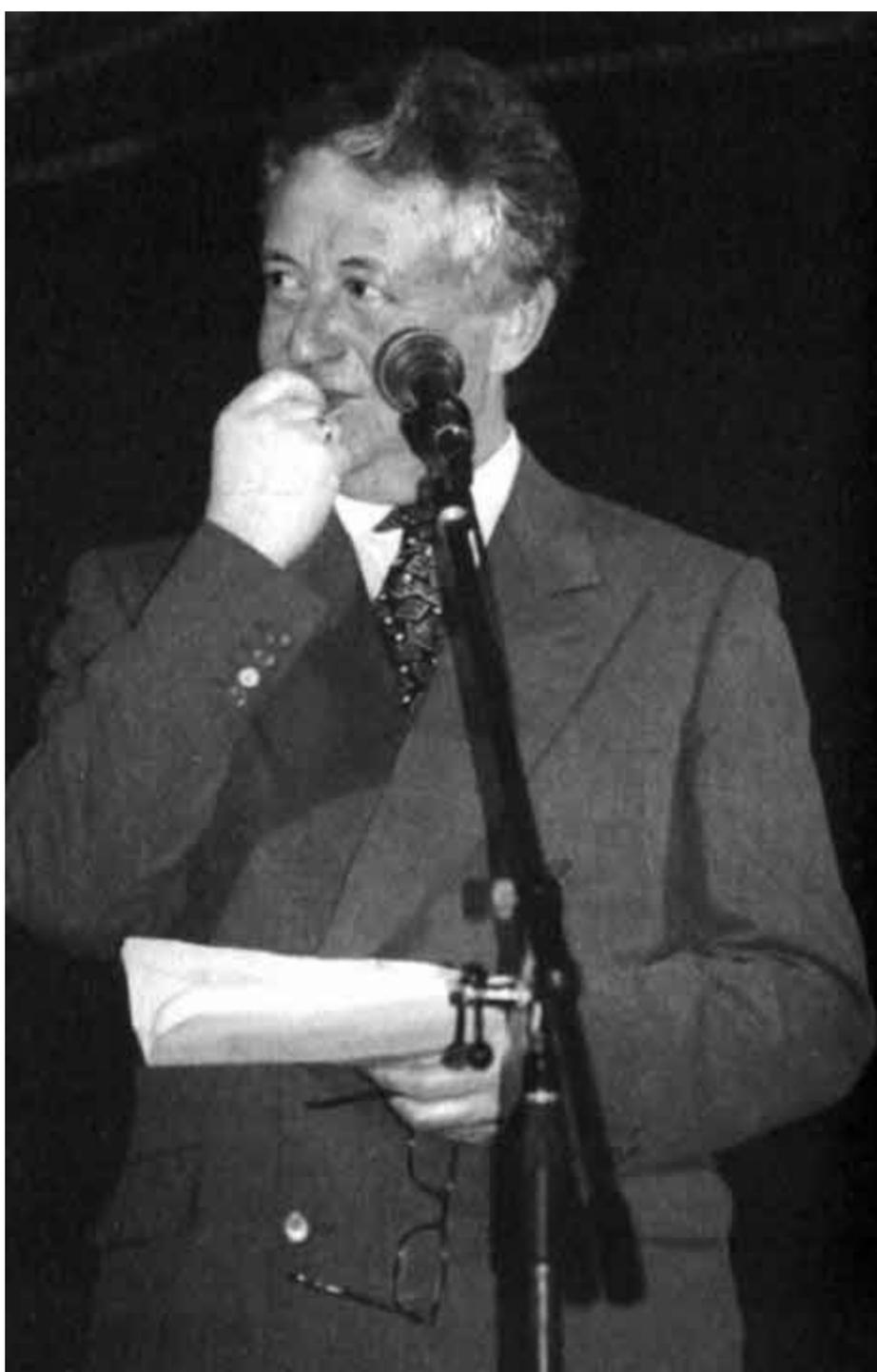
У Левы я был в антураже

У Вовы я был автором

У Фимы я и сегодня сосед

Какое лукавство...

Впереди — я, позади — Норвегия

Только в Израиле можно было в то время познакомиться с Эльдаром Рязановым

На теплоходе — в Японии

Я, жена и пирамиды

Лето, снег, Норвегия и жена Лена

Два орла

Посидим — поокаем

Я когда-то и конным спортом занимался

В Кирилло-Белозерском с народом

Мы со слонихой снимались в «Олигархе»

Подруга моя. Слева — Лариса Рубальская

Ян Грозный — я его боюсь

Олега знаю давно, но ничего плохого о нем сказать не могу

Лена мне нравится по сей день

РФЦ "МАСЛЕНИЦА" представляет
в Концертном Зале "ИЗМАЙЛОВО"
(м. "Измайловский Парк")

5
ОКТАБРЯ

НАЧАЛО:
19-00

ЛИОН ИЗМАЙЛОВ В "ИЗМАЙЛОВО"

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА С ПОПУЛЯРНЫМ
ПИСАТЕЛЕМ-САТИРИКОМ, ПОСТОЯННЫМ
УЧАСТНИКОМ "АНШЛАГА", АВТОРОМ
МОНОЛОГОВ УЧАЩЕГОСЯ КУЛИНАРНОГО ТЕХНИКУМА,
ПИСЬМА БЛИНУ КЛИНТОНУ, МОНОЛОГА "НЕГРА".

АДРЕС: Измайловское ш., 71 Е

СПРАВКИ И ЗАКАЗ БИЛЕТОВ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

234-1261; 166-7973; 166-7835; 166-7844; 248-2134

Библиография

«Хорошее настроение». М.: Советский писатель, 1984.

«Доля истины» *(совместно с Валерием Чудодеевым)*. М.: Искусство, 1986.

«Четыре мушкетера» *(совместно с Виталием Чебуровым)*. М.: Советский писатель, 1989.

«Учащийся из кулинарного техникума и др.». М.: Искусство, 1991.

«Вася! Шашлык!». М.: Благовест, 1995.

«Шут с нами». М.: Крук, 1997.

«Конец света. Или хорошее настроение» *(совместно с М. Задорновым)*. М.: Всесоюзный молодежный книжный центр, 1993.

«Л. Измайлов в золотой серии юмора». М.: Вагриус, 1999.

«Какие люди!», М.: Вагриус, 2000.

«Любвиный Бермудский треугольник». М.: Центрполиграф, 2002.

«Эстрада Is my love». М.: Центрполиграф, 2003.

«Смешная книга». М.: Эксмо, 2005.

«Карнеги по-русски». М.: Эксмо, 2006.

Измайлов Л.
И 37 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 47. — М.: Эксмо, 2006.
— 512 с.: ил.
УДК 82
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7
ISBN 5-699-16591-6 (т. 47)
ISBN 5-04-003950-6

Литературно-художественное издание
Лион Измайлов
АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Том сорок седьмой

Ответственный редактор *М. Яновская*
Художественный редактор *А. Мусин*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home раде: www.eksmo.ru
E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 20.04.2006. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Букмэн». Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 26,88+вкл.
Тираж 8100 экз. Заказ № 3297.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

.....

Советы феицуканам

Если вы хотите, чтобы он
обратил на вас внимание
и все время думал о вас,
займите у него побольше
денег и побольше не отда-
вайте

Если вы хотите, чтобы все
вокруг сходило от вас с ума,
куните себе собаку, пусть
маленькую, но обязательно
бешеную.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Лион Измайлов

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Когда наутро с бодуна встаешь,
Башка трещит, язык как будто ватный, —
Съешь «Сникерс» натошак, и ты поймешь,
Насколько «Жигулевское» приятней!

Л. Измайлов.

ISBN 5-699-16591-6

9 785699 165919 >

Антология Сатиры и Юмора России XX века

notes

ВПСШ — Высшая партийная школа.

Измайловы — в то время группа соавторов.